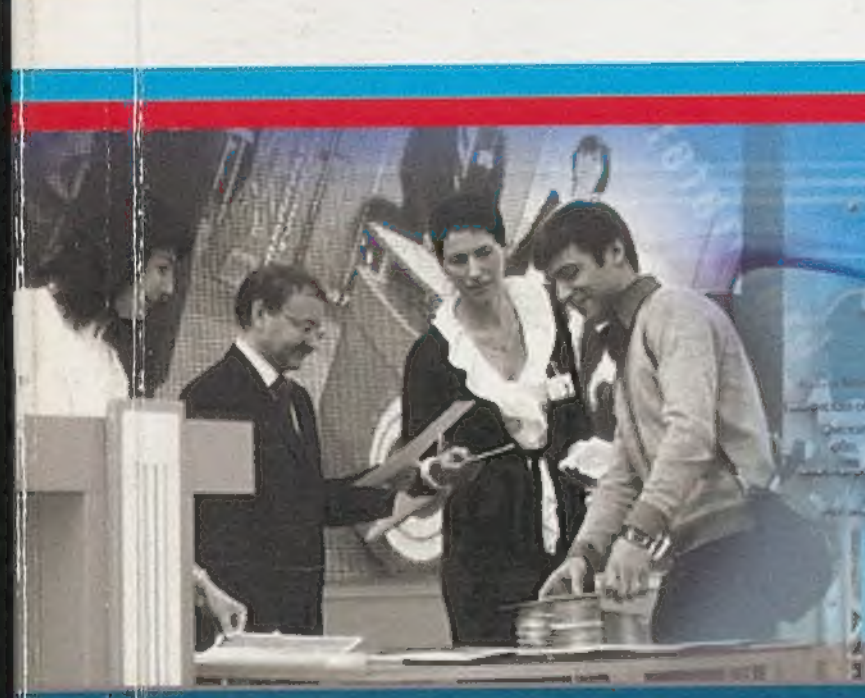
С 5Н ист
Д 571
1Н15215

М.И. ДОБРЫНИНА

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РЕСПУБЛИКАХ СИБИРИ

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС



2011

Листок срока возврата книг

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

132.1

С54кр
Д571

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.И. ДОБРЫНИНА

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РЕСПУБЛИКАХ СИБИРИ: СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС

Научный редактор
И.И. Осинский
доктор философских наук, профессор

Национальная библиотека
Республики Бурятия
МЕСТНЫЙ
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

КХ

1415215

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Улан-Удэ
2011

УДК 316.3
ББК 60.543.132.1
Д 57

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета

Р е ц е н з е н т ы
Г.И. Балханов, доктор философских наук, профессор
Т.Н. Бояк, доктор социологических наук
Ю.Б. Рандалов, доктор философских наук, профессор

Добрынина М.И.

Д 57 **Русская интеллигенция в республиках Сибири**: социальный статус / науч. ред. И.И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 324 с.
ISBN 978-5-9793-0428-1

Монография посвящена исследованию социального статуса русской интеллигенции в республиках Сибири в процессе трансформации российского общества. Раскрывается содержание понятий «интеллигенция» и «социальный статус», анализируются положение и роль русской интеллигенции в годы советской власти, условия и факторы их изменения в процессе трансформации страны. Выясняются статусные позиции русской интеллигенции в социально-экономической, политической и духовной сферах, проблемы социального самочувствия и межэтнической толерантности.

Книга адресована всем, кто интересуется проблемами интеллигенции.

Dobrynina M.I.

Russian intelligentsia in the republics of Siberia: the social status / sci. ed. I.I. Osinskiy. – Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2011. – 324 p.

The monograph is devoted to the study of social status of the Russian intelligentsia in the republics of Siberia in the course of the transformation of Russian society. It analyses the content of the concepts of «intelligentsia» and «social status», examines the status and role of the Russian intelligentsia in the Soviet period, and explores the conditions and factors of change in the context of the transformation of the country. The monograph investigates the status positions of the Russian intelligentsia in the socio-economic, political and ideological spheres as well as the problems related to its social well-being and inter-ethnic tolerance.

This book is addressed to anyone interested in the problems of intellectuals.

ISBN 978-5-9793-0428-1

© М.И. Добрынина, 2011
© Бурятский госуниверситет, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава I. Теоретико-методологические основы исследования социального статуса русской интеллигенции в национально-государственных образованиях Сибири

1. Понятие интеллигенции в философской и социологической литературе 19
2. Социальный статус как интегративный показатель статусных позиций социальной группы в обществе 42
3. Методологические принципы и технология исследования социального статуса русской интеллигенции в республиках Сибири 62

Глава II. Социальный статус русской интеллигенции в годы советской власти. Условия и факторы его изменения в процессе трансформации российского общества

1. Социальное положение и роль русской интеллигенции национально-государственных образований Сибири в советское время 73
2. Основные условия и факторы изменения социального статуса русской интеллигенции в процессе трансформации российского общества 109

Глава III. Статусные позиции русской интеллигенции и основные тенденции их изменения в социально-экономической, политической и духовной сферах

1. Динамика статусных позиций русской интеллигенции в экономической сфере 134
2. Статусные позиции русской интеллигенции в социальной сфере 154
3. Политический статус русской интеллигенции 190
4. Статус русской интеллигенции в духовной сфере 205

Глава IV. Социальное настроение русской интеллигенции как один из показателей социального статуса

1. Основные параметры социального настроения 238
2. Межэтническая толерантность как необходимое условие жизнедеятельности в полиэтнической среде 254

Заключение 282
Литература 287
Приложение 308

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы русской интеллигенции, ее социального статуса в структуре российского общества вызывают повышенный интерес в современной философской и социологической мысли. Это обусловлено, прежде всего, ролью, которую играет русская интеллигенция в судьбе страны, ее регионов, а также влиянием, которое она оказывает на мир в целом. Интеллигенция является главным субъектом духовного производства, основной социальной силой, интеллектуально обеспечивающей происходящие в обществе перемены. Своими знаниями, богатым опытом, способностью продуцирования инноваций, духовно-нравственными качествами она вместе со всем народом добивается прогресса в социально-экономическом, политическом и духовном развитии социума. От ее качества, деятельности, способности предвидения во многом зависят содержание, характер и темпы социальных изменений.

Русская интеллигенция – часть самой крупной нации, является в ней наиболее многочисленной и влиятельной социальной группой в общей совокупности лиц, занятых интеллектуальным трудом.

В силу особенностей исторического развития России, ее административного, национально-государственного устройства и других факторов часть русской интеллигенции является жителями национально-государственных образований Российской Федерации (республик, автономных областей и автономных округов). Ее характеризует высокий уровень умственного, нравственного развития, способность оказывать благотворное воздействие на другие народы. Известный публицист, редактор-издатель ряда ведущих российских газет и журналов М.А. Славинский в 1910 г. писал: «Высокий сравнительно уровень русской культуры и благородные качества русской интеллигенции сыграли весьма важную роль в утверждении государственного единства в национальном сознании недержавных народов России… Литературные, общественные и, что всего важнее

в данном случае, – политические идеалы русской интеллигенции сразу же стали достоянием нарождающихся национальных интеллигенций»[1]. Глубокое положительное воздействие русской интеллигенции народы России ощущают в настоящее время. Вместе с тем интеллигенция этих народов в свою очередь оказывает существенное прогрессивное влияние на творчество русской интеллигенции, жизнедеятельность всего русского населения, проживающего в национально-государственных образованиях страны.

Каждый этап в развитии общества характеризуется определенными изменениями в социальном статусе интеллигенции. Начавшиеся в середине 1980-х гг. перестроечные процессы поставили интеллигенцию, ее национальные группы в центр общественно-политической жизни страны, ее регионов, дали надежду на гуманистическое обновление общества. Были начаты и частично осуществлены демократические преобразования в стране. Разрушены прежние идеологические догмы, отвергнут диктат власти в сфере культуры. Включены в духовную жизнь общества изъятые прежде большие пласты духовной культуры. В последующем в ходе реализации неолиберальной стратегии перехода к рынку произошли кардинальные изменения в статусных позициях интеллигенции, ее облике, структуре, роли в обществе, социальных ценностях, ценностных ориентациях. Подверглись существенной деформации главные сферы деятельности интеллигенции: наука, образование, здравоохранение, искусство, промышленное и сельскохозяйственное производство. Произошло резкое социальное расслоение интеллигенции, падение жизненного уровня преобладающей ее части, в рядах интеллигенции отмечается рост депрофессионализации, а также усиливается процесс вымывания ее из социальной структуры сельского населения. В ряде национальных районов страны обострились межнациональные отношения, вследствие чего часть русской интеллигенции вынуждена была мигрировать в другие регионы страны. Снизился имидж интеллигенции. Произошли изменения в источниках ее пополнения.

Изложенное выше свидетельствует о том, что изучение изменений в социальном статусе русской интеллигенции в национально-государственных образованиях России, обусловленных кардиналь-

---

[1] Славинский М.А. Русская интеллигенция и национальный вопрос // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909-1910. – М., 1991. – С. 417-418.

ными формационными сдвигами в российском обществе, является актуальным.

В современных условиях требуется новое осмысление социального статуса русской интеллигенции в стране в целом и ее национально-государственных образованиях и выработка новых подходов к формированию соответствующей государственной политики, направленной на создание условий для самореализации как русской, так и других национальных отрядов интеллигенции, раскрытия ее профессионального, творческого, духовного, интеллектуального потенциала, что также актуализирует обсуждаемую проблему.

Научный интерес к интеллигенции, в том числе к ее русской части, социальному статусу, функциям, роли в обществе проявлялся на всем протяжении ее существования. Интеллигенция интересует философов, социологов, историков, культурологов и специалистов ряда других отраслей научного знания, о чем свидетельствуют многочисленные труды, посвященные данной социальной группе.

Глубокие мысли об умственном труде, его носителях, значении в жизни социума были высказаны Платоном, Аристотелем, К. Марксом, Ф. Энгельсом, К. Каутским, М. Вебером, А. Грамши, П.А. Сорокиным.

В XIX – начале XX вв. посвятили значительную часть своих трудов русской интеллигенции Н.А. Бердяев, П.Д. Боборыкин, Н.А. Гредескул, Р.И. Иванов-Разумник, М.М. Ковалевский, П.А. Лавров, Н.О. Лосский, П.Н. Милюков, Д.Н. Овсянико-Куликовский, А.В. Пешехонов, И.И. Петрункевич, М.А. Славинский, М.И. Туган-Барановский, Г.П. Федотов и др.[1]

---

[1] Бердяев Н.А. Кризис русской интеллигенции. СПб., 1909; *Боборыкин П.Д.* Жертва вечерняя // Боборыкин П.Д. Соч.:в 3 т. Т. 1. М., 1993; *его же*. Подгнившие «вехи» // В защиту интеллигенции: сб. ст. СПб., 1909; *Гредескул Н.А.* Перелом в русской интеллигенции и его действительный смысл / Вехи: Pro et contra: антология. СПб., 1998. С. 570-610; *Иванов-Разумник Р.И.* История русской общественной мысли: в 3 т. М., 1997; *Ковалевский М.М.* Взаимоотношение свободы и общественной солидарности // Там же. С. 610-633; *Лосский Н.О.* Бог и мировое зло. М., 1999; *Милюков П.Н.* Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903; *Интеллигенция* и историческая традиция // Вехи: Pro et contra: антология. СПб., 1998. С. 633-715; *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Психология русской интеллигенции // Там же. С. 715-737; *Петрункевич И.И.* Интеллигенция и «Вехи» // Там же. С. 555-565; *Пешехонов А.В.* Новый поход против интеллигенции // Там же. С. 122-151; *Славинский М.А.* Русская интеллигенция и национальный вопрос // Там же. С. 737-749; *Туган-Барановский М.И.* Интеллигенция и социализм // Там же. С. 749-771; *Федотов Г.П.* И есть и будет. Размышления о России и революции. Париж, 1932; *его же*. Траге-

Они подвергли анализу само понятие интеллигенции, ее своеобразие, отношение к революции, политике, обществу, культуре. Высказали свое мнение об историческом предназначении интеллигенции, поставили вопрос об интеллектуальной совести. В контексте обсуждения этих проблем особое значение имел выход сборника «Вехи» (1909 г.), авторами которого были Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк[1]. Статьи известных философов, ученых, публицистов, общественных деятелей вызвали бурную дискуссию об интеллигенции, ее оценке исторического опыта общества, своих целей, ценностей, отношений с различными социальными группами, властью.

Поднятые в «Вехах» вопросы продолжали обсуждаться и в 1920-е гг., особенно после издания сборника «Смена вех» (Прага, 1921). Главным вопросом было: продолжать противостоять новой власти или прекратить противостояние? Большевики, победившие в гражданской войне, нуждались в укреплении своей власти, а, следовательно, в поддержке интеллигенции, соглашении с ней. Интеллигенция же в основной массе пришла к осознанию необходимости «пойти в Каноссу», то есть прекратить противостояние, иначе говоря, «сменить вехи». Тем не менее процесс перехода к сотрудничеству с новой властью, изменение прежнего социального статуса интеллигенции происходили трудно, противоречиво.

В дискуссиях об интеллигенции, ее месте в советском обществе принимали участие В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий, А.В. Луначарский. В их выступлениях затрагивались вопросы и о сущности интеллигенции, ее социальной природе. Некоторые считали интеллигенцию своеобразной группой, продающей свою интеллектуальную энергию (А.Б. Залкинд, С.Я. Вольфсон), другие (Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский) видели в интеллигенции самостоятельную часть непролетарских средних слоев общества[2]. В итоге к концу 1920-х гг. возобладала точка зрения на интеллиген-

---

дия интеллигенции // Мыслители русского зарубежья. СПб., 1992.

[1] Вехи: сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1909. – 211 с.

[2] Ленин В.И. О работе наркомпроса // Полн. собр. соч. Т. 42. – С. 322-332; *Бухарин Н.И.* Судьба русской интеллигенции // Печать и революция. 1925. № 3; *Зиновьев Г.Е.* Интеллигенция и революция. М., 1924; *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М., 1991; *Луначарский А.В.* Об интеллигенции: сб. ст. М., 1923; *Залкинд А.Б.* Очерки культурного революционного времени. М., 1924; *Вольфсон С.Я.* Интеллигенция как социально-экономическая категория. М.-Л., 1926.

цию как на «придаток» основных общественных классов. В 1930–1950-е гг. она трактовалась как социальная прослойка, состоящая из людей умственного труда. В 1960-е и последующие годы исследователи неоднократно возвращались к трактовке понятия «интеллигенция» (М.Н. Руткевич, В.С. Семенов, О.И. Шкаратан, С.А. Кугель, Ц.А. Степанян, В.С. Волков и др.). В этот период большое внимание уделялось анализу процесса формирования советской интеллигенции. Были определены три основных канала данного процесса: выдвиженчество, привлечение старой интеллигенции, подготовка новых кадров через систему высшего и среднего специального образования. Анализировались отраслевая, социально-профессиональная структура интеллигенции, вклад в развитие материального и духовного производства, социальные источники пополнения. Эти проблемы нашли свое отражение в трудах П.П. Амелина, В.И. Астаховой, К.Г. Барбаковой, В.С. Волкова, М.Е. Главацкого, М.Е. Добрускина, С.А. Кугеля, С.А. Красильникова, В.А. Мансурова, В.С. Меметова, О.И. Никандрова, И.И. Осинского, Р. Пайпса, М.А. Процько, М.Н. Руткевича, В.С. Семенова, Л.Я. Смолякова, В.Л. Соскина, С.А. Федюкина, Г.Г. Халиулина, О.И. Шкаратана, Р.Г. Яновского и др.[1] Исследовались история, особен-

---

[1] Амелин П.П. Интеллигенция и социализм. Л., 1970; *Астахова В.И.* Советская интеллигенция и ее роль в общественном прогрессе. Харьков, 1976; *Барбакова К.Г., Мансуров В.А.* Интеллигенция и власть. М., 1991; *Волков В.С.* Советская интеллигенция: Краткий очерк истории (1917-1965 гг.). М., 1977; *Главацкий М.Е.* КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. Свердловск, 1974; *Добрускин М.Е.* Интеллигенция в советском обществе. Киев, 1971; *Красильников С.А.* Формирование советской интеллигенции в переходный от капитализма к социализму период. Новосибирск, 1987; *Кугель С.А., Никандров О.И.* Молодые инженеры. М., 1977; *Мансуров В.А., Барбакова К.Г.* Молодой интеллигент развитого социалистического общества. М., 1981; *Меметов В.С.* Защищая Москву. Интеллигенция столицы в период битвы под Москвой. М., 1979; *Осинский И.И.* Формирование социалистической интеллигенции у народов Сибири. Иркутск, 1984; *его же.* Развитие интеллигенции национальных районов Сибири. М., 1985; *его же.* Возрастание роли интеллигенции в совершенствовании социализма. М., 1986; *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1979 (на анг. яз.); *Процько М.А.* О роли интеллигенции в советском обществе. М., 1977; *Руткевич М.Н.* Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М., 1977; *Семенов В.С.* Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977; *его же.* Сфера обслуживания и ее работники. М., 1966; *Смоляков Л.Я.* Социалистическая интеллигенция. Киев, 1986; *Соскин В.Л.* Ленин В.И., революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973; *Соскин В.Л., Красильников А.* Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти (1917 лето 1918 гг.). Новосибирск; *его же.* Си-

ности формирования и развития региональных и национальных отрядов интеллигенции, помощь русской интеллигенции в подготовке национальных кадров. Эти проблемы разрабатывались К. Амановым, И.А. Аргуновым, Н.А. Артамоновой, А.К. Валиевым, Т. Дурдыевым, Ю.Б. Рандаловым, И.А. Соктоевым, Ш.Ю. Тастановым, К.Х. Халзановым, С.Г. Хилтухиной, А.Л. Цыденовой и др.[1]

1990-е гг. положили начало нового этапа в изучении интеллигенции. Традиционная исследовательская парадигма, основанная на марксистской концепции места и роли интеллигенции в общественном развитии, претерпела значительные изменения. Она перестала быть единственной, появились другие подходы, в том числе выработанные философами и социологами русского зарубежья – Н.А. Бердяевым, И.А. Ильиным, П.А. Сорокиным, Г.Ф. Федотовым и др., а также известными западными исследователями – С. Коэном, К. Манхеймом, Р. Пайпсом, Ш. Фитцпатриком, М. Ферро, Д. Байтрау и др. Ряд прежних оценок, теоретических положений, касающихся интеллигенции, подвергся критическому анализу. В частности, поведение интеллигенции в революционную эпоху и политика большевиков по отношению к ней, об исторической ответственности интеллигенции. Важную роль в осмыслении социального статуса интеллигенции сыграли возникшие научные центры по исследо-

---

бирь, революция, наука. Новосибирск, 1989; *Федюкин С.А.* Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965; *его же.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; *его же.* Партия и интеллигенция. М., 1983; *Халиулин Г.Г.* Формирование социалистической производственно-технической интеллигенции в Западной Сибири (1921-1937 гг.). Томск, 1983; *Шкаратан О.И.* ИТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973; *Яновский Р.Г.* Формирование личности ученого в условиях развитого социализма. Новосибирск, 1979.

[1] Аманов К. Производственно-техническая интеллигенция Узбекистана. Ташкент, 1975; *Аргунов И.А.* Социальное развитие якутского народа. Новосибирск, 1985; *Валиев А.К.* Советская национальная интеллигенция и ее социальная роль. Ташкент, 1969; *Дурдыев Т.* Формирование и развитие туркменской советской интеллигенции. Ашхабад, 1972; *Рандалов Ю.Б.* Изменение социальной структуры села национальных районов Сибири в условиях развитого социализма. Новосибирск, 1990; *Соктоев И.А.* Формирование социалистической интеллигенции в Бурятии. Улан-Удэ, 1961; *Тастанов Ш.Ю.* Советский опыт формирования и развития интеллигенции ранее отсталых народов. Алма-Ата, 1975; *Халзанов К.Х.* Формирование и рост советской интеллигенции в автономных республиках Сибири (1917-1964). М., 1965; *Хилтухина С.Г.* К вопросу формирования социально-профессиональных групп интеллигенции Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1978; *Цыденова А.Л.* Основные черты и особенности образа жизни молодой интеллигенции Бурятии. 1980.

ванию данной социальной группы и регулярно проводимые на их базе научные конференции. Такими центрами являются РГГУ в Москве (рук. Ж.Т. Тощенко), СПГУП в Санкт-Петербурге (рук. А.С. Запесоцкий), УрГУ в Екатеринбурге (рук. М.Е. Главацкий), ИвГУ в Иваново (рук. В.С. Меметов), БГУ в Улан-Удэ (рук. И.И. Осинский).

В постсоветские годы изданы труды К.Г. Барбаковой, В.Х. Беленького, А.М. Буровского, А.С. Горожанина, Л.Д. Гудкова, А.А. Данилова, Б.В. Дубина, Э.Б. Ершовой, А.С. Запесоцкого, С.Г. Кара-Мурзы, В.Н. Квакина, С.Н. Комиссарова, В.Ф. Кормера, С.А. Красильникова, В.Я. Куманева, Д.С. Лихачева, В.А. Мансурова, В.С. Меметова, О.Ю. Олейника, А.С. Панарина, В.Л. Соскина, В.С. Степина, Ж.Т. Тощенко, Е.С. Элбакян,[1] в которых в ряде случаев подвергается оценке, переоценке роль интеллигенции в революции 1917 г., в строительстве социализма, рассматривается участие интеллигенции в перестроечных процессах, раскол в ее среде, отношение к власти, народу. Обсуждается проблема «интеллигенция и интеллектуалы», временами ставится вопрос, а есть ли в России интеллигенция? Некоторые стороны социального статуса русской ин-

---

[1] Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия. Курган, 2007; *Беленький В.Х.* Проблемы современной российской интеллигенции. Опыт социологического анализа. Красноярск, 2005; *Буровский А.М.* Вся правда о русских: два народа. М., 2009; *Горожанин А.С.* Об интеллигентности. Иваново, 2001; *Данилов А.А., Меметов В.С.* Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново, 1997; *Гудков Л.Д., Дубин В.Д.* Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб., 2009; *Ершова Э.Б.* Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии (1917-1941 гг.). М., 1994; *Запесоцкий А.С.* Интеллигенция и гражданское общество. СПб., 2002; *Кара-Мурза С.Г.* Интеллигенция на пепелище истории. М., 1997; *Квакин А.В.* Интеллигенция и «первая волна» эмиграции. Тверь, 1994; *Комиссаров С.Н.* Художественная интеллигенция: противоречия в сознании и деятельности. М., 1991; *Кормер В.Ф.* Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура. М., 1997; *Лихачев Д.С.* Об интеллигенции. СПб., 1997; *Олейник О.Ю.* Советская интеллигенция в 30-е годы (теоретико-методологический и историографический аспекты). Иваново, 1997; *Панарин А.С.* Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998; *Покровский Н.Е.* Прощай, интеллигенция // На перепутье: сб. ст. М., 1999; *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб., 2011; *Судьба* российской интеллигенции: сб. ст. // сост. и отв. ред. В.Е. Триодин. СПб., 1999; *Тощенко Ж.Т.* Национальная интеллигенция как источник этократических амбиций // Интеллигенция в обществе риска: сб. ст. под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2003; *Элбакян Е.С.* Место интеллигенции в российской цивилизации. М., 1999.

теллигенции освещаются в работах В.С. Ткачева, А.В. Соколова[1], национальное самосознание, характер русских – в исследованиях А.О. Бороноева, К. Касьяновой, П.И. Смирнова, З.В. Сикевич, Г.Ф. Хохрякова[2]. Так, А.В. Соколов выделяет 12 поколений русской интеллигенции: от древнерусской (XI – середина XIV вв.) до постсоветского поколения начала XXI в., предлагает формулы интеллигентности и интеллектуальности, позволяющие, по его мнению, типизировать интеллигентов и интеллектуалов независимо от их религиозной, гражданской, профессиональной принадлежности. В.С. Ткачев исследует общественные и индивидуалистические идеалы русской интеллигенции XVIII – нач. XX вв. Отдельные значимые аспекты социального статуса интеллигенции нашли свое отражение в работах Ю.Ф. Абрамова, Е.В. Астаховой, А.А. Елаева, В.А. Балханова, А.О. Бороноева, В.А. Барьядаевой, Б.В. Базарова, В. Брыневич, Э.Д. Дагбаева, З.А. Даниловой, В.В. Гаврилюк, В.И Затеева, Л.Н. Когана, О.Н. Козловой, В.Ф. Левичевой, В.В. Мантатова, А.Ю. Мацкевича, Т.Н. Осташко, Л.И. Пыстиной, Г.Л. Санжиева, П.Ю. Сауха, Л.С. Сысоевой, Ц.Ц. Чойропова, Н.А. Чукреева, К.Х. Ханазарова и др. Региональные и национальные стороны места и роли интеллигенции исследовались на материалах Сибири, ее национальных регионов, а также Монголии и Китая. По результатам этих исследований были написаны и защищены кандидатские диссертации М.Ю. Агафоновым, Д.Н. Александровой, М.С. Алексеевой, О.Д. Асалхановой, Ч.-М.-Х. Бавуу, А.В. Бильтриковой, П.Г. Бороноевым, А.А. Буркиной, А.О. Гераськовой, С.М. Гороховым, П.Г. Данзановым, М.И. Добрыниной, В.В. Затеевым, Г.И. Зимиревым, Л.И. Ивановой, Е.В. Матвеевой, Е.В. Назаровой, Н.В. Овсейчик, Л.С. Окаиной, Н.И. Окуневой, М.А. Полутовой, Ю.С. Ринчиновой,

---

[1] Русская интеллигенция: история и судьба. М., 1999; *Ткачев В.С.* Идеалы русской интеллигенции. Сравнительный анализ общественной мысли России XVIII-нач. XX веков. - Иркутск, 1999; *Соколов А.В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб., 2007; *его же*. Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009; *Русские* в Бурятии: история и современность / отв. ред. В.И. Затеев. Улан-Удэ, 2002.

[2] Бороноев А.О., Смирнов П.И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. СПб., 2001; *Касьянова К.* О русском национальном характере. Екатеринбург, 2003; *Трощкий Е.С.* Русская нация: социалистические преобразования и обновление: социально-философские очерки. М., 1989; *Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских (социологический очерк). М., 1996; *Хохряков Г.Ф.* Русские, кто мы? М., 1993.

Ч.М. Таксами, Д. Улзийсайханом, К.Ю. Хандархаевым, В.С. Ханташкеевым, Н.В. Шемякиной и др., в которых были рассмотрены национальные, профессиональные характеристики интеллигенции, социальное положение, роль в жизнедеятельности своих регионов, национально-государственных образований, проблемы качества и источников пополнения. Анализировалось социальное поведение интеллигенции, студенчества.

Таким образом, проведенный обзор исследований показывает, что в научной литературе различные стороны социального статуса интеллигенции разработаны и освещены достаточно широко. Вместе с тем со всей ответственностью можно утверждать, что в существующих работах недостаточно представлена русская интеллигенция, ее социальный статус. К сожалению, приходится констатировать, что проблемы русской интеллигенции в российском обществе не стали предметом глубокого научного анализа. Отсутствуют исследования о положении русской интеллигенции, ее роли в социуме, ее социальной структуре, тенденциях развития. По существу вне поля зрения ученых оказалась русская интеллигенция и в национально-государственных образованиях Российской Федерации, в том числе крупнейшего Сибирского региона. Общество не располагает научными данными о социальном статусе русской интеллигенции, ее социальном положении, перспективах развития, самочувствии, роли в интернациональном сплочении народов полиэтнических регионов. Свидетельством этого является отсутствие специальных работ, посвященных данной социальной группе. Научное осмысление статуса русской интеллигенции, то есть ее места в экономической, социальной, профессионально-образовательной, политической, культурной сферах, получение новой информации о ее количественных и качественных характеристиках, тенденциях развития, потребностях, интересах, социальном настроении представляется настоятельной необходимостью.

Цель данного исследования заключается в определении социального статуса русской интеллигенции в национально-государственных образованиях России на основе исследования статусных позиций в экономической, социальной, политической и духовной сферах, а также определение факторов, механизмов и тенденций его изменения на современном этапе развития российского общества.

Достижение поставленной цели обусловило необходимость постановки и решения следующих задач:

- определить основные философские и социологические подходы к исследованию проблемы русской интеллигенции, проанализировать содержание данного понятия (интеллигенция) в отечественной и зарубежной литературе;

- раскрыть место русской интеллигенции в социальной структуре современного российского общества, его национально-государственных образований;

- разработать теоретико-методологические принципы и технологии исследования социального статуса русской интеллигенции в республиках Сибири;

- раскрыть условия и факторы изменения социального статуса русской интеллигенции в сибирских национально-государственных образованиях;

- выявить основные статусные позиции русской интеллигенции в экономической и социальной сферах автономий Сибири и проследить их изменения в процессе трансформации российского социума;

- определить статус русской интеллигенции в политической и управленческой областях национально-государственных образований Сибири;

- раскрыть основные статусные позиции русской интеллигенции в духовно-нравственной сфере сибирских республик и проследить их изменения в современных условиях;

- выявить и проанализировать роль русской интеллигенции в межэтнических отношениях национально-государственных образований Сибири, в укреплении взаимосвязей между русской и титульными нациями;

- исследовать социальное настроение и социальное самочувствие русской интеллигенции республик Сибири.

Теоретической основой исследования явились критически осмысленные идеи и концепции отечественных и зарубежных основоположников социологии, философии, политологии, психологии, а также современных ученых, раскрывающих проблемы, относящиеся к предмету данного исследования. Автор опирался на теоретические положения К. Маркса, М. Вебера, Э.Дюркгейма, П. Сорокина, В.И. Ленина, Д. Лихачева о социальной структуре общества, месте и роли интеллигенции, ее природе. Использовались идеи Т. Парсонса, Р. Мертона, К. Дэвиса о социальном статусе, роли и престиже.

Методологическую основу составили: диалектический метод, объективирующий оценки всей совокупности анализируемых в работе явлений, взятых в многообразии их противоречивых отношений, взаимосвязи и динамики; системный подход и структурный анализ, включающие в себя принципы целостности, системной организации и структурности. Большое значение для исследования имели общенаучные методы познания – анализ, синтез, типологизация, сравнение. Применялся также исторический метод. Кроме того, социологическое исследование требовало использования собственно социологических методов, в числе которых применялись анкетный опрос, полуформализованное и неформализованное интервью, биографический метод.

Информационной базой исследования послужили материалы Всесоюзной и Всероссийской переписей населения 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., данные федеральной, региональной государственной статистики, эмпирических исследований, газетные и журнальные публикации, материалы из сети Интернет, личные наблюдения автора.

Эмпирическую базу исследования составили материалы прикладных социологических исследований, проведенные в период 1995-2011 гг. под руководством профессора И.И. Осинского, в которых автор, за исключением первого исследования, выступал в качестве непосредственного участника:

1) май-октябрь 1995 г. Социологический опрос интеллигенции Республики Бурятия. Тема «Социальное положение, интересы и самочувствие интеллигенции». Объем выборки составил 861 чел. Использовалась многоступенчатая выборка, охватившая различные поселенческие, отраслевые, профессиональные и квалификационные группы интеллигенции;

2) 2000 г. Тема социологического опроса – «Специалист и его работа». Было опрошено 700 чел., представлявших собой основные группы специалистов (инженеры, управленцы, учителя, врачи, преподаватели вузов, юристы, журналисты и др.). Использовалась многоступенчатая выборка с применением гнездовой. Из генеральной совокупности методом систематической случайности были определены гнезда (предприятия, организации). Внутри гнезд отбор проводился по принципам простой выборки. Если «гнезда» были относительно крупными, то опрос проводился методом квотной выборки. В небольших «гнездах» опрос был сплошным;

3) 2004 г. Социологический анкетный опрос интеллигенции Республики Тыва. Тема опроса «Русская и тувинская интеллигенция: социальный статус». Выборка составила 818 чел., из них 257 русских, 561 тувинец, представлявших различные профессиональные, демографические, поселенческие, квалификационные, национальные группы. Опрос проводился в коллективах 144 предприятий и организаций г. Кызыла и пяти районов: Тоджинского, Тес-Хемского, Барун-Хемчикского, Кызылского, Пий-Хемского.

4) 2005 г. Социологический (анкетный) опрос интеллигенции Республики Саха (Якутия). Тема «Русская и якутская интеллигенция: социальный статус». Выборка составила 507 чел., из них 144 русских, 363 якута.

5) январь – май 2011 г. Тема социологического опроса «Русская и бурятская интеллигенция: социальный статус». Объем выборки – 995 чел.

Научная новизна исследования состоит в доказательстве того, что:

1. Интеллигенция – социальная группа, члены которой функционально заняты сложным умственным трудом и обладают общепризнанными развитыми культурно-нравственными качествами. Критериями выделения интеллигенции в особую социальную группу являются: 1) функциональная связь со сложным умственным трудом; 2) наличие общепризнанных развитых культурно-нравственных качеств. Русская интеллигенция национально-государственных образований Сибири – это один из национальных отрядов интеллигенции этих образований, включающий в себя представителей русской нации. Она не является чем-то отдельным, обособленным от остальной части интеллигенции сибирских республик.

2. Основными детерминантами изменения социального статуса русской интеллигенции являются: в экономической сфере – разгосударствление и плюрализация общенародной собственности на средства производства; специфические методы приватизации, сопровождавшиеся ростом коррупции и криминала, переход к рыночным отношениям; в социальной – кардинальные изменения в сфере распределительных отношений, рост социального расслоения общества, падение жизненного уровня преобладающей части интеллигенции; в политической – ликвидация советской, формирование новой политической системы, включающей в себя государство с его многочисленными органами, политические партии, общественные организации, муниципальные органы управления, развитие демо-

кратии; указанные изменения сопровождались сменой политических элит, включающей в себя значительную часть интеллигенции; в духовной – изменения в области идеологии, ослабление, а в ряде случаев разрушение материальной базы культуры. Видоизменение некоторых других институциональных форм ее существования, что оказало заметное влияние на социальный статус интеллигенции.

3. По сравнению с советским периодом произошло снижение социального статуса преобладающей части русской интеллигенции национально-государственных образований Сибири. По своему материальному положению советская интеллигенция была практически однородной и в основной массе соответствовала статусу среднего класса. Являясь внутри единой социальной группой, служила интересам народа, была уверена в завтрашнем дне. К концу XX в. и в первое десятилетие XXI в. она оказалась иерархически ранжированной общностью. Произошла внутренняя дифференциация по экономическим, социальным, политическим, престижным показателям. Ее абсолютное большинство не получило собственности прежнего общества, не имело и не сделало накоплений в 90-е годы. У преобладающей части оказалась утраченной уверенность в своем будущем.

4. Русская интеллигенция автономий Сибири в прошлом и в настоящее время занимала и занимает доминирующее положение в сфере материального производства (промышленность, строительство, транспорт, связь). Однако в связи с сужением данной сферы в процессе реформирования экономики (закрытие, перепрофилирование многих предприятий, роспуск колхозов, совхозов) произошло снижение ее экономического и социального статуса по сравнению с предыдущим периодом. Резко возросло количество безработных, частично занятых в среде ИТР и сельскохозяйственных специалистов, перемещение их в сферу бизнеса и коммерцию.

5. Снизилось участие, как русской, так и титульных наций в сфере политической и управленческой деятельности национально-государственных образований. В органах же государственной власти и их структурных подразделениях доля лиц русской национальности несколько ниже доли русских в населении автономий Сибири.

6. Произошло падение социального статуса русской интеллигенции, занятой в духовной сфере (учителя, культурно-просветительные работники, преподаватели вузов, ученые и др.). В основе этого падения – резкое снижение жизненного уровня. Воз-

1415215

17
Республики Бурятия
МЕСТНЫЙ
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ

никло социальное противоречие между провозглашенным статусом работников, занятых в этой сфере (учителя, ученого, библиотекаря, артиста и др.) и несоответствием престижа, дохода, что ведет к сокращению притока молодых специалистов в указанные сферы.

7. Отрицательную роль в качественном пополнении интеллигенции играет новая форма формирования студенческого контингента. В начале 90-х гг. был утрачен сложившийся в советский период механизм обеспечения притока в вузы детей из разных социальных классов, что обеспечивалось особым порядком набора в вузы. В настоящее время учиться в вузе имеет возможность преимущественно те, кто обладает определенными финансовыми возможностями, но не всегда стремлением получить хорошие знания.

8. Социальный статус русской интеллигенции национально-государственных образований Сибири во многом детерминирован ее духовно-нравственными качествами (глубоким гуманизмом, любовью к родине, служением народу и др.), сыгравшими огромную роль в укреплении доверия, сотрудничества, взаимопомощи, в утверждении государственного единства. Русская интеллигенция сыграла большую роль в становлении и развитии национальной интеллигенции автономий Сибири. Вместе с тем, русская интеллигенция испытывала и испытывает на себе большое влияние национальных культур народов Сибири, заложенных в этих культурах духовно-нравственных ценностей. Интеллигенция народов Сибири оказывает благотворное воздействие на творчество русской интеллигенции.

Научно-практическая значимость исследования состоит в возможности использования его основных положений и выводов для осмысления проблем русской интеллигенции, русского населения в целом, его сотрудничества с другими народами, создания более крупных обобщающих работ, посвященных русской интеллигенции и интеллигенции других народов России.

Полученные результаты могут быть учтены в управленческой деятельности в области регулирования социальных процессов. При выработке и реализации концепций и программ межнационального культурного сотрудничества, как в масштабах отдельного региона, так и страны в целом. Они также могут быть полезными при написании учебных пособий, чтении спецкурсов по интеллигентоведению, проведении эмпирических исследований, посвященных интеллигенции, ее социальному статусу, а также в краеведческой работе образовательных и культурно-просветительных учреждений.

ГЛАВА I ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ СИБИРИ

1. Понятие интеллигенции в философской и социологической литературе

Исследование социального статуса русской интеллигенции предполагает предварительное выявление сущности и содержания понятия «интеллигенция». Интеллигенция занимает важное место в социальной структуре современного российского общества. По своим социальным характеристикам она представляет собой социальную группу, образующуюся из представителей умственного труда. В процессе развития общества растет ее численность, изменяется место и роль в общественной жизни.

Термин «интеллигенция», по мнению Л.Я. Смолякова, берет свое начало в греческом языке. Первоначально этот термин характеризовал процесс познания человеком объективного мира природы и самого себя. В греческом корне слова «νεηεσα» обозначена завершенность отдельного нечто, во всеобщем значении завершенность мира, а, следовательно, человека и его сознания[1]. Из греческого языка понятие интеллигенции перешло в первом столетии до н.э. в латинский язык, а затем вошло в другие европейские языки и стало использоваться для определения высших социальных групп, обладавших известным образованием и претендовавших на управление государством. В процессе исторического развития содержание понятия интеллигенции изменялось, утрачивались какие-то его качества, при этом приобретались новые.

В социологический литературе появление интеллигенции, как широкого социального слоя, состоящего из образованных людей, профессионально занятых умственным трудом, часто связывается с капитализмом. Однако интеллигентные люди появились еще в античном мире, в эпоху зарождения классовых обществ. Этих людей

---

[1] Смоляков Л.Я. Социалистическая интеллигенция. Социально-философский анализ. – Киев, 1986. – С. 10.

называли «светочем знаний». Их возникновение было связано с общественным разделением труда и появлением классов.

С разделением труда на материальный и духовный возникли социальные группы, присвоившие себе монополию на государственное и общественное управление и эксплуатировавшие подавляющее большинство, занятое физическим трудом. Первой такой группой явились жрецы, выполнявшие идеологические, мировоззренческие, хозяйственные функции. С возникновением письменности многочисленной группой, занятой в сфере духовного производства стали писцы, переписчики и переводчики. Функции передачи накопленных знаний и методов деятельности выполняли учителя. Сформировались и небольшие группы воспитателей, врачей, художников и др. В целом же в рабовладельческую эпоху непосредственно духовным производством занимались представители господствующего класса, в меньшей степени лица свободных профессий и рабы.

При феодализме развитие духовного производства усилило процесс дифференциации интеллектуальной деятельности. На научном, техническом, художественном поприще все более заявляли о себе «выходцы из народа». Из этой среды выдвигались и идеологи народных движений. Монополия имущих классов на умственный труд все больше разрушалась, и, тем не менее, интеллектуальная деятельность продолжала носить элитный характер и оставалась привилегией преимущественно правящих классов. Трудящимся массам по-прежнему выпадало непосредственное производство материальных благ, физический труд.

С развитием капиталистического способа производства произошло дальнейшее углубление общественного разделения труда. Рост производительных сил, усложнение задач управления обществом увеличивали потребность в работниках умственного труда. Решение этой задачи было обусловлено развитием государственных структур, образования, здравоохранения, средств коммуникации, возрастание роли науки. Наряду с традиционными видами деятельности широко распространялись новые профессии, такие как, инженеры, техники, экономисты. Важно отметить, что при капитализме изменились социальные источники пополнения интеллектуальных профессий. Ими наряду с владельцами собственности на средства производства все больше становились лица, не владевшие частной собственностью. Источником средств существования этой группы

трудящихся является умственный труд, ставший их профессиональным занятием.

В эпоху развития капитализма, с перерастанием его в монополистический, а затем и в государственно-монополистический, интеллигенция все больше включается в систему капиталистических отношений, теряет относительную независимость. Представители «свободных профессий», составлявшие основную массу интеллигенции, в большинстве своем утратили прежние социальные позиции и возможность распоряжаться условиями собственного труда. «Буржуазия, – писали К.Маркс и Ф.Энгельс, – лишила священного ореола все роды деятельности, которые до сих пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников»[1]. В то же время интеллигенция является социально неоднородной группой, объединенной по признаку специфики труда, так как выражает интересы различных классов и общественных групп. «Буржуазная интеллигенция» и «интеллигенция буржуазного общества» имеют довольно четкое разграничение. В первом случае имеется в виду часть работников умственного труда, обосновывающая и защищающая интересы буржуазии, во втором случае – вся интеллигенция капиталистической общественно-экономической формации независимо от социальной направленности ее деятельности.

Неоднородная по социальному происхождению, «многослойная» интеллигенция подразделяется на множество групп, отличных друг от друга по общественному, служебному, материальному положению. В идейном отношении различные группы интеллигенции выражают интересы общественных классов и основных внутриклассовых слоев. «Всякий класс, – писал В.И. Ленин, – вырабатывает свою собственную интеллигенцию», поэтому «состав интеллигенции» обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей»[2].

Итак, понятие «интеллигенция», как социальный слой, обязано своим происхождением в основном капитализму. Поскольку в докапиталистическую эпоху, хотя и существовало разделение труда на физический и умственный, незначительный спрос на умственный

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. – С. 427.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.1. – С. 305.

труд удовлетворялся преимущественно за счет господствующих классов. И только капиталистический строй расширил потребность в умственной деятельности, как в сфере материального производства, так и самого духовного производства и выдвинул по существу новую, массовую, социальную группу -- не просто занимающуюся умственным трудом, но и существующую за его счет.

В России слой образованных людей начинает формироваться в эпоху Петра I, становясь массовым лишь во второй половине XIX в. В 40–60-е гг. того же столетия понятие «интеллигенция» появляется в российском лексиконе. Вначале его содержание было довольно многозначно. Тем не менее, в основном им назывались люди, относящиеся к высшим слоям общества, образованное чиновничество.

Так, известный писатель, почетный академик Петербургской академии наук П.Д. Боборыкин[1], в 1909 г. писал: «Для меня (да и для всех, кто смотрит на дело трезво и объективно) под «интеллигенцией» надо разуметь высший образованный слой нашего общества, как в настоящую минуту, так и ранее, на всем протяжении XIX и даже в последней трети XVIII вв.». В энциклопедическом словаре Гранат (1890--1907 гг.) интеллигенция определяется, как «представители умственной культуры, люди, профессия которых определяется их знаниями и дарованиями»[2]. В Малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1907 г.) значится, что интеллигенция – «образованные, умственно развитые классы общества, живущие интересами политики, литературы и искусств». В этих дефинициях отсутствуют какие-либо профессиональные или сословные ограничения: подразумевается, что любой образованный дворянин, чиновник, священник может именоваться интеллигентом. Не предъявляются и этические требования, достаточно обладать двумя признаками: образованностью и разумностью. Однако далеко не все образованные и умственно развитые люди пореформенной России считали себя интеллигентами. Например, дворянская знать, генералитет, духовенство никак не отождествлялись с интеллигенцией.

Вместе с тем рост освободительного движения в России, развитие капиталистических отношений детерминировали изменения в понимании интеллигенции. Наряду с трактовкой интеллигенции как

---

[1] Боборыкин П.Д. Подгнившие «Вехи» // В защиту интеллигенции: сб. статей. – СПб., 1909. – С. 59-61.

[2] Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. – Т. 22. 1890-1907 гг. – С.59.

образованного слоя общества в 30-е годы появляется другая трактовка этого термина. Понятие «интеллигенция» наполняется другим содержанием. В условиях, когда поднимающаяся буржуазия еще не обрела своего массового самосознания, выдвигается слой людей, который взял на себя выражение общественных потребностей в политической, экономической, социальной, культурной модернизации российского общества.

Социальная и нравственная значимость личности, определенный тип мировоззрения были отправной точкой в новом понимании интеллигенции, которое стало широко употребляться в конце XIX, а также в XX вв. в России. По выражению Д.Н. Овсянико-Куликовского выделились интеллигенты идеологического типа или интеллигенты-идеологи. «В силу неизбежной дифференциации, – писал Д.Н. Овсянико-Куликовский, – уже в 20-х и 30-х гг. интеллигенция разделилась на две части: одна принимала непосредственное и активное участие в создании и разработке идеологии, другая либо стояла в стороне от движения умов, либо вовлекалась в идеологическую деятельность случайно и временно»[1]. Безусловно, не все интеллигенты объединялись в кружки «ищущих и мыслящих людей» – создателей идеологий. Однако, вклад в духовную жизнь России, интеллигентных людей, стоящих за их пределами, был не менее значителен. Дифференциация интеллигенции сохранилась и в последующие годы, о чем свидетельствует появление в 40-х годах «кающихся дворян», в 60-х гг. – «разночинцев», в 70–80-х – «народников», в 90-х - марксистов, а также других групп, течений освободительного движения. Для этих групп были характерными резко выраженная идейная и эмоционально-волевая направленность их деятельности. Понятие «интеллигенция» все больше приобретало социально-философское, идеологическое звучание. Интеллигенты-идеологи, поднявшись на волне политических бурь, выступали выразителями интересов народа. В то же время, называясь идеологами, они обособлялись от тех представителей «образованного класса», которые мало участвовали в идейно-политических событиях или не участвовали вообще. И присваивали себе право именоваться интеллигентами, отказывая в этом остальным лицам интеллектуального труда. Не случайно М.И. Туган-Барановский писал, «под

---

[1] Овсянико-Куликовский Д.Н. Психология русской интеллигенции // Вехи. Интеллигенция в России. 1909-1910. – М., 1991. – С. 399.

интеллигенцией у нас обычно понимают не вообще представителей умственного труда, а преимущественно людей определенного социального облика. Интеллигент – отщепенец и революционер, враг рутины и застоя, искатель новой правды»[1]. Раскрывая черты, присущие русской интеллигенции, П.Б.Струве отмечал: «Идейной формой русской интеллигенции является отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему»[2].

Личностный подход в определении интеллигенции культивировали народники Р.В. Иванов-Разумник, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский. П.Л. Лавров писал об интеллигенции как о группе «критически мыслящих личностей, работающих на благо общества, стремящихся к умственной переработке среды»[3]. Другие авторы отмечали идейную беспочвенность, народолюбие, революционный романтизм, делая акцент на моральные критерии и нравственные ценности.

Подобная трактовка интеллигенции нередко вызывала протест в среде самой интеллигенции. Упоминавшийся нами П.Д.Боборыкин после выхода в свет «Вех» с возмущением писал, что «авторы «Вех» придают этому термину (действительно, мною пущенному в русскую журналистику в 1866 году) совсем не то значение, какое я придавал ему, когда защищал «русскую интеллигенцию» от тогдашних ее обличителей, – в начале XX века»[4].

Подчеркивая, что под интеллигенцией, как уже нами отмечалось, надо разуметь высший образованный слой нашего общества, П.Д. Боборыкин пишет: «А по уверению некоторых авторов сборника, выходит, что к «интеллигенции» нельзя причислять ни Тургенева, ни Достоевского, ни Толстого (когда он не был еще вероучителем), ни одного из русских знаменитых писателей!..» Здесь же автор спрашивает: «Но разве это не совершенно произвольно?».

Приведенные нами точки зрения о содержании понятия «интеллигенция» в досоветской России свидетельствуют о неоднозначной его трактовке. При этом сложились в основном два подхода к рас-

---

[1] Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм // Вехи. Интеллигенция в России. 1909-1910. – М., 1991. – С. 431.

[2] Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Там же. – С. 139.

[3] Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения: в 2-х т. – М., 1965. – Т.2. – С. 106-107.

[4] Боборыкин П.Д. Подгнившие «Вехи» // Вехи: PRO ET CONTRA. Антология. СПб., 1998. – С. 201.

смотрению данного термина. Один из них требовал видеть в интеллигенции образованных людей, занятых умственной деятельностью, другой – прежде всего идеологов, борцов за правду, за интересы народа, оппозиционеров власти, противников застоя, рутины.

Сторонники первого подхода видели в русской интеллигенции те же черты, которые были присущи интеллигенции других народов. Представители другого подхода в трактовке интеллигенции рассматривали русскую интеллигенцию как уникальное явление, обладающее своими специфическими, только ей присущими чертами.

Естественно, возникает вопрос: была ли русская интеллигенция чем-то особым, нигде больше не встречающимся, кроме России?

Анализ литературы, изучение отечественных и зарубежных источников позволяют утверждать, что это явление выходит за национальные рамки, что интеллигенция не является сугубо российским феноменом. Она как социальная группа является элементом социальной структуры любого цивилизованного общества.

«Интеллигенция вовсе не есть явление специфически русское, – подчеркивал крупный исследователь истории интеллигенции России П.Н. Милюков, – ведь и в других странах интеллигенция, как отдельная общественная группа, возникала, как только рост культуры или усложнение общественных задач вместе с усовершенствованием государственно-общественного механизма и демократизации управления создавали потребность в специализации и профессиональной группировке интеллигентского труда. И эволюция интеллигентского духа в других странах представляет ряд любопытных аналогий с нашей историей»[1]. При этом автор ссылается на опыт Германии и Франции. Интеллектуальная атмосфера последней в канун революции была схожа с российской. В России, как и во Франции, были и масонство и кружковщина, выступления от имени и в интересах народа, одержимость общими идеями, неприятие инакомыслия и т.д.

Русский писатель П.Д. Боборыкин, долгое время проживший в Европе, пришел к выводу, что российскую интеллигенцию отличает только народность. По отношению же к правительствам и полити-

---

[1] Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. 1909-1910. – М., 1991. – С. 297.

ческим идеям российская интеллигенция имеет сходство с западной.

Против утверждения об уникальности интеллигенции в России аргументированно возражает известный американский историк Р. Пайпс[1]. Опираясь на исследования Ф. Тенниса, В. Парето, А. Токвиля, О. Кошена, он пришел к выводу, что интеллигенция – явление интернациональное, присущее не только российскому обществу, но также и другим странам. На интернациональный характер рассматриваемой социальной группы указывает и Д.Н. Овсянико-Куликовский[2].

Говоря о наличии у русской интеллигенции общих сущностных признаков, присущих и интеллигенции других народов и не зависящих от национальной и государственной принадлежности, следует подчеркнуть, что русская интеллигенция имела свои особенности, придававшие ее облику черты самобытности и неповторимости. Как отмечает А.В. Соколов, русские интеллигенты отличаются от французских, китайских, японских и любых других интеллигентов не содержанием своего труда, образованностью, креативностью, этическими качествами, а национальным характером и национальным темпераментом, то есть этнической психологией[3]. Сущность же интеллигенции как социального явления у разных народов является общей – непосредственная связь с духовным производством, обладание высокими интеллектуальными и духовно-нравственными качествами. В этой связи нельзя не согласиться с В.С. Меметовым, утверждающим, что интеллигенция разных эпох и народов имела и имеет свои специфические черты, но при этом в ней проявляется тот общий тип носителя культуры, корни которого можно отыскать и в средних веках, и в более древних пластах истории[4].

В отечественном и зарубежном обществоведении интеллигенция, как научное понятие, трактуется весьма неоднозначно.

---

[1] Pipea Richard. The Russian Revolution. Alfred A.Knopf, Publfisher, N.Y., 1991. Перевод М.Д. Тимченко // США. Экономика, политика, идеология. - 1993. - № 6.

[2] Подробно об этом: Осинский И.И. К истории разработки понятия «интеллигенция» // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. 5 Вып. 1. Улан-Удэ. 1997. – С. 124 -127.

[3] Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. – СПб., 2009. – С. 87.

[4] Меметов В.С. О проблеме дефиниций: от понятия «интеллигенция» к «прединтеллигенции»: постановка вопроса // Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики: тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. – Иваново, 1996. – С. 6

На Западе оно чаще рассматривается как синоним познавательной способности человеческого разума, интеллекта. Об этом писал еще Н.А. Бердяев, указывая на то, что там смешивают понятие «интеллигенция» с понятием «интеллектуалы». Действительно, многие авторы отождествляют эти понятия, с чем трудно согласиться.

До XVIII в. интеллектуалом в современном смысле оказывался любой грамотный человек. Образованные мужчины назывались грамотеями-книжниками (англ. man of letters, букв. «человек букв»). Термин «грамотей» указывал на различия обученных письму и неграмотных, что являлось важным социальным аспектом при малой распространённости грамотности. С конца XVIII в. число грамотных в Европе значительно увеличилось; выражение «человек букв» приобрело более узкое значение, связанное с деятельностью критиков и журналистов, реже – писателей. Этот вид деятельности в XX в. стал более академичным, а термин заменился нейтральным «интеллектуал». Широкое распространение термин «интеллектуал» получил в конце XIX в.

Анализ содержания термина «интеллектуалы», употребляемого западной литературой, приводит к выводу о трудной его сопоставимости с понятием «интеллигенты». В первом случае говорится о личностных свойствах человека, во втором – о его социальной сущности. Интеллектуалы – это личности с высокой умственной культурой, развитым интеллектом. Интеллигенты же – это участники духовного производства, обладающие не только развитым интеллектом, но и соответствующим самосознанием, высокой культурой, нравственностью, осуществляют функции сложного умственного труда. Академик Н.Н. Моисеев призывал различать интеллектуалов, «отличных мастеров своего дела», но не более того, и интеллигентов, которые способны «выйти за узкие горизонты обывательской или профессиональной ограниченности» и «размышлять о судьбах своего народа в сопоставлении с общечеловеческими ценностями».[1]

Интеллигенция и интеллектуалы как особая социальная когорта изучались в работах крупных зарубежных социологов – А. Грамши, К. Мангейма, Р. Арона. А.Тойнби. Так, английский мыслитель Арнольд Тойнби определяет интеллигенцию как интеллектуальное меньшинство, которое способно (обязано) находить и давать дос-

---

[1] Судьба российской интеллигенции: материалы научной дискуссии / сост. и ред. В.Е. Триодин. СПб., 1996. – С.21.

тойные ответы историческим вызовам, генерировать идеи, обеспечивающие разрешение очередной проблемы общества и выводящие общество в новое качество, на более высокий уровень его развития[1]. Польский социолог Ян Щепаньский делает попытку развести это интеллектуальное меньшинство по определенным основаниям: во-первых, по роли критических интеллектуалов и творческой интеллигенции в создании и защите общечеловеческих ценностей; во-вторых, по роли в популяризации идей, создании мифов и идеологий, а также критики существующего общественного порядка; в-третьих, по вкладу в развитие культуры и совершенствование цивилизации на основе высшего или среднего специального образования и нефизического характера труда. Выявив более 60 различных определений и интерпретаций терминов интеллигенция/интеллектуалы, сам Я. Щепаньский попытался дать всеобъемлющее определение, включив в него различные группы: «Мы выделяем в интеллигенции категории интеллектуалов, создающих эстетические ценности; ученых, создающих интеллектуальные системы; специалистов различных типов, использующих теоретические знания для решения конкретных проблем; идеологов, которые создают и распространяют жизненную философию и политическую идеологию; вербальных техников, которые распространяют зарубежные идеи, комментируют и критикуют работу других людей и общественные институты других обществ»[2].

Анализу сущности интеллигенции и интерпретации ее роли в истории и культуре посвящены и более поздние зарубежные исследования. Дж. Биллингтона, Р. Пайпса и др. Эти авторы, как правило, акцентировали различие между русской интеллигенцией и западными интеллектуалами, подчеркивали ценностнотворческую и идеологическую роль русской интеллигенции, рассматривали последнюю как продукт дезинтеграционных процессов в социальной системе.

В отечественной литературе советского периода общепринятой стала социально-экономическая трактовка, которая не учитывала творческие способности или этическое самоопределение. Предполагалось, что эти люди являются специалистами в своей профессии, владеют соответствующими знаниями, умениями, навыками и ни-

---

[1] Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М., Прогресс, 1991. – С. 106-113.

[2] Szczepanski J. Die Intelligenz in der gegenwertigen Gtsellschaft. Frankfurt / M., 1996. – 236 p.

какими особыми морально-этическими качествами от остального народа не отличаются. «Главные отличия официального понимания советской интеллигенции от социологических трактовок дореволюционного времени, — отмечает А.В. Соколов, – заключались, во-первых, в том, что первая мыслится как совокупность профессионалов, выполняющих определенные трудовые функции, а вторая – как совокупность «разумных и образованных» людей, независимо от их профессиональной занятости; во-вторых, в акцентировании экономической специфики интеллигенции – работники не физического, а умственного труда»[1].

Важно отметить, что на различных этапах развития советского общества понятие интеллигенции подвергалось существенной корректировке. Так, в 1926 г. С.Я. Вольфсон в своей работе «Интеллигенция как социально-экономическая категория» определял интеллигенцию как «межклассовую, промежуточную — между пролетариатом и мелкой буржуазией, – группировку, образуемую лицами, существующими путем продажи своей умственной (интеллектуальной) энергии»[2]. Здесь же автором была высказана мысль о том, что наряду с интеллигенцией, как особой социальной группой, в каждом классе существуют свои «интеллигентские прослойки», состоящие из «интеллектуальных (умственно-квалифицированных) членов данного класса». В последующие тридцатые-пятидесятые годы интеллигенция рассматривалась как социальная прослойка, члены которой заняты умственным трудом. Интеллигенция в те годы отождествлялась со служащими, кадрами специалистов. В «Кратком философском словаре» (под редакцией М. Розенталя и П. Юдина), изданном в 1955 г., говорится: «Интеллигенция – общественная прослойка, состоящая из людей умственного труда. К ней относятся инженеры, техники и другие представители технического персонала, врачи, адвокаты, артисты, учителя и работники науки, большая часть служащих»[3].

В 1960-е годы произошли заметные изменения в понимании исследователями интеллигенции. Прежде всего, М.Н. Руткевичем и В.С. Семеновым была подвергнута критике трактовка интеллиген-

---

[1] Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. – СПб., 2009. – С. 31.

[2] Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория. – М. – Л., 1926. – С. 9.

[3] Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. Издание 4-е. – М., 1955. – С. 160.

ции как совокупности работников умственного труда, включавшая в себя специалистов и служащих. Под интеллигенцией ими предлагалось понимать не служащих вообще, а только специалистов, имеющих соответствующую образовательную и профессиональную подготовку[1]. Поскольку в партийно-государственных документах «интеллигенция» рассматривалась как совокупность всех работников умственного труда, то М.Н. Руткевичем была предложена в определенном смысле компромиссная трактовка понятия интеллигенции в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова интеллигенция в основном совпадала со служащими как слоем, характеризуемым с точки зрения социального положения. В более узком смысле интеллигенция – это специалисты, занятые умственным трудом[2]. Свое определение интеллигенции социалистического общества М.Н. Руткевич сформулировал следующим образом. Это «большая социальная группа трудящихся, профессионально занятых умственным трудом высокой квалификации, требующим, как правило, для своего выполнения среднего специального или высшего образования»[3].

В.С. Семенов предложил к интеллигенции относить только тех, кто занимается подлинным умственным трудом. Введя понятие «труд обслуживания», он пришел к выводу, что работники, связанные с этим трудом, не относятся к интеллигенции. Этот труд, по мнению автора, представляет в большинстве случаев вычленение из умственного труда простейших операций по учету, ведению книг, непосредственному обслуживанию и т.п., то есть этот труд – не является интеллектуальным трудом, духовной деятельностью в ее истинном значении[4].

В 1960-е годы предпринимались попытки дать и другие трактовки интеллигенции. О.И. Шкаратан, С.А. Кугель и ряд других исследователей пришли к выводу, что интеллигенция представляет собой не единый социальный слой общества, а два особых социаль-

---

[1] Руткевич М.Н. Изменение социальной структуры советского общества и интеллигенция // Социология в СССР. Т.1. – М., 1966. – С. 392; *Семенов В.С.* Об изменении интеллигенции и служащих в процессе строительства коммунизма // Там же. – С. 417-418.

[2] Руткевич М.Н. – Там же.

[3] Руткевич М.Н. Интеллигенция как социальная группа и ее сближение с рабочим классом // Классы, социальные слои и группы в СССР. – М., 1968. – С. 136-137.

[4] Семенов В.С. Указ. соч. – С. 417-418.

ных слоя внутри классов рабочих и крестьян[1]. Интеллигенция ими рассматривалась как внутриклассовый слой в рамках либо рабочего класса, либо крестьянства на том основании, что между людьми умственного и физического труда в условиях социализма нет различий по отношению собственности, являющимся основным классообразующим и социально дифференцирующим признаком.

Наряду с характером и содержанием труда, уровнем образования и профессиональной принадлежности, отношением к собственности на средства производства были предложены качественно иные основания определения интеллигенции. Например, С.П. Стадухин рассматривал интеллигенцию как «социальную группу людей, труд которых, являясь умственным по содержанию и творческим по характеру, в целом направлен на преобразование природы, социально-политического устройства общества и духовно-нравственного облика личности»[2].

Естественно, не все сформировавшиеся к тому времени точки зрения нашли поддержку исследователей. Аргументированной критике была подвергнута точка зрения О.И. Шкаратана и С.А. Кугеля, трактовавшая интеллигенцию как внутриклассовый слой. При таком подходе интеллигенция расчленялась, а ее части включались в состав рабочего класса и колхозного крестьянства, что означало по существу отрицание интеллигенции как единого социального слоя. Правда, спустя 8 лет О.И. Шкаратан признал неверной точку зрения о том, «что производственно-техническая интеллигенция вошла в состав рабочего класса»[3]. Несмотря на свою обоснованность, не стал общепринятым взгляд на интеллигенцию, сформулированный при помощи введения понятия труда обслуживания.

Из всех приведенных трактовок интеллигенции наиболее широкое распространение получила та, которая рассматривала интеллигенцию как социальную группу трудящихся, профессионально занятых умственным трудом высокой квалификации, требующим, как

---

[1] Шкаратан О.И. Изменения в рабочем классе при переходе к коммунизму // Рабочий класс – ведущая сила строительства коммунизма. – М., 1965. – С. 12-13; Кугель С.А. Закономерности изменения социальной структуры общества при переходе к коммунизму. – М., 1963. – С. 42-48.

[2] Стадухин С.П. Некоторые закономерности развития социалистической интеллигенции в период строительства социализма: автореф. дис... канд. филос. наук. – М, 1966. – С. 14.

[3] Бляхман Л.С., Шкаратан О.И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. – М., 1973. – С. 161.

правило, для своего выполнения среднего специального или высшего образования. Тем не менее, и это определение интеллигенции не осталось вне критики. Его оппоненты отмечали отсутствие в нем указания на связь интеллигенции как социального слоя с классовым делением общества, использование профессиональных характеристик для определения социальных различий, применение в качестве критерия определения интеллигенции соответствующего образования[1]. Не смотря на отмечавшиеся исследователями недостатки этого определения, интеллигенция и в последующие годы в большинстве случаев характеризовалась как социальный слой, для которого квалифицированный умственный труд является основным видом профессиональной деятельности и главным источником существования, как «социальная группа трудящихся, отличительная особенность которой заключается в том, что ее лица профессионально занимаются высококвалифицированным умственным трудом»[2].

Следует отметить, что в конце 1970-х гг. была предпринята попытка вернуться к старому определению интеллигенции. В своем докладе на пленарном заседании Всесоюзной научной конференции, которая состоялась в 1979 г. в Новосибирске («Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма»), Ц.А.Степанян определял интеллигенцию как социальный слой, включающий в себя всех лиц, занятых умственным трудом. Он говорил: «Советская интеллигенция – это многонациональный по природе, многоотрядный по профессиональной структуре, массовый и быстрорастущий единый социальный слой тружеников преимущественно умственного труда, в прочном союзе с рабочим классом и крестьянством осуществляющий под руководством ленинской партии строительство коммунистического общества». Здесь же Ц.А. Степанян спрашивал: «На каком основании служащие как особый социальный слой отделяются от интеллигенции?» Он считал, что служащие – это неотъемлемая часть единого, но состоящего из разных по квалификации групп, слоя интеллигенции. Однако призыв к подобной трактовке интеллигенции не оказал заметного влияния на ориентации интеллигентоведов. К этому времени в среде исследователей оконча-

---

[1] Семенов В.С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. – М., 1977. – С. 44.

[2] Бокарев Н.Н., Филиппов Ф.Р., Чаплин Б.Н. Изменение социальной структуры интеллигенции // Социология и современность. Т. 1. – М., 1977. – С. 230.

тельно утвердилось и мнение высказывавшееся, как уже отмечалось, еще в 60-е годы о необходимости замены понятия «прослойка» по отношению к интеллигенции 80-х гг., тем не менее, продолжали появляться работы, в которых интеллигенция рассматривалась как «промежуточный слой», то есть фактически – «прослойка»[1]. Сохранялось и представление об интеллигенции как о социальной группе, не имеющей собственных интересов, а выражающей интересы лишь классов, служащей классам. В связи с этим В.С.Волков писал, что советская интеллигенция трактовалась как новый социально-исторический тип интеллигенции, который «сознательно направляет свою профессиональную и общественную деятельность на служение коренным интересам рабочего класса, руководствуясь при этом идеями марксизма-ленинизма»[2].

Как уже отмечалось, выделение и понимание интеллигенции в качестве особой социальной группы в обществе детерминировано ее местом в общественном разделении труда, которое связано с умственным трудом. Особенность интеллигенции заключается в выполнении ею функций сложного умственного труда в различных сферах общественной жизни. Для характеристики труда важное значение имеют понятия содержания и характера труда. Содержание и характер труда – ключевые понятия, характеризующие диалектически связанные между собой две стороны труда. С одной стороны, труд является средством обмена веществ между человеком и природой, с другой – он выступает как средство общения между людьми в процессе производства. Содержание труда – это различные его виды, обусловленные спецификой трудовых операций, трудовых навыков и специальных знаний. Различия по содержанию порождают профессиональные различия. Что касается характера труда, то он являет собой социально-экономическую категорию, которая отражает сущностную сторону труда, обусловленную определенным общественным способом производства. Понятие «харак-

---

[1] Степанян Ц.А. Закономерности формирования советской интеллигенции и основные этапы ее развития на пути к коммунизму // Некоторые теоретические проблемы формирования и развития советской интеллигенции на пути к коммунизму: материалы к всесоюз. науч.-теор. конф. – М., 1979. – С. 7.

[2] Волков В.С. Деятельность коммунистической партии по формированию технической интеллигенции в период строительства социализма (1928-1937 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Л., 1976. – С. 10.

тер труда» определяет не профессиональные, а социальные различия в обществе. Отсюда характер труда выступает главным критерием определения интеллигенции. Именно характером труда интеллигенция, прежде всего, отличается от общественных классов. Рабочие и крестьяне, будучи связанными, преимущественно с физическим трудом, непосредственно или опосредованно с помощью машины, автомата воздействуют на предмет труда и производят материальный продукт или услуги материального характера. Интеллигенция же связана с качественно иным по содержанию и характером трудом. Интеллигент функционально связан либо с духовным производством, либо со сложным умственным трудом в области обслуживания, либо в материальном производстве представляет собой деятельность по его научному, конструкторскому, технологическому, организационному, экономическому обеспечению, либо является трудом по управлению производством или другими сферами общественной жизни. Результатом непосредственного труда интеллигенции являются созданные им духовные ценности, Но интеллигенция является носителем не только социально-функциональных качеств, ее представителям присущи и определенные культурно-личностные свойства, совокупность которых принято именовать интеллигентностью. В переводе с латинского языка «интеллигентность» означает «понимающий», «умственно развитый», «культурный».

Интеллигентность гармонично сочетает многие признаки и немыслима без широкой культуры и образования. «Интеллигентность» отражает, с одной стороны, всестороннее развитие человека – высокий уровень морально-этических качеств, профессионального мастерства, общественной сознательности, с другой стороны, активное применение творческих способностей в своей деятельности. С интеллигентностью издавна связано представление о высокой воспитанности, культурности, служении общенародным идеалам, демократизме мышления, бескомпромиссности в отстаивании правды. Интеллигенция – это не только и не просто специалисты, но и одновременно люди, концентрированно выражающие духовные заботы, надежды людей, народную совесть и мораль, формулирующие социальные и идейные цели народа, его духовные и нравственные ценности.

Не случайно, в начале 1980-х гг. В.М. Толстых и Л.Я. Смоляков предложили при характеристике интеллигенции социально-

функциональную сторону ее жизнедеятельности рассматривать в неразрывной связи с культурно-личностной стороной. Эти две стороны в своей совокупности составляют родовую сущность интеллигенции. Нельзя не согласиться с Л.Я. Смоляковым, что «в реальной жизни нет и не может быть такого явления, как «интеллигент без интеллигентности» или «неинтеллигентный интеллигент». Такие словосочетания должны восприниматься как логический абсурд»[1].

«Следовательно, – как совершенно правильно, на наш взгляд, – пишет И.С. Болотин, – сами знания, образованность не делает человека интеллигентом. Это дало основание А.И. Солженицыну отличить интеллигенцию от образованщины. Быть интеллигентом значит больше, чем обладать определенной профессией. Ее характеризует, прежде всего, внутренняя сконцентрированность на нравственных и духовных проблемах. Как социальная группа интеллигенция формируется на основе общей духовности»[2].

В литературе существовали и существуют различные подходы к трактовке интеллигентности.

Еще в начале 30-х гг. XX в. К. Манхейм в своем четырехтомном труде «Очерки социологии культуры» попытался выделить основные черты интеллигентности. Это обладание динамичными способностями и постоянной готовностью пересмотреть свои взгляды и пойти по новому пути, сопереживание, симпатия, понимание[3].

Ю.Ф. Абрамов и Г.В. Акименко утверждают, что интеллигентность является особым видом социальности. «Природа интеллигенции заключена в интеллигентности – таком виде социальности, который присущ только ей. По сути, интеллигенция – мозаичный синтез специальностей, ядром которого выступает мировоззрение»[4].

---

[1] Толстых В.И. Об интеллигенции и интеллигентности // Вопросы философии. – 1982. – № 10. – С. 83-98; *Смоляков Л.Я.* Социалистическая интеллигенция. – Киев, 1986. – С. 150. Примечание: Позднее В.И. Толстых от предложенного им понятия интеллигенции как двуединый по своей социальной природе группы отказался (см.: Философские науки. – 1990. – № 7. – С. 58).

[2] Болотин И.С. Российская интеллигенция в XX веке: проблемы социологического изучения // Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: тезисы всерос. теоретико-методологической конф. Москва 26-27 апреля 2000 г. – М, 2000. – С. 20.

[3] Манхейм К. Проблема интеллигенции. Исследования ее роли в прошлом и настоящем. Ч. II. М., 1993. – С.34.

[4] Абрамов Ю.Ф., Акименко Г.В. Об интеллигенции и интеллигентности // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества: тезисы докладов и сообщений всесоюз. науч. конф. Вып. 1. – Кемерово,

В.А. Куманев в содержании интеллигентности в числе общечеловеческих морально-этических черт выделяет гражданственность и самопожертвование во имя блага и интересов Отечества»[1].

Некоторые авторы не ограничиваются выделением черт интеллигентности, а на их основе формируют идеал интеллигента. Так, в представлении академика В.С. Степина идеал интеллигентности предполагает наличие таких черт целостной личности, как «высокая нравственность, интеллектуальная эрудиция, гуманизм, выражающийся не в абстрактной любви к человечеству вообще, а в доброте к людям, уважении к личности и в обостренном чувстве справедливости»[2]. Академик Д.С. Лихачев выделил эскизные черты, составляющие в своей совокупности модель идеального русского интеллигента. Эта модель включает в себя:

- *образованность* европейского уровня, широкий общекультурный кругозор;

- *креативность* – бесстрашное правдоискательство, интеллектуальная независимость, свободомыслие;

- *этическое самоопределение:* а) совестливость, честность, правдивость; б) толерантность, осуждение насилия и террора; в) благоговение перед культурой, приобщенность к книжной культуре, русской литературе; г) индивидуализм, самодостаточность; д) оппозиционность по отношению к деспотической власти[3].

Приводя модель Д.С. Лихачева, А.В. Соколов подчеркивает, что эта модель *хорошо согласуется* с его (А.В. Соколова) формулой, но *не совпадает с ней полностью.* Расхождение заключается в пунктах г) и д) этического самоопределения, которых нет в его формуле[4].

Качества интеллигентности, как признак интеллигенции, называют Л.Я. Смоляков, К.Г. Барбакова, Ю.Н. Козырев, В.А. Мансуров, Р.Д. Мамедов, Э.Н. Фаустова и др.

Обращает на себя внимание то, что при характеристике интеллигенции, некоторые авторы используют понятия «духовная элита общества», «эталон нравственности, духовности», «мозг нации» и

1991. – С. 18.

[1] Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции (Очерки). – М., 1991. – С. 13.

[2] Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб., 2011. – С. 349.

[3] Приводится по: Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009. – С. 656-657.

[4] Там же. – С. 657.

другие. Возникает вопрос: не слишком ли высокие требования предъявляются к интеллигенции? В этой связи уместным является замечание Г.Г. Халиулина о том, что нереально повышенный «проходной балл» в интеллигенты ведет к тому, что самой интеллигенции может оказаться меньше, чем ее исследователей[1].

Близкую точку зрения высказывает и академик В.С. Степин, который пишет: «В нашей жизни все реже встречаются люди, которых можно было бы идентифицировать с этим идеалом. В российском общественном мнении последних лет в этом качестве, пожалуй, больше других признаны только А.Д. Сахаров и Д.С. Лихачев, но, конечно же, в жизни есть и другие, может быть, не столь масштабные личности с точки зрения их влияния на общественное сознание, которые тоже несут в себе заряд интеллигентного духа. Причем это не обязательно великие творцы нового в науке или искусстве. Инновации в культуре имеют широкий спектр проявлений. Поступок как образец, прожитая нравственно жизнь отдельного человека также могут стать феноменами культуры и воздействовать на выбор будущего. В этом отношении обыденное сознание справедливо относит к подлинным интеллигентам тех людей, которые не только образованы и занимаются интеллектуальным трудом, но, прежде всего, реализуют в своей жизни принципы нравственности и доброты»[2].

К тому же надо иметь в виду, что качества интеллигентности могут быть присущи не только представителям интеллигенции, но и некоторой части рабочих, крестьян, предпринимателей, других социальных групп. При этом, обладая качествами интеллигентности, они не перестают быть рабочими, крестьянами, предпринимателями... Что касается интеллигенции, то наличие у них данных качеств является обязательным. В противном случае они лишаются статуса интеллигентов в подлинном смысле этого слова.

Каждое общество стремиться к тому, чтобы все его члены сформировали у себя высокие духовно-нравственные ценности, особенно представители интеллигенции. Однако в реальной жизни далеко не каждый специалист становится эталоном нравственности

---

[1] Халиулин Г.Г. Интеллигенция как предмет исторического исследования в свете современных дискуссий // Интеллигенция России: уроки истории и современность: тезисы докл. межгос. науч.-теорет. конф. Иваново, 20-22 сентября 1994 г. – Иваново, 1994. – С. 23.

[2] Степин В.С. Указ. соч. – С. 349.

или духовности. В этой связи мы отдали бы предпочтение определению интеллигенции И.И. Осинского как «социальной группы, члены которой функционально заняты сложным умственным трудом и обладают общепризнанными развитыми культурно-нравственными качествами»[1]. В данном определении в качестве конституирующих признаков наряду с функциональной занятостью сложным умственным трудом называются общепризнанные культурно-нравственные качества. К последним относятся гражданственность, духовность, нравственность, совестливость и другие. Совокупность этих качеств выражается понятием интеллигентности. Думается, что эти качества являются вполне достижимыми и достаточными для утверждения в статусе интеллигента.

Сознавая значимость духовно-нравственных критериев при определении интеллигенции, мы в то же время не считаем их единственными. Как уже отмечалось, не менее важным критерием определения интеллигенции является ее место в системе общественного разделения труда, которое характеризуется ее функциональной связью с умственным трудом. Интеллигенция – это, прежде всего социальная категория, особая социальная группа людей – участников духовного производства. С точки зрения социологического подхода интеллигенция – группа людей, занятых сложным умственным трудом, это то, что П.А. Сорокин называл «профессиональной работой интеллектуального характера». С выполнением именно этой функции связано место интеллигенции в общественном разделении труда. Исходя из этого, а также учитывая некоторую нечеткость культурно-нравственных критериев в процессе конкретного научного исследования мы считаем возможным отдать предпочтение критерию характера труда, при этом, нисколько не умаляя важности культурно-нравственных характеристик интеллигенции. В этой связи, представляется интересной точка зрения историка Г.Г. Халиулина о том, что интеллигентность является приоритетным качеством интеллигенции, но при ее изучении на первый план выходит характер труда и профессиональные критерии, поскольку определение интеллигенции и предмета ее конкретно-

---

[1] Осинский И.И. Интеллигенция: национальные и региональные проблемы // Интеллигенция в современном обществе: национальный и региональный аспекты: материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ, 25-27 июня 1997 г. Ч. 1. – Улан-Удэ, 1997. – С. 3.

исторического исследования взаимно связанные, но не тождественные понятия[1]. Другой историк, В.Р. Веселов, отмечая ведущую роль для историка интеллигенции социологического подхода, подчеркивает, что «отказ от социально-исторической парадигмы исследования интеллигенции приведет к разрушению преемственности отечественной историографии проблемы, подавляющая часть которой, особенно в советский период, развивалась в социологическом ключе»[2].

Некоторые социологи при характеристике интеллигенции предлагают ввести такой признак как творческий характер ее профессиональной деятельности. Так, болгарский ученый К. Димитров определяет интеллигенцию не только как слой людей с высоким образованием и квалификацией, но также подчеркивает творческий характер умственного труда интеллигенции[3]. С приведенным утверждением проявляет солидарность Л.Я. Смоляков, уточняя при этом свое понимание творчества, в котором, по его мнению, помимо всего прочего, реализуются высокие нравственные, гражданские идеалы. Интеллигент, занимающийся таким творчеством, представляет собой динамично развивающуюся личность, а степень развитости личности схватывается понятием «интеллигентность», которое, таким образом генетически связано с понятием «интеллигенция» и «интеллигент»[4]. Правы авторы в высокой оценке элемента творчества в деятельности интеллигенции. И все же нам представляется, что нет необходимости при определении интеллигенции дополнять указанные ранее признаки признаком творчества. Как правильно, на наш взгляд, пишет Т.В. Никитина, что уже само по себе занятие высококвалифицированным умственным трудом подразумевает наличие в нем (в той или иной степени) творческого начала. М. Вебер, например, выступал против представления, согласно которому «творческие» профессии противопоставляются «прикладным». Истинный смысл профессий духовного труда, – считал немецкий со-

---

[1] Хамидулин Г.Г. Интеллигенция как предмет исторического исследования в свете современных дискуссий // Интеллигенция России: уроки истории и современность: тезисы докл. межрос. науч.-теорет. конф. Иваново, 20-22 сентября 1994 г. – Иваново, 1994. – С. 23.

[2] Веселов В.Р. Реалисты и романтики: не пора ли размежеваться? // Интеллигенция и власть на пороге XXI века: тезисы докл. регион. науч.-практ. конф., 28-29 марта 1996 г. 4.1. – Екатеринбург, 1996. – С. 59-60.

[3] Die intelligenz in sozialistischen Gesellschaft- Berlin, 1980. – S. 33.

[4] Смоляков Л.Я. – Указ. соч. – С 54.

циолог, – будь это деятельность юриста, ученого или врача – заключается в «практическом», «деловом» осуществлении связи «повседневно» и «неповседневно» ориентированных моментов, а это уже творческий, т.е. новаторский акт[1]. Творческие потенции и творческие результаты труда интеллигенции и других социальных групп по созданию материальных и духовно-культурных богатств служат основой жизнедеятельности не только отдельных стран и народов, но и цивилизации в целом.

В литературе, посвященной содержанию понятия интеллигенции, нашли свое отражение и другие стороны данного понятия. Особенно усилился интерес в постсоветский период. Это объясняется не только открывшимися новыми возможностями непредвзятого, объективного анализа данной социальной группы, но и заметными изменениями, произошедшими в российском обществе, в положении и роли в нем самой интеллигенции. В процессе перестройки и перехода к рынку произошел раскол в обществе и в среде самой интеллигенции, изменился социально-экономический статус ее представителей, взгляды и позиции по отношению к государству, народу, традиционным ценностям, усилились элементы прагматизма, широкое распространение получила массовая культура. В этих условиях традиционные духовно-нравственные интеллигентные качества – сочувствие, благородство, взаимопомощь, гуманизм и многие другие у части интеллигенции несколько потускнели. Она в значительной мере стала терять свои классические черты. Подобные изменения, произошедшие в составе интеллигенции, ее облике не остались незамеченными. Некоторые исследователи пришли к выводу о том, что особый тип советского интеллигента распадается, уходит в историю. Появились научные и публицистические статьи со специфическими названиями: «Русский интеллигент уходит» (Д.А. Гранин), «Закат советской интеллигенции» (Б.Ю. Кагарлицкий), «Прощай, интеллигенция» (Н.Е. Покровский), «Куда исчезли властители дум?» (А. Путник). И теперь за этим термином скрывается другое содержание. Процесс вхождения интеллигенции в рынок, с точки зрения части исследователей, в конечном счете, приведет к формированию в России социальной категории тождественной западным интеллектуалам.

---

[1] Никитина Т.В. Гуманитарная интеллигенция в современных условиях: автореф. дис. ... канд. социол. наук. -М., 1993. – С. 10-11.

В ряде социологических исследований, посвященных проблемам образованной части российского общества, получила распространение концепция «смерти интеллигенции». Так, Ю.А. Левада, стоявший у истоков этой концепции, полагает, что реальный период существования русской интеллигенции завершился еще в 20-х годах XX в. В послереволюционном обществе «интеллигенция имела лишь выбор между физической гибелью (относится сюда и эмиграция) и гибелью социальной – как особого слоя, функции и мифа...»[1]. Р.В. Рывкина, разделяя тезис об уходе интеллигенции, отмечает социоструктурные факторы данного ухода. В результате стратификационных изменений, связанных с реформами, возросла социальная дифференциация общества, в том числе и внутри слоев, прежде относительно однородных. Эти процессы, как считает автор, затронули и интеллигенцию, вызвав ее расщепление на отдельные подгруппы, из которых одна пополнила политическую элиту, другая трансформировалась в политическую элиту, а третья, наиболее массовая, маргинализировалась, влившись в слои малоимущих и бедных. В силу этих интенсивных процессов размывания границ, согласно Р.В. Рывкиной, интеллигенция как целостный социально-профессиональный слой ушла из социально-классовой структуры российского общества вместе с другими классами и группами советского периода, а работники умственного труда высшей квалификации стали именоваться понятием «бюджетники». К ним сегодня относятся не только высококвалифицированные, но и все другие работники таких сфер, как образование, культура, здравоохранение и т.д. без подразделения по уровню квалификации»[2].

Точка зрения Ю.А. Левады, Р.В. Рывкиной и некоторых других исследователей, утверждающих, что российская интеллигенция исчерпала свою социальную роль, не является, на наш взгляд, убедительной. Изменения, которые претерпела российская интеллигенция не дают оснований для подобных заявлений. Прав В.Х. Беленький, подвергший аргументированной критике такого рода утверждения[3].

---

[1] Левада Ю.А. Интеллигенция // 50/50: Опыт словаря нового мышления. - М., 1989. – С. 130.

[2] Рывкина Р.В. Интеллигенция в постсоветской России – исчерпание социальной роли // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 138-146.

[3] Беленький В.Х. Проблемы современной российской интеллигенции. Опыт социологического анализа. Красноярск, 2005; *его же*. Ленинская концепция интеллигенции и современность // Экономическая и философская газета. 2011. № 20, 21-22, 23.

Советская интеллигенция, пережив распад СССР, перестала называться «советской», отказалась от прежней государственной идеологии, продолжает выполнять свои функции. Нельзя не согласиться с академиком Н.Н. Моисеевым в том, что «интеллигенция плоть от плоти, кровь от крови своего народа. Более того, общий подъем культуры народа, его образ жизни, его стандарты мышления, характер интересов и, самое главное – раскрытие творческого, духовного, нравственного потенциала зависит, прежде всего, от интеллигенции.

Исчезновение интеллигенции или исключение ее из духовной жизни общества – трагедия для нации, потому что влечет за собой отход народа от рампы вглубь ее сцены»[1].

Заключая данный параграф, можно сделать вывод о том, что интеллигенция – сложное социальное образование, появление которого обусловлено отделением умственного труда от физического. В условиях капитализма она превратилась в массовый социальный слой. Интеллигенция – это явление интернациональное, присущее как России, так и другим странам. Существует ряд подходов при определении интеллигенции: социально-философский, социологический, культурологический и другие. Нами разделяется точка зрения на интеллигенцию как социальную группу, члены которой функционально заняты сложным умственным трудом, и обладают общепризнанными культурно-нравственными качествами.

2. Социальный статус как интегративный показатель статусных позиций социальной группы в обществе

Интеллигенция как любая социальная группа занимает определенное место в социальной структуре российского общества, которая представляет собой специфический способ связи и взаимодействия составляющих ее компонентов.

В каждой из областей общественной жизни: экономической, социальной, политической и духовной имеет место собственная структура, детерминированная социальными различиями между людьми, порожденными разделением труда, укладом жизни, соци-

---

[1] Моисеев Н.Н. Государство, народ, интеллигенция // Судьба российской интеллигенции: сб. ст. – СПб., 1999. – С. 44.

альными ролями, которые выполняют отдельные индивиды или социальные группы. Для анализа степени включения индивида в различные группы, а также положения, которое он занимает в каждой из них, и его функциональных возможностей по отношению к каждой группе используется понятие социального статуса.

В социологическом смысле понятие статус, первоначально означавшее правовое положение юридического лица, впервые употребил английский историк Г. Мейн, но детально данное понятие было разработано в 30-е гг. XIX в. американским антропологом Р. Линтоном. Р. Линтон определил понятие «социальный статус» как место, занимаемое индивидом в рамках социальной системы, которое связано с совокупностью прав и обязанностей. Каждый индивид, реализуя свои права и обязанности, исполняет социальную роль, которая является динамическим аспектом социального статуса. «Индивид социально прикомандирован к некоему статусу и обладает им, соотносясь с другими статусами. Когда он реализует права и обязанности, составляющие статус, он играет некоторую роль. Роль и статус совершенно неотделимы друг от друга»[1]. Аналогичной позиции придерживался Н. Смелзер, который статусом называл позицию человека в большой или малой социальной группе, определяемую его правами и обязанностями в отношении других, сопряженных позиций.

Статус, для Линтона, представляет статический, а роль – динамический аспект личности. Индивидуальные права и обязанности лица являются весьма важными его признаками. Они пронизывают все аспекты человеческой жизнедеятельности в социальном мире, начиная от простых форм общения и заканчивая сложнейшими морально-нравственными формами. Поэтому характеристики, свойственные лицу как социальному индивиду, выходят за рамки юридических отношений и представляют более широкое образование.

Социальный статус достаточно распространенное понятие в социологии и характеризуется множеством его трактовок.

В одном случае, социальный статус – это интегративный показатель положения социальной группы и ее представителей в обществе, в системе социальных связей и отношений; в другом – соотносительное положение индивида или группы в социальной системе, определяемое рядом признаков, специфичных для данной системы

---

[1] Linton R. Study of Man, 1936. – P. 229.

(экономических, профессиональных, этнических и др.); в третьем – позиция в социальной структуре, по которой индивид в соответствии с приписываемым или достигаемым критерием оценивается с точки зрения престижа или знатности.

Посредством статуса упорядочиваются, регламентируются отношения и поведение групп и их членов. Статус открывает для индивида или группы возможности в системе власти, распределения материальных благ и образования и находит проявление в таких явлениях общественного сознания как престиж и авторитет личности. Понятие «социальный престиж» является оценочной категорией и связан с господствующей системой ценностей, которая формирует «нормативную шкалу». Люди распределяются по социальным позициям, которые оцениваются как находящиеся «выше» или «ниже» на нормативной шкале, т.е. ранжируются по различной степени социального престижа. Впервые такую интерпретацию престижа предложил американский социолог У. Уорнер. Неодинаковая оценка социальных ролей необходима для координации различных видов деятельности и соответствующей мотивации через систему наград и поощрений[1]. «Разделение труда приводит к существованию профессий, которые требуют разной квалификации и предполагают различный контроль над ресурсами. Профессии по-разному вознаграждаются как материально, так и символически, и поэтому одни занятия более престижны, нежели другие»[2]. Люди стремятся к тому, что выше ценится и чего всегда не хватает. Поэтому, занимающие низшие позиции будут стремиться продвинуться на более престижные должности и получить соответствующие им привилегии, доход, власть, культурные ресурсы, которые выступают побудительным мотивом эффективного исполнения людьми своих обязанностей. Сравнение позиций и последующее их ранжирование по принятой в обществе нормативной шкале обеспечивает поиск наиболее подходящих (талантливых, способных) людей для соответствующих ролей[3].

---

[1] Приводится по: Дэвис К., Мур У.Е. Некоторые принципы стратификации // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М.: ССА, 1968. – С. 20.

[2] Treiman D.J. Occupational Prestige in Comparative Perspective. N.Y.: Academic Press, 1977. – P. 5.

[3] Комаров М.С. Социальная стратификация и социальная структура // Социологические исследования. – 1992. – № 7. – С. 63-64.

Каждый человек может иметь много статусов, но, как правило, один определяет его положение в обществе. Этот статус является главным (интегральным), наиболее характерным для данного человека, определяющим его стиль и образ жизни, круг общения, манеру поведения. Часто он обусловлен должностью или профессией. Не всегда статус, который общество выделяет в человеке в качестве главного и статус, который сам человек считает в себе главным, одинаковы. В то же время, выделение главного статуса важно, так как он определяет социальную значимость личности. Разновидностями социального статуса являются предписанный и приобретенный (достигаемый). Предписанный – это полученный автоматически, не зависимо от усилий и заслуг личности. Он обусловлен национальностью, местом рождения, положением семьи и т.д. Приобретенный статус определяются собственными усилиями человека (профессия, должность). Статус является важным условием самореализации личности. Низкий статус часто приводит к внутренним конфликтам и, в итоге, порождает стремление найти другую социальную среду, группу, которая дала бы возможность повысить статус.

Социальный статус является характеристикой социальной позиции в системе социальных отношений, в связи с чем, социальную структуру можно представить как сложную систему взаимосвязанных статусов. Социальные позиции можно выделить на основании объективных показателей, таких как пол, возраст, национальность, образование и др. Если статусная позиция – это конкретное место в социальном пространстве, детерминирующее поведение индивида в определенных границах предписанных статусом, то социальная роль – совокупность действий, которые он должен выполнять занимая данную позицию.

Связь между всеобщей, общезначимой системой ценностей и поведением отдельного индивида осуществляется через социальную роль. Социальная роль, как подчеркивает Т. Парсонс, является основной единицей анализа социальных систем. Социальные роли означают ожидаемое, то есть «правильное» поведение.

Понятие социальной роли имеет ряд определений:

1. Совокупность норм, определяющих поведение действующих в социальной системе индивидов в зависимости от их статуса или позиции, и само поведение, реализующее эти нормы.

2. Нормативно одобренный, относительно устойчивый образец поведения (включая действия, мысли и чувства), воспроизводимый индивидом в зависимости от социального статуса или позиции в обществе.

3. Социальная роль – поведение, которое ожидается от человека, занимающего определенный социальный статус.

Социологическая важность понятия роли состоит в том, что она демонстрирует, каким образом и с помощью каких механизмов индивидуальная деятельность испытывает на себе влияние общества и, благодаря этому, следует регулярным установленным образцам. Исполнение определенных ролей упорядочивает социальную жизнь, потому что делает поведение людей предсказуемым.

По словам Ф. Знанецкого, «каждый индивид играет некие «социальные роли», занимает некие позиции и осуществляет некие функции в своем социальном окружении, предполагающие определенные права и обязанности, которые в большинстве случаев связаны с подобными позициями и функциями и, таким образом, остаются независимыми от индивида, хотя способ, которым он фактически осуществляет их и выполняет свою функцию в соответствии с каждой позицией, всецело зависит от него»[1].

Занимая различные социальные позиции, люди находятся в разных частях социального пространства, т.е. между ними существует дистанция. Социальная дистанция характеризует размещение индивидов и социальных групп в социальном пространстве и устанавливает степень близости или отчужденности их между собой, как задаваемую институционально, так и ощущаемую самими агентами социальных взаимодействий[2]. Понятие социальной дистанции было впервые сформулировано Г. Зиммелем, в дальнейшем его разрабатывали Р. Парк, Э. Берджесс. У фон Визе, социальная дистанция выступает как сущностное определение социальных процессов, а возрастание дистанции между индивидом и социальным образованием является критерием расчленения социальных образований на массу, группу и абстрактный коллектив[3]. Р. Парк социальные дистанции рассматривал в контексте социальных перемещений и изменений социоэкономического статуса. Он утверждал, что передви-

---

[1] Знанецкий Ф. Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С. 74.

[2] http://philosophy.wideworld.ru/dictionary/17/71.

[3] Современная западная социология: словарь. – М., 1990. – С. 53, 54, 87.

жения индивидов и групп в стратификационной системе задают основу экономической системы в обществе.

Иногда статусные позиции общества и самого человека не совпадают, что приводит к драматическим противоречиям внутреннего мира личности. Подобное несоответствие называют статусной рассогласованностью (неконсистентностью). Концепция статусной рассогласованности начала разрабатываться с середины XX в. в американской социологии. Основоположник концепции Г. Ленски определял это явление как неравенство рангов, а статусная консистентность (или кристаллизация) в его работах обозначает совпадение статусов индивида в социально значимых измерениях стратификации. Согласно его представлениям высокая степень кристаллизации имела место в случае согласованности статусов индивида в различных иерархиях, низкая – в ситуации существенных различий его позиций. Если рассматривать неконсистентность статусов как фактор, влияющий на поведение индивида, и считать такой подход объективным, то необходимо отметить нормативный и субъективный аспекты, которые возникли в ходе расширения представлений о статусной неконсистентности. Как отмечает С.Г. Саблина, сторонники нормативной версии определяют и измеряют неконсистентность через отклонение от нормативно ожидаемых профилей. Исходным моментом анализа выступают представления о «правилах конгруэнтности» – моделях статусов, которые нормативно ожидаемы либо самими индивидами, либо их социальным окружением, а сущность рассогласований сводится к нарушению этих правил. При субъективном подходе акцент делается на осознании индивидом, обладающим жизненным опытом и чувствами, своей статусной ситуации, подчеркиваются различия между осознанием положения и самим положением в социальной структуре[1]. Каждый из подходов концепции имеет определенные недостатки в объяснении, и лишь на основе их синтеза возможно формирование целостного представления о феномене кристаллизации.

В последние годы, в условиях нестабильной социальной среды, происходит увеличение масштаба статусных рассогласований и их существенное влияние на сознание и поведение людей в постком-

---

[1] Саблина С.Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Социологический журнал. – 2000. – № 1-2.

мунистических обществах. Яркой иллюстрацией дисбаланса в современной России выступает положение научной интеллигенции, представители которой имеют высокий уровень образования и относительно низкий уровень доходов. В другом аспекте некоинсистентность проявляется в ситуации, когда индивид занимает позицию, связанную с большим объемом власти и значительным формальным авторитетом, но не пользуется уважением окружающих за свои личные качества[1].

Существует несколько теоретических подходов к анализу социального статуса. С точки зрения структурного функционализма, социальная дифференциация является неотъемлемой чертой всякого общества, она функционально необходима, поскольку выполняет в обществе задачи стимулирования и социального контроля. В результате развивающегося разделения труда индивиды реализуют в данном обществе полезные функции и занимают разные социально-профессиональные позиции. Люди ранжируют позиции на основе функциональной важности для общества (степень содействия общественному благу) и дефицитности выполняемой роли. Существует конкуренция за более престижные места, в результате которой их занимают наиболее способные члены данного общества. Таким образом, достигается функциональность системы общества, включающая множество акторов, которые имеют определенный статус и исполняют предписанные нормами роли. Теоретик функционализма Т. Парсонс, определяет статус как положение, занимаемое индивидом в многообразии социальных позиций.[2] Согласно Т. Парсонсу, статус и роли составляют главное содержание социальной структуры, которая понимается им как совокупность устойчивых, стандартизированных отношений индивидов. Отличительной чертой социальных структур является то, что действующие лица выполняют определенные роли относительно друг друга в пределах границ социального действия, которое направлено на формирование и поддержание социального порядка.

---

[1] Богомолова Т.Ю., Саблина С.Г. Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации: Презентация классической концепции // Социологические исследования. – 1997. – № 10–11. – С. 58-65.

[2] Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. - М.: Академический Проект. 2002. 832; *Парсонс Т.* О структуре социального действия. – 2-е изд. – Академический Проект, 2002.

Э. Дюркгейм считал, что в основе статусных различий и социальной дифференциации лежат способности людей. Во всех обществах, по его мнению, одни виды деятельности считаются более важными, чем другие. В одном обществе высоко ценится достижение религиозного спасения, что было характерно для пуритан в колониальные времена. Другое общество может считать социальной ценностью материальное богатство. Все функции общества – закон, религия, семья, труд и т.д. могут образовать иерархию в соответствии с тем, насколько высоко они ценятся. Кроме того, люди в разной мере талантливы – некоторые из них больше одарены, чем другие. При обучении эти различия усиливаются. Э. Дюркгейм считал, что в процветающем обществе самые талантливые выполняют наиболее важные функции. Для привлечения лучших и одаренных общество должно поощрять их и расширять доступ к социальным благам[1].

Концепция Э. Дюркгейма послужила основой для теории К. Дэвиса и У. Мура. Подобно Э. Дюркгейму, они считали, что неравенство помогает обществу обеспечить такие условия, в которых самые важные виды деятельности выполняют наиболее умелые. В примитивных обществах воины и целители обычно имеют самый высокий статус; в более сложных обществах, как правило, высоко ценятся инженеры и врачи.

Самые важные виды деятельности различаются в зависимости от особенностей социальной системы. Должности, которые существенны в одном обществе, могут быть ненужными для другого. Согласно этой теории, каждое общество должно решить проблему размещения и мотивации индивида в социальной структуре. Социальный порядок в обществе основан на распределении индивидов по социальным статусам (в соответствии с их функциональными возможностями, т.е. их максимальным вкладом в достижение целей общества).

Для осуществления распределения индивидов по социальным статусам и их мотивации реализуется практика вознаграждения, которое может использоваться как для побуждения успешного выполнения индивидами своих ролей, так и для поддержания системы неравного распределения этого вознаграждения в соот-

---

[1] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1990.

ветствии с занимаемыми статусами. Таким образом, в любой социальной системе вознаграждение должно распределяться дифференцированно в соответствии с занимаемыми социальными статусами. Для этой цели создаются и узакониваются права каждого социального статуса в отношении вознаграждения со стороны общества. Любое общество сталкивается с неизбежной проблемой размещения индивидов и стимулирования их внутри своей социальной структуры. Как функционирующий организм, общество должно каким-то образом распределять своих членов по различным социальным позициям и побуждать их выполнять обязанности, связанные с этими позициями. «Оно должно, следовательно, гарантировать себе два разных уровня стимулирования: исподволь возбуждать у нужных индивидов желание занять определенное положение и уже у занявших данное положение – желание выполнять связанные с ним обязанности»[1].

Основные идеи К. Дэвиса и У. Мура сводятся к следующему: лишь небольшое число людей в обществе обладает способностями для выполнения ответственных функций; благодаря возможности доступа к дефицитным ресурсам, общество побуждает одаренных людей к постижению знаний; вследствие неравного доступа к благам, разные группы и страты пользуются неодинаковым престижем и уважением. Все это создает социальное неравенство, которое К. Дэвис и У. Мур рассматривали как естественный способ саморегуляции и выживания общества, как стимул к продвижению.

В рамках ролевой теории социальный статус рассматривается как характеристика индивида в системе социальных отношений и часто является синонимом понятия «социальная позиция». Позиции индивида в обществе являются производными от позиции группы, к которой он принадлежит или с которой он себя идентифицирует. Признавая социальный статус как позицию в обществе, связанную с определенным набором полномочий и обязанностей, разные теоретические подходы отличаются неодинаковой трактовкой природы статуса и вариативностью социальных ролей.

Дж. Мид определяет статус как положение человека в контексте социальных отношений, связей. Он может быть временным или устойчивым, постоянным. В зависимости от статуса устанавливаются

---

[1] Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Социальная стратификация. Вып. 1. – М., 1992. – С. 160.

роли как система предписаний, поскольку социальные функции личности различаются или по горизонтали, или по иерархии[1]. Похоже интерпретирует статус Дж. Хоманс. Он считает, что данное понятие обозначает место в сплетении социальных отношений, с которым связаны определенные ролевые ожидания[2].

Р. Дарендорф вместо термина «социальный статус» использует понятие «социальная позиция» как более нейтральный, свободный от ценностного подхода. Он рассматривает социальную позицию с точки зрения распределения власти и авторитета. Отрицая понятия страты и слоя, он пользуется понятием класса. Основой определения классов Р. Дарендорф считает отношения господства и подчинения, т.е. не наличие или отсутствие у людей собственности, а их участие или не участие в отношениях власти. Власть в его понимании связывается с социальными позициями и ролям. Социальные позиции людей не равны по отношению к власти, что предопределяет их различение по интересам и устремлениям. Р. Дарендорф указывает на то, что все общества, с одной стороны, есть пространства социальных ролей. Социальные роли имеют характеристики, связанные с позициями господства/подчинения, которые занимает индивид. С другой стороны, общества рассматриваются им как совокупность социальных процессов. Ожидания, основанные на социальных ролях, являются как отражением норм, так и ожиданиями лояльности определенным группам, или, по-другому, интересам. Интересы, как правило, носят антагонистический характер[3]. Поскольку власть и авторитет были и остаются дефицитными ресурсами, то борьба за эти ресурсы принимает форму конфликта. Основываясь на этих положениях, Р. Дарендорф предлагает следующее определение. Он пишет: «Класс обозначает конфликтные группы, которые возникают в результате дифференцированного распределения авторитета в императивно координированных ассоциациях»[4].

---

[1] Мил Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С. 217-218; *Кон И.С., Шалин Д.Н.* Д.Г. Мид и проблема человеческого Я // Вопросы философии. – 1969. – № 12. – С. 92.

[2] Хоманс Дж. Статус конторских служащих // Социологические исследования – 1993. – № 6. – С. 130-135.

[3] Добринская Д.Е. Социальное неравенство и теории классов: концепции Томаса Х. Маршалла, Ральфа Дарендорфа, Эрика О. Райта: автореф. дис. … канд. социол. наук. – М., 2010.

[4] Darendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. L., 1959. – P. 204.

Входя одновременно в несколько ассоциаций и занимая там разные позиции, выполняя социальные роли, индивид участвует сразу в нескольких, не зависящих друг от друга социальных конфликтах. Конфликт, по мнению Р. Дарендорфа, движущая сила и способ существования социального организма, является неотъемлемым компонентом социально-классовой структуры общества.

В действительности положение каждого человека определяется множеством признаков и является результатом целого ряда факторов и условий жизни. Вполне очевидно, что страта, выделенная на основе одного критерия, характеризуется целым набором эмпирических показателей коррелирующих между собой. Особенно это касается современного общества, в котором процессы социальной стратификации выступают как многомерное явление, обладающее огромным спектром социального оценивания и размещения индивидов и групп в широком диапазоне социальных статусов, ролей и позиций. Люди, в зависимости от своих возможностей и способностей, а также социальной значимости, которую приобретают социальные роли и разные виды деятельности, ранжируются на своеобразной нормативной шкале «выше» или «ниже». При этом в каждый статус уже «встроены» права, привилегии и предписания. Статусное положение индивида или группы сложно определить как нечто однозначное. Вместе с тем, многомерный подход к процессам расслоения позволяет отобразить сложное переплетение признаков и характеристик, воздействующих на эти процессы[1]. Социологи выделяют различные срезы или измерения – уровень доходов, имущественное неравенство, образование, политические позиции, этнические признаки, половозрастные критерии.

М. Вебер подчеркивал «два главных аспекта многомерного подхода: а) что существует несколько измерений стратификации, которые следует теоретически различать; б) что положение отдельного лица в одном измерении не обязательно совпадает с его положением в другом измерении, часто здесь возникает расхождение»[2].

---

[1] Социология: учеб. для вузов / Г.В. Осипов, А.В. Кабыща, М.Р. Гульчинский и др. – М., 1995. – С. 181.

[2] Гордон М.М. Социальный класс в американской социологии // Социальная стратификация: сб. ст. Вып. 3. М.: Изд-во Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992.

В основании теории стратификации М. Вебера лежат три фактора: экономический статус, политический статус, социальный престиж. К экономическому измерению социальной структуры относится класс, который происходит из складывающихся в обществе экономических, рыночных отношений, форм собственности. Классы, по Веберу, существуют лишь при капитализме, главные из которых – собственники и не-собственники, распадаются на множество страт, различающихся стилем жизни, традициями, религией. Расширяя понятийный аппарат, М. Вебер вводит понятие статусной группы. Он пишет: «Те группы или общности, на судьбу которых решающим образом не влияет пользование товарами и услугами для самих себя через механизм рынка, не являются классами в техническом смысле этого слова. Скорее всего, они выступают статусной группой»[1]. Статусную группу ученый рассматривает как внутренне однородную общность. К статусным группам относятся сословия, касты, этнические и религиозные группы. Существуют они во всех исторических эпохах, начиная с доиндустриального общества, однако не остаются неизменными. Поскольку в традиционном обществе преобладали приписываемые статусы и статусные группы формировались по этому признаку, то в структуре современного общества доминируют достигаемые статусы, связанные, прежде всего с профессиональной деятельностью. Статусные группы наделяются большинством людей статусными почестями (престижем) – это качество, присваиваемое группе большинством людей. Престиж, как считал М. Вебер, не всегда совпадает с богатством и собственностью, а иногда может и противоречить им. Статус личности обусловлен специфическим социальным оцениванием почести. Относительная независимость основных измерений социальной стратификации предполагает возможное несовпадение позиций индивида в разных сегментах системы неравенств.

Другой представитель многомерного подхода, Б. Тернер, рассматривает три измерения и, соответственно, три статуса: экономическое (классы), политическое (гражданство) и культурное (стиль жизни), причем, приоритетными являются политико-правовые черты статуса. Объяснение этому ученый видит в этимологии понятия

---

[1] Weber M. Economy and Society. N.Y.: Bedminster Press, 1968. – P. 928.

«статус», которое «первоначально означало правовую позицию или положение в обществе, в соответствии с которой гражданин мог претендовать на различные формы избавления от политических и налоговых обязательств». Поэтому под статусом он подразумевал «прежде всего, комплекс социально-политических претензий к обществу, которое дает индивиду (или, выражаясь более социологически – группе) определенные блага и привилегии, выделяя его из числа других индивидов или групп»[1].

Изучение социальной структуры общества в России началось в дореволюционное время. Различные подходы трактовали классы исходя из: отношений собственности на средства производства (марксистский подход); отношения к процессу общественного присвоения прибавочного продукта («распределительный» М. Туган-Барановский, В. Чернов, П. Струве); роли в общественной организации труда («организационный» – А. Богданов, В. Шулятиков); положения в системе общественного производства с общими источниками дохода, интересами («производственный» – С. Солнцев)[2]. В.И. Ленин понимал под классами «такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[3]. В советское время марксистская концепция, постепенно вытеснив остальные, стала доминировать в исследовании социальной структуры общества. Значительное место занимали вопросы связи социально-экономических и организационно-социологических аспектов понятия классов, социальных слоев и профессиональных групп. Утвердилась трехчленная формула структуры советского общества: рабочий класс, колхозное крестьянство и особая социальная прослойка, позже социальный слой, – интеллигенция, в которой не было места социальной дифференциации. «Дифференциация в доходах не связывалась с иерархиями и привилегиями отдельных классов и слоев, ибо они отражали различие вклада конкретных работников в производство», так же как различия в характере труда (умствен-

---

[1] Териер Б. Статус / пер. с англ. и редакция В.И. Ильина // Bryan S.Turner. Status. Open University, Milton Keynes, 1988). URL: http: // www. socnet. narod. ru / library / authors / Ilyin / hrest / terner.htm

[2] Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура и стратификация // Социология в России. – М., 1998. – С. 105.

[3] Ленин В.И. Великий почин // Поли. собр. соч. – Т. 39.

ный и физический), по мнению О.И. Шкаратана, содержали в себе противоречие[1]. Оппоненты данной модели (С.А. Кугель, Ю.В. Арутюнян) доказывали наличие межклассовых и внутриклассовых различий, что являлось свидетельством реальной стратификации. Так, одним из дискуссионных в то время, был вопрос о границах рабочего класса и месте интеллигенции в социальной структуре: является ли интеллигенция автономной и независимой социальной группой или каждая социальная группа имеет свою собственную интеллигенцию? По словам О.И. Шкаратана «идет интенсивный процесс стирания классовых граней, возникают смешанные в классовом отношении группы населения»[2], различия между рабочим классом и интеллигенцией все более выступают как сторона внутриклассовых, хотя и существенных различий. Поэтому, утверждал он, значительную часть советской интеллигенции и других работников нефизического труда можно включить в состав рабочего класса, а интеллигенцию, связанную с колхозным производством, – в колхозное крестьянство. Возражал против этого, один из сторонников выделения интеллигенции в особый социальный слой, М.Н. Руткевич. Ю.Е. Волков, разделяя его точку зрения, отмечал функцию управления, в том числе социальными процессами, которая была для интеллигенции профессией[3].

1960–1970-е годы ознаменовались значительным интересом к социальным процессам. Постепенно эмпирические исследования начинают вырастать из жестких идеологических рамок, вводится новая, принятая международным сообществом терминология и концептуальный аппарат. Исследования тех лет посвящены изменениям в классовой структуре советского общества (М.Н. Руткевич, Ц.А. Степанян, В.С. Семенов, А.Ф. Филиппов), взаимоотношениям различных слоев и групп, внутриклассовым отношениям (Л.Н. Коган, О.И. Шкаратан), проблемам села (Ю.А. Арутюнян). Большой интерес представляют работы новосибирского социолога В.П. Шубкина, который через профессиональные склонности, выбор специально-

---

[1] Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. – М., 1996. - С. 223-224.

[2] Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса. – М., 1977. – С. 112.

[3] Волков Ю.Е. Организация управления обществом // Вопросы философии. – 1965. – № 8.

сти и определение жизненных планов молодежи изучал престиж и привлекательность профессий[1].

Исследования уже строились на основе таких «традиционно используемых и западными социологами, критериев, как уровень образования и квалификация, содержание труда и различие в доходах»[2]. Иерархичность структуры общества отмечала Т.И. Заславская: «Общественное положение, занимаемое различными слоями и классами в социалистическом обществе, может быть в принципе представлено в форме иерархии, в которой некоторые позиции считаются выше, чем другие. Основой для вертикальной иерархии социальных позиций является сложность труда... и ответственность в осуществляемом труде, увеличение которых сопровождается повышением требуемого образования, возрастающим материальным вознаграждением и соответствующими изменениями в образе жизни»[3].

Преобразования, начавшиеся в России на рубеже 1980-1990-х гг. и затронувшие основания социальной системы советского общества, привели к трансформации институтов собственности и власти и, безусловно, повлияли на изменение критериев социальной стратификации общества. Произошло формирование новых слоев, изменился статус, как отдельных индивидов, так и целых групп. В отечественной социологии началось осмысление происходящих процессов и выработка новых стратегий изучения социального расслоения.

Рассмотрим некоторые положения разработок современных исследователей, относящиеся к проблеме социального статуса. Так, основным критерием социальной стратификации у В.В. Радаева становится распределение власти, которое понимается в веберовском смысле – как способность социального субъекта (индивида, группы) осуществлять свои интересы безотносительно к интересам других социальных субъектов. Все остальные факторы (уровень образования, профессия, материальное положение) занимают подчиненное положение, они вторичны. Специфика советской системы

---

[1] Шубкин В.Н. Социологические опыты (методологические вопросы социальных исследований). – М., 1970.

[2] Радаев В.В., Шкаратан О.И. Указ. соч. – С. 240.

[3] Заславская Т.И. О социальных функциях миграции сельского населения в городе // Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. – М., 1970. – С. 103.

заключается в том, что каркасом стратификационной структуры являются органы государственной власти, контролирующие большую часть материальных, трудовых и информационных ресурсов. Положение индивидов в такой системе определяется формальными рангами, которые «в значительной степени предопределяют шансы конкретных групп обрести более или менее влиятельное общественное положение»[1]. Своеобразие данной концепции заключалось в том, что в ее основу легли идеи уникальности цивилизаций, в том числе цивилизационные особенности социальной структуры советского общества.

В концепции Н.Е. Тихоновой веберовская традиция нашла продолжение, обогатившись элементами функционального подхода. Дополнив теоретические разработки обширным эмпирическим материалом, социолог приходит к выводу, что государство строилось на слиянии властных отношений с отношениями собственности. Реальную основу социальной структуры составляло место в процессе нетоварного перераспределения, отношение к контролю над каналами распределительной сети. Общество подразделялось на несколько десятков групп, которые укрупненно можно было представить двумя основными статусами: «управляемые» и «управляющие». Для отнесения к статусу «управляемых» (т.е. «рядовых граждан»), решающее значение имели характеристики человека, определяющие его принадлежность к привилегированным общностям, а именно, должность и отрасль. «Большое значение в определении статуса в целом имели также регион и тип населенного пункта, в которых проживал человек, а для имущественного статуса – и семейное положение»[2].

Иной точки зрения придерживался М.С. Комаров. Отмечая наличие социальной мобильности в обществе и подвижность социальных позиций, он обращал внимание на существенную роль в социальной дифференциации таких факторов, как объективные требования экономики, которые вынуждают институты власти мотивировать людей к нормальной трудовой деятельности только через упорядоченную систему вознаграждений и привилегий; престиж;

---

[1] Радаев В.В., Шкаратан О.И. Указ. соч. – С. 269-270.

[2] Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. – М., 1999. – С. 21-22.

профессионально-трудовая деятельность, объем и уровень образования[1].

В стратификации советского общества, по мнению Т.И. Заславской, решающую роль играл политический потенциал, определявшийся местом общественных групп в партийно-государственной иерархии, что предопределяло не только объем распорядительных прав, но и круг социальных связей, масштабы неформальных возможностей. Экономический потенциал социальных групп измерялся степенью их участия во владении, распределении и использовании общественного богатства. Люди, в той или иной мере причастные к распределительно-обменным процессам, составляли сравнительно небольшую долю населения. Экономический статус массовых слоев общества определялась уровнем заработков и семейных доходов, зависевших от множества факторов, начиная с характера и содержания труда, сфер и отраслей его приложения, ведомственной принадлежности предприятий.

Социокультурный потенциал играл сугубо подчиненную роль. Исследования выявляли слабую, по сравнению с другими странами, взаимозависимость культурного, политического и экономического статуса россиян. Труд специалистов социально-гуманитарного профиля оплачивался ниже труда рабочих. Вместе с тем, культурный уровень, образованность, духовные интересы сказывались на образе жизни интеллигенции, на ее социальном престиже.

Характерные для настоящего времени распад старых и формирование новых общественных институтов усиливают трудовую и социальную мобильность. В связи с этим заметно растет роль таких личных человеческих качеств, как одаренность или талант, уровень социализации, образованность, компетентность, культурный кругозор и т.д. Повышается ценность профессионализма, а значит, и роль социокультурного капитала. Но правильнее это рассматривать все же как тенденцию, тем более, сегодня востребована лишь та часть культурного потенциала, которую можно использовать в данный момент[2].

---

[1] Комаров М.С. Социальная стратификация и социальная структура // Социологические исследования. – 1992. – № 7. – С. 62-67.

[2] Заславская Т.И., Громова Р.Г. Трансформация социальной структуры российского общества // Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / под ред. Д.С. Львова. – М.: Экономика, 1999.

В трансформации социальной структуры российского общества Т.И. Заславская выделяет несколько ключевых моментов. Во-первых, либерализация процессов формирования и преобразования социальной структуры способствовала размыванию старых и формированию новых общественных групп. Появились новые каналы повышения статуса, усилилась мобильность. Во-вторых, возросла роль социального престижа образования и квалификации в формировании социального статуса. В-третьих, усилилось разнообразие социальных структур крупных территориальных общностей. А главное, «существенно изменилась сравнительная значимость компонентов социального статуса. Если в стратификации советского общества доминировал административно-должностной критерий, связанный с местом в системе власти и управления, то ныне решающую роль приобрел критерий собственности и доходов»[1].

На решающую роль материального положения в определении как объективного, так и субъективно воспринимаемого социального статуса в современной России указывали и другие исследователи – З.Т. Голенкова, Л.А. Гордон, Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, В.О. Рукавишников и др.

Исследователи отмечают резкое усиление неудовлетворенности своим уровнем благосостояния и обострение социальной напряженности как результат углубления социальной дифференциации, изменения стандартов для самооценки своего уровня жизни. Как показывают исследования многих российских социологов, в общественном сознании еще не выработались общепризнанные критерии имущественного расслоения и соотнесения себя с определенной стратой. Самооценка зависит от места жительства, возраста и ряда других факторов. Как отмечает Н.М. Римашевская, принципиально разные возможности населения к адаптации привели к тому, что возникли расходящиеся в разные стороны социальные ветви. Они резко различаются поведением, предпочтениями, ориентациями. Возникли даже два потребительских рынка, существенно отличающихся не только ценами, но и набором потребительских благ[2].

---

[1] Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры российского общества / Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Вып. 3. – М., 1997. – С. 69.

[2] Римашевская Н.М. Социальные последствия экономических трансформаций в России / Социологические исследования. – 1997. – № 6. – С. 59-60.

Особым является подход к структуризации российского общества через систему жизненных стилей. Его разработкой плодотворно занимаются Н.И. Балабанов, А.М. Демидов, Н.И. Лапин. Наиболее полно теоретическое обоснование такого подхода содержится в работах Л.Г. Ионина, который считает главным фактором структурирующим общество, культуру. В качестве аргумента, автор ссылается на появившееся в последние годы многообразие жизненных стилей, имеющих исключительно культурное происхождение, а не сословное, классовое или слоевое. Будущая социальная структура, при таком подходе, видится горизонтально организованной, а возможность выбора своего жизненного стиля является благом и свидетельствует о независимости от материальных условий жизни[1].

Наряду с концептуальными проблемами социальной стратификации, предметом исследования российских социологов все чаще становятся вопросы социальной динамики, воспроизводства социального статуса, социальной мобильности. Тема социального воспроизводства разрабатывалась еще в советской социологии, главным образом в русле межпрофессиональных и межотраслевых перемещений населения.

Серьезные качественные изменения в характере социального воспроизводства, произошедшие за последние полтора десятка лет в России, повлияли на состав и структуру различных социальных групп на всех ступенях социальной иерархии. Изменилась и система статусных индикаторов.

Интерес представляют исследования О.И. Шкаратана, Н.Е. Тихоновой, Л.Б. Косовой, Б.В. Головачева, М.Ф. Черныша, в которых авторы стремились зафиксировать и объяснить тенденции складывания новой социальной структуры.

Целью исследования О.И. Шкаратана, Г.А. Ястребова явилось выявление сложившихся и формирующихся реальных социальных слоев, их реальных ресурсов и изучение действия институциональных факторов воспроизводства. Авторы высказывают несогласие с идеей устарелости и исчезновения классов, с которой выступали видные сторонники постмодернизма, обосновывая это тем, что «на фоне относительно высокого материального

---

[1] Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. – 1996. – № 3. – С.35.

уровня жизни и развитой системы социальных гарантий индивиды освобождаются от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье»[1]. И все же многие западные исследователи, в том числе такие авторитетные как Д. Голдторп, Э.О. Райт, Э. Соренсен и другие, признают социальные классы как материальную реальность. Являясь сторонником классовой теории, О.И. Шкаратан выстраивает анализ социального неравенства, придерживаясь принципа, согласно которому индивиды рассматриваются либо как элементы социальной системы и их действия в решающей степени детерминированы местом в системе социоэкономических отношений, либо как элементы культурной системы, и их действия определяются нормами и правилами, сложившимися в данной культуре.

О.И. Шкаратан и Г.А. Ястребов в качестве специфической черты российской стратификации выделяют переплетение сословной иерархии и элементов классовой дифференциации, воспроизводящейся в течение последних лет. Результаты исследования позволили авторам сделать вывод о том, что существуют крупномасштабные группы, которые, несмотря на социальную нестабильность 1990-х гг., воспроизвели свое социальное положение, основанное на роде занятий, уровне образования и типе поселения. Вместе тем, отмечается снижение доли профессионалов и квалифицированных управляющих, преобладание рабочих, что является характерным для стадии позднего индустриализма[2].

Таким образом, в западной социологии сложилось несколько подходов в понимании социального статуса: структурно-функциональный, нормативно-ролевой, многомерный. Изучение статуса в советской социологии было в значительной степени идеологизировано. Социально-экономическая трансформация российского общества нашла отражение в многообразии подходов, которые представляли целый спектр позиций в исследовании статуса: от марксистской традиции до стратификационной методологии.

---

[1] Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. – 2007. – Т. XVI, № 3. – С. 3-49.

[2] Там же.

Современное российское общество характеризуется размыванием прежних и формированием новых общественных групп, усилением трудовой и социальной мобильности, ростом социального престижа образования и квалификации, изменением значимости компонентов социального статуса. Перемены, повлекшие изменение всей социальной структуры общества коренным образом отразились на статусе значительной социальной группы – интеллигенции.

Это обусловливает важность комплексного подхода в исследовании социального статуса данной социальной группы. Ее социальный статус мы рассматриваем как интегративный показатель статусных позиций интеллигенции и ее представителей в обществе, в системе социальных связей и отношений. Раскрытие статусных позиций в основных сферах общественной жизни: экономической, социальной, политической и духовной в совокупности составит представление о статусе русской интеллигенции.

3. Методологические принципы и технологии исследования социального статуса русской интеллигенции в республиках Сибири

Выполнение данного исследования потребовало изучения взглядов, концепций многих как отечественных, так и зарубежных философов, социологов, историков, специалистов других отраслей знаний, касающихся проблем интеллигенции, ее места и роли в современном мире. Важное значение для написания работы имело ознакомление с трудами К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, К. Манхейма, Т. Парсонса, Р. Мертона, П.А. Сорокина, Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, В.И. Ленина, А. Грамши, Д.С. Лихачева, Н.Н. Моисеева, В.С. Степина. Как уже отмечалось во введении диссертации, в ходе проведения исследования применялись различные методы: философские (прежде всего диалектический), общенаучные (системный, структурный анализ, типологизация, сравнение и др.), предметные, собственно социологические (анкетный опрос, интервью и др.).

В процессе работы над темой особый смысл имело предварительное выяснение содержания таких понятий как «интеллигенция», «интеллектуалы», «социальный статус», «роль», «имидж» и

др., которые неоднозначно употребляются в научных исследованиях. Они имеют основополагающее значение для данной работы. Еще Сократ говорил, что «точное логическое определение понятий – главнейшее условие истинного знания». Наиболее выраженный полисемантизм характеризует содержание понятия «интеллигенция». Некоторые авторы насчитывают более 300 различных трактовок интеллигенции в отечественной и зарубежной литературе. В ходе работы над диссертацией был прослежен весь путь изменения содержания данного понятия, начиная с дореволюционного (1917 г.) времени до наших дней. Были выяснены подходы к его трактовке, критерии. В результате в диссертации интеллигенция определяется как социальная группа, члены которой функционально заняты сложным умственным трудом и обладают общепризнанными развитыми культурно-нравственными качествами. Определяя, таким образом, интеллигенцию автор опирался на основные признаки, используемые при социологическом и культурологическом подходах. Это – функциональная занятость сложным умственным трудом и наличие общепризнанных развитых культурно-нравственных качеств. Социально-функциональная характеристика интеллигенции соединена с культурно-личностной. Что касается понятия «интеллектуал», то под ним понимается образованный, умственно развитый специалист, но с технократическим мировоззрением.

Для определения социального статуса русской интеллигенции в национально-государственных образованиях автор исходил из того, что социальный статус – сложное понятие, интегративный показатель статусных позиций интеллигенции, ее представителей в системе социальных связей и отношений. Эти связи и отношения можно выявить только на основе исследования статусных позиций интеллигенции в различных сферах общественной жизни. Социальный статус интеллигенции отражает ее реальное положение среди других социальных групп. Эта реальность вытекает из ее физического наличия и конкретного социального поведения.

С понятием «социальный статус» тесно связано другое, близкое ему понятие «социальная роль», под которой понимается «совокупность действий, которые должен выполнить человек, занимающий данную социальную позицию в организации» (Осипов Г.В.). «Социологический словарь» Николаса Аберкромби, Стивена Хилла и Брайана С. Тернера (М., 1999 г.) определяет

роль как «отражение совокупности социально определяемых атрибутов и ожиданий связанных с определенными социальными позициями» (с. 276). При исследовании социального статуса русской интеллигенции автор будет учитывать обе приведенные трактовки социальной роли.

С понятием «социальный статус» связано еще одно понятие – «имидж». Имидж интеллигенции – это образ, создаваемый субъектом с целью вызвать определенное мнение, отношение у других. Очевидно является важным, что имидж интеллигенции создавался на основе таких ценностей, как профессионализм, автономия, самоактуализация. Имидж закрепляет эффективные типы поведения. Социальное поведение индивида строится в соответствии с ним и этими типами.

Учитывая большое методологическое значение для написания данной работы понятий «интеллигенция» и «социальный статус», их анализу посвящены специальные параграфы.

Поскольку в качестве цели исследования ставится определение социального статуса русской интеллигенции в национально-государственных образованиях Сибири, выявление факторов, механизмов и тенденций его изменения на современном этапе развития российского общества, то вполне естественно основное внимание в исследовании обращается на раскрытие статусных позиций в экономической, социальной политической и духовной жизни, которые в своей совокупности могут дать представление о статусе русской интеллигенции. Выявление социального статуса русской интеллигенции, его особенностей на современном этапе предполагает использование метода социального сравнения. При этом компаративный анализ осуществляется в двух аспектах: 1) статусные позиции русской интеллигенции предполагается сопоставить с соответствующими показателями интеллигенции титульных наций; 2) статусные позиции интеллигенции русской нации автономий Сибири современного этапа развития с аналогичными позициями русской интеллигенции советского и начального постсоветского этапов. Решение последней задачи связано также с необходимостью выявления механизмов и тенденций изменения социального статуса русской интеллигенции в автономиях Сибири.

Русская интеллигенция является одним из важнейших элементов социальной структуры российского общества, всех его нацио-

нально-государственных образований. Формирование и развитие русской интеллигенции в национально-государственных образованиях Сибири – объективный процесс, обусловленный многонациональным составом населения с большой долей в нем русских, динамичными миграционными процессами, особенно в период индустриального освоения, растущими потребностями в квалифицированных специалистах, которые удовлетворялись преимущественно за счет русских, а также благоприятными межэтническими отношениями. Вместе с тем, следует отметить, что за годы советской власти и постсоветский период из числа народов Сибири в каждом из национальных районов сформировалась и выросла многочисленная национальная интеллигенция, представители которой в настоящее время заняты во всех сферах общественной жизни. Русская интеллигенция, усилиями которой в весьма существенной мере было осуществлено становление и рост интеллигенции титульных наций, совместно с интеллигенцией этих наций вносят большой вклад в развитие экономики и культуры национально-государственных образований Сибири. Представители русской интеллигенции трудятся во всех областях хозяйства своих регионов.

Все это дает основание для утверждения о высоком социальном статусе русской интеллигенции в автономиях Сибири. Вместе с тем, в конце XX – начале XXI вв. в особенности, в связи с выбором российской неолиберальной стратегии развития, разгосударствлением собственности, разрушением народнохозяйственного комплекса, осуществлением других преобразований произошли резкое снижение жизненного уровня населения, поляризация, рост безработицы. Эти негативные изменения в обществе, его регионах не могли не сказаться на социальном статусе русской интеллигенции. Этим обусловлено предположение о появившейся тенденции к снижению социального статуса русской интеллигенции в рассматриваемых нами регионах. При этом мы полагаем, что данная тенденция в такой же мере коснулась и интеллигенции титульных наций, так как ее представители трудятся в таких же условиях, в тех же коллективах, что и представители русской интеллигенции.

Исследуя статус русской интеллигенции нельзя не выявить и не определить того влияния, которое оказывает интеллигенция титульных наций. Как показывает опыт, это влияние может быть положительным и отрицательным. Первое, естественно, способствует росту социального статуса, так как дает возможности реализовать

интеллигенции свои интеллектуальные творческие потенции, второе, наоборот, ведет к его падению, так как препятствует этой реализации. К тому же может влиять на формирование негативного общественного мнения об интеллигенции, что, несомненно, влияет на ее социальный статус.

Исторический опыт межэтнических отношений народов Сибири, их национально-государственных образований свидетельствует о том, что они базируются на принципах взаимного уважения, сотрудничества и взаимопомощи. Эти отношения нашли свое подтверждение в практике межнациональных отношений народов Сибири, их интеллигенции не только в советское время, но и в условиях трансформации российского общества.

Обоснованность выдвинутых положений проверялась путем перевода содержания основных понятий в эмпирически фиксируемые признаки – операционные термины и детализирует интерпретацию понятий. Нами применялась структурная и факторная операционализация.

Операционализация (от слова оперировать) заключается в расчленении основных понятий на составляющие их элементы – наиболее значимые характеристики предмета исследования.

Первым шагом операционализации понятия «социальный статус» является «расчленение» на более простые его составляющие. Так, как общество и все его национально-государственные образования состоят из четырех сфер (экономической, социальной, политической, духовной), то социальный статус интеллигенции подвергается членению на 4 сферных статуса. В каждой из этих сфер интеллигенция обладает набором определенных статусных позиций. Совокупность этих позиций во всех сферах общественной жизни дает целостное представление о статусе русской интеллигенции.

Кроме структурной операционализации в исследовании, как уже отмечалось, применялась и факторная операционализация. Последняя включает факторы, которые могут оказывать прямое или косвенное воздействие на изучаемое явление (например, пол, образование, профессия, интересы, нравственность). Исследование социального статуса русской интеллигенции предполагает операционализацию таких понятий, которые условно можно разбить на четыре группы: 1) экономические: а) отношения собственности, б) управление собственностью, в) отраслевая занятость

по секторам (первичный, вторичный, третичный); 2) социальные: а) доходы, б) профессиональная деятельность, в) жилищно-бытовые условия, г) территория проживания; 3) политические: а) обладание властью, б) выполнение управленческих функций в политической сфере, в) работа в органах муниципального самоуправления, г) участие в политическом процессе; 4) социокультурные: а) уровень образования, б) профессия, в) потребности, г) интересы, д) престиж, е) образ, стиль жизни; 5) ценности: а) материальные, б) духовно-нравственные.

В процессе «расчленения» указанных понятий их конечный «продукт» использовался в соответствующем инструменте исследования (анкете или бланке интервью). Скажем, понятие «уровень образования» дифференцируется на общее: начальное, основное, среднее; профессиональное: начальное, среднее, неполное высшее, высшее, послевузовское. Подобные операции производятся и с другими понятиями.

Говоря о значимости операционального понятия следует подчеркнуть, что именно им предопределен выбор индикатора, то есть факта, который используется для социологического измерения. Данное понятие очерчивает круг фактов, которые могут быть применены в качестве индикаторов. Мы использовали операциональные понятия, которые сами выполняют роль индикатора (пол, возраст, национальность, конфессиональная принадлежность и др.). В этом случае ответ на вопрос строго определяется этими понятиями. Кроме того, имеются такие операциональные понятия, которые требовали не одного, а нескольких индикаторов (так, в случае измерения профессиональной активности интеллигенции использовалось несколько индикаторов, отражающих как установки, так и реальное или потенциальное поведение).

При изучении социального статуса русской интеллигенции автором использовались традиционные количественные методы, которые дают возможность получить необходимую информацию, свидетельствующую о динамике и об основных тенденциях роста численности интеллигенции, их особенностях, о структурных изменениях, влиянии научно-технического прогресса и социальных сдвигов на состав специалистов национально-государственных образований России. Без количественных методов невозможно получить информацию о характеристике поселенческой, отраслевой, профессиональной структуры интеллигенции, что имеет большое

значение в определении социального статуса исследуемой социальной группы. Эти методы позволяют выявить также качественный состав специалистов, различные аспекты их подготовки в высшей и средней специальной школе. Именно количественные методы, примененные в данных исследованиях, дают возможность раскрыть социальный статус русской интеллигенции в автономиях Сибири, ее духовно-нравственные ценности в ценностной структуре российских интеллигентов, сопоставить их с соответствующими характеристиками представителей титульных наций.

Вместе с тем, очевидно, что не во всех случаях и не на все обозначенные вопросы можно получить достоверное знание посредством количественных методов. Не всегда количественные методы позволяют глубоко проникнуть в сущность изучаемых процессов и явлений. В этом случае у автора есть необходимость воспользоваться качественными методами, которые позволяют присущими им способами получить более достоверную информацию. В частности, потребность в обращении к качественным методам связана с выяснением ряда вопросов, касающихся духовно-нравственного облика русской интеллигенции, ее социального настроения, перемен в ценностных ориентациях, с поиском ответа на вопрос, почему в познавательной, практической деятельности интеллигента в условиях переходного периода возникают парадоксальные ситуации, когда он разделяет два противоположных мнения. Ж.Т. Тощенко назвал такую личность «парадоксальным человеком». Особенность «парадоксального человека» в том, что он находится как бы в конфронтации, борьбе с самим собой, что не может не сказаться на его социальных действиях. Характерно, что в переходный период возрастают масштабы проявления парадоксальности в сознании и жизни интеллигенции. Очевидно, что перечисленные проблемы вряд ли возможно разрешить количественными методами. Здесь нужны более тонкие средства научного поиска, позволяющие глубже проникнуть в изучаемые процессы. В этих целях бывает нередко необходимым прибегнуть к использованию социально-психологических, а точнее к органическому соединению социологических приемов исследования с социально-психологическими. В случае исследования духовно-нравственных качеств интеллигента, его социального настроения это просто необходимо, ибо каждая личность обладает уникальными, неповторимыми характеристиками. При использовании такого сочетания

указанных методов возникают трудности сочетания социальных и индивидуальных показателей при объяснении сознания и поведения определенного типа личности, но это уже трудности исследователя, а не объекта исследования (Ж.Т. Тощенко).

Для получения необходимой информации о социальном статусе русской интеллигенции использовался анкетный опрос (анкетирование). В социологии опрос как метод сбора первичной информации занимает одно из ведущих мест. Этот традиционный метод позволяет в максимально короткие сроки опрашивать большие совокупности людей и получить разнообразную информацию.

Первый анкетный опрос русской интеллигенции в Бурятии был проведен в мае-октябре 1995 г. Тема исследования – «Социальное положение, интересы и самочувствие интеллигенции». Объем выборки составил 861 человек. Из них: русские – 449, буряты – 387, представители других национальностей – 25 человек.

В процессе проведения исследования применялась многоступенчатая выборка, охватывающая различные поселенческие, демографические, отраслевые, профессиональные и квалификационные группы интеллигенции.

Одним из основных инструментов получения первичной информации явилась специально разработанная анкета. Она включает в себя 73 вопроса, объединенных в шесть взаимосвязанных блоков. Названия блоков в анкете не приводятся. Первый блок, который условно может быть назван вступительным, включает вопросы предварительного характера, облегчающие включение респондента в процесс ответа на вопросы. Они касаются отношения респондента к национальному языку, обычаям, традициям в условиях полиэтнической среды. Важно было выяснить степень владения языком своей национальности, сферы его использования. Это позволило выявить некоторые стороны национальной самоидентификации интеллигенции, которая проживает и трудится в одном из национально-государственных образований Сибири.

Второй блок – «Место русской интеллигенции в сфере национальных отношений региона». В него вошли 14 вопросов. Они в определенной мере являются продолжением вопросов первого блока. Их задача – помочь определить положение, имидж, роль русской интеллигенции в сфере межнациональных отношений, степень межэтнической толерантности. Блок начинается с вопросов, связанных с выяснения того, существует ли проблема национальных от-

ношений в Бурятии, приходилось ли респондентам сталкиваться с недружественным отношением из-за национальной принадлежности к людям своей национальности. И завершает этот блок попытка выяснить, какие исторические события, по мнению опрашиваемого, сыграли важную роль в развитии своего народа. Среди вариантов ответов – вхождение Бурятии в состав России, Октябрьская революция 1917 г., победа в Великой Отечественной войне, образование Бурятской АССР и др. Ответы на вопросы блока могли составить представление о состоянии межэтнических отношений в регионе, об отношении представителей русской интеллигенции к историческим, национальным и общероссийским ценностям и о наличии (или отсутствии) в сознании интеллигента соответствующих интернациональных качеств.

В третий блок – «Социальное положение русской интеллигенции, ее участие в трудовой деятельности» включены вопросы, направленные на выявление статусных позиций русской интеллигенции в экономической и социальной сферах. В этом блоке сконцентрированы вопросы, позволяющие выяснить, в какой мере удалось респондентам русской национальности (а для сравнения – и бурятской национальности) реализовать свои профессиональные знания, опыт, творческие возможности, удовлетворяет ли выполняемая работа, соответствует ли она специальности, указанной в дипломе. Часть вопросов данного блока дает возможность определить материальное положение русской интеллигенции, мотивы работы по совместительству, а также выяснить, насколько последняя работа соответствует специальности по диплому.

Четвертый блок – «Статус русской интеллигенции в политической и управленческой областях» ставит своей задачей изучить отношение интеллигенции к постсоветскому обществу, проводимой в нем политике, оценку респондентами своего участия в политической жизни страны, в проводившихся политических акциях, формы и степень этого участия. Важно было установить политические предпочтения интеллигенции, степень ее доверия к современным политическим и общественным деятелям России и Бурятии.

В пятом блоке – «Статусные позиции русской интеллигенции в духовно-нравственной сфере» располагаются вопросы, позволяющие раскрыть свои духовные потребности, интересы и степень их удовлетворения. Здесь имеются вопросы, касающиеся чтения художественной литературы, посещения театров, отно-

шения к религии и другие. Важно было выявить оценку респондентом современной интеллигенции, ее роли в жизни общества и нации, а также получить от него информацию о том, считает ли он себя интеллигентом.

Шестой, заключительный блок анкеты составляют вопросы, характеризующие личность респондента (паспортичка).

Основная часть вопросов анкеты носит закрытый характер. В связи с тем, что некоторые вопросы предполагают дать несколько ответов, общее число ответов превышает 100 %.

По способу коммуникации между исследователем и опрашиваемым анкета относится к раздаточным.

Для получения необходимой информации о социальном статусе русской интеллигенции в Республике Тыва и в Республике Саха (Якутия) был проведен анкетный опрос аналогичный тому опросу, который проводился в Республике Бурятия. В Тыве исследование проводилось в 2004 г. Было опрошено 818 представителей интеллигенции, из них 257 русской национальности. Опрос проводился в г. Кызыл и в пяти районах республики. В Саха (Якутия) анкетный опрос был проведен в 2005 г. Выборка составила 507 человек, из них представители русской интеллигенции насчитывают 144 человека. В Тыве и Якутии исследование проводилось с использованием тех же методов и технологий, которые применялись в Бурятии.

Важное значение для получения информации имел анкетный опрос, проведенный в Бурятии в начале 2011 г. Тема исследования «Интеллигенция в Бурятии: социальный статус». Объем выборки составил 995 человек, в том числе русских 553, бурят – 411, представителей других национальностей – 31 человек. Это был панельный опрос. Он был проведен по той же анкете, по которой было организовано социологическое исследование в 1995 г. Изменения коснулись лишь 7–8 % общего количества вопросов анкеты 1995 г. Это позволило выявить динамику, тенденции изменения места, социального облика, роли русской интеллигенции в Бурятии, а использование материалов указанных выше других исследований (по Тыве и Якутии) – и в целом в национально-государственных образованиях Сибири.

В заключение отметим, что в работе теоретико-методологическая основа исследования, которую составили критически осмысленные идеи и концепции крупных представителей фи-

лософской, социологической и исторической мысли. Определены важные понятия, употребляемые в работе. Использовались важнейшие методы научного познания: философские, общенаучные, частнонаучные. Из социологических применялись анкетный опрос, биографический и др. Охарактеризована эмпирическая база исследования, основу которой составили данные социологических опросов, проведенных в Бурятии, Тыве, Саха (Якутии), документов, переписей населения, госстатистики и др.

ГЛАВА II СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

1. Социальное положение и роль русской интеллигенции национально-государственных образований Сибири в советское время

Интеллигенция является неотъемлемой частью социальной структуры любого современного общества. Необходимым условием функционирования социума на всех его этапах выступает наряду с материальным, духовное производство, духовная жизнь, все возрастающая доля интеллектуального труда, с которым неразрывно связана интеллигенция. Духовное производство охватывает весь процесс производства духовных благ – от их создания, распределения, обмена, до их потребления. Оно включает воспитание и обучение, образование и просвещение, науку и искусство, язык и философию, идеологию и религию, нравственность и социальные нормы. Как справедливо отмечает А.К. Уледов, духовное производство является «специализированным производством»[1], ибо оно осуществляется особыми группами людей, специалистами своего дела и основывается на умственном, интеллектуальном труде. Вместе с тем следует отметить, что интеллигенция, занятая в сфере духовного производства, распространяет свое влияние и на сферу материального производства. «Работники духовного производства, пишет В.Н. Орлов, – осуществляя обучение, воспитание, профессиональную подготовку кадров для промышленности и сельского хозяйства, повышая их производственную квалификацию и общую культуру, оказывают экономическое и социальное воздействие на материальное производство, вступая в экономические отношения с его представителями»[2].

---

[1] Уледов А.К. Духовная жизнь общества. – М., 1980. – С. 70.

[2] Орлов В.Н. Духовное производство и его развитие в условиях социализма. – М., 1986. – С. 82.

Но интеллигенция выступает не только в качестве субъекта духовного производства и силы, воздействующей на материальное производство, она обеспечивает преемственность, передачу духовного наследия, накопленного в различных областях общественной жизни следующим поколениям. Она естественное звено, обеспечивающее непрерывность духовного производства.

Говоря о межпоколенной преемственности в духовной сфере, Г. Гегель подчеркивал: «Созданное каждым поколением в области науки и духовной деятельности есть наследие, рост которого является результатом, все человеческие поколения благодарно и радостно поместили все то, что им помогало пройти жизненный путь, что они обрели в глубинах природы и духа. Это наследие есть одновременно и получение наследства, вступление во владение этим наследством. Оно является душой каждого последующего поколения, его духовной субстанцией, ставшей чем-то привычным, его принципами, предрассудками и богатством; и вместе с тем это полученное наследство низводится получившим его поколением на ступень предлежащего материала видоизменяемом духом. Полученное, таким образом, изменяется, и обрабатываемый материал именно потому, что он подвергается обработке, обогащается и вместе с тем сохраняется».[1] Все это показывает, что общественное сознание не только отражает общественную жизнь людей, но имеет свою внутреннюю логику развития, свои принципы и свои традиции. Будучи связанной с определенными формами общественного сознания, интеллигенция выступает не только субъектом специализированного духовного производства, но и основным звеном, духовно соединяющим разные поколения.

Все это свидетельствует об объективности, естественности бытия интеллигенции в цивилизованном обществе и ее огромной роли в его развитии. Не случайно известный публицист редактор-издатель ряда ведущих российских газет и журналов, М.А. Славинский, утверждал: «Ибо тот народ и достоин называться национальностью в современном значении этого слова, в составе которого появление интеллигенции стало совершившимся фактом»[2].

В России слой образованных людей начал формироваться в первой половине XIX в., сначала из представителей духовенства, затем,

---

[1] Гегель Г. Лекции по истории философии // Соч. Т. IX. – М., 1932-1935. – С. 11.

[2] Славинский М.А. Русская интеллигенция и национальный вопрос // Вехи: pro et contra: Антология. – СПб., 1998. – С. 745–746.

главным образом, дворянства. И лишь с распространением образования и возникновением «разночинной» интеллигенции, она составила некую социальную общность. Как отмечает А. Севастьянов, это был процесс государственного производства интеллигенции. В нем автор видит историческую особенность русской интеллигенции: она дитя правительства, а не длительного исторического процесса, как в Европе. «В России, – пишет он, – не было вольных университетов, рассадников независимого знания, не было и иезуитских школ, не подчиненных центральной государственной власти. Создание нашей интеллигенции с самого начала было подчинено сугубо практической задаче: обеспечить «потребное количество» представителей умственного труда. Первого порядка – инженеров, офицеров, врачей, священнослужителей, послушных абсолютизму. Одновременно во всех школах обучались тысячи детей. Во второй половине XVIII в. только на территории самой России, не считая Украины, Сибири, Польских областей и т.п. насчитывалось до 317 тыс. лиц, получивших начальное образование в стенах государственных учебных заведений. А еще минимум 47 тыс. окончили специальные учебные заведения, получили интеллигентские профессии, стали интеллигенцией своего времени. В том числе примерно 13 тыс. относительно высокообразованных специалистов вышло из сословных дворянских корпусов и училищ. Названные цифры не учитывают значительное количество крепостной интеллигенции – музыкантов, врачей, актеров, художников. Впервые в России, особенно в столицах, сложился подобный контингент образованных людей»[1]. Возражая экс- министру народного просвещения графу Д.А. Толстому, полагавшему, что у России «нет большой надобности в университетах», Д.И. Менделеев отмечал, «ежегодно и достойным нет входа в высшие учебные заведения из-за недостатка мест»[2]. Существенное значение имело введение льгот или полное освобождение от оплаты за обучение, восстановление категории вольнослушателей, благодаря чему численность студентов в российских университетах практически удвоилась и достигла почти 6 тыс. человек. Аналогичные процессы происходили во всей системе образования[3]. Из-

---

[1] Севастьянов Александр. Национал-капитализм. – М., 1995. – С.43.

[2] Менделеев Д.И. Об образовании, преимущественно высшем. Гл. 6 // Заветные мысли. – М.: Мысль, 1995. – С. 250–251.

[3] Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. – М., 1985. – С. 240.

менился и социальный состав учащейся молодежи. Слой лиц умственного труда стал формироваться в основном за счет представителей непривилегированных и малоимущих сословий, которых называли разночинцами. Понятие «разночинец», вошедшее в русский язык раньше термина «интеллигенция», в середине XIX в. стало применяться главным образом к лицам, избравшим интеллектуальные профессии в качестве основного занятия своей жизни. А.И. Герцен сразу же определил их как слой, затерый между аристократией и народом: «Среда пестрая, хаотическая, среда брожения и личного вырабатывания, среда алчущая и неудовлетворенная, она состоит из всего на свете – из разночинцев и поповских детей, из дворян-пролетариев, из приходских и сельских священников, из кадет, студентов, учителей, художников; в нее рвутся пехотные офицеры и иной кантонист, писаря, молодые купцы, приказчики...»[1]. Несколько позже смысловой акцент сместился со своеобразия социального происхождения работника на общественные функции. В стране начался интенсивный процесс консолидации новой социальной группы.

В 1913 г. в России насчитывалось 190 тыс. человек с высшим и средним специальным образованием, в том числе 136 тыс. – с высшим. Интеллигенция была представлена не только центральными районами России. Часть ее находилась на периферии страны, включая национальные районы. Интеллигенция состояла, главным образом, из представителей русской нации, лиц же коренных национальностей было очень мало.

Согласно материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. во всех губерниях и областях Сибири насчитывалось 7361 человек, имевших высшее и среднее специальное образование. Из них только 28 человек принадлежали к коренному населению. Это были по преимуществу яркие, самобытные личности, многие из которых были тесно связаны с известными представителями русской интеллигенции. Кроме того, 272 человека имели среднее образование. Конечно, было небольшое количество людей, не имевших высшего и среднего образования, которые выполняли интеллектуальные функции. Это представители духовенства, органов местного самоуправления, учителя школ и др. Осталь-

---

[1] Карначев М.Д. Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени / www.sgu.ru /files/nodes/9873/05.pdf.

ные, за небольшим исключением, являлись представителями русской нации. Небольшую часть составляли сосланные в эти края представители интеллигенции других национальностей, в частности, польской. Так, в Бурятии русская интеллигенция была представлена учителями, служащими органов управления, землемерами, представителями военного ведомства, ветеринарами, агрономами, врачами, фельдшерами.

Русская интеллигенция была достойной представительницей своего народа. Ее характеризовал высокий уровень умственного и нравственного развития. «Как ни определять явление интеллигенции, -- писал о русской интеллигенции М.А. Славинский, – главным ее признаком необходимо признать высокое интеллектуальное развитие состава ее членов. Кроме того, интеллигенция – единственная общественная группа, которая, будучи более или менее независимой от воздействий сословий, классовой и профессиональной психологии, концентрирует в себе все черты общенародного гения, делается сосредоточием общественного творчества, питаясь непосредственно ее соками и непосредственно возвращая полученное в переработанном виде народу, минуя все сословные, классовые и профессиональные перегородки. Интеллигенция является не только создателем всех нематериальных ценностей, находящихся в культурном обороте данного народа, но и неизменным распределителем их: без нее невозможно поступательное движение всей цивилизации данного народа. Интеллигенция стоит на страже всех элементов национального самосознания народа»[1]. Автором обращается внимание на роль русской интеллигенции в развитии своей нации, в определении ее судьбы, в осуществлении всех своих национальных функций. «Ее культурным развитием определяется степень культуры данного народа, ее симпатии и настроения являются таковыми же данной национальности, ее психический уклад, отлагаясь в народном сознании, придает окончательный вид и окончательную форму национальной психологии; наконец, главное орудие культурно-национального творчества народа – национальный язык – находится всецело в ее обладании, притом форма этого орудия, которой пользуется интеллигенция, является всегда наиболее совершенной для каждого данного момента народной истории. Интеллигенция является также своего рода интеллектуальной лабораторией,

---

[1] Славинский М.А. Там же. – С. 746.

в которой, помимо чисто культурных ценностей, создаются формы и типы национальной гражданственности и политического устроения. В руках интеллигенции находятся все ключи от исторической судьбы того народа, представительницей которого она является»[1]. Характеристика русской интеллигенции, данная М.А. Славинским, с достаточной точностью и определенностью вычленяет важнейшие черты, присущие рассматриваемой социальной группе. Нельзя не согласиться с автором: действительно русская интеллигенция в самое короткое время и при самых неблагоприятных условиях вырастила великую литературу, высокую научную и художественную мысль, которые позволили русскому народу занять подобающее ему место в ряду мировых национальностей.

Приведенная характеристика русской интеллигенции не исчерпывает всех присущих ей черт. Особый смысл в ракурсе рассматриваемой нами проблемы имеют те ее свойства, которые связаны с отношением к другим народам. В многонациональных государствах эти качества приобретают приоритетный характер. «Это – более или менее полная нейтрализация националистических очертаний». Данное качество русской интеллигенции, по мнению М.А. Славинского, резко выделяет ее из ряда первенствующих национальностей в многонациональных государствах.

При этом автор отмечает, что это качество не всегда проявлялось в ее отношениях с другими народами. По его мнению, русская интеллигенция первой четверти XIX в. была националистической, в значительной мере она оставалась таковой и во всю первую половину прошлого столетия: Пестель и Пушкин в этом отношении мало чем отличались от Николая I, старое славянофильство ничем не отличалось от современного ему правительства. Лишь с середины прошлого века, с полным отрывом стремящейся вперед интеллигенции от застывшего в устарелых формах государственности правительства, с борьбой против него из-за государственного национального совершенствования, с русской интеллигенции спали ветхие одежды националистической агрессии. Высокий уровень русской культуры и благородные качества русской интеллигенции сыграли важную роль в утверждении государственного единства народов России. Все они – за исключением поляков, немцев и народов Финляндии, национальное развитие которых шло особым пу-

---

[1] Там же.

тем, – начали свое возрождение под абсолютным влиянием русской культуры. Государственное единство, построенное на таком широком и стойком фундаменте, как национальное сознание всех народов, достоянием которого стали общие политические, созданные творческой мыслью первенствующей национальности, способно устоять перед всеми ожидающими его испытаниями[1].

Огромные потери и разочарования пришлось пережить многим представителям русской интеллигенции в революциях 1905 и 1917 гг. В эти годы страну покинуло около двух миллионов человек. Среди них – ученые, инженеры, литераторы, артисты. В годы Октябрьской революции многие из них пережили горечь разочарований в своей вере в народ, в его «богоизбранности», «святости». Старая Русь, писал И.А. Бунин, никуда не ушла, дав о себе знать в кровавом разгуле революции, ее зверствах и насилии. Но не столько народ повинен в случаях вандализма, насилия по отношению к интеллигенции, сколько классовые отношения, которые господствовали в дореволюционной России.

Большинство интеллигенции не сразу встало на сторону советской власти. «Надо сказать, – говорил В.И. Ленин в июне 1918 г., – что главная масса интеллигенции старой России оказалась прямым противником советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности»[2].

Тем не менее, многие из русских интеллигентов, как в центре, так и в окраинных районах России, перешли на сторону советской власти и честно, добросовестно трудились над созданием новой экономики, культуры, укреплением военной мощи, отбросив личные обиды, какими бы горькими и несправедливыми они ни были. В подтверждение сказанного приведем описанное В.В. Маяковским содержание его встречи с А. Блоком после Октябрьской революции. В.В. Маяковский говорит: «Спрашиваю: «Нравится?» – «Хорошо, – сказал Блок, а потом прибавил: У меня в деревне библиотеку сожгли»[3].

Значительная часть старой интеллигенции не торопилась идти на службу новой власти, занимала нейтральные, выжидательные позиции, а немало оказывало ей сопротивление. Власть же стреми-

---

[1] Славинский М.А. Там же. – С. 417–418.

[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 420.

[3] Маяковский В.В. Умер Александр Блок // Маяковский В.В. Собрание соч.: в 8 т. – М., 1968. – Т. 2. – С. 459.

лась преодолеть это сопротивление, сформировать у интеллигенции покорность, послушание, лишить ее независимости мышления, свободы творческого проявления личности, принципиальности в отстаивании своих позиций. Интеллигентским профессиям отводилась роль исполнителей, колесиков и винтиков партийного дела.

В этих целях в широких масштабах развернулось давление на интеллигенцию, применение по отношению к ней насилия. Эскалация антиинтеллигентских тенденций стала неотъемлемой чертой внутренней политики в стране. В 1920-х – начале 1930-х гг. десятки и сотни интеллигентов пострадали в ходе борьбы против «левой оппозиции», «правых уклонистов», «шахтинцев», «трудовой крестьянской партии», «буржуазных националистов» и др. Широкое распространение получило такое уродливое явление как «спецеедство» (антиинтеллигентские настроения и действия). Все это имело место не только в центральных районах страны. Оно не менее широкий размах получило в национально-государственных образованиях Сибири, и затронуло в одинаковой мере как русскую, так и национальную интеллигенцию. Во второй половине 20-х – начале 30-х гг. «спецеедство» приняло столь тревожные масштабы, что местные партийные органы в ряде случаев вынуждены были сдерживать рост антиинтеллигентских настроений и действий. Так, в 1926 г. секретарь Якутского обкома партии М.К. Аммосов выступил в республиканской газете со статьей «О родстве, о спецах и о сплетнях», в которой писал о необходимости решительно «отгораживать от сплетней и незаслуженных оскорблений тех советских специалистов, кои добросовестно трудятся вместе с нами за укрепление Советской власти»[1].

Крупные потери понесла интеллигенция национальных районов Сибири, как страны в целом, в 1937–1938 гг. Сигналом к началу репрессий послужило выступление Сталина на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), в котором он заявил, что по мере продвижения к социализму классовая борьба в стране будет постоянно обостряться. Выдвинутое положение явилось, как известно, теоретическим обоснованием грубых нарушений законности и массовых репрессий. Специфическими особенностями этой кампании в национальных районах являлась ее антинациональная направленность. Лица коренных национальностей, подвергавшиеся

---

[1] Автономная Якутия. – 1926. – 26 марта.

репрессиям, как правило, обвинялись в национализме. Так, в Бурятии в указанный период были репрессированы и физически уничтожены почти все наиболее крупные ученые, педагоги, писатели, общественные деятели, принадлежавшие к старой интеллигенции. Такая же участь постигла почти всех бывших членов бюро обкома партии, большинство членов обкома, всех народных комиссаров, многих ответственных работников ЦИК, Совнаркома и наркоматов. Были репрессированы почти все секретари райкомов партии и председатели аймачных исполкомов[1]. Подобные процессы происходили и в Якутии. В республике с 1935 по 1938 г. уменьшилось число коммунистов на 1181 человек[2]. Уменьшение произошло в основном за счет интеллигенции. Необходимо отметить, что репрессии коснулись в такой же мере и представителей русской и других национальностей.

Русские составляли львиную долю в составе выдвиженцев, использовавшихся преимущественно в сфере управления. Для работы в государственный, партийный и хозяйственный аппарат выдвигались наиболее подготовленные энергичные рабочие и крестьяне, которые, пройдя курсовую подготовку, выполняли управленческие функции, со временем становились частью советской интеллигенции.

Выдвиженчество, как один из путей пополнения кадров интеллигенции, впервые было использовано во время Парижской Коммуны. В 1871 г. рабочие Парижа, уничтожив учреждения буржуазного государства, создали новый аппарат управления, выдвинули на самые ответственные посты сотни и тысячи своих лучших представителей. Оценивая эту акцию, К. Маркс писал, что «простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства» – имущих классов, на привилегию управления – и при неслыханно тяжелых условиях выполняли эту работу скромно, добросовестно и успешно...».[3] Этот опыт был применен к России.

В середине 20-х гг. выдвиженцы составляли две третьих руководящих работников автономных республик и областей Сибири. Так, в Бурятии в 1926 г. в центральном аппарате, насчитывавшем 2166 человек, буряты составляли 169 человек, остальные 1997 –

---

[1] Басаев Г.Д., Ербанова С.А. М.Н. Ербанов. Изд. 3-е. – Улан-Удэ. 1989. – С.210.

[2] Якутская областная организация КПСС в цифрах 1919-1977. – Якутск, 1979. – С.15.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.17. – С. 347.

русские и представители других национальностей: в аймачных аппаратах, низовых советских и кооперативных органах показатели были соответственно 3161, 721 и 2440 человек[1]. Характерными особенностями выдвижения в национальных районах Сибири являлись его широкие масштабы и связь с политикой коренизации партийного, государственного и хозяйственного аппарата, то есть широкого включения в него представителей трудящихся коренных национальностей. Однако коренизация не означала включения в аппарат управления только представителей коренного населения. Несмотря на некоторое уменьшение в последующие годы доли русских в аппарате государственного управления, они по-прежнему занимали доминирующее положение в системе органов власти и оказывали большое влияние на все сферы жизни своих регионов. Вместе с тем, нельзя не отметить, что среди выдвиженцев, наряду с работниками, сочетавшими преданность революции с высокими интеллектуальными и нравственными качествами, были лица, злоупотреблявшие своим служебным положением, карьеристы, умственно ограниченные и морально нечистоплотные люди. Массовый характер выдвиженчества, низкий культурный уровень части выдвиженцев отрицательно сказались на качестве быстро растущей новой интеллигенции. Тем не менее, нельзя игнорировать выдвиженчество или недооценивать его как одного из путей формирования интеллигенции (преимущественно управленческой), особенно на начальных этапах становления и развития советского общества.

В этой связи вряд ли можно согласиться с исследователями, которые не жалея красок, пишут о низком профессионализме, скудном образовании советской интеллигенции, особенно той ее части, которая вышла из среды выдвиженцев. Так, С.В. Волков в своей монографии «Интеллектуальный слой в советском обществе» утверждает: «Созданный коммунистическим режимом образованный слой, известный как «советская социалистическая интеллигенция» отличается в целом низким качественным уровнем». «Основная часть советской интеллигенции получила крайне поверхностное образование». «Характерной чертой советской действительности были прогрессирующая профанация интеллектуального труда и образования как такового». «Советские «практики» – выдвиженцы

---

[1] Подсчитано по: Доклад правительства Бурят-Монгольской АССР Совнаркому РСФСР / ЦИК и СНК БМАССР. – 1928. – С. 83.

вышли как раз из низов общества и, не получив даже того скудного образования, какое давали советские специальные учебные заведения, представляли собой элемент, еще более понижающий уровень советского интеллектуального слоя»[1]. Старая же интеллигенция, которую как считает С.В. Волков, советская власть рассматривает как некий тип вредных животных, надлежащих уничтожению и все помыслы были направлены на его истребление[2].

Прочитав это, хочется спросить, кто же тогда проектировал и строил тысячи заводов, электро- и атомных станций, космические аппараты, создавал произведения художественной литературы, музыку, фильмы, давал первоклассные знания учащимся и т.д. Не советская ли интеллигенция?

Рост влияния русской интеллигенции в автономиях Сибири связан с непрерывным пополнением ее лицами с высшим и средним специальным образованием, ее деятельностью. Данный аспект связи реализовался в трех основных направлениях:

1. Приезд в национальные районы Сибири больших групп руководящих работников, специалистов различных отраслей знаний из центральных районов страны (самостоятельно, по направлению министерств, ведомств, по распределению и т.д.), которые участвовали в создании промышленных предприятий, в осуществлении коллективизации сельского хозяйства, культурной революции, в организации научных, медицинских учреждений, учебных заведений. Так, в 1933 г. в Бурятию на строительство крупнейшего на востоке страны Верхнеудинского паровозо-вагонного завода прибыло 410 инженеров и техников, в следующем. 1934 г. – 125[3]. Одновременно при помощи приехавших русских, украинских специалистов была организована подготовка технических кадров на месте. В Туву только за 1945–1947 гг. было направлено 362 специалиста различных отраслей народного хозяйства, а также группа партийных, советских и комсомольских работников[4]. Это только отдельные примеры. До середины 1930-х гг. почти все специалисты высшей квалификации (учителя, врачи, инженеры и др.), пополнявшие интеллигенцию национальных районов Сибири, были выпускниками вузов, располо-

---

[1] Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. – М., 1999. – С. 83–84.

[2] Там же. – С. 19.

[3] 15 лет Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ, 1938. – С. 65.

[4] Очерки истории Тувинской организации КПСС. – Кызыл, 1976. – С. 168.

женных за пределами этих районов. Это были специалисты преимущественно русской национальности. Например, Наркомпрос РСФСР в 1934 г. постановил выделить для Бурятии из педтехникумов и педвузов, находящихся в других краях и областях, 600 учителей для школ I ступени и 525 – для школ II ступени[1]. На протяжении всех последующих лет национальные районы Сибири пополнялись русскими специалистами.

2. Помощь русской интеллигенции в создании и развитии в этих районах сети высших и средних специальных учебных заведений. Эти заведения сыграли огромную роль в подготовке национальных кадров, в развитии экономики и культуры. В начале 1940-х гг. в автономиях Сибири действовало 45 средних специальных учебных заведений, в которых обучалось 10 тысяч человек[2]. Они были созданы и функционировали при существенной помощи русских преподавателей. В начале 1930-х гг. в Бурятии были открыты педагогический и сельскохозяйственный институты, в 1934 г. – Якутский педагогический и учительский институты, позже – в других национальных регионах. Примером помощи русской интеллигенции в организации этих вузов и ССУЗов может служить деятельность по созданию Бурятского пединститута: «Для его организации, постановки учебного процесса, научной работы были направлены в Бурятию высококвалифицированные, опытные научно-педагогические работники, в том числе профессора М.П. Алексеев – крупный специалист по зарубежной литературе (ставший позже академиком), Н.Н. Козьмин – исследователь истории Сибири, доценты В.Д. Кудрявцев, В.П. Денисов, А.М. Ремизов, М.В. Широковский.

По свидетельству первого директора Бурятского пединститута М.П. Хабаева, первые полтора-два года основные профилирующие дисциплины читались преподавателями, профессорами Иркутского пединститута. К моменту приезда преподавателей из Иркутска в Бурятию, не было по-существу ни одного профессионально подготовленного вузовского работника, ни одного профессора. При непосредственном участии и поддержке центральных и сибирских вузов создавалась материальная и учебно-производственная база, формировались коллективы кафедр, развертывались научные исследования. Прибывшие в республику специалисты с большой энергией,

---

[1] Осинский И.И. Формирование социалистической интеллигенции у народов Сибири. – Иркутск, 1984. – С. 172.

[2] Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. – М., 1980. - С. 340, 341, 344, 345, 363.

энтузиазмом участвовали в организации вуза, налаживании учебно-воспитательного процесса»[1].

Якутскому пединституту большую помощь оказывали университеты Москвы, Ленинграда, Иркутска, другие вузы страны.

3. Подготовка специалистов из среды молодежи национальных районов Сибири в вузах и техникумах крупных научных центрах страны и Сибири.

Ставилась задача подготовки учителей, врачей, инженеров, управленцев, других специалистов для развития экономики, культуры этих районов. При этом особое внимание обращалось на формирование кадров национальной интеллигенции. Для осуществления этой задачи народам Сибири были предоставлены широкие возможности для подготовки кадров интеллигенции: прием на учебу проводился на льготных условиях, выделялись квоты для «целевиков», создавались национальные отделения, рабфаки. В 1923 г. обучалось в вузах Москвы, Ленинграда, Урала, Сибири 162 выходца из Якутии (в том числе 82,7 % якутов, эвенков), в 1927 г. – 367 чел. (91,0 % якутов и эвенков), в 1932 г. – 786 чел. (все представители коренных национальностей)[2]. В 1931 г. там обучались 1010 чел. из Бурятии.

Одновременно создавались необходимые условия для подготовки специалистов из числа русской и других национальностей, у которых была сформирована интеллигенция задолго до октябрьской революции (1917 г.). На количественные параметры подготовки специалистов большое влияние оказывала национальная структура населения автономий Сибири. Так, в Бурятии доля бурятского населения составляла в 1939 г. 21,3 %, в 1959 г. – 20,2 %, в 1970 г. – 22,0 %, доля русских соответственно – 72,0 %, 74,6 %, 73,5 %[3]. Не случайно, что в составе студенческих контингентов вузов и ССУЗов Бурятии доминирующее положение занимали студенты русской национальности. Численность последних значительно превосходила численность будущих специалистов других национальностей. Так, в вузах Бурятии обучался 5741 студент, из них 2662 являлись представителями русской национальности, в 1965 г. эти показатели равнялись соответственно 13935 и 8278 человекам, в 1970 г. – 20184 и

---

[1] Осинский И.И. Alma Mater. – Улан-Удэ, 1999. – С. 31–32.

[2] Культурная революция в Якутии (1917–1937 гг.). – Якутск, 1968. – С. 412.

[3] Бурятская АССР в цифрах: краткий стат. сб. – Улан-Удэ, 1987. – С. 7.

11771 человекам[1]. В средних специальных учебных заведениях республики в 1972 г. обучалось 22936 учащихся, из них 16912 русских.

Будучи наиболее крупной по численности нацией в России, русские были представлены и наибольшим количеством студентов. Например, в 1976/77 учебном году в России насчитывалось 2905,7 тыс. студентов вузов, из них русские составляли 2416,5 тысяч (83,2 %), в средних специальных учебных заведениях соответственно – 2732,3 тыс. и 2300,7 тыс. (84,2 %)[2]. Небольшие по количеству своих представителей нации, не могли иметь столь многочисленных контингентов студентов. Тем не менее, их доля в структуре своих национальностей была достаточно высокой, о чем свидетельствуют данные приводимой ниже таблицы 1[3].

Таблица 1

Удельный вес обучающихся в вузах и ССУЗах в расчете на 10000 населения (в разрезе наций и народностей, давших название республикам и автономным областям). 1970 и 1980 гг.

	1970 г.		1980 г.	
	студенты вузов	учащиеся ССУЗов	студенты вузов	учащиеся ССУЗов
1	2	3	4	5
русские	212	210	220	190
буряты	356	200	453	263
якуты	216	169	280	213
тувинцы	129	137	175	175
В целом по СССР	190	182	199	176

Уже к 1970 г. из трех наиболее крупных народов данного региона – бурят, якутов, тувинцев – у бурят и якутов доля студентов среди населения своих национальностей превышала среднесоюзный показатель, в 1980 г. – у всех перечисленных народов еще больше возросло количество обучающейся молодежи. Что же касается доли учащихся средних специальных учебных заведений, то в 1970 г. она была выше среднесоюзной у бурят. В 1980 г. к ней прибавились якуты. Тувинцы почти достигли данного показателя.

---

[1] Осинский И.И. Развитие высшей школы в Бурятии на современном этапе // Становление высшего образования в Бурятии: сб. ст. – Иркутск, 1981. – С. 72.

[2] Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: стат. ежегодник. – М., 1977. – С. 312.

[3] Приводятся по: Осинский И.И. Развитие интеллигенции национальных районов Сибири. – М., 1985. – С. 33-34.

Характерной особенностью подготовки специалистов из среды народов Сибири являлись более высокие темпы роста молодежи ранее отставших по этому показателю народов, благодаря чему численность специалистов титульных наций росла быстрее, чем численность русских специалистов. Об этом свидетельствуют следующие данные[1].

Таблица 2

Количество лиц с высшим, незаконченным высшим, средним специальным образованием на 1000 человек занятого населения своей национальности в 1959, 1970 и 1979 гг.

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	в 1979 г. увеличилось по сравн. с 1959 г. (в раз)
русские	69	183	285	4,1
буряты	44	201	319	7,2
якуты	40	181	276	6,9
тувинцы	17	102	158	9,3

Во всех национальных группах за период с 1959 по 1979 г. произошло существенное увеличение работников квалифицированного умственного труда. Наибольшая доля специалистов среди бурят. У тувинцев она в 2,0 раза меньше.

Высокая степень приобщения бурят к интеллектуальному профессиональному труду объясняется растущими потребностями социально-экономического и культурного развития республики в кадрах специалистов с высшим и средним специальным образованием в годы советской власти; благоприятными условиями, созданными в те годы для интеллектуального прогресса немногочисленных народов; наличием в республике широкой сети высших и средних специальных учебных заведений, объективно отвечающей особенностям запросов коренного населения, сформировавшихся в значительной мере под воздействием исторически сложившейся традиционной структуры его занятости; наличием других вузовских центров, расположенных вблизи Бурятии (Иркутск, Чита); высоким престижем интеллектуального труда среди бурятского населения;

---

[1] Таблица составлена по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. – М., 1963. – С. 416, 417; *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1970 г. – Т. III. М., 1972. - С. 408; *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1979 г. – Т. IV, ч. II. Кн. 2. М., 1981. – С. 187-219.

миграцией части специалистов бурятской национальности из Усть-Ордынского и Агинского бурятских автономных округов в Бурятию, практикой формирования контингента молодежи, обучающейся в вузах и техникумах (преимущественным приемом из отдаленных районов, из сельской местности, где проживала преобладающая часть бурятского населения[1].

Несмотря на высокие темпы роста численности тувинских специалистов, их доля в составе коренного населении и интеллигенции Тувинской АССР уступает их удельному весу в населении республики и среднесоюзным показателям. Это объясняется тем, что тувинский народ позже других народов страны начал социалистические преобразования. Кроме того, Тува – сельскохозяйственная республика, где доминирующей отраслью является животноводство, в которой занято меньше специалистов, чем в других отраслях экономики. Сеть высших и средних специальных учебных заведений, по сравнению с другими автономными республиками здесь была развита недостаточно, что сказалось на уровне подготовки и свидетельствовало об ограниченности профессиональных интересов части тувинской молодежи.

Развитие русской интеллигенции и интеллигенции титульных наций сопровождалось изменениями их поселенческой структуры, динамикой городской и сельской их групп.

В национальных районах Сибири города появились сравнительно недавно. В досоветский период и в первые десятилетия советского времени городское население было малочисленным, темпы роста его численности характеризовались невысокими показателями. В 1926 г. в Бурятии было 50 тыс. горожан (12,9 %), в Якутии – 15 тыс. (5,2 %), в Туве (1931 г.) – 3,8 тыс. (4,6 %)[2].

Рост городского населения сопровождался изменениями его этнического состава. Города в национальных регионах Сибири формировались преимущественно из русского населения. Представителей коренных народов было мало. Так, по данным переписи городского населения в 1923 г. в Бурятии насчитывалось 33071 горожанин, из них буряты составляли 253 человека, в том числе только 28

---

[1] Осинский И.И. Развитие интеллигенции национальных районов Сибири. – М., 1985. – С. 44.

[2] Московский А.С., Иеупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926-1939 гг.). – Новосибирск, 1984. – С. 144; *Народное* хозяйство Тувинской АССР: ст. сб. – Кызыл, 1971. – С. 15.

человек являлись жителями г. Верхнеудинска, столицы Бурят-Монгольской АССР[1]. В Якутии в 1926 г. из 15211 городских жителей якутов было 4936 человек (32,4 %). К 1930 г. в связи с большим притоком в Якутию русских, их доля уменьшилась до 18,8 %, хотя в абсолютных показателях численность якутов-горожан выросла до 15487 человек[2]. Индустриализация национальных районов вызвала динамичный рост городского населения, которое пополнялось представителями коренных народов и русскими.

В 1959 г. городское население в автономиях Сибири составляло в целом 39,5 %, в 1970 г. этот показатель составил 48,2 %.

С возникновением и ростом городов в автономиях Сибири сформировались две относительно обособленных социальных структуры: сельская и городская, которые при наличии общих черт различаются между собой качественными и количественными характеристиками.

Различия между городской и сельской группами интеллигенции в годы советской власти определялись неодинаковой их связью со средствами производства. Городская интеллигенция в производственном процессе была непосредственно связана с государственной формой собственности, сельская – с государственной и колхозно-кооперативной. Последняя, следовательно, состояла из двух групп – работников государственного и колхозно-кооперативного секторов. В связи с более высоким уровнем развития материального и духовного производства в городе, последний, в большей мере насыщен работниками разного по содержанию интеллектуального труда, чем деревня, связанная преимущественно с сельским хозяйством. В силу этого сельская интеллигенция является менее компактной и менее дифференцированной группой по сравнению с городской. К особенностям положения значительной части сельских специалистов относится ведение личного подсобного хозяйства. Приусадебный участок приносит не только дополнительный доход, но и является средством для целесообразного приложения труда, благотворного общения с природой, перемены трудовой деятельности и эстетического наслаждения.

Сельские поселения в отличие от городских в массе своей располагают менее развитой сетью предприятий и учреждений культу-

---

[1] Материалы по статистике Бурятии. Вып. 1. Население. Труд. – Верхнеудинск, 1926. – С. 6.

[2] Московский А.С., Исупов В.А. Указ. соч. – С. 164.

ры, быта, связи, транспорта, что накладывает отпечаток на образ жизни сельской интеллигенции.

Как уже отмечалось, особенностью социальной структуры сельской интеллигенции является ее разделение на две группы: работников государственного и колхозно-кооперативного секторов. Вторая группа называлась колхозной интеллигенцией.

Колхозная интеллигенция в составе сельской интеллигенции начала интенсивно развиваться лишь в 1950-е гг. В 1960 г. в СССР доля специалистов среди колхозников не превышала 1 %, в 1970 г. – 2,3 %.[1] В Бурятии в 1959 г. в расчете на 1000 колхозников имели высшее и среднее специальное образование 6 человек, в 1970 г. – 14 человек. В 1960–70-е гг. произошло существенное уменьшение доли колхозных специалистов в общей совокупности работников интеллектуального труда. Это уменьшение было связано с преобразованием большинства колхозов в совхозы, ликвидацией малых, «неперспективных» колхозных сел, переходом части специалистов в государственный сектор экономики. В Бурятии доля сельскохозяйственных специалистов в колхозах с 1965 по 1975 г. уменьшилась с 38,4 % до 27,5 %, в Туве – с 58,8 % до 19,9 %[2]. В Якутии в 1974 г. все колхозы были преобразованы в совхозы. Позже, в 1977 г., они прекратили свое существование и в Туве. Вместе с тем, как отмечалось ранее, рост сельской интеллигенции, в составе которой большой удельный вес составляли русские, продолжался. Он был обусловлен дальнейшим развитием совхозов, созданием на селе государственных объектов – ремонтных и перерабатывающих предприятий, станций технического и агротехнического обслуживания, мелиоративных и гидротехнических систем и т.д. Одновременно возросло число специалистов, занятых в отраслях социальной инфраструктуры (торговля, общественное питание, просвещение, здравоохранение, бытовое обслуживание).

За годы советской власти изменился духовный облик села. Появились библиотеки, дома культуры, музеи, картинные галереи, средние специальные учебные заведения. Количество сельских библиотек в автономных республиках Сибири с 870 в 1965 г. увели-

---

[1] Произведены расчеты по: Народное хозяйство СССР в 1970 г.: стат. ежегодник. – М., 1971. – С. 404, 406.

[2] Рассчитано по: Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке. Улан-Удэ, 1981. – С. 111; *Народное* хозяйство Тувинской АССР в десятой пятилетке. – С. 145-146.

чилось до 977 в 1980 г., домов культуры и клубов – с 1243 до 1393. В конце 1970-х гг. в сельской местности в Бурятии было 72,7 % библиотек республики, в Туве – 81,5 %, в Якутии – 69,4 %, домов культуры и клубов в Бурятии – 89,5 %, в Туве – 81,8 %, в Якутии – 80,8 %[1]. Возросла оснащенность атрибутами культуры семей сельской интеллигенции. Элементами семейного быта, как русских так и бурятских специалистов, являлись библиотека, несколько периодических изданий, телевизор, радиоприемник, музыкальные инструменты, проигрыватель и т.д.

Ниже (таблица 3) приводим данные социологических исследований (рук. И.И. Осинский), показывающие степень насыщенности во второй половине 1960-х гг. некоторыми атрибутами культуры семей интеллигенции пяти типичных для Бурятии поселений: трех сел (Хоринск – районный центр, Баянгол – Баргузинский район, Тэгда – Хоринский район), поселка городского типа (Селендума – Селенгинский район) и города (Гусиноозерск)[2].

Таблица 3

Обеспеченность средствами культуры семей интеллигенции в разных типах поселений Бурятии, 1967 г., %

Населенные пункты	радиоприемник	телевизор	библиотека (50 и более книг)	выписывали 2 и более газеты	выписывали 2 и более журн.	фотоаппарат	пианино	баян, аккордеон	струн. и дух. инстр.	проигрыв., магнитофон
Тэгда	92,0	60,0	48,5	100,0	100,0	17,4	-	8,6	4,3	30,4
Баянгол	92,2	-	69,8	91,3	93,2	19,2	3,7	8,4	7,5	28,7
Хоринск	95,4	85,3	77,3	97,3	92,8	34,6	5,8	8,6	9,6	29,3
Селендума	83,3	76,7	87,1	93,5	93,5	25,8	3,2	3,2	6,3	19,0
Гусиноозерск	91,2	79,4	74,3	91,7	88,9	42,3	11,5	19,2	19,2	34,6

---

[1] Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке. – Улан-Удэ, 1981. – С. 161-162; *Советская* Тува в цифрах. – Кызыл, 1984. – С. 157, 159; *Народное* хозяйство Тувинской АССР в девятой пятилетке. – Кызыл, 1976. – С. 223-224; *Народное* хозяйство Якутской АССР за 60 лет: юбил. стат. сб. – Якутск, 1982. – С. 73-74.

[2] Осинский И.И. Развитие интеллигенции национальных районов Сибири. – С. 61-62.

Семья сельского интеллигента располагала в исследуемые годы довольно широким набором материальных средств, необходимых для удовлетворения духовных запросов. Причем в селах – районных центрах доля семей, оснащенных этими средствами, по отдельным показателям выше, чем в обследованных городских поселениях. Исследование выявило одинаково высокую оснащенность средствами культуры представителей интеллигенции разных национальностей – русских, бурят, татар, украинцев и других, что является одним из проявлений выравнивания социального развития наций в советское время.

В процессе индустриального освоения национальных районов Сибири, их социального и культурного развития, более высокими темпами происходил рост численности городской интеллигенции. Так, в Якутии в 1939 г. было 1645 человек с высшим образованием, из них 1100 являлись городскими жителями, а 545 человек – сельскими. В их числе было 1398 русских, в том числе 938 человек – жители города, 460 – жители села[1]. В Туве до вхождения в состав СССР было мизерное количество людей, имеющих высшее и среднее специальное образование, хотя существовал значительный слой управленцев, буддийского духовенства. Здесь первый выпуск тувинской средней школы состоялся в 1947 г. После вхождения в состав СССР был форсирован процесс подготовки специалистов. В 1959 г. в расчете на 1000 человек населения, включая школьников, было 17 человек, имевших высшее и среднее специальное образование, в том числе в городе – 53, в селе – 14 человек.[2]

О темпах роста специалистов русской и бурятской национальности в городах и селах Бурятии дают представление следующие данные (таблица 4)[3].

---

[1] Посчитано по: материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. Занятия населения по основным специальностям. – М., 1961.

[2] Тульчинский Л.И. Социально-экономический анализ материалов переписи населения Тувы 1959 года // 20 лет Советской Тувы. Ученые записки. Вып. XI. – Кызыл, 1964. – С. 216-217.

[3] Произведены расчеты и составлена таблица по: материалы Всероссийской переписи населения. – М., 1970 (табл. 14. – С. 29, 30).

Таблица 4

Доля лиц русской и бурятской национальности с высшим и средним специальным образованием в расчете на 1000 человек населения в возрасте 10 лет и старше, тыс.

	город			село		
	1959 г.	1970 г.	в 1970 г. увеличилось по сравн. с 1959 г. (в раз)	1959 г.	1970 г.	в 1970 г. увеличилось по сравн. с 1959 г. (в раз)
русские	88	139	1,6	57	75	1,3
буряты	160	254	1,6	45	84	1,9

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в городе темпы роста специалистов русской и бурятской национальности были одинаково высокими, что же касается села, то здесь темпы роста специалистов русской национальности были намного ниже, чем бурятской. Тенденция преобладания темпов роста специалистов – горожан над темпами роста специалистов – селян сохранилась и в последующие годы. В Бурятии к концу семидесятых годов из 280,3 тыс. человек занятого населения 94 тыс. (33,5 %) являлись работниками умственного труда, в сельской местности эти показатели равнялись соответственно 184,7 тыс. и 42,7 тыс. (23,1 %). В Якутии из 316,3 тыс. занятого городского населения 112,6 тыс. (35,6 %) были работниками умственного труда, в селе же аналогичные показатели составляли 160,1 тыс. и 45,6 тыс. (28,5 %)[1].

Анализ приведенных данных в национальном разрезе показывает, что в составе горожан занятых умственным трудом, преобладающее место занимают представители русской национальности. В Бурятии в числе горожан русских было 70,0 тыс. (74,4 %), селян – 26,0 тыс. (60,8 %). Среди занятых умственным трудом, буряты – горожане насчитывали 17,5 тыс. человек (18,6 %), буряты-селяне – 15,5 тыс. (36,3 %). В Якутии работники умственного труда русской национальности насчитывали в городе 78,9 тыс. человек (70,0 %), в селе – 10,3 тыс. (22,6 %). У специалистов якутской национальности

---

[1] Расчеты произведены на основе данных Всесоюзной переписи населения 1979 г. (Распределение населения отдельных национальностей по источникам средств существования, общественным группам, отраслям народного хозяйства и занятиям. Таблица 31). – М., 1980.

соответствующие показатели равнялись – 16,7 тыс. (143,8 %) и 31,0 тыс. (68,1 %)[1].

Подобные изменения произошли и в Туве, в которой нехватка национальных квалифицированных кадров, как в городе так и в деревне, восполнялась за счет приезжих специалистов преимущественно русской национальности, что естественно, имело большое значение для республики, где создавалась современная промышленность, развивалось народное образование, культура.

Все это свидетельствует о том, что как в городе, так и в селе национальных районов Сибири за годы советской власти сформировались и выросли многочисленные группы работников, занятых высококвалифицированным умственным трудом. В общей совокупности лиц интеллектуального труда этих районов доминирующее положение занимают представители русской нации. Они сыграли важную роль в индустриализации национальных районов, в создании современных городов, в подготовке кадров специалистов и рабочих из среды коренных народов Сибири. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что, несмотря на общее численное преобладание русской интеллигенции в автономиях Сибири ряд коренных национальностей региона по удельному весу интеллигентов и служащих в населении своего этноса уже к концу 70-х гг. приблизился к среднесоюзным показателям, а некоторые превзошли эти показатели.

Например, в Бурятии в 1979 г. в расчете на 1000 занятых приходилось представителей интеллигенции и служащих среди:[2]

	русских	бурят	других национальностей
в городе	314	494	301
в деревне	213	279	167

Приведенные данные свидетельствуют о кардинальных сдвигах в социальной структуре как городской, так и сельской интеллигенции. Каждый второй представитель коренной национальности, работающий в городе, каждый четвертый – в селе – заняты интеллектуальным трудом.

---

[1] Там же.

[2] Расчеты сделаны по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. – Т. IV, ч. II. – Кн. 2. – С. 201.

Что касается русской интеллигенции, то, несмотря на снижение темпов роста ее доли, она была представлена крупными группами специалистов с высшим и средним специальным образованием. О их численности и удельном весе в составе специалистов в этих автономиях в 1966 и в 1980 гг. дают представление следующие данные (таблица 5)[1].

Таблица 5

Динамика роста специалистов в автономных республиках Сибири (1966–1980 гг.)

	1966 г.		1980 г.		В 1980 г. увелич. по сравнению с 1966 г. (в раз)
	абсолют. данные	%	абсолют. данные	%	
Бурятская АССР	37554	100,0	94936	100,0	2,5
буряты	8847	23,6	26233	27,6	3,0
русские	26594	70,8	64512	68,0	2,4
др. национальности	2113	5,6	4191	4,4	2,0
Тувинская АССР	9961	100.0	24079	100,0	2,4
тувинцы	2911	29,2	8811	36,6	3,0
русские	6442	64,7	13994	58,1	2,2
др. национальности	608	6,1	1274	5,3	2.1
Якутская АССР	45717	100,0	118700	100,0	3,9
якуты	13806	30,2	32800	27,6	2,4
русские	27396	59,9	68100	57,4	2,5
др. национальности	4542	9,9	17800	15.0	3,9
в целом по СССР	12924 тыс.		28612 тыс.		2,2

В трех автономных республиках Сибири в 1980 г. трудилось 237715 специалистов, в том числе 146606 человек – представителей русской нации. Они составляли 61,7 % всех специалистов этих регионов. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что русская интеллигенция как в дооктябрьский (1917), так и в советский периоды являлась преобладающей частью интеллигенции национальных районов Сибири. Это объясняется, прежде всего численным

[1] Приводятся по: Осинский И.Н. Развитие интеллигенции национальных районов Сибири. – С. 44.

преобладанием русского населения в этих районах, а также большими потребностями республики в специалистах, которые удовлетворялись преимущественно путем направления в эти районы выпускников российских вузов и ССУЗов.

Социальный состав русской интеллигенции так или иначе связан с проблемой гендера. Не может иметь высокий статус социальная группа, если она использует знания, интеллектуальные возможности только одной части социума, в данном случае мужской, при этом игнорируя интеллектуальные потенции женщин. Практики социальной политики советского государства были эмансипаторскими по сути и дефеминизационными по направленности, поскольку стимулировали и поддерживали женщин в получении образования, в работе, в карьере, в системе организации дошкольного и школьного образования. В то же время система социально-этических представлений о ее социальном статусе в экономическом, социальном, политическом и идеологическом пространстве в советское время была амбивалентной, двойственной, хотя и поддерживалась системой государственного обеспечения.

За годы советской власти женщины в такой же мере, как и мужчины, были вовлечены в процесс интеллектуального профессионального творчества. Так, в 1966 г. женщины в составе специалистов с высшим и средним специальным образованием русской национальности в нашей стране насчитывали 62 %. Почти такие же показатели имели женщины бурятской национальности – 57 %, тувинской – 57 %, якутской – 48 %[1]. Широкое вовлечение женщин в общественное производство, в том числе в его интеллектуальные формы, при наличии у них одинаковых с мужчинами прав в области профессиональной квалификации и зарплаты укрепляло экономические основы женского равноправия, способствовало росту социального статуса, авторитета и влияния в обществе, повышало у них сознание собственной социальной ценности и личного достоинства.

В семидесятые годы продолжался численный рост женщин в интеллектуальной сфере. В 1979 г. в общей совокупности работников, занятых умственным трудом русской национальности женщины составляли в Бурятии 67,3 %, в Якутии – 66,7 %, мужчины соответственно 32,7 % и 33,4 %. Высокий процент русских женщин среди специалистов национальных районов продолжал сохраняться, а в

---

[1] Труд в СССР: стат. сб. – М., 1968. – С. 258.

некоторых случаях расти и в последующий период развития советского общества. Это можно проиллюстрировать на примере Тувы. В 1987 г. в республике было занято в народном хозяйстве 31 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием, в том числе 21,3 тыс. (68,8 %) женщин. В общем составе специалистов, русских было 15,0 тыс. человек, из них женщин насчитывалось 10,2 тыс., что составляло 67,9 %[1]. Это значит, что более двух третьих специалистов русской национальности составляли женщины, что свидетельствует о большой роли русских женщин-специалистов в жизни автономной республики. Характерно, что среди русских специалистов с высшим образованием женщины составляли 63,8 %, со средним специальным – 70,2 %. При этом следует отметить, что женщины – специалисты русской национальности были широко представлены не только в традиционных видах женской деятельности – в образовании, культуре, здравоохранении, но и в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи. Так, в промышленности Бурятии в 1970 г. была занята 4291 женщина – специалист, в 1980 г. их численность увеличилась до 9005 человек, что составило 53 % общей численности специалистов русской национальности, занятых в данной отрасли народного хозяйства[2]. Таким образом, в составе русской интеллигенции национальных районов Сибири значимое место в 70–80-е гг. занимали представители как мужского, так и женского населения, что, несомненно, оказывало положительное влияние на социальные позиции русской интеллигенции и ее роль в социально-экономическом и духовном развитии сибирского региона.

Социальное положение русской интеллигенции в обществе, в том числе в его национально-государственном образовании, связано с ее отраслевой и профессиональной структурой. Не останавливаясь на рассмотрении многообразия подходов при выяснении отраслевой и профессиональной структуры, мы считаем рациональным выделение следующих профессиональных групп интеллигенции: инженерно-технической, сельскохозяйственной, медицинской, научной,

---

[1] Отчет о численности и составе специалистов, имеющих высшее и среднее специальное образование на 15 ноября 1987 г. Текущий архив Госкомстата Республики Тува.

[2] Текущий архив Госкомстата Республики Бурятия (Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием по национальности и полу в промышленности Бурятии на 14.11.1980 г.).

педагогической, культурно-просветительной, художественной, управленческой, военной, работников планирования и учета, а также торговли и общественного питания.

В рамках данной классификации рассмотрим изменения отраслевой и профессиональной структуры русской интеллигенции национальных районов Сибири. В царской России и в первые годы советской власти в этих районах отраслевая и профессиональная структура были представлены весьма ограниченным количеством отраслей и занятых в них специалистов, как русской, так и титульных национальностей.

Для наглядности приведем данные, характеризующие отраслевую структуру интеллигенции и служащих, занятых в Якутии в 1926 г. (по материалам Всесоюзной переписи населения)[1].

Таблица 6

Интеллигенция и служащие Якутии: отраслевой и национальный состав (1926 г.)

Наименование занятий	Всего по республике	Из них			
		якуты	русские	эвенки	прочие
Всего	4415	1117	2842	19	437
1. Сельское хозяйство	10	2	8	-	-
агрономы	1	-	1	-	-
2. Фабрично-заводская промышленность	354	6	304	1	43
технический персонал	99	-	89	-	10
инженеры, архитекторы	3	-	3	-	-
техники	9	-	9	-	-
3. Кустарно-ремесленн. промышленность	5	-	5	-	-
4. Строительство	33	-	28	-	5
5. Транспорт	85	2	71	-	12
6. Торговля и кредит	843	213	483	3	144

[1] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Якутская АССР. Главные и побочные занятия самодеятельных по полной классификации занятий с выделением главных народностей. – С. 236-239.

7. Учреждения врачи учителя	2638 15 214	772 4 113	1644 8 182	11 - -	211 3 19
8. Прочие отрасли Лица свободных профессий (литераторы, редакторы, музыканты, священнослужители и др.)	247 78	122 30	299 53	4 1	22 4

Из таблицы 6 видно, что основная масса лиц, занятых умственным трудом, была сосредоточена в учреждениях государственного управления, фабрично-заводской промышленности, торговле, в образовании. Во всех указанных отраслевых группах преобладали служащие русской национальности. Они составляли в общей сложности 64,4 % всей интеллигенции и служащих республики.

Развернувшиеся в стране индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, переход на оседлый образ жизни, культурная революция, появление новых отраслей хозяйства (машиностроение, электроэнергетика, алмазодобывающая, нефтехимическая и другие), образование крупных научных, культурных центров, центров административно-политического управления, расширение видов физического и умственного труда повлекли кардинальные изменения в отраслевой и профессиональной структуре интеллигенции русской, титульных и других национальностей Сибири.

В годы строительства социализма во всех автономных республиках Сибири были созданы и получили развитие электроэнергетика, машиностроение и металлообработка, топливная, пищевая, легкая, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, промышленность стройматериалов. Кроме того, в Бурятии развивалась черная и цветная металлургия, приборостроение, стекольная промышленность, в Якутии – золото-, алмазо- и газодобывающая отрасли промышленности. Создание многоотраслевой структуры республиканских народнохозяйственных комплексов детерминировало структурные сдвиги в составе инженерно-технических специалистов. Они будут рассмотрены в первом параграфе третьей главы диссертации, здесь

же мы ограничимся характеристикой лишь некоторых наиболее значимых показателей произошедших изменений. К таким изменениям относится рост численности ИТР в автономиях Сибири. В Якутии в 1939 г. инженерно-технический персонал насчитывал 4641 специалиста, в 1959 г. – 14294, а в 1979 г. – 44915. В Бурятии в 1959 г. было 11083 инженерно-технических работника, в 1979 г. их стало 32578 чел. В составе ИТР доминирующее положение занимали специалисты русской национальности. В Якутии в 1939 г. их удельный вес составлял 79,8 %, в 1979 г. – 69,3 %, в Бурятии в 1959 г. – 84,1 %, в 1979 г. – 78,3 %. В Туве в 1980 г. было 2660 инженеров и техников (без главных инженеров, начальников цехов, смен, участков), из них 426 человек тувинской национальности (11,6 %), остальные – 2234 человека – представители русской и других национальностей. Из приведенных данных видно, что: 1) в составе ИТР автономий Сибири преобладают русские специалисты; 2) наблюдается тенденция сокращения их доли в составе ИТР в связи с более высоким ростом численности технических специалистов титульных наций[1].

На специфику отраслевой структуры русских и титульных национальностей оказали влияние особенности территориального размещения этих общностей. Преобладание среди русских горожан и значительно более высокая доля сельского населения у представителей титульных наций детерминировали различия в участии этнических групп в индустриальном и сельскохозяйственном производстве. Это объясняется традиционной связью коренных народов Бурятии, Тувы, Якутии с сельским хозяйством, особенно животноводством, широкими возможностями получения профессий зоотехника, ветврача, агронома, а также достаточно высоким статусом данных профессий в советское время в сознании сельских жителей.

Усилившиеся в 1980-е гг. миграционные процессы сельского населения, процессы урбанизации способствовали все большей профессиональной переориентации коренного населения на другие виды интеллектуальной деятельности, и, соответственно, уменьшению специалистов сельскохозяйственной отрасли. Кроме того, в последующем в условиях перехода к рыночным отно-

---

[1] Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. (Занятия населения по основным национальностям. – М., 1961; *Материалы* Всесоюзной переписи населения 1980 г. (Занятия населения по основным национальностям. – М., 1981.

шениям, в связи с ликвидацией многих колхозов, совхозов, других сельскохозяйственных предприятий и организаций львиная доля специалистов стала заниматься другими видами деятельности.

Важное место занимают представители русской интеллигенции в сферах управления, науки, образования, здравоохранения и культуры. В общественном сознании принадлежность к этим сферам в годы советской власти была в целом достаточно престижной. Представительство работников этих отраслей в составе национальной общности нередко ассоциируется со статусом данного этноса, а различия в уровне развития воспринимается как серьезный аспект социального неравенства национальностей[1]. Управление является, пожалуй, наиболее «чувствительной» сферой интеллектуального труда в плане пропорционального представительства наций, т.к. учитывает интересы большинства граждан.

Национальная принадлежность, как один из определяющих признаков при формировании партийных и государственных органов ставилась по существу в один ряд с важными деловыми, политическими и моральными качествами. В конце 1950-х гг. (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.) в ряде автономных республик титульные национальности были в той или иной мере шире представлены в сфере государственного управления, нежели местные русские. В городах Якутской АССР, например, на 10 тыс. занятого городского населения приходилось работников государственного и партийного управления: у якутов – 286 человек, у русских – 57. В дальнейшем подобные диспропорции были несколько сглажены. Уже к концу 1970-х гг. доля управленцев среди якутов снизилась вдвое, а у русских Якутской АССР осталась примерно на том же уровне. Однако и в конце 1980-х гг. вопрос более пропорционального участия русских в органах местной власти ряда автономий оставался достаточно острым[2].

Русские специалисты представлены в сфере научной и научно-педагогической деятельности национальных республик Сибири. В Бурятии вплоть до середины 1970-х гг. они сохраняли в ней

---

[1] Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / под ред. Л.М. Дробижевой. – М.: Academia, 2002. – С. 41.

[2] Там же. – С. 43, 46.

доминирующее положение, то есть их доля превышала половину. Это было особенно заметным в сфере научной интеллигенции, занятой в исследовательских, разведочных и изыскательских учреждениях. Так, в 1970 г. в этих учреждениях работало 399 русских, 244 бурята, 13 представителей других национальностей. Большую роль сыграло создание в 1958 г. Бурятского комплексного научно-исследовательского института (БКНИИ), образование на его основе в 1966 г. Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР в составе четырех институтов (общественных наук, естественных наук, геологии, биологии) и других научных подразделений. Якутский филиал СО РАН включал 6 институтов, в том числе единственный в мире институт мерзлотоведения, институты: физико-технических проблем Севера, космофизических исследований и аэрономии, горного дела Севера, биологии, геологии, языка, литературы и истории. Научный центр Тувы специализировался на исследовании языка, литературы, истории[1].

В 1959 г. в Бурятии насчитывалось 682 человека, представлявших научную и научно-педагогическую интеллигенцию, в их составе было 432 специалиста русской национальности, в 1989 г. эти показатели равнялись 3318 и 1491. Характерно, что в конце 1980-х гг. русские преобладали в среде научной, буряты – научно-педагогической (вузовской) интеллигенции. В Якутии доля русских в составе научной интеллигенции составляла 47,6 %, якутов – 38,6 %.

Научная интеллигенция, являясь наиболее квалифицированной, интеллектуально развитой частью общества, принимает активное участие в разработке основных направлений политики, ее реализации, в развитии экономики, социальной сферы, науки, образования, культуры. Во многом формирует национальное сознание населения. Хотя она занимает относительно небольшой удельный вес в общей совокупности работников умственного труда.

Наиболее многочисленной, после инженерно-технической, социально-профессиональной группой русской интеллигенции является педагогическая интеллигенция. Основной ее частью являются учителя школ и средних специальных учебных заведений,

---

[1] Романов А.К. Научные кадры Сибирского отделения АН СССР / А.К. Романов, Л.А. Андросова, А.Ф. Фелингер. – Новосибирск, 1979. – С. 80.

также она включает руководителей и преподавателей начальных неполных средних и всех средних учебных заведений и курсов, инструкторов и мастеров производственного обучения, руководителей и воспитателей детских домов, садов, школ-интернатов и т.д. В 1959 г. русские педагоги Бурятии насчитывали 6719 человек, в 1970 г. – 11015, в 1979 г. – 12959, а в 1989 г. их стало 18328[1]. Что касается их удельного веса в составе педагогической интеллигенции в целом, то в связи с более высокими темпами роста численности педагогов титульной нации, удельный вес русских имел тенденцию сокращения. В конце 1980-х гг. он составил 59,4 %, в 1959 г. – 72,5 %. В Якутии на 10 тыс. занятого городского населения приходилось 497 учителей коренной национальности и 206 русских. В сельской местности разница в представительстве была более внушительной. «Сферы деятельности, связанные с воспроизводством духовного и физического здоровья народа (педагогика, медицина, художественное творчество), были всегда особенно популярны у представителей титульных национальностей российских автономий и активно пополнялись титульным населением еще с первых лет советской власти. В этом сказалось влияние как языковых, так и демографических факторов. Большинство титульных национальностей российских автономий отличалось от русских более высоким уровнем детности, нетрудоспособных членов семьи, распыленностью по малым населенным пунктам, что требовало и большего количества учителей и врачей из среды этих национальностей»[2].

Обеспеченность медицинскими кадрами Бурятской и Тувинской АССР не имела существенных различий и составляла в 1981 г. соответственно 31,2 и 32,3 медицинских работников высшей квалификации на 10 тыс. населения. Несколько выше была обеспеченность Якутской АССР. На 10 тыс. жителей приходилось 37,1 врачей[3]. Следует отметить, что все медики высшей квалификации национальных районов Сибири были подготовлены в крупных вузовских центрах европейской части страны и Сибири. Исключение составляет Якутия, где в столичном университете с 1957 г.

---

[1] Материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

[2] Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. С. 43, 44.

[3] Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. – С. 295-314.

функционирует медицинский факультет, который в значительной мере восполнял дефицит врачей в республике.

Тенденция сокращения темпов количественного роста русской интеллигенции и увеличения у национальной интеллигенции характерна и для данной группы интеллигенции. Например, в Бурятии с 1959 по 1989 г. число медицинских специалистов русской национальности возросло в 2,5 раза, бурятской – в 9,1 раза[1]. Обращает на себя внимание особенность квалификационной структуры медицинских работников – русские специалисты уступают бурятским в квалификации. В 1989 г. доля врачей среди медработников русской национальности составила 19,7 %, среди работников бурятской национальности – 37,5 %. Из 296 главных врачей медицинских учреждений республики, бурят было 137, русских – 128, других национальностей – 31. Медицинские работники русской национальности широко представлены среди специалистов средней медицинской квалификации (медицинских сестер, фельдшеров и акушерок)[2].

В структуре русской интеллигенции важное место занимают художественная и культурно-просветительная группы. Главным источником существования и функциональной обязанностью этой части интеллигенции является создание и распространение духовных благ и ценностей. К художественной интеллигенции традиционно относятся писатели, поэты, художники, актеры, музыканты и др. Многие из них обладают незаурядными данными, талантом. Специфика художественной интеллигенции заключается в ее художественно-творческой деятельности, под которой понимаются процессы зарождения, осмысления художественных образов и последующего их воплощения в художественном исполнении или материале. «Художественное творчество – одно из наиболее действенных средств формирования и развития человеческого в человеке, одухотворенности его внутреннего мира, обогащения спектра его жизненных ценностей, повышения сознательности, цивилизованности его поведения, раскрытия всего богатства его личности, активизации творческого отношения к жизни»[3].

---

[1] Материалы Всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг.

[2] Материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г. – С. 16.

[3] Комиссаров С.Н. Художественная интеллигенция: противоречия в сознании и деятельности. – М., 1991. – С. 33.

В годы советской власти сформировались значительные по численности группы деятелей литературы и искусства. Например, в 1959 г. художественная интеллигенция Бурятии насчитывала 1112 человек, в их числе – 575 русских, в 1979 г. – 1759 человек, из них 895 русских[1]. Особенно благоприятными для художественной интеллигенции были 80-е гг.: расширялись творческие коллективы театров, создавались народные театры, студии, музыкальные школы, хоры и ансамбли, развивалось издательское дело. Так, в Бурятии в 1983 г. было 58 народных театров, хоров, ансамблей. В Туве насчитывалось 97 любительских объединений и клубов по интересам, 126 драматических и 156 хореографических коллективов, 18 народных театров и ТЮЗов[2].

Вместе с тем росло количество работников библиотек, домов культуры, клубов, музеев, кинотеатров, т.е. специалистов, которые определяются как культурно-просветительская интеллигенция. Это достаточно массовая, профессионально дифференцированная группа интеллигенции занятая преимущественно пропагандой художественной культуры, повышением культурно-технического, общеобразовательного уровня населения, его нравственным и эстетическим развитием. В 1959 г. в Бурятии из 1618 культпросветработников русские насчитывали 1070 человек, в 1989 г. - 2726, что составляло две трети общей численности специалистов этой социально-профессиональной группы.

С изменением профессиональной структуры русской интеллигенции национально-государственных образований Сибири связаны изменения в качественных характеристиках ее профессиональных групп. Эти изменения находили свое выражение в следующих основных процессах. Во-первых, в уменьшении в составе занятых умственным трудом доли работников-практиков; во-вторых, в изменении соотношения специалистов со средним специальным и высшим образованием в сторону увеличения доли последних; в-третьих, в увеличении в составе специалистов работников высшей квалификации, в том числе с учеными степенями и званиями; в-четвертых, в возрастании численности интеллигенции, повышающей свою квалификацию в институтах, на факультетах, курсах.

---

[1] Материалы Всесоюзных переписей населения 1970, 1979 и 1989 гг.

[2] Очерки социального развития Тувинской АССР. – Новосибирск, 1983. – С. 189.

Практики – это лица, находящиеся на должностях специалистов, но не имеющие высшего или среднего специального образования. Практики, как категория работников умственного труда, возникла в первые годы советской власти. Их возникновение было результатом выдвижения наиболее энергичных, способных рабочих, крестьян на руководящую и организаторскую работу и явилось одним из важнейших путей формирования интеллигенции. Практики как социальная категория не исчерпала себя и в последующий период развития советского общества. В национальных районах Сибири, как и в стране в целом продолжительное время отсутствовало необходимое количество дипломированных специалистов с высшим и средним специальным образованием. В этой связи во многих отраслях доля практиков продолжала сохраняться, а в некоторых случаях и увеличиваться. Так, в Бурятии в 1959 г. на промышленных предприятиях и стройках 33 % должностей ИТР занимали практики, в том числе в местной промышленности их удельный вес составлял 50–55 %[1]. В Туве в тресте Тувинстрой в 1965 г. из 350 ИТР 170 человек не имели специального образования[2]. Много практиков было в колхозах и совхозах.

Развитие народного хозяйства, культуры, внедрение новой техники, технологии производства, организации труда требовали от специалистов глубоких инженерных, экономических, знаний, широкого кругозора. В 1960-е гг. остро встал вопрос о замене практиков или их подготовке через заочную форму обучения. Последнее широко практиковалось в автономиях Сибири. Этому способствовало создание в этих регионах новых вузов и ССУЗов, увеличение целевой подготовки представителей этих автономий в вузах европейской части страны и Сибири. Было также увеличено количество направляемых в эти районы специалистов министерствами и ведомствами после окончания учебных заведений.

Благодаря этому в национальных районах Сибири возросла доля специалистов с высшим и средним специальным образованием и сократилось число практиков. Так, в Бурятии к 1980 г. доля практиков на должностях руководителей и специалистов

---

[1] Халбаев М.Н. Индустриальное развитие национальных районов Сибири 1959-1970. – Новосибирск, 1978. – С. 163.

[2] Гребнев Л.В., Очур В.Ч. Рабочий класс Тувы. – Кызыл, 1973. – С. 163.

сократилась до 6,7 %[1]. В Туве к этому времени 77,4 % должностей руководителей и 78,0 % должностей специалистов в промышленности занимали лица с высшим и средним специальным образованием[2]. Существенные перемены в этом направлении произошли в сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте, в связи, в культурно-просветительной сфере и в других. Изменилось также соотношение специалистов со средним и высшим образованием. Доля специалистов высшей квалификации в составе в составе специалистов русской национальности всех национально-государственных образований Сибири с 29,5 % в 1959 г. возросла до 37,0 % в 1979 г. У бурят аналогичные показатели составили соответственно 35,3 % и 51,6 %, у тувинцев – 11,1 % и 34,1 %, у якутов – 24,0 % и 37,9 %[3].

В республиках Сибири возросло число научных и научно-педагогических работников, в том числе кандидатов и докторов наук. В Бурятии в 1962 г. было 665 научных работников, в их числе 5 докторов и 185 кандидатов наук, то в 1984 г. стало 2077 научных работников, в том числе 41 доктор и 829 кандидатов наук. В Туве в 1960 г. насчитывалось 7 кандидатов наук, в 1984 г. было 2 доктора и 50 кандидатов наук. Высокими темпами росла научная квалификация ученых в Якутии. В республике в 1962 г. в составе 529 научных и научно-педагогических работников было 14 докторов и 132 кандидата наук, то в 1984 г. из 1699 научных и научно-педагогических работников 54 являлись докторами и 702 кандидатами наук[4]. В среде ученых со степенями и званиями значительный удельный вес занимали русские. В Бурятии в 1966 г. было 75 докторов и кандидатов наук, через десять лет (к 1976 г.) их число возросло в 2,4 раза и составило 182 человека[5]. В 1980-е гг. в Бурятии и Якутии дипломированные научные работники имелись во всех отраслях науки. В Туве был сделан существенный шаг в этом направлении. Наличие большого количества специалистов высшей научной квалификации позволило начать планомерную подготовку дипломированных научных кадров непосредственно в автономных республиках Сибири. В Бурятском

---

[1] Текущий архив СУ Бурятской АССР (сектор населения).
[2] Осипский И.И. Развитие интеллигенции национальных районов Сибири. – С. 124.
[3] Там же. – С. 139.
[4] Там же. – С. 148.
[5] Народное хозяйство Бурятской АССР за 60 лет. – Улан-Удэ, 1977. – С. 24-25.

и Якутском филиалах Сибирского отделения АН СССР, Якутском госуниверситете, в Бурятском сельскохозяйственном институте в 1960-е гг. были открыты аспирантура, специализированные советы по защите кандидатских диссертаций.

Важными формами повышения качества специалистов являлись различные институты, факультеты, курсы, где периодически проходили соответствующее обучение тысячи человек, занятых интеллектуальной деятельностью. Существовало решение директивных органов, требовавшее от специалистов в течение 5 лет пройти определенную форму повышения квалификации, которые, как правило, реализовывались. Из профессиональных отрядов интеллигенции наиболее регулярно повышали квалификацию партийные и советские работники, учителя, врачи, преподаватели вузов. Это позволяло более эффективно осуществлять свои профессиональные функции различным группам интеллигенции, занятым во всех сферах народного хозяйства и культуры.

Таким образом, русская интеллигенция занимает значительное место в социальной структуре национально-государственных образований России. Возникнув задолго до октябрьской революции (1917 г.) она в центре и на окраинах достойно представляла интересы своего народа, сыграла важную роль в утверждении государственного единства народов России. Русской интеллигенции пришлось пройти через суровые испытания во время революций 1905 и 1917 гг. Невосполнимые потери она понесла в 1930-е гг., в период необоснованных репрессий, когда большая часть ее представителей была физически уничтожена. По мере развития советского общества росла численность русской интеллигенции, ее ряды пополнялись за счет представителей старой интеллигенции, выдвиженцев, выпускников высшей и средней специальной школ.

Анализ количественных и качественных характеристик русской интеллигенции позволяет сделать вывод о том, что в советский период она представляла собой многочисленную, многоотраслевую социальную группу, занятую наряду с национальными отрядами интеллигенции выполнением сложных интеллектуальных функций в различных сферах общественной жизни. Численное преобладание в составе интеллигенции национальных образований в определенной мере отражало специфику национального состава населения. Особенность положения русской интелли-

генции состояла в доминировании в сфере материального производства: в отраслях индустрии, строительстве, на транспорте, в связи; преобладании в ее составе специалистов со средним специальным образованием. В то же время русские специалисты уступали специалистам титульных наций в пропорциях занятости в гуманитарной сфере (управлении, образовании, культуре), а также в сельском хозяйстве. В абсолютных же показателях наблюдалась тенденция роста. Русская интеллигенция широко представлена в сфере интеллектуального труда различных территориально-поселенческих типов, отраслей народного хозяйства и культуры, а также среди различных социально-демографических групп.

2. Основные условия и факторы изменения социального статуса русской интеллигенции в процессе трансформации российского общества

Социальный статус русской интеллигенции во многом определяется социальной средой, в которой протекает ее деятельность и социальными факторами, воздействующими на данную общественную группу.

Большой толковый социологический словарь определяет социальную среду обитания как изменяющиеся виды социально-создаваемых «мест действия» или «регионов» во времени и пространстве, которые обеспечивают контексты различных типов социальной интеракции. Это скорее то, что Гидденс (1984), следуя за Гофманом, называет «разбиением на зоны» социальной практики[1].

Более четкую трактовку социальной среды дает Социологический энциклопедический словарь, подготовленный и изданный российскими социологами. «Социальная среда, – говорится в нем, – это совокупность материальных, экономических, политических и духовных условий существования, формирования и деятельности индивидов и социальных групп»[2].

---

[1] Большой толковый социологический словарь / Collins. Дэвид Джерри, Джулия Джерри. Т. 2. И-Я. Русско-английский, англо-русский. – М., 1999. – С. 239.

[2] Социологический энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 338.

Из приведенных определений видно, что социальную среду составляют материальные, политические и другие условия формирования, существования и деятельности социальных групп.

Условие – это то, от чего зависит существенный компонент комплекса объектов, из наличия которого с необходимостью следует данное явление.[1] Весь этот комплекс в целом называется достаточными условиями явления. В то же время употребляется понятие «необходимые и достаточные условия», что означает полный набор необходимых условий, из которых нельзя исключить ни одного компонента, не нарушив обусловленности, и к которому нельзя добавить ничего, что не было бы излишним с точки зрения обусловливания данного явления. Чаще всего условия рассматриваются как нечто внешнее для какого-либо явления.

Применительно к интеллигенции, ее социальному статусу такими условиями выступают материально-производственная, социальная, политическая и духовная сферы жизни общества. Эти компоненты в своей совокупности образуют среду функционирования интеллигенции.

Рассмотрим посферно эти условия.

Материально-производственная сфера - это наиболее значимая область общественной жизни, связанная с деятельностью людей, в том числе интеллигенции, по производству, распределению, обмену, потреблению разного рода материальных благ и условий жизни людей. Учитывая то, что понятие материально-производственной сферы конкретного категориального выражения еще не получило, в литературе в качестве синонима данного понятия употребляются «экономическая сфера», «материальная сфера». Как однозначные понятия они будут использоваться и в нашем исследовании.

Компонентами материально-производственной сферы являются: во-первых, физический и умственный труд как комплексное социальное явление, во-вторых, способ производства материальных благ, в-третьих, механизм функционирования материально-производственной сферы в целом.[2] Функционирование этих компонентов обусловливает наличие значительной части

---

[1] Там же. – С. 382.

[2] Барулин В.С. Социальная философия: учебник. – 2-е изд.. - М., 2000. – С. 24.

лиц сложного интеллектуального труда, то есть интеллигенции (инженеров, техников, ученых и т.п.), без которой они не только не могут действовать, но и быть созданными. Не может функционировать интеллигенция без социальной сферы, элементом которой она является.

Социальная сфера – это область жизнедеятельности общества, охватывающая отношения между социальными общностями, внутри этих общностей, между отдельными личностями, занимающими разное положение в обществе и принимающими неодинаковое участие в его социальной жизни[1].

Главным признаком, на основе которого выделяется социальная сфера, являются общности людей. В качестве общностей выступают общественный класс, нация, народ, община, трудовой коллектив, социальный слой, страта и др. В социальной философии и социологии выделяется целый спектр социальных структур общества: социально-классовая, социально-территориальная (поселенческая), социально-демографическая, отраслевая, профессиональная. Во всех указанных видах социальной структуры присутствует интеллигенция, она является их элементом. В то же время социальная сфера современного общества не может функционировать без данной социальной группы.

Далее, интеллигенция строит свою деятельность в условиях существования определенной политической системы. Политика – это особая сфера жизнедеятельности людей, связанная с властными отношениями, с государственно-политической организацией общества, политическими институтами, принципами, нормами, действие которых призвано обеспечить функционирование общества, взаимоотношения между людьми, обществом и государством. Регулятивная или управленческая деятельность – это деятельность различного рода политиков, администраторов, управляющих, то есть интеллигенции. Их деятельность направлена на обеспечение согласованности, упорядоченности различных сфер общественной жизни. Без этого общественная жизнь также невозможна, как невозможна без духовного производства, где создаются идеи, образы, научные и художественные ценности.

---

[1] Социологический энциклопедический словарь. – С. 352.

Духовная сфера представляет собой сторону духовной жизни, связанную со специализированным (профессиональным) духовным производством, с функционированием социальных институтов (идеологических, научных учреждений, театров, библиотек, музеев, кино и т.д.), в рамках которых создаются и распространяются духовные ценности. Духовная сфера включает в себя следующие области: науку, идеологию, художественно-эстетическую жизнь, воспитание и просвещение, обеспечивающие формирование новых поколений, передачу духовных ценностей от поколения к поколению[1].

Вся эта сложная социальная среда оказывает огромное воздействие на интеллигенцию. Кроме того, необходимо учитывать многослойность этой среды. При крупномасштабном подходе такими слоями будут:

а) мегасреда – огромный социальный мир, в котором происходит жизнедеятельность интеллигенции, посылающий мощные импульсы, которые кровно затрагивают интересы всего человечества и определяют – в условиях интернационализации информационного пространства – духовную, социально-психологическую атмосферу эпохи;

б) мезосреда – региональная общность, в которой протекает жизнедеятельность исследуемой социальной группы, особенности уровня и образа жизни, национальный состав, характер межличностных отношений, политика местных властей и т.п.;

в) микросреда – социальное окружение, атмосфера, в которой функционирует русская интеллигенция. Ее составляют: семья, учебные, трудовые коллективы, общественные организации и т.п.

Рассмотренные выше условия представляют собой среду, позволяющую влиять на интеллигенцию, ее социальный статус. Эти условия реализуются через процессы, протекающие в политической, материально-производственной, социальной и духовной сферах.

Данные процессы становятся важными факторами изменения социального статуса русской интеллигенции. Если условия есть то, что делает возможным наличие какого-либо явления, то фактор – его движущая сила. Если человек – возможное воздействие, то фактор – конкретное действие. Он является своего рода «усло-

---

[1] Уледов А.К. Духовная жизнь общества. – М., 1980. – С. 386.

вием в действии». Социологический энциклопедический словарь определяет фактор как движущую силу, причину какого-либо процесса, явления; существенное обстоятельство в каком-либо процессе, явлении. Что касается социального фактора, то это движущая сила развития общества, явление или процесс, обусловливающий те или иные социальные изменения[1]. Факторы бывают объективные и субъективные.

Объективные факторы, как справедливо отмечает Т.Н. Бояк, есть факторы социальной действительности, окружающей субъекта. Они – детерминанты надсознательного характера, не зависящие от мнений, природы и интересов субъекта. Согласно теории факторов в качестве таковых выступают состояние политики, экономики, морали. Субъективные факторы – сознание, воля, целенаправленная деятельность конкретного субъекта. В реальной социальной деятельности эти две группы факторов не отделены друг от друга, выступают взаимодействующими сторонами одного и того же явления[2].

Поскольку объективные условия и факторы изменения социального статуса русской интеллигенции, выделенные по сферам, включают в себя изменения происходящие на макро-, мезо- и микроуровнях, то следуя логике научного анализа, необходимо рассмотреть материально-производственные, социальные, политические и духовные условия и факторы, динамику их изменения в процессе трансформации российского общества. Попутно отметим, что под трансформацией понимается преобразование социальных структур, нередко сопровождающееся их коренной ломкой[3]. О.В. Гаман-Голутвина определяет трансформацию как сложный комплекс институционально-процессуальных изменений: с одной стороны, это целерациональное изменение номинальных установлений (формальных норм, процедур, правил), отражающихся на механизме функционирования институтов общества, с другой – мы имеем дело со сменой моделей культурной, социально-экономической, политической деятельности лю-

---

[1] Социологический энциклопедический словарь. – С. 386.

[2] Бояк Т.Н. Русская сельская молодежь: трансформация духовно-нравственных ценностей (на материалах Республики Бурятия и Читинской области). – Улан-Удэ, 2007. – С. 151-152.

[3] Социологический энциклопедический словарь – С. 374.

дей»[1]. С учетом приведенных трактовок понятия трансформации, нами будут проанализированы изменения социального статуса русской интеллигенции произошедшие в различных сферах общественной жизни.

Доминирующее воздействие на интеллигенцию оказали изменения, произошедшие в материально-производственной сфере, включающей в себя производительные силы (работников производства, научное знание, средства труда, технологию производственного процесса, производственно-экономическую инфраструктуру) и производственные отношения (отношения к собственности, отношения обмена результатами деятельности и отношения распределения продуктами производства). В годы советской власти материально-производственная сфера развивалась по восходящей линии. Наблюдался прогресс во всех ее отраслях. Негативные изменения в этой сфере начались во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. Они выразились в снижении темпов роста производительных сил, падении производительности труда, снижении доходов населения. В последующие годы эти тенденции получили новые импульсы в своем развитии. Еще больше усугубили положение в материально-производственной сфере экономические реформы, начавшиеся в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

В ходе экономических реформ предполагалась трансформация общественной, прежде всего ее государственной формы собственности посредством предоставления хозяйственной свободы предприятиям и проведения приватизации; формирование рынка и механизмов конкуренции; либерализация цен и внешней торговли; реформа системы социальной поддержки населения; правовое закрепление изменений. Коренная ломка прежней социально-экономической системы объяснялась реформаторами экономической и политической ситуацией в стране в начале 1990-х гг., угрозой советской реставрации, а потому необходимостью ускоренного перехода к рыночным условиям. Подобная политика немедленных изменений получила название «шоковой терапии». Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что в то время имелась возможность эволюционного перехода в новое

---

[1] Административные реформы в контексте властных отношений / под ред. А.Н. Олейника и О.В. Гаман-Голутвиной. – М., 2008. – С. 333.

качество с сохранением всего положительного, что было накоплено за годы Советской власти. Революционные же преобразования оправданы в безвыходной ситуации[1].

Ключевым звеном преобразований должна была стать приватизация. Приватизация (от лат. privatus – частный), передача государственного или муниципального имущества (земельных участков, промышленных предприятий, банков и других финансовых учреждений, средств транспорта, связи, массовой информации, зданий, акций, культурных ценностей и т. п.) за плату или безвозмездно в собственность отдельных лиц или коллективов. Часто синонимом этого термина называют разгосударствление собственности, что не совсем правильно. Разгосударствление – это комплекс мер по преобразованию государственной собственности с целью устранения чрезмерной роли государства в экономике, оно направлено на повышение эффективности остающихся в государственном секторе предприятий, а приватизация – одно из направлений процесса разгосударствления.

Предполагалось, что приватизация в России будет стимулировать производство товаров и услуг, отрегулирует спрос и предложение, что в конечном счете приведет к структурным изменениям в промышленности. Начало этому процессу положил Закон от 3 июля 1991 г. «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», в котором предусматривалась бесплатная передача собственности гражданам России с использованием приватизационных именных счетов.

Ваучерную (массовую) приватизацию принято считать первым этапом приватизационного процесса. При монопольной экономике каждый гражданин являлся совладельцем государственной собственности (по сути – формальным). Для превращения в реального собственника и стимулирования, таким образом, к производительному труду все граждане наделялись приватизационными чеками – ваучерами. В течение 1992–1993 гг. ваучеры бесплатно раздавались гражданам России для участия в приватизации. Однако из-за чрезвычайной сложности и запутанности условий приватизации большинство людей не имели доступа к наиболее привлекательным для вложения средств активам. Это

---

[1] Общество и политика: современные исследования, поиск концепций / под ред. В.Ю. Большакова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. университета, 2000. – С. 318.

привело к тому, что основная масса ваучеров оказалась в руках перекупщиков и была обменяна на акции «инвестиционных фондов», которые впоследствии обанкротились. Для народа России ваучеры стали символом тотального обмана населения.

К началу чековой приватизации в России «не было ни предпринимателей, способных приобрести предприятия, ни менеджеров, умеющих руководить ими в условиях свободного рынка, ни рыночной инфраструктуры. Ко всему прочему добавились криминальная обстановка, продажность чиновников, отсутствие эффективного контроля за процессами приватизации. Многие предприятия оказались недооцененными в десятки и сотни раз, так что их будущие собственники могли рассчитывать на огромные прибыли»[1].

Следующий этап приватизации связан с залоговыми аукционами, целью которых было пополнение государственного бюджета за счет приватизации предприятий. В этом случае платежным средством становились не приватизационные чеки, а деньги. Как известно, кредиты взятые государством у коммерческих банков под залог акций крупных государственных компаний возвращены не были и заложенные предприятия достались кредиторам. По словам Г.А. Явлинского, – «если в Западной Европе приватизация крупных государственных предприятий почти всегда являлась весьма длительным процессом, в рамках которого окончательный переход предприятий в разряд частных являлся лишь последним актом реализации обширной программы его реорганизации и адаптации, то у нас отдельно существовавшие звенья директивной экономики просто объявили частными фирмами, часть, оставив вообще без хозяина, а часть передав в безвозмездное пользование кому-то из числа желающих. Под влиянием и при непосредственном участии международных финансовых организаций, в первую очередь Всемирного банка и МВФ, верстались планы мгновенной приватизации сотен и тысяч крупнейших заводов, которая по сути была сведена к переписи данных в реестре в пользу никому не известных фирм и людей...»[2]. Хотя формально часть имущества перешла в собственность трудовых

---

[1] Шкаратан О.И. Социальная политика. Ориентир – новый средний класс // Общественные науки и современность. 2006. – № 4. – С. 47.

[2] Явлинский Г.А. Социально-экономическая система России и проблема ее модернизации. URL:http://www.yabloko.ru/Publ/Diser/Yav_dissert/index.html

коллективов, рядовые работники, как правило, не имели права голоса при управлении собственностью, и даже свою заработную плату получали нерегулярно. Реально же собственность перешла к инсайдерам (инсайдеры – люди, в чьих руках сосредоточен бесспорный контроль за деятельностью конкретного предприятия и которые получают от этой деятельности бесспорную прибыль), которые официально могли даже и не являться сотрудниками данной фирмы[1].

Так, в течение 1992–1999 гг. в России было приватизировано более 133,2 тыс. различных предприятий и объектов. Среди них, крупнейшие предприятия машиностроения, нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, черной и цветной металлургии. В разряд приватизированных попали и некоторые министерства – Министерство газовой промышленности (концерн «Газпром»), Министерство тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения (концерн «Тяжэнергомаш»). «Многие министерства выделяли в своем «хозяйстве» наиболее лакомые куски и приватизировали их. В итоге возникли концерн «Норильский никель», крупнейшая компания «Алмазы России»[2]. В сырьевых и перерабатывающих отраслях, а также на наиболее эффективных предприятиях пищевой и легкой промышленности процесс концентрации собственности происходил быстрее. Это объяснялось высокой доходностью, которая достигалась, у первых за счет разницы между внутренними и мировыми ценами, у вторых из-за быстрого оборота капитала при работе на внутреннем рынке. Предприятия высокотехнологичных отраслей, а также обремененные социальными обязательствами градообразующие предприятия требовали больших капиталовложений в реструктуризацию и не являлись источником долгосрочных доходов, а значит не были привлекательными для потенциальных собственников. Оставшись в собственности государства крупные производственные предприятия плохо адаптировались к условиям рынка и пребывали в кризисном состоянии.[3] По данным Единого государст-

---

[1] Там же.

[2] Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. – М., 2006. – С. 97; *Крыштановская О.В.* Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. – 2002. – № 4.

[3] Долгопятова Т.Г. Российский бизнес 20 лет спустя / Т.Г. Долгопятова, И. Ивасаки, А.А. Яковлев // Мир России. – 2009. – № 4. – С. 99.

венного регистра предприятий и организаций всех форм собственности и хозяйствования (1997 г.), 71,8% всех российских предприятий перешли в частную собственность. К этому времени в частной собственности находились 88,6 % предприятий торговли и общественного питания, 92,2 % – строительства, 14,4 % – образования, 93,6 % предприятий сельского хозяйства[1].

Аналогичные процессы происходили и в национальных районах Сибири. Так, в Республике Бурятия в 1997 г. в частной собственности находились 73,3 % предприятий и организаций, в смешанной – 7,7 %, в муниципальной – 6,8 %, в государственной собственности всего лишь 6,0 %[2].

В результате приватизации произошли кардинальные изменения отношения инженерно-технических работников, руководителей предприятий, других представителей интеллигенции, равно как и рабочих, к средствам производства. Относительно небольшая их часть стала владельцами средств производства, преобладающая часть – наемными работниками.

Разгосударствление собственности, приватизация предприятий, организаций в различных отраслях хозяйства повлекли резкое падение социального статуса ИТР и многих других представителей русской, бурятской, якутской, тувинской и других национальных отрядов российской интеллигенции.

В сельском хозяйстве изменение отношений собственности происходило по-иному, нежели в промышленности и сфере услуг. Бывшие советские колхозы в основном были преобразованы в общества с ограниченной ответственностью (ООО). Каждому работнику и пенсионеру хозяйства формально выделялся земельный надел и доля в производственном имуществе ООО. Однако фактически земля и имущество продолжали использоваться коллективно, так как в условиях экономического кризиса это считали единственным способом выживания.

С ликвидацией колхозов, совхозов, других сельскохозяйственных предприятий и обслуживающих их организаций произошло уменьшение в сельской местности сельскохозяйственных специалистов, инженеров, культурно-просветительных работников, управленцев.

---

[1] Статистическое обозрение. 2000. – № 3.

[2] Бурятия в цифрах: краткий стат. сб. № 02-3. – Улан-Удэ, 1999. – С. 36.

Не оправдались надежды на развитие фермерских хозяйств. Они не получили широкого распространения. В структуре сельскохозяйственного производства России их доля составляла в 1999 г. Всего 3 %[1]. Это объясняется, прежде всего, правовой неопределенностью (невозможность купли-продажи земли), а также рядом других факторов: утратой российским крестьянством традиций частного хозяйствования, объективными трудностями выживания в одиночку, нехваткой малой техники для фермеров, отсутствием помощи со стороны государства.

В этих условиях специалисты сельского хозяйства в большинстве случаев оказались без работы.

Таким образом, программы, предложенные интеллектуалами, работавшими в правительстве, экономистами, создававшие иллюзии быстрого включения страны в мировой рынок и успешного развития экономики в рыночных условиях оказались беспочвенными. Это обнаружилось достаточно быстро в виде многочисленных экономических проблем и трудностей.

Реформы конца 1980-х – начала 1990-х гг. охватили и политическую сферу российского общества, явились важным фактором изменения социального статуса многих социальных образований, в том числе интеллигенции.

В центре всего спектра перемен, которые становились исторической необходимостью было реформирование политической системы общества. Насущная потребность в политической реформе была обусловлена задачами развития демократии, преодоления всевластия партийно-государственной бюрократии, открытия широких путей к социальным переменам, инновациям.

Ключевой вопрос политической реформы – трансформация политического режима. Существовавший в годы советской власти политический режим, определяющийся в литературе как авторитарно-тоталитаристский, претерпел большие изменения. Эти изменения происходили в контексте преобразования всей общественной системы России.

Одной из главных целей российских реформ является строительство гражданского общества. В ходе их реализации сделаны заметные шаги на пути к такому обществу. Большое значение имеет признание естественных прав человека, свободы личности.

---

[1] Российский статистический ежегодник. – М., 2000.

В Конституции Российской Федерации 48 статей (17–64) посвящены правам человека и гражданина. В статье 17 записано: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». В этой связи уместно заметить, что советские конституции содержали критику индивидуальной свободы, они допускали ограничения и даже полный запрет этих свобод, если они были несовместимыми с социалистическими принципами. В ныне действующей Конституции свободы в либеральном смысле (экономические свободы), демократическом (участие в государственных делах) и социальном (свобода от нищеты) признаются высшей конституционной ценностью.

Заметным шагом на пути к гражданскому обществу явилось разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Создание системы сдержек и противовесов в отношениях между властями (двухпалатный парламент, право вето на законопроекты, принятие Государственной Думой бюджета, утверждение кандидатур высших правительственных чиновников, предлагаемых Президентом, Конституционный суд, импичмент). Эти и другие механизмы внешнего взаимного контроля препятствуют образованию властной монополии. Хотя в России наблюдается тенденция аккумуляции всё большей власти у президентской администрации и местной бюрократии.

В процессе реформирования политической системы начался переход от формального федерализма к реальному. Этот процесс происходил на фоне распада Советского Союза. Он был трудным, сопровождался резкой критикой российской государственности. Например, пропагандировалась идея создания на территории страны 40–50 государств как условие перехода к демократическому цивилизованному развитию (Г. Попов, Е. Боннэр). Е. Боннэр, олицетворявшая в те годы в общественном сознании образ ушедшего из жизни А.Д. Сахарова, как-то сказала по телевидению, обращаясь к телезрителям: «Вы даже не представляете, как хорошо жить в маленьких демократических странах». Приводя эти слова, академик В.С. Степин справедливо замечает, что понимать это нужно было так, что после деконструкции коммунистического режима и создания на территории СССР десятков новых самостоятельных государств жить в них будет также хо-

рошо и спокойно, как, допустим, в Швейцарии, Монако или в Люксембурге (а вовсе не как в Нагорном Карабахе, конфликт в котором был уже тогда, или, скажем, в Приднестровье, которое объявило самостоятельность несколько позднее).

Идея целостности государства, продолжает В.С. Степин, стала отождествляться с идеями тоталитаризма. Выступать против национализма в этих условиях считалось дурным тоном, поскольку такие выступления сразу же получали идеологическую оценку как «шовинизм» или «имперские амбиции»[1].

Некоторые религиозные деятели, писатели, философы, известные деятели культуры выступали и продолжают выступать с монархической идеей как перспективы для России. Поэтому вопрос о государственном устройстве России имел особое значение.

Стержнем советского федерализма было «государство – партия» с централизованной командно – административной системой управления. Реальные права субъектов федерации, согласно новой Конституции, стали объективной действительностью, хотя многие его принципы, зафиксированные в Конституции, остаются на бумаге. Изменилась также конституционная основа политической институционализации общества. Её в России ныне составляет принцип политического и идеологического плюрализма (ст. 13 Конституции РФ). Гражданскому обществу чужд политический и идеологический монополизм, подавляющий инакомыслие и не допускающий никакой идеологии, кроме официальной, государственной. Утвердился принцип многопартийности. Стало достоянием истории положение, когда в обществе была только одна партия – партия власти (КПСС), никакой иной быть не должно. В настоящее время в обществе существует легальная оппозиция, которую составляет значительная часть российской, в том числе русской интеллигенции.

Важной частью политической модернизации страны явилась отмена цензуры и информационных привилегий (образовательные, контакты с зарубежными странами, эксклюзивная информация, закрытые фонды библиотек), что привело к плюрализации общественного мнения. Однако информатизация общества и

---

[1] Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб., 2011. – С. 363.

концентрация СМИ привели к появлению в России информационных центров власти под олигархическим контролем.

Становление в России гражданского общества во многом зависит от того, как скоро будет создана его прочная социальная основа. «Основа же гражданского общества и стабильности конституционного строя, – говорится в президентском послании Федеральному Собранию 1998 г., – масштабный и устойчивый средний класс». Но пока такой класс не сложился, прослойка его весьма тонка, в то время как он должен быть «гегемоном» общества, занимать в нём преобладающий удельный вес. Следовательно, процесс построения гражданского общества – это трудный и длительный период формирования среднего класса. К тому же надо иметь в виду, что в России гражданское общество будет формироваться с учётом отечественной специфики, сложившихся культурно – исторических традиций, таких как православие (при полном уважении других религий), соборность, патриотизм, жертвенность, сопереживание, приверженность моральным ценностям, стремление к коллективным формам жизни, национальному согласию, социальной справедливости.

Все это свидетельствует о том, что политическая система России, выйдя из недр тоталитаризма, приобрела ряд черт классических западных моделей демократии. В то же время она значительно отличается от этих моделей. Отличия заключаются в следующем: а) неразвитость публичной сферы общественной жизни. Публичная сфера призвана влиять на формирование государственной политики, выражать общенациональные интересы. Общественные интересы в области экономики, гражданско-правовой сферы, социального обеспечения, воспроизводства духовных ценностей представлены еще слабо. Государственная власть чрезмерно закрыта для контроля со стороны общества; б) гипертрофированная роль государства и бюрократии. Бюрократия, являясь главной опорой режима усиливает свои позиции, все активнее стремится играть самостоятельную роль. «... Политическая роль, отдельные, частичные политические функции, в том объеме, в котором они не посягают на решающую роль президента, все больше сосредоточиваются в руках высшей бюрократии (от силы – нескольких десятков человек, включая, прежде всего, ведущих деятелей президентской администрации, важнейших министров и губернаторов, верхушку партии власти, а также глав

крупных государственных корпораций)»[1]; в) коррупция во всех эшелонах власти. Коррупция, порождаемая бюрократией существенно снижает эффективность всей системы управления. «В различных ведомствах, а также между ними и коммерческими структурами возникли так называемые коррупционные сети – взаимосвязи между чиновниками, используемые для сделок «с целью личного обогащения, распределения бюджетных средств в пользу структур, входящих в коррупционную сеть, повышения их нелегальных доходов, или для предоставления конкурентных преимуществ финансово-кредитным и коммерческим структурам, входящим в коррупционную сеть»[2]. Это позволяет говорить о том, что коррупция приобрела системный характер, сама став частью управленческого аппарата; г) сильно ограниченная и сведенная к минимуму роль представительных органов власти. «Функции федеральных представительных органов ограничиваются имитацией обсуждения, внесением мелких поправок и штампованием решений, принятых в кругах исполнительной власти»[3]. Произошел решающий перекос в пользу органов исполнительной власти, фактическим главой которой стал дуумвират – президент и премьер-министр, а в пределах самой исполнительной власти – перекос в пользу неформальных, закрытых, теневых отношений, типичных для традиционной российской бюрократии; д) слабая оппозиция. При всем многообразии политических партий большинство россиян не видят авторитетных политических партий, которые могли бы защищать их интересы. И даже партии, имеющие представительство в Государственной Думе, не в состоянии играть роль конструктивной оппозиции; е) традиционное доминирование в менталитете российских граждан авторитарного сознания. Граждане слабо верят в способность демократии к эффективной власти, которая в состоянии преодолеть хаос и обеспечить стабильность в обществе, минимизировать коррупцию, обеспечить внешнеполитические интересы государства. Эффективность власти все чаще связывается с «твердой рукой» авторитарного режима.

---

[1] Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. – 2009. – № 2. – С. 11.

[2] Римский В.Л. Бюрократия, клиентизм и коррупция в России // Полития. – 2007. – № 1. – С. 73.

[3] Холодковский К.Г. Указ. соч.

Как повлияли рассмотренные изменения в политической сфере на русскую интеллигенцию?

Прежде всего, произошли изменения в структуре, статусе самой управленческой интеллигенции. Часть прежних руководящих работников министерств, ведомств, партийных, комсомольских комитетов, руководителей предприятий и организаций переместилась в класс владельцев средств производства. В процессе разгосударствления, в результате различного рода махинаций эта часть присвоила наиболее прибыльные предприятия, организации, став их полновластными собственниками. Ныне – это класс буржуазии, включающий в себя представителей среднего, крупного промышленного и финансового капитала. Часть нынешней управленческой интеллигенции – неофиты. Они пополнили ее ряды в процессе перестройки, перехода к рынку. Их доля в России в 1994 г. равнялась около 22 %. Немалое число неофитов в политических верхах вышло из семей, принадлежащих к элитарным группам в прежней властной иерархии. Преобладающую же часть политической элиты составляли представители прежней управленческой интеллигенции. В 1994 г. политическая элита более чем на 60 % состояла из бывшей советской номенклатуры. В 1993 г. в административной элите Центра 60,1 % сохранили свой статус, имевшийся до августа 1991 г.; 27,2 % повысили его; снизился статус у 12,7 %. Еще меньше изменений произошло в составе дипломатической элиты: здесь сохранили статус 79,0 %, повысили 17,7 %. Генералитет, верхушка армии в большинстве, либо сохранили прежние позиции (35 %), либо были повышены в чинах и званиях (47,5 %). Также выглядят и перемены в положении в положении политической элитной группы: сохранение статуса – у 76,6 %; его рост – у 10,3 %. Высока была стабильность и региональной элиты: сохранили свой статус 52,5 %, повысили – 40,0 %[1].

Главное влияние изменений в политической сфере на интеллигенцию выразилось в двух обобщающих результатах. Первый выразился в снятии политических и идеологических ограничений в различных сферах жизнедеятельности интеллигенции, равно как и других социальных групп, в развитии демократии, создании

---

[1] Осинский И.И., Добрынина М.И. Политология: учеб. пос. – Улан-Удэ, 2011. – С. 408.

условий (чаще формальных) для интеллектуальной, творческой деятельности, что предполагает повышение социального статуса данной социальной группы. Второй выразился в разрушении основных сфер, в которых базировала свою деятельность интеллигенция (наука, школа, культура, сельское хозяйство, промышленность и др.), резком изменении экономического положения преобладающей части интеллигенции, расслоении ее на богатых и бедных, в существенном уменьшении морально-психологической «нагрузки» значительной части интеллигентов, в снижении творческого потенциала, что не могло не сказаться на ее социальном статусе.

Экономические и политические реформы вызвали глубокие изменения социальной сферы, обострили и углубили имущественную дифференциацию, интересы и предпочтения социальных групп.

Область социального охватывает социальное положение, место человека в обществе, условия и образ жизни, формирование и реализацию его жизненных потребностей и способностей, социального самочувствия. Основными элементами социальной сферы являются социальная структура, процессы ее развития, отношения равенства и неравенства людей и их общностей по положению и роли в социуме; способы формирования и удовлетворения материальных и духовных потребностей членов общества, потребностей и интересов различных компонентов социума. Формирование и развитие образа жизни индивидов, семей, классов и других социальных общностей; развитие личности, ее способностей.

В стране развернулось несколько процессов кардинально меняющих ее социальную структуру. Наряду со структурной перестройкой экономики и становлением мощного частного сектора, в числе таких процессов, по мнению Т.И. Заславской, – повышение социального престижа образования и квалификации, возрастание его роли в формировании социального статуса. Автор отмечает усиление разнообразия социальных структур крупных территориальных общностей, а также обращает внимание на главенствующую роль критерия собственности и доходов, в отличие от административно-должностного критерия, связанного с местом в системе власти и управления, характерного для советского

общества[1]. Можно сказать, что параллельно с традиционной для России социальной структурой начала складываться новая, характерная для современного западного общества, структура. В новой структуре весомое место отводилось «срединной части», которая является базовым социальным слоем для стран, вступивших на путь постиндустриального развития, что в перспективе предстоит сделать и России. С появлением «среднего класса» связывается преодоление или уменьшение поляризации в обществе и рост благосостояния населения. Вместе с тем, средний класс – важнейшая составляющая социальной базы реформ, успех которых будет определяться не только целесообразностью преобразований, но и в значительной мере зависеть от того, насколько они поддержаны большинством населения, удалось ли сформировать массовые слои, которые станут непосредственными носителями идеологии, ценностей, морали изменившегося общества.

Существует множество трактовок «среднего класса» (ряд исследователей считают более корректным понятие «средний слой») использующих различные критерии определения этого понятия: характеристики материального благосостояния, политического статуса, образа жизни, социального престижа, потенциала социальной мобильности и другие.

По мнению Р.Х. Симоняна, категория «средний класс»» содержит не столько экономическую характеристику, сколько характеристику той позиции, которую он занимает в системе социальных отношений общества. «Средний класс... составляют не просто обладатели определенного размера собственности, но носители базовых ценностей гражданского общества – личного достоинства и независимости, основанной на самоуважении, самостоятельности в оценках, общественно-политической активности, иммунитета к социальному манипулированию и многих других, составляющих в совокупности его классовое самосознание, которое и делает средний класс основой гражданского общества»[2]. В советский период к среднему классу относили многочис-

---

[1] Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры российского общества // Куда идет Россия ?...Социальная трансформация постсоветского пространства. Вып. 3. – М., 1996. – С. 18.

[2] Симонян Р.Х. Средний класс: социальный мираж или реальность? // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 55-61.

ленные группы преподавательской, научной, технической интеллигенции, управленческий персонал, деятелей культуры, всех тех, кого называли «массовой интеллигенцией». К началу 90-х гг. заметно возросла ее политическая активность (особенно в крупных городах), интеллектуальный и творческий потенциал не уступал, а даже превосходил аналогичные характеристики этого класса в восточноевропейских странах. «Характерными чертами многих представителей этого класса были не только общественный статус, высокий уровень образования и денежных доходов, но и самостоятельность мышления, высокая самооценка и соответствующее чувство собственного достоинства, способность противостоять внешнему давлению, в том числе и идеологическому манипулированию. А события второй половины 1980-х гг. способствовали формированию не только общей идентичности, но и солидарности у его представителей»[1]. Был ли использован этот потенциал инициаторами реформ? И можно ли считать постперестроечную интеллигенцию «средним классом»?

Потенциал этого класса оказался невостребован в процессе преобразований. Более того, интеллигенция в результате проведения реформ испытала наибольшую экономическую и социальную депривацию. Перспектива потерять интеллектуально-профессиональный потенциал общества стала особенно актуальной в связи с социальным и материальным расслоением интеллигенции, ее размыванием.

Процесс размывания интеллигенции, по мнению В.А. Мансурова и Л.А. Семеновой, является одним из основных и достаточно тревожных процессов, характерных для 1990-х гг. С этим трудно не согласиться. Одно из направлений этого процесса «связано со становлением новой российской государственности, в ходе которого многие представители интеллигенции вливаются во властные структуры, переставая быть собственно интеллигенцией, превращаясь в чиновничество, бюрократию, номенклатуру. Второе обусловлено тем, что при переходе к рынку, в связи с резким падением уровня зарплаты в госсекторе экономики, закрытием большого числа предприятий и учреждений, многие представители интеллигенции не имеют возможности обеспечить себя, свою семью и меняют профессию, переключаются из сферы

[1] Там же.

интеллектуального труда на более «доходные» виды деятельности. Часть специалистов с высшим образованием перешли (переходят) в частный сектор, где оплата труда значительно выше, другие – в сферу торговли, посреднической деятельности, в «челночный» бизнес»[1].

Изменения в структуре собственности привели к распаду интеллигенции на отдельные составные элементы. Они характеризуются неодинаковым социальным положением, интересами, ориентацией и разными перспективами развития. Следует подчеркнуть, что критерий отношения к собственности является одним из главных, наиболее принципиальных критериев деления общества на большие социальные группы, именуемые классами. Ныне настолько раздробленным стало сознание лиц, занятых интеллектуальным трудом, что некоторые авторы приходят к выводу об исчезновении в России интеллигенции, как социальной общности вообще. Так, Ж.Т. Тощенко пишет, что «произошли события, которые поставили под сомнение существование такого феномена как российская интеллигенция. И в этом нет никаких преувеличений. Произошла огромная дифференциация, фрагментация и парадоксализация сознания и поведения людей, которые были становым хребтом советской, а затем и российской интеллигенции»[2]. Мы согласны с мнением Ж.Т. Тощенко об огромной дифференциации сознания и поведения интеллигенции в постсоветское время. В то же время, необходимо отметить, что положение основной массы интеллигенции характеризуется известной общностью своих черт. Его отличает низкий уровень жизни, отсутствие уверенности в благоприятной трудовой и жизненной перспективе. Социальный статус этой части интеллигенции мало чем отличается от социального положения основной массы населения.

Иное социальное положение у той части интеллигенции, которая внедрилась в правящий класс и приняла активное участие в разрушении советского образа жизни, экономического и полити-

---

[1] Мансуров В.А., Семенова Л.А. Тенденции в развитии профессиональных групп интеллигенции / Россия: трансформирующееся общество. – М., 2001. – С. 289.

[2] Тощенко Ж.Т. Гуманитарная интеллигенция: начало конца? // Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: тезисы всерос. теорет.-метод. конф. – М., 2000. – С. 8.

ческого строя. Эта группа отличается влиятельностью и политической активностью, имеет высокие доходы и стандарты потребления. «Это произошло за счет того, что часть ее сменила прежнюю жизнь на новое поприще, связала жизнь с бизнесом. В состав этой далеко не однородной и небольшой группы входят выходцы из интеллектуальных семей, среди которых немало обладателей научных степеней и званий. Большинство представителей этой группы интеллигенции владеет предметами роскоши, имеет собственность и счета за рубежом, ориентируется на стандарты потребления и ценности западной цивилизации. Очень богатые представители верхушечной части интеллигенции являются богатыми людьми по мировым критериям»[1] ...

Верхушка интеллигенции, главным образом творческой и научной, играла и играет исключительно разрушительную роль. Оставаясь незначительной по своему удельному весу (составляет 10 % от численности всей интеллигенции), она служит сегодня главной ударной силой новой буржуазии. Обладая монополией на электронные средства массовой информации, эта «элита» наркотизирует не только свое ближайшее окружение, но и весь народ. В ее среде есть немало людей, которые пропагандируют индивидуализм, культ денег, цинизм, занимаются развращением, оглуплением народа. В ее рядах не так уж редки высказывания в духе ненависти к инакомыслию, призывы к уничтожению по-другому мыслящих[2].

Изменение отношения собственности обусловило появление наряду с государственной и колхозно-кооперативной формами собственности, также муниципальной, смешанной и частной. Сдвиги в формах собственности вызвали перемены и в структуре занятости. Если основная масса специалистов, занятых на предприятиях и в организациях акционерного типа, являются совладельцами средств производства, то на частных предприятиях они выступают в роли наемных работников.

Основная масса интеллигенции остается на бюджетном финансировании, работает по специальности и находится в стороне от проводимых реформ. Эта группа работников интеллектуаль-

---

[1] Наумова Т.В. Социально-политические ориентации российской интеллигенции // Интеллигенция и нравственность: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. – Т. 1. – Улан-Удэ, 2005. – С. 171-172.

[2] Тощенко Ж.Т. Указ. соч. – С. 7.

ной сферы (учителя, врачи, деятели науки и культуры), как правило, не в состоянии изменить свой социальный статус. Большинство ее представителей влачат жалкое существование. Об этом свидетельствуют результаты мониторинговых исследований, проведенных Институтом социологии РАН с 1992 по 2005 г. под руководством В.А. Мансурова. Представителям различных групп интеллигенции было предложено оценить степень своего благополучия в советский период и на этапе перестройки. 73 % респондентов отметили снижение своего жизненного уровня. Проблема заработка и дохода стала в последние годы основной, вытеснив все остальное на дальний план.[1] Низкий уровень оплаты труда фиксируется и органами власти. Как следует из доклада Минтруда России, одобренном на заседании Правительства РФ 24.02.2000 г.: «оплата труда работников бюджетной сферы опустилась ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Уровень заработной платы работников образования составляет 42 %, работников здравоохранения – 46 %, работников культуры – 42 % от уровня заработной платы в промышленности»[2].

Не произошло заметного улучшения материального положения интеллигенции и в последующие годы.

Социальный статус интеллигенции определяется не только ее материальным положением, профессией, местом, занимаемым в политической иерархии общества, но, также, что особенно важно, ее высокими духовно-нравственными качествами, вкладом в развитие национальной материальной и духовной культуры. Духовная сфера – самая возвышенная область жизнедеятельности общества и человека. Здесь рождаются духовные потребности, начиная с самых элементарных и кончая утонченными и синтетическими; развертывается производство идей и в значительной степени происходит их потребление.

В годы советской власти в духовной сфере общества были достигнуты крупные успехи. При помощи органов власти сформировалась достаточно эффективная система образования, развивались наука, художественное творчество. Интеллигенция про-

---

[1] Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия. – Курган, 2007. – С. 262-263.

[2] Магарил С.А. Гражданская ответственность интеллигенции // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 53 по данным: Рабочая сила. 2000. – № 2.

двигала общественные идеалы, считала своим долгом формирование высоких нравственных качеств: любви к Родине, гуманные отношения и взаимное уважение между людьми, добросовестность в труде и другие. Вместе с тем, в тот период отрицались многие национальные формы традиционной культуры, подавлялось национальное самосознание, насаждалась стандартизация духовных ценностей, внедрялась политика «принудительного атеизма». В годы перестройки были начаты и частично осуществлены преобразования по развитию творческих, гуманистических начал в человеке. Включены в духовную жизнь общества изъятые прежде огромные пласты культуры (произведения дореволюционных авторов, русского зарубежья, фольклор, религиозная культура и т.д.), разрушены прежние идеологические догмы.

Вместе с тем, вызывает тревогу огульное отрицание или недооценка прежних духовно-нравственных ценностей и ресурсов в обществе, и, наоборот, внедрение в сознание через средства массовой информации духа индивидуализма, наживы. Были подвергнуты разрушению все духовные структуры советского человека, история страны рисовалась только в черных тонах. При этом систематически прибегали к искажению реальности не только обществоведы, но и политические деятели, руководители государства. Так, в своем Послании Федеральному собранию 12 ноября 2009 г. Д.А. Медведев заявил: «Советский Союз, к сожалению, так и остался индустриально-сырьевым гигантом и не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания»[1]. Хотя, судя по данным ежегодника «Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.», вывоз продукции высокого уровня переработки отраслей перерабатывающей промышленности и транспортные услуги в 1989 г. составлял 77%. Спустя 17 лет (2006 г.) доля «машин, оборудования и транспортных средств» в экспорте Российской Федерации составила 5,8 %[2].

Была развернута информационно-психологическая война по изменению мировоззрения народа. Как справедливо констатирует С.Г. Кара-Мурза: «Воздействие на массовое сознание в информа-

---

[1] Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/5979.

[2] Российский статистический ежегодник. – М., 2007. – С. 756.

ционно-психологической войне имело целью непосредственное разрушение культурного ядра народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства – власти, армии, школе, даже Академии наук»[1].

В результате экономической и информационно-психологической войны была размонтирована «центральная матрица» мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. Сдвиги и в сознании, и в образе жизни были инструментом демонтажа того народа, который и был хозяином, чья культура, разум, интересы и воля задавали вектор экономической политики. К 1991 г. советский народ был в большей степени «рассыпан» – осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей.

Место национальной культуры все больше занимают образцы западной массовой культуры. Деградирует система образования. Научные знания, светская культура подвергаются активному воздействию религиозных воззрений. Причем если обращение к традиционным конфессиям имело в основном позитивный эффект, поскольку предоставляло человеку в кризисной действительности проверенную духовную опору, то распространение разнообразных оккультных и мистических учений, а также активизация деятельности многочисленных тоталитарных сект создает прямую угрозу для общества.

В режиме переоценки оказались многие идейно-нравственные константы и самого российского интеллигента. К ним относятся жертвенность, долг хранителя универсальных культурных образцов, сакральность просветительской мысли и другие. Коммерциализация, переоценка ценностей, духовно-нравственные колебания части интеллигенции негативно сказываются на ее творчестве. Сегодня трудно назвать сколько-нибудь крупные произведения в области художественной литературы, искусства, появившиеся в последнее десятилетие, которые бы вскрыли глубинные проблемы современного бытия. Это касается и телевидения,

---

[1] Кара-Мурза С.Г. Манипуляция продолжается. Стратегия разрухи. М.: Алгоритм, 2011. – С. 111.

радио, эстрады... Можно согласиться с профессором Г.К. Овчинниковым, который пишет: «Двадцать лет наши писатели и деятели кино ищут в условиях творческой свободы положительного героя и никак не могут найти. И не найдут, ибо место Бога или высоких идеалов заняла коммерциализация (рейтинги и прочие ее превращенные формы). А ведь это писатели, сценаристы, режиссеры, актеры суть наша интеллигенция»[1]. Такое творчество, безусловно, не повышает статус интеллигенции. Вместе с тем, было бы неверно говорить о массовой утрате интеллигенцией своих профессиональных и моральных качеств. В среде российской интеллигенции немало истинных профессионалов, обладающих высокими нормами морально-нравственной культуры.

Таким образом, динамика и характер общественных изменений в России в 1990-е гг. обусловили кардинальные сдвиги в статусных позициях русской интеллигенции. Основными факторами этих изменений явились: трансформация отношений собственности и спад производства; изменение политической системы, деидеологизация общества; социальная дифференциация и поляризация. В процессе реформ произошло размывание интеллигенции. Часть ее влилась во властные структуры, став чиновничеством, бюрократией, другие – сменили интеллектуальную сферу деятельности на коммерческую. Социальный статус большей части интеллигенции мало чем отличается от положения основной массы населения. Сужение сферы государственной поддержки, невостребованность результатов труда, резкое снижение жизненного уровня, рост бедности создали для интеллигенции крайне неблагоприятные условия жизни и труда.

---

[1] Овчинников Г.К. «Вехи» – «Анти-Вехи» и современность // Alma mater. 2009. – № 4. – С. 45.

ГЛАВА III СТАТУСНЫЕ ПОЗИЦИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИХ ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ДУХОВНОЙ СФЕРАХ

1. Динамика статусных позиций русской интеллигенции в экономической сфере

Статусные позиции русской интеллигенции в экономической сфере национально-государственных образований Сибири определяются двумя группами факторов: во-первых, местом материального производства в жизни этих образований, как и общества в целом; во-вторых, положением русской интеллигенции в структуре производственной интеллигенции и ее ролью в развитии материального производства.

Приступая к выявлению статуса русской производственной интеллигенции в жизни республик Сибири, рассмотрим место и роль материального производства в социальном прогрессе общества, его регионов.

Попутно уже отмечалось, что материальное производство является основой жизни любого социума. Общество не может существовать без производства необходимых для жизни людей материальных благ. Производство средств существования и образует исходный пункт истории человечества. Подчеркивая примат материального производства, Ф. Энгельс писал, что «конечных причин всех общественных изменений... надо искать... в экономике соответствующей эпохи»[1]. Экономическая область касается самых глубоких основ человеческой жизни. Материальное производство оказывает влияние и на духовное производство, на производство и воспроизводство общественной жизни (самого человека), производство и воспроизводство общественных отношений. В этой связи нередко в философской и экономической литературе понятие материального производства отождествляется с понятием общественного производства. В какой-то степени это правомерно. «Поскольку, – как справедливо отмечает С.Э. Крапивенский, – материальное производство является не только важнейшей, но и определяющей сферой

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. – С. 210.

совокупного общественного производства, то в той части, в какой другие общественные отношения непосредственно интегрируются с отношениями материального производства, они также выступают в качестве отношений материальных»[1].

Экономический способ производства представляет собой общественный способ взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

Производительные силы общества включают в себя как вещественные, так и личностные факторы производства. К первым относятся средства производства, то есть предметы труда и средства труда. Ко вторым – люди с их навыками к труду и производственным опытом. Они являются основной производительной силой общества. В сфере материального производства эта сила включает в себя рабочих, крестьян, и часть интеллигенции. Последняя – это специалисты, участвующие в совершенствовании и развитии материального производства и управлении им. К ним относятся инженерно-технические, агрозооветеринарные работники, экономисты, организаторы производства, в том числе руководители подразделений среднего звена сельскохозяйственного производства, ученые отраслевых институтов, непосредственно связанные с производством, занимающиеся прикладными исследованиями, а также умственные работники организаций заготовок, снабжения и сбыта. Несмотря на принадлежность к различным профессиональным и отраслевым группам, все они заняты совершенствованием производства, производственным управлением, обеспечивают работу предприятий промышленности, сельскохозяйственных организаций, транспорта, связи, строительства. Социальные функции этой группы интеллигенции включают в себя: 1) организацию производственного процесса, 2) разработку, проектирование и конструирование новых средств труда, технологических процессов, 3) рационализацию и совершенствование технологических процессов, 4) планирование и инженерно-экономическое регулирование, 5) научные исследования и внедрение достижений науки в производство и др. Доля той или иной функции в деятельности представителей производственно-технической интеллигенции зависит от содержания их профессионального труда и ступени иерархической лестницы сис-

---

[1] Кранивенский С.Э. Социальная философия: учебник для вузов. – М., 1966. – С. 76-77.

темы управления научной, технической деятельностью, производством на которой находится работник и осуществляет свою профессиональную деятельность. Социальные функции интеллигенции в процессе производства не остаются неизменными. Непрерывный прогресс производительных сил в условиях научно-технической революции, стремление к повышению эффективности и качеству работы, превращение науки в непосредственную производительную силу, изменения в управлении социально-экономической сферой общественной жизни, рост технического уровня ИТР – все это детерминирует расширение и углубление функций производственно технической интеллигенции. Особенно важную роль в развитии современного производства играют научные знания и информация. Нельзя не согласиться с А.Н. Крыловым, который пишет, что «самой динамичной и эффективной составляющей экономики считаются владение научными знаниями и информацией, способность к творчеству и постоянному обучению»[1]. Функции инженера, агронома, экономиста, менеджера и других представителей производственной интеллигенции все больше включают в себя элементов научного знания.

Указывая на эволюцию профессии инженера, В.А. Ядов и С.А. Кугель еще в 1970-е гг. справедливо отмечали, что «профессия инженера, возникнув как занятие, связанное с приложением знаний в практике строительства и индустрии, превратилась сегодня в обширный род профессиональной деятельности, охвативший практически все сферы материального и духовного производства, управления, культуры. Инженерному решению принадлежит внедрение не только новой физической идеи, но и теоретических разработок в сфере экономики и планирования, управлении, культурном строительстве, в регулировании социальных процессов»[2]. Включенность производственной интеллигенции в процесс производства, в его развитие, совершенствование – свидетельство значимости положения данной социальной группы, ее объективно высокого экономического статуса в обществе.

О месте производственной интеллигенции в структуре интеллигенции национально-государственных образований Сибири дают представление данные Всероссийской переписи населения 2002 г. о

---

[1] Крылов А.Н. Креативный класс: новая роль интеллигенции в экономике // Бизнес-Ключ. Ч.1. – 2008. – № 2.

[2] Социально-технический портрет инженера. – М., 1977. – С. 22.

доле специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в обрабатывающих производствах, в строительстве, транспорте и связи, сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, торговле, ремонте автотранспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования в автономиях Сибири. Согласно этим данным в 2002 г. удельный вес перечисленных выше специалистов в структуре всех специалистов в Бурятии равнялся 47,9 %, в ч – 30,5 %, в Якутии (Саха) – 45,9 %. В целом по России – 55,1 %[1].

Приведенные данные свидетельствуют о высоких показателях, характеризующих место производственной интеллигенции в общей совокупности специалистов этих регионов. В Бурятии и Якутии они приближаются к половине числа работников, занятых интеллектуальным трудом. В их составе доминирующее положение занимают специалисты русской национальности. Преобладающее количество русских было и в среде тувинской производственной интеллигенции, хотя доля последней в составе интеллигенции Тувы не составляла и трети. Широкое представительство русских в структуре производственной интеллигенции национальных районов Сибири – отражение особенностей социально-этнического развития этих районов, активного участия этой группы интеллигенции в индустриальном освоении Сибири. Как уже отмечалось, в годы советской власти осуществлялось интенсивное заселение Сибири, в том числе ее национальных районов, создание здесь крупных индустриальных центров, освоение природных богатств, развитие аграрного производства, что требовало большого количества инженерно-технических, сельскохозяйственных специалистов. Эти процессы были общими, они касались всех национально-государственных образований данного региона. В то же время они протекали не одинаково, каждый национальный район имел свои особенности, что накладывало отпечаток на темпы роста производственной интеллигенции, их национальную, отраслевую, поселенческую, квалификационную структуру.

Так, в Якутии, требовавшей для своего хозяйственного освоения большого количества специалистов разных отраслей знаний, про-

---

[1] Произведены расчеты и составлена таблица на основе данных: Занятие населения по видам экономической деятельности. – М., 2006. (Итоги Всесоюзной переписи населения 2002 г.: 4 т. Т. 8. – С.424-427, 250).

мышленных рабочих, массовый приток в республику из других регионов страны, по мнению исследователей, был в 1920-1930-е и 1959–1989 гг. Это были периоды динамичной трудовой миграции, обусловленные развитием ресурсного потенциала республики. Первый период тесно связан с индустриализацией, проводившейся в 1920–1930-х гг., когда началось формирование первых промышленных очагов на территории республики, специализировавшихся на добыче цветных металлов, в первую очередь – золота на Алдане, в верховьях Колымы и Индигирки, золота и олова на Яне. Вследствие чего в течение 1926-1939 гг. общая численность населения Якутии возросла почти в 1,5 раза. Удельный вес некоренных жителей в составе населения республики с 11,8 % увеличился до 40,1 %[1].

Второй период (1959–1989 гг.) связан с комплексным освоением уникальных месторождений алмазов в западной Якутии и каменного угля в Южной Якутии. Сальдо внешней миграции (разница между прибывшими и выбывшими) за этот период составило 245,1 тыс. Общая численность населения Якутии за счет прибывших выросла примерно на пятую часть. Это были преимущественно русские, большую часть которых составляли представители производственной интеллигенции. По данным специалистов, третья часть прибывших направлялась в городские поселения Южной Якутии, четвертая часть оседала в Якутске и его промышленных агломерациях. пятая отправлялась в городские поселения западной Якутии и более одной пятой прибывала в городские поселения Восточной Якутии и арктические улусы Якутии[2].

В 1989 г. численность населения Якутии равнялась 1094,1 тыс., из них русских было 550,3 тыс. или 50,3 % жителей республики. В городских поселениях их удельный вес составлял около 70 %. В среде производственной интеллигенции доминирующее положение занимали специалисты русской национальности. Уже в 1979 г. в общей численности 32578 инженерно-технических работников русские составляли 31134 человек или 69,3 %. В последующие годы численность русских ИТР еще больше увеличилась. Они сыграли огромную роль в индустриальном освоении республики, в передаче

---

[1] Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии. Этностатистическое исследование. – Якутск, 1997. – С. 169-170.

[2] Железнова Г.А. Регулирование процессов миграции как фактор стабилизации экономики // Проблемы стабилизации экономики северного региона при переходе к рыночным отношениям. – Якутск, 1993. – С. 119.

производственного, организационного, социализационного опыта специалистам, рабочим Якутии.

Подобные процессы происходили в Бурятии и Туве. Так, в Бурятии за счет приезда в республику специалистов и рабочих преимущественно из европейской части страны, особенно в связи со строительством Байкало-Амурской магистрали и Гусиноозерской ГРЭС, численность городского населения в 1971–1980 гг. увеличилась на 57,9 тыс. человек[1]. Среди прибывших на строительство бурятского участка БАМа инженерно-технических работников около 80 % составляли специалисты русской национальности.

В 1979 г. доля инженерно-технических специалистов русской национальности в общей совокупности ИТР в Бурятии составляла 78,3 %, в Туве – 88,4 %. Это свидетельствует о том, что русские специалисты вносили наибольший вклад в создание и развитие индустриально-производственных комплексов национальных районов Сибири. Они занимали ведущие позиции в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи. Видное место принадлежало русским специалистам в аграрном секторе. В указанные годы агрономы, ветврачи, зоотехники, лесничие составляли в Бурятии 45,7 %, в Якутии – 18,2 %, в Туве – около половины[2]. Тенденция численного роста специалистов русской национальности продолжалась и в последующие годы. Вместе с тем в этот период была существенно расширена подготовка производственной интеллигенции в автономиях Сибири и за их пределами из числа местной, национальной молодежи, что обусловило возрастание доли специалистов титульных наций. Тем не менее, в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи по-прежнему доминирующее место занимали русские специалисты.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось существенными изменениями в статусных позициях русской интеллигенции, в том числе ее производственно-технической части, в национально-государственных образованиях Сибири. Эти изменения были обусловлены распадом СССР, трансформацией бывших союзных республик в независимые государства, дестабилизацией общественно-политической ситуации на постсоветском пространстве, особенно в России, переделом го-

---

[1] Данилова З.А. Международная трудовая миграция в приграничном регионе. – Улан-Удэ, 2011. – С. 57.

[2] Всесоюзная перепись населения 1979 г. Распределение населения отдельных национальностей по занятиям. Бурятская АССР. Тувинская АССР. Якутская АССР.

сударственной собственности, реформированием системы управления, внедрением рыночных отношений, закрытием или обанкрочиванием многих предприятий, непродуманным осуществлением экономических реформ, в результате которых были практически сведены до минимума преимущества проживания в районах Крайнего Севера, обострением в ряде мест межэтнических отношений и т.д.

Изменение положения производственной интеллигенции в начале 1990-х гг. выразилось, во-первых, в ухудшении социально-экономического положения в связи с закрытием многих предприятий в этих регионах, сокращением производства, перепрофилированием. Максимальной депрессии подверглись отрасли, работающие на потребительский рынок. Это в первую очередь предприятия легкой и пищевой промышленности. Так, в Бурятии доля легкой промышленности в 1996 г. по сравнению с 1990 г. в общем объеме промышленного производства сократилась с 29 до 2 %, пищевой – с 13 до 7 %. В машиностроительном комплексе общий объем выпускаемой продукции уменьшился в республике за 1990–1996 гг. на 78 %. Производство строительных материалов сократилось на 70 %[1].

Спад в экономике повлек за собой сокращение производственно-технического персонала.

В промышленности Бурятии в 1990 г. было занято 180,3 тыс. человек, в 1994 г. – 131,3 тыс., на транспорте в 1990 г. – 43,5 тыс. человек, в 1994 г. – 38,0 тыс. человек. В 1995 г. в промышленности и строительстве работали 127,2 тыс. человек[2]. Сокращение промышленно-производственного персонала продолжалось и в последующие годы. По данным В.Г. Бирюкова, только за 1995–1996 гг. из промышленного производства Республики Бурятия были освобождены 119 тыс. работников. Нашли себя в бизнесе только 11,5 тыс. Такая же тенденция прослеживалась в 1997–1998 годах[3]. Примерно пятая часть освобожденных работников – это инженеры и техники.

Сокращение инженерно-технической интеллигенции в той или иной мере коснулось всех отраслей народного хозяйства автономий Сибири.

В качестве примера приведем данные об изменениях в отраслевой структуре ИТР и служащих промышленности г. Улан-Удэ, яв-

---

[1] Формирование хозяйствующих субъектов в экономике республики Бурятия. – Улан-Удэ: Госкомстат Республики Бурятия, 1997. – С. 26.

[2] Бурятия в цифрах. Госкомстат РБ. – Улан-Удэ, 1997. – С. 24.

[3] Бирюков В.Г. Страницы истории. Друзья и встречи. – М., 2007. – С. 334.

ляющимся наиболее крупным индустриальным центром национально-государственных образований Сибири (таблица 7)[1].

С 1991 по 1997 г. количество инженерно-технической интеллигенции и служащих в промышленности Улан-Удэ сократилось почти в 2 раза. То есть половина квалифицированных работников и ИТР осталась без работы или перешла на другую, не всегда соответствующую их знаниям и образованию. Особенно резкое сокращение технических специалистов произошло в стекольной, легкой, лесной промышленности и в машиностроении. В меньшей мере это коснулось ИТР и служащих, занятых в пищевой и мукомольной отраслях.

Таблица 7

Среднегодовая численность ИТР и служащих основных отраслей промышленности г. Улан-Удэ в 1991–1997 гг.

	1991 г.	1997 г.	в 1997 г. в % к 1991 г.
Промышленность, в т.ч.	10791	5847	54
Электроэнергетика	1357	748	55
Машиностроение	7094	3523	49
Лесная	297	124	41
Промышленность стройматериалов	316	205	64
Легкая	644	316	49
Пищевая	628	538	85
Мукомольно-крупяная	75	64	85
Стекольная	213	39	18

На большинстве государственных и муниципальных предприятий ИТР, как и другие работники, во второй половине 1990-х гг. часто находились в административных отпусках, были заняты неполный рабочий день или неделю. Так. большая часть рабочих, ИТР и служащих авиационно-строительного объединения в 1999 г. работала только два дня в неделю[2].

Подобная ситуация была и в Якутии. В этой республике в 1990–1999 гг. производство электроэнергии снизилось с 8478,5 млн кВт ч.

---

[1] Приводится по: Иванова Л.И., Осинский И.И. Инженерно-техническая интеллигенция в условиях перехода к рынку. – Улан-Удэ, 2003. – С. 58.

[2] Там же.

До 7240,4 млн кВт ч., добыча угля сократилась с 16949 тыс. т до 9984 тыс. т, вывоз древесины – с 3402 тыс. $м^3$ до 485 тыс. $м^3$, производство мяса и субпродуктов в пищевой промышленности – с 22607 т до 4373 т. Приведенные цифры показывают глубину экономического спада в Якутии. За эти годы произошло резкое сокращение поголовья крупного рогатого скота, свиней, лошадей, оленей, серебристо-черных лисиц, голубого песца и других, повлекших за собой сокращение численности соответствующих специалистов производственной интеллигенции. В 1990 г. в отраслях материальной сферы Якутии было занято 372,1 тыс. человек, в 2000 г. их стало 283,8 тыс. человек. Русские традиционно сосредоточивались в сферах промышленности, транспорта, связи, где их удельный вес был наибольшим в составе ИТР и рабочих. Ими в советское время были созданы основные доходные отрасли промышленности – алмазная, золото-, оловодобывающая и другие. «И сегодня, как подчеркивают Т.П. Петрова и Э.Т. Мярикянова, самооценка русских основывается прежде всего на том, что они наиболее квалифицированная часть рабочих и специалистов в регионе. Однако те отрасли, в которых русским принадлежит ведущая роль, первыми испытали на себе хозяйственную дестабилизацию в результате экономических реформ»[1].

В результате закрытия нерентабельных предприятий, ликвидации поселков горнодобытчиков часть русских инженеров, техников, других специалистов оказалась без работы, зарплаты, нормальных условий для жизни и возможностей выезда из-за отсутствия финансовых средств. На ряде работающих предприятий в условиях обострившейся борьбы за престижные высокооплачиваемые должности предпочтение отдается коренным народам, как наиболее приобщенным к языку и культуре титульной нации (хотя не обязательно более квалифицированным). Незнание якутского языка и местных традиций осложняет профессиональную карьеру русских, является тормозом в повышении социального статуса. Часто единственным исходом в такой ситуации для русских (в особенности для интеллигенции) является отъезд в Россию[2].

---

[1] Петрова Т.П., Мярикянова Э.Т. Тенденции этносоциального развития саха и русских // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия). – Новосибирск, 2000. – С. 149.

[2] Там же. – С. 150-151.

Во-вторых, изменение социального статуса русской производственной интеллигенции, как специфической социально-демографической группы в автономиях Сибири выразилось в сокращении ее численности. В силу резкого ухудшения социально-экономической ситуации в этих автономиях значительная часть инженеров, техников, экономистов, других специалистов русской национальности мигрировала, то есть выехала в другие регионы России, а также в страны ближнего зарубежья. Особенно заметными были миграционные процессы в Якутии и в Туве. Массовый отъезд инженерно-технических работников из Тувы в 1991 г. парализовал работу промышленных предприятий республики. Обострились межнациональные отношения. Основная причина – недостаточная сбалансированность кадровой, социальной и национальной политики. Дело в том, что в конце 1980-х - начале 1990-х гг. в Туве сложились своеобразные взаимоотношения между профессионально-отраслевой, поселенческой структурами интеллигенции и ее национальным составом: педагогическая, управленческая, медицинская интеллигенция были смешанными по национальному составу; тувинскими кадрами были представлены в большинстве своем художественно-творческие, культурно-просветительные и научные работники; такие группы, как инженерно-технические работники и военная интеллигенция по своему национальному составу были в основном русские или русскоязычные. В последние годы в этом распределении произошли следующие изменения: 1) научная интеллигенция, ранее состоявшая в основном из представителей гуманитарного знания, пополнилась достаточно крупным отрядом научно-технической интеллигенции (в основном мигрантами из других регионов страны) и изменилась по национальному составу, став в большинстве своем русскоязычной; 2) инженерно-техническая интеллигенция стала все более смешанной, хотя процент тувинских специалистов еще достаточно низок.

Образовался очень заметный дисбаланс в распределении служащих в городе и в сельской местности. В городских поселениях республики, в особенности в столице – г. Кызыле сосредоточена наибольшая часть общереспубликанской интеллигенции, в основном смешанной или русской по своему национальному признаку. На селе же при острой нехватке кадров вообще, существует не менее злободневная проблема: интеллигенция – в основном тувинская, служащие некоренной национальности – в малом количестве, в не-

которых районах их нет совсем. Такая ситуация в кадровой политике при всем позитивном, что в ней есть, содержит в себе причины многих негативных процессов[1]. Нельзя не согласиться с С.Ю. Смирновой и в ее оценке ситуации, сложившейся в структуре в отраслях материального производства как парадоксальной: на многих предприятиях, в учреждениях и организациях с коллективом преимущественно тувинским по составу должности руководителей и специалистов занимают не тувинцы. Эти и подобные им ситуации значительно осложняют национальные отношения в республике. Уже достаточно очевидна потребность в кадрах местной национальности, связанных с материальным производством[2].

Большое количество представителей производственной интеллигенции мигрировало из Якутии. По данным Государственного комитета по статистике Саха (Якутии), за 1990-1997 гг. выехало из республики 267 тыс. инженеров, техников, других специалистов и рабочих активного возраста[3], что негативно сказалось на ряде важных отраслей материального производства. Относительно большой процент специалистов и служащих сохраняется в строительстве, полиграфическом производстве и алмазообработке. Значительная часть ИТР русской национальности выехала из Бурятии в связи с завершением строительства Бурятского участка БАМ, закрытием ряда промышленных предприятий, строительных организаций, ухудшением социально-экономической ситуации в республике.

Выезд части ИТР, других специалистов русской национальности из республик Сибири внес некоторые изменения в соотношение русского населения, его специалистов и населением и специалистами титульных наций. Вместе с тем, как отмечают исследователи, часть специалистов-мигрантов русской национальности в последующие годы вернулась обратно в эти республики. Хотя таких было относительно немного. Тем не менее, несмотря на известную механическую убыль русские инженеры, техники, экономисты, другие специалисты по-прежнему занимают важное место в структуре работников сложного интеллектуального труда.

---

[1] Смирнова С.Ю. Межнациональная ситуация в Туве: мнение интеллигенции // Интеллигенция и перестройка. – М., 1991. – С. 46-47.

[2] Там же – С. 48.

[3] Этносоциальное развитие республики Саха (Якутия) – Новосибирск, 2000. – С. 13.

Согласно материалам Всероссийской переписи населения 2002 г. количество лиц с высшим и средним специальным образованием русской, титульных и других национальностей в Бурятии, Туве и Якутии характеризуется следующими данными (таблица 8)[1].

Таблица 8

Национальный состав лиц с высшим и средним специальным образованием в Бурятии, Тыве, Якутии в 2002 г.

	Общее кол-во (тыс.)	Титульная нация			Русские			Другие нации		
		специалисты		доля в насел. %	специалисты		доля в насел. %	специалисты		доля в насел. %
		кол-во (тыс.)	%		кол-во (тыс.)	%		кол-во (тыс.)	%	
Бурятия	345,6	104,9	30,3	27,8	166,1	48,1	67,8	74,6	21,6	4,4
Тува	85,2	57,3	67,3	78,5	24,9	29,2	20,1	3,0	3,5	1,4
Якутия	338,2	137,5	40,7	45,5	153,1	45,3	41,1	47,5	14,0	13,4

Из таблицы видно, что русские в начале XXI в. были представлены в автономиях Сибири крупными группами работников с высшим и средним специальным образованием. Их доля превышала удельный вес специалистов титульных наций в Бурятии и Якутии. В Тыве она была почти в полтора раза больше доли русского населения в общей численности жителей данной республики.

Отмечая весомое представительство русских в составе интеллигенции, в том числе, занятой в производственной сфере, их значительную роль в индустриальном освоении национальных районов Сибири, исследователи обращают внимание на малочисленность представителей титульных наций в промышленно-производственной сфере, на сложившихся диспропорциях в структуре интеллектуального труда. Население этих республик, особенно сельская его часть, где, кстати, велика доля безработных, еще не достаточно осознало необходимость активного участия в промышленном развитии республик. Так, в Якутии в середине 1990-х гг. в

---

[1] Произведены расчеты и составлена таблица по: Национальный состав и владение языками, гражданство. – М., 2004 (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 4. Кн. 1. – С. 96, 97, 112, 113; Кн. 2. – С. 1500, 1502, 1516.

алмазодобывающей промышленности было занято более 40 тыс. человек, из них представителей коренного населения было лишь 380 человек, в добыче золота занято соответственно 11,4 тыс. и 338 человек, в газовой промышленности – 7417 и 207 человек и т.д. В промышленности всего работало 12,5 тыс. представителей коренных национальностей, что составляет лишь 13,3 % и это в основном местная промышленность, улусные пищекомбинаты, мастерские по пошиву меховых изделий, предприятия, выпускающие товары народного потребления и улусные типографии[1]. Несмотря на то, что в последние годы сделаны заметные шаги по вовлечению коренного населения в индустриальное производство, в том числе в его интеллектуальные формы, проблема еще далека от своего полного разрешения. В этой связи приобретает значимость подготовка технических специалистов из местного населения. Данная проблема сегодня является актуальной, прежде всего для Тывы и Якутии. В Бурятии местное население оказалось в большей мере вовлеченным в индустриальную сферу, здесь более широкая сеть профессиональных учебных заведений по подготовке технических специалистов, чем в Тыве и Якутии. Наличие в структуре местного населения необходимого количества инженеров, техников, агрономов, геологов, экономистов будет способствовать сближению социальной, профессиональной структур, играть важную роль в преодолении национальной замкнутости титульных наций и части этносов, проживающих на территориях республик Сибири.

Нельзя сбрасывать со счетов и потребности в технических специалистах долгосрочных моделей развития национально-государственных образований Сибири. Такие модели сегодня создаются во всех республиках. Большая роль в этих концепциях отводится образовательной системе государства. Именно от нее зависит будущее общества. Указывая на роль образования в развитии постиндустриального общества, Д. Белл подчеркивал: «Расширение постиндустриального сектора требует, чтобы как можно больше людей имели высшее образование, получили навыки абстрактно-концептуального мышления и овладели техническими и буквенно-цифровыми приемами»[2].

---

[1] Брагина Д.Г. Современные этнокультурные процессы у народа саха. – Якутск, 1996. – С. 37-38.

[2] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999. – С. 27.

Наступивший XXI в. определяется специалистами как век знаний, информации, стремительного развития информационных технологий. Подготовкой специалистов – создателей этих ценностей занимается высшая и средняя специальная школа, поэтому роль образования вообще и высшего образования в частности, не просто возрастает, а приобретает новое содержание, новые формы и новые структуры. Как субъект общества вуз выступает в роли центра науки, культуры, технической мысли и образования, удовлетворяющего потребности личности, осуществляющего подготовку специалистов в области технических, естественных и гуманитарных отраслей знаний, фундаментальные и прикладные исследования и внедрение их в практику.

Одной из основных проблем современного рынка труда в России, ее национально-государственных образованиях является несоответствие содержания и качества подготовки специалистов, прошедших обучение в учебных заведениях высшего и/или среднего профессионального образования реальным потребностям рынка труда. Данная проблема обусловлена тем, что существующая система образования еще не приспособилась к резко изменившимся и соответственно быстро меняющимся условиям и требованиям рынка. В системе органов Минобразования России продолжается подготовка технических и других специалистов без учета реально складывающейся ситуации на общероссийском и региональном рынках труда. В настоящее время до 40 % выпускников высших учебных заведений не могут трудоустроиться по полученной профессии (специальности). В то же время современная экономика испытывает острую потребность в специалистах по целому ряду направлений, особенно в области информационных технологий.

Общая потребность российской экономики в ИТ-специалистах в 2007 г. составляла 188 тыс. человек. Эта потребность превышает число выпускников профильных образовательных учреждений в 2,7 раза. Потребность в ИТ-кадрах будет расти и дальше вне зависимости от приоритетов развития ИТ в России. Прогнозируемая потребность в новых ИТ-сотрудниках в 2012 г. многократно превысит число принятых в высшие и средние учебные заведения на ИТ-специальности в 2007 г. (в 3–6 раз в зависимости от сценария развития ИТ-рынка).

По расчетам Ассоциации предприятий компьютерных и информационных технологий РФ во всех отраслях экономики за исклю-

чением ИТ-индустрии, в настоящее время занято около 730 тыс. ИТ-специалистов, из которых 300 тыс. работают на предприятиях малого бизнеса или являются фрилансерами, а остальные – в ИТ-подразделениях крупных и средних кампаний. Российской экономике ежегодно требуется существенный приток квалифицированных ИТ-кадров – около 260 тыс. человек, из которых около 80 тыс. человек – это специалисты «1С: Предприятие»[1].

Сравнение с мировым опытом показывает, что в России в сфере ИТ занята существенно меньшая доля трудоспособного населения, чем в развитых странах – 1,18 % против 3,79 % в США и 3,4 % в Великобритании и Германии[2]. Такой разрыв с развитыми странами, безусловно, сказывается на развитии современной российской экономики. Ощущается острый дефицит в ИТ-специалистах в национально-государственных образованиях Сибири. В высших и средних специальных учебных заведениях ведется обучение по нескольким специальностям, профильным для ИТ-индустрии. Несмотря на значительное количество образовательных учреждений, готовящих кадры для данной отрасли, качество подготовки многих выпускников, по мнению специалистов, оставляет желать лучшего. Будущее Сибири, ее национальных районов с их огромными территориями, суровыми климатическими условиями, богатыми, но труднодоступными минерально-сырьевыми ресурсами, многочисленным населением невозможно без развитых систем и сетей информатизации.

Социально-экономическая структура общества, его регионов, базирующихся на информационной экономике, уже по своей сущности освобождается от большинства социально-экономических и экологических проблем и в потенциале предполагает экспоненциальное развитие общества по основным его параметрам.

Государственная политика в области информатизации России, получившая новый импульс на рубеже 1993 -1994 гг. включает следующие основные направления:

- создание и развитие федеральных и региональных систем и сетей информатизации с обеспечением их совместимости и взаимодействия в едином информационном пространстве России;

---

[1] Лумбуцыренова Т.Ц., Гунжитова Г-Х.Ц. О проблеме кадрового дефицита и путях ее решения (на примере IT-специалистов) // Проблемы профессиональной подготовки управленческих кадров в современных условиях. – Улан-Удэ. 2008. -С. 147.

[2] Там же.

- формирование и защиту информационных ресурсов государства как национального достояния;

- обеспечение интересов национальной безопасности в сфере информатизации и ряд других направлений. В Концепции формирования и развития единого информационного пространства России определяются приоритеты пользователей государственными информационными ресурсами в следующем порядке: граждане, предприятия, органы государственного управления.

Создание федеральных и региональных информационных систем и сетей позволяет по-новому организовать профессиональную подготовку студентов, по-новому подойти к самообразованию граждан и к системе переподготовки кадров на предприятиях. По ряду наиболее массовых и востребованных профессий разработаны стандарты (программист, системный архитектор, специалист по информационным системам, системный аналитик и др.). Накоплен позитивный опыт взаимодействия системы образования с бизнесом, в рамках которого получили распространение такие формы сотрудничества как разработка системы рейтингования вузов, отражающей их привлекательность с точки зрения работодателей, организация базовых кафедр компаний в вузах, преподавание сотрудниками фирм дисциплин в образовательных учреждениях, совместное проведение студенческих олимпиад, «дней открытых дверей» в ИТ-компаниях, стажировки студентов в компаниях, написание дипломных и научных проектов. Некоторые из названных форм практикуются в Бурятии компанией «Байкалсофт». Сегодня необходимо формирование нового типа общественных отношений между социальными партнерами, государственными учреждениями профессионального образования и работодателями, представляющими предприятия различных форм собственности.

Образовательные сферы Бурятии, Тывы, Якутии в настоящее время обладают необходимыми возможностями для создания слоя технических специалистов с высшим образованием и научных кадров, которые будут осуществлять управленческие функции в будущем постиндустриальном обществе. При этом в тех республиках, где местное население слабо представлено в индустриально-производственной сфере (например, в Якутии) при приеме на работу в указанную сферу в ряде случаев отдается предпочтение представителям титульной нации.

В Якутии в подготовке высококвалифицированных специалистов приоритетным направлением остается развитие следующих технических специальностей и специализаций: автомобили и автомобильное хозяйство, промышленный и железнодорожный транспорт, обогащение полезных ископаемых, технология и комплексная механизация разработки нефтяных и газовых месторождений, технология и вентиляция, водоснабжение и водоотведение, технология переработки мяса и молока и другого сельскохозяйственного сырья, технология лесоразработок, обработка и переработка древесины. Последняя специальность особо остро необходима в связи с большим экспортным потенциалом лесов Якутии.

С ростом значения наукоемких производств необходима подготовка кадров и развитие таких направлений, как микроэлектроника, генная инженерия. С уменьшением доли занятых в промышленности в будущем необходимо развитие обслуживающих отраслей. По этой причине перспективным является подготовка экономистов, математиков и специалистов сферы обслуживания[1].

Учитывая огромную территорию Якутии, наличие или отсутствие полезных ископаемых, особенности развития того или иного региона республики, исследователи предлагают дифференцированно изучать потребности в специалистах в региональном аспекте. По мнению экспертов в заречной и близлежащей группе улусов в перспективе в производственно-экономической сфере наиболее востребованными будут программисты, экономисты, инженеры-технологи, особенно специалисты по трубопроводному транспорту; в вилюйской группе – инженеры-строители, инженеры-теплотехники, психологи, технологи пищевой промышленности; в северной группе понадобятся те же специалисты, а также, инженеры-строители, бухгалтера, геологи; в промышленных улусах сохранится спрос на работников горнодобывающей и алмазодобывающей промышленности, технологов различного профиля. Опрос экспертов показал, что в сельской местности наряду с ростом безработицы увеличивается спрос на квалифицированных специалистов. Безработица на селе переплелась с дефицитом кадров. Преобладающее большинство улусов страдают от недостатка инженерных специалистов: электриков, теплотехников, энергетиков. Попутно отметим,

---

[1] Охлопков В.Е. Конституциональные основы трансформации социальной структуры населения региона. – М., 2004. – С. 153.

что, по мнению экспертов, сегодня существует высокая потребность в улусах в учителях, врачах, специалистах ЖКХ и бытового обслуживания[1]. Сходные результаты были получены при опросе работодателей г. Якутска. В процессе исследования, ответы респондентов на вопрос «В каких специалистах остро нуждается Ваше предприятие?» были разделены на 2 группы (в первую группу были включены ответы респондентов – работодателей государственных и муниципальных предприятий, во вторую – работодателей ООО и ЧП. Ниже приводятся результаты исследования[2].

Таблица 9

Распределение ответов работодателей по основным требуемым профессиям, %

Группы профессий	Работодатели	
	1-я группа	2-я группа
Инженеры	28	15
Мастера, технологи	12	15
Машинисты, механики	9	10
Бухгалтеры, экономисты	15	5
Врачи, учителя, юристы	15	0
Менеджеры	3	15
Рабочие	9	0
Операторы, слесари	6	0
Продавцы	0	10
Другие специалисты	3	30
Всего	100	100

Из таблицы 9 видно, что наибольшим спросом у работодателей первой и второй групп пользуются инженеры (инженеры-программисты, инженеры-механики, инженеры по связи, инженеры-электрики, инженеры-теплотехники и т.д.). Также большим спросом у респондентов 1-й и 2-й групп пользуются мастера и технологи производства, машинисты и механики. Профессии бухгалтеров, экономистов, врачей, учителей, юристов оказались значимыми для респондентов 1-й группы, в то время как респонденты 2-й

---

[1] Кайгородова С.Н. Актуальные проблемы трудоустройства сельской молодежи в РС (Я) (по материалам экспертного опроса // Институт социальных проблем труда: сб. науч. работ. Вып. 10. – Якутск, 2004. – С. 124.

[2] Аммосов П.П. Некоторые аспекты найма рабочей силы в рыночных условиях (по результатам экспресс-опроса работодателей г. Якутска). – Там же. – С. 129.

группы выбрали продавцов и менеджеров. То, что работодатели обоих групп нуждаются в специалистах инженерно-технического профиля, показывает, что имеется некоторое несоответствие между спросом и предложением на рынке труда.

Предполагаются существенные изменения в составе специалистов в Бурятии и Тыве. Последняя сегодня остро нуждается в инженерах, врачах, экономистах и других работниках высшей квалификации. В Бурятии в 2007 г. Постановлением Правительства республики была принята Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия до 2025 г., а в 2010 г. утверждена республиканская целевая программа «Развитие трудовых ресурсов в Республике Бурятия на период 2010–2020 гг.». В этих документах рассматриваются основные направления развития экономики и вопросы рабочей силы. В соответствии со Стратегией социально-экономического развития продолжится экономический рост посредством формирования конкурентоспособной экономики инновационного типа, крупных производственно-инфраструктурных комплексов, развития инфраструктуры и малого предпринимательства.

Перспективы развития Бурятии связаны с созданием в республике экономического центра России в Восточной Сибири, в том числе за счет капитализации его геоэкономического положения и интеграции России в азиатский макрорегион.

Совершенствование производства, внедрение новых технологий приведет к росту численности технического персонала, к изменению профессионально-квалификационной структуры спроса на рынке труда, повышению требований работодателей к качеству рабочей силы. В перспективе до 2020 г. предполагается создание в республике около 70 тысяч рабочих мест.

В Бурятии в перспективе сформируется ряд зон, в которых будут образованы Северобайкальский, Восточный, Восточно-Саянский, Центральный и Южный комплексы, а также туристская особая экономическая зона, на которых, по мнению специалистов, спрос на квалифицированную рабочую силу будет значительно опережать предложение регионального рынка труда[1]

---

[1] Найданов Г.Т., Дармаева Н.Г. Современное состояние и перспективы развития трудовых ресурсов Республики Бурятия // Муниципальная власть и гражданское общество: проблемы диалога и перспективы развития: материалы межрег. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 145-146.

Для обеспечения приоритетных направлений развития будет необходима реализация комплекса мер по развитию собственных трудовых ресурсов и переселению в Республику Бурятия в первую очередь граждан России из других регионов и соотечественников, проживающих за рубежом. По предварительной оценке, в период до 2020 г. при условии реализации всех инвестиционных проектов 50 % создаваемых рабочих мест будет замещаться за счет трудовой миграции населения в Республику Бурятия[1].

В общем потоке специалистов, необходимых для формирования промышленно-производственных комплексов, строительства предприятий и других объектов, их эксплуатации, весомое место займут работники русской и других национальностей. Часть из них – представители местного русского населения, другая часть – мигранты из других регионов России.

В заключение параграфа отметим, что русская интеллигенция, как в советский, так и в постсоветский периоды развития российского общества занимала и занимает доминирующее положение в сфере материального производства (в промышленности, строительстве, на транспорте). Значима ее роль в аграрном секторе. В процессе реформирования экономики произошло снижение экономического статуса русской интеллигенции по сравнению с предыдущим этапом. Это обусловлено переделом государственной собственности, закрытием, обанкрочиванием многих предприятий, организаций, роспуском, колхозов, совхозов, обострением межэтнических отношений, миграцией значительной части специалистов в другие регионы. В середине первого десятилетия XXI в. наметились некоторые положительные сдвиги в развитии экономики, что способствовало увеличению количества занятых в экономическом секторе и снижению уровня безработицы в среде специалистов. Перспективы экономического развития республик Сибири связаны с ростом участия в нем наряду с представителями титульных наций, русских технических специалистов.

---

[1] Там же.

2. Статусные позиции русской интеллигенции в социальной сфере

Русская интеллигенция занимает важные позиции в социальной сфере национально-государственных образований Сибири.

Социальная сфера – одна из наиболее обширных областей любого социума. Предварительно отметим, что понятие «социальное» употребляется в нескольких разных смыслах. В самом широком, оно охватывает все относящееся к человеческому обществу, – в отличие от природы. В этом смысле социальными именуются и экономические, и политические процессы и вся область духовной жизни общества. В то же время понятие «социальное» употребляется в узком смысле слова, как часть общественного, находящегося в одном ряду с терминами «экономическое», «политическое», «духовное».

Рассматривая основные сферы общественной жизни, нельзя считать, что они четко разграничены, отделены друг от друга, что все явления человеческой жизнедеятельности можно, как по полочкам, разложить по этим сферам. В любой области этой жизнедеятельности имеют место процессы и явления других видов общественных отношений. Более того, многие из них оказываются настолько переплетенными, что с полным основанием можно говорить о социально-экономических, социально-политических, социально-культурных и т.д. явлениях и процессах.

Тем не менее, при всей такой взаимосвязи вполне возможно очертить круг явлений, которые можно назвать социальными в оговоренном выше социальном, узком смысле этого слова, образующим социальную сферу общественной жизни. Поскольку объектом нашего исследования является русская интеллигенция, как часть социальной сферы, то мы, прежде всего, сосредоточим свое внимание на тех явлениях, точнее факторах, которые характеризуют социальный статус интеллигенции. К таким факторам относятся структура интеллигенции, степень ее занятости, профессиональная деятельность, квалификация, доход, жилищно-бытовые условия, степень удовлетворенности трудовой деятельностью и др.

Начнем с анализа изменений социальной структуры интеллигенции.

В ходе реализации неолиберальной стратегии перехода российского общества к рыночной экономике, начавшегося в 1992 г., со-

циальная сфера подверглась кардинальным изменениям. На базе преобразования институциональных основ, прежде всего ликвидации общественной, появления частной собственности и развития ее на базе предпринимательства, произошла декомпозиция социальной структуры: появился класс собственников, включающих в себя крупных, средних и мелких. К крупным собственникам примыкают директора крупных предприятий, которые в ходе приватизации стали владельцами больших пакетов акций своих предприятий, создали на их основе собственные частные фирмы. В процессе становления рыночных отношений происходит сближение названных двух групп собственников, которые стремятся к господству, не только в экономической области, но и в политической. Что касается интеллигенции, то изменения в структуре собственности привели к распаду интеллигенции на отдельные составные элементы. Они характеризуются неодинаковым социальным положением, интересами, ориентацией и разными перспективами развития. Относительно небольшая их часть стала владельцами средств производства, преобладающая часть наемными работниками. По данным социологических исследований, проведенных в 2006 г. органами госстатистики Республики Бурятия, почти 45% предпринимателей республики ранее работали в должности руководителей каких-либо хозяйственных структур, около 23 % являлись специалистами с высшим образованием. Большинство же специалистов лишились собственности на средства производства (пусть даже формально принадлежащих, в том числе, и им).

В результате разгосударствления собственности, интеллигенция, как и другие социальные группы, оказалась разделенной на различные социальные группы. Часть ее была занята на государственных и муниципальных предприятиях и организациях, другая часть – в частном секторе, третья – в общественных объединениях и организациях, четвертая - на совместных предприятиях и в организациях со смешанной формой собственности, включая организации с иностранным участием. Об этом свидетельствуют материалы приводимой таблицы[1].

---

[1] Таблица составлена по: ст. ежегод. по Республике Бурятия. – Улан-Удэ, 2002. С. 66; *Среднегодовая* численность занятых по формам собственности за 2006 год (текущий архив Госкомстата Республики Бурятия). Улан-Удэ 2006. – С.1; *Стат. ежегод.* Республики Саха (Якутия). Стат. сборник. Якутск, 2003. – С. 79.

Таблица 10

Распределение занятого населения в Бурятии и Якутии по формам собственности, %

	Бурятия				Якутия			
	1990	1996	2000	2006	1992	1996	2000	2002
Государственная и муниципальная собственность	92,1	53,0	44,3	43,7	88,2	53,5	52,1	52,8
Частная собственность	7,7	29,3	41,1	48,9	10,0	24,1	29,1	28,4
Собственность общественных организаций и объединений	0,2	0,6	1,9	0,5	0,3	0,1	0,4	0,3
Смешанная собственность, включая иностранное участие	....	17,1	12,7	6,8	1,4	22,3	18,5	18,5

В годы советской власти в автономиях Сибири, как и в целом по стране, не было частной собственности, не было работников, в том числе умственного труда, связанных с данной формой собственности. Начиная с 90-х гг. более половины специалистов с высшим и средним специальным образованием были заняты на предприятиях, в организациях, являвшихся собственностью государства и муниципальных органов власти. Около четверти – на частных предприятиях, одна пятая часть – в организациях смешанной формы собственности. Включая иностранное участие. Эти структурные сдвиги в составе интеллигенции вызвали изменения в социальном положении данной социальной группы. Если основная масса инженерно-технической интеллигенции (ИТИ), занятая на предприятиях и в организациях акционерного типа является совладельцами средств производства, то на частных предприятиях ИТИ таковыми не является. Они выступают в роли наемных работников.

Как показывают исследования Л.И. Ивановой и И.И. Осинского, в частных фирмах при приеме на работу инженеров основную роль играют неформальные отношения, родственные связи, предварительное знакомство, приятельские отношения. Продолжительность рабочего дня, недели регулируется интересами фирмы, чаще всего рабочий день длится более 8 часов. Инженеры, работающие на ча-

стных предприятиях, как правило, совмещают несколько должностей, нередко инженерно-техническую с административной, чего не бывает (или встречается редко) на государственных предприятиях.

Две трети опрошенных ИТИ частных фирм отмечают как доминирующий фактор в работе неформальные отношения между руководителем или хозяином фирмы и другими работниками. Все респонденты были приняты на работу по знакомству и предполагают возможность своего увольнения по желанию своего руководителя или хозяина, а не по трудовому законодательству. Также все опрошенные инженеры отмечают, что работой они недовольны и хотели бы работать на государственных предприятиях. Единственная положительная сторона в частных фирмах – это зарплата, как правило, больше, чем, на государственных предприятиях, и выплачивается своевременно[1].

Различия в положении профессионалов в различных сегментах рынка труда можно проиллюстрировать и в системе образования (таблица 11)[2].

Таблица 11

Доходы и заработная плата учителей с высшим образованием в государственных и частных школах (ноябрь 2002 г.)

	Форма собственности	
	государственная	частная
Средний доход на одного члена семьи	2338	5333
Средний уровень заработной платы	3198	7333
Средний возраст	39	46

Из таблицы видно, что средний доход на одного члена семьи и уровень заработной платы учителя частной школы в 2 раза выше соответствующих показателей учителя государственной школы.

В связи с возникновением различных форм собственности, образованием многочисленных малых предприятий произошла дифференциация и дроблением производственной интеллигенции на более мелкие образования. Есть предприятия, которые насчитывают два, а то и одного инженерно-технического работника.

---

[1] Иванова Л.И., Осинский И.И. Указ. соч. – С. 56.

[2] Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. – М., 2006. – С. 190.

Количество инженерно-технических работников на предприятиях, в организациях зависит от уровня технического развития производства. По удельному весу ИТР среди промышленно-производственного персонала все отрасли можно разделить на три группы. К первой группе принадлежат предприятия по производству электроэнергии и теплоэнергии, а также машиностроения и металлообработки, химической, угольной, пищевой отраслей промышленности. В этих отраслях удельный вес ИТИ среди промышленно-производственного персонала наиболее высок, он колеблется от 10 до 17,2 %. Ко второй группе относятся объекты черной металлургии, промышленности строительных материалов, лесной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, кожевенной, меховой и обувной отраслей промышленности. Здесь этот процент колеблется от 6,9 до 9,6 %. Третья группа – отрасли с низкой насыщенностью ИТИ. Это швейная, легкая, текстильная отрасли промышленности. В этих отраслях процент инженерно-технических работников равняется 5,5–4,8 %.

Одной из тенденций изменения социальной структуры русской интеллигенции является изменение ее отраслевого состава. В годы советской власти социально-отраслевая стратификация конструировалась из единого центра административными методами. В постсоветский период произошла трансформация прежней экономики, разгосударствление собственности. Вместе с тем существенную часть отраслевой структуры формирует государство. Немало отраслей оказалось в положении «не нужных» государству. Как свидетельствуют материалы статистики в 90-е гг. произошло уменьшение доли занятых в материальной сфере с одновременным ростом доли занятых в нематериальной. В частности, в Якутии в 1990г. в отраслях материальной сферы было занято 372,1 тыс. человек, в 2000 г. – 283,8 и, наоборот, в отраслях нематериальной сферы в 1990 г. было занято 177,9 тыс. человек, а в 2000 г. - 187,9[1]. Подобные изменения происходили в Бурятии и Тыве (об этом подробно говорилось в параграфе 1). Здесь мы лишь добавим следующее. Экономика, в условиях господства частной собственности функционирует по законам рынка, который выстраивает свою отраслевую структуру. В то же время вряд ли можно считать оправданным, когда государство в одночасье бросило десятки многотысячных коллективов заводов,

---

[1] Охлопков В.Е. Указ. соч. – С. 141.

фабрик, строек в национальных районах Сибири, как и в стране в целом, на произвол судьбы.

Произошло снижение социального статуса отраслевых групп русской интеллигенции, занятых в науке, образовании, культуре, здравоохранении. Наоборот, возросла численность и роль специалистов, занятых в динамично развивающейся сфере торговли, услуг. Существенное увеличилось количество специалистов в сферах финансово-кредитной деятельности, информационно-вычислительного обслуживания.

Изменилась поселенческая структура русской интеллигенции. Трансформационные процессы особенно чувствительно затронули сельское население. Сельская интеллигенция - это социальная группа работников, функционально занятых сложным умственным трудом и обладающих общепринятыми духовно-нравственными качествами и проживающими в сельской местности. В отличие от городской интеллигенции, она менее дифференцирована. Ее составляют преимущественно учителя, медицинские, культурно-просветительные работники, специалисты сельского хозяйства, ИТР и работники сельских администраций. В постсоветский период произошли существенные изменения в структуре указанных групп интеллигенции. Общей тенденцией явилось уменьшение ее численности в сельской местности. Значительная часть мигрировала в города, многие выехали за пределы национально-государственных образований Сибири. Последнее в большей мере коснулось интеллигенции Тывы и Якутии, в меньшей – Бурятии.

Остановимся на характеристике социальных процессов, затронувших профессиональные группы сельской интеллигенции. В качестве примера для анализа сошлемся на данные по Республике Бурятия.

В Бурятии накануне реформирования сельского хозяйства в 1990 г. на крупных и средних сельскохозяйственных предприятиях среднегодовая численность работников составляла 72,2 тыс. человек, в процессе реформ их количество сократилось до 19,9 тыс. человек[1].

Преобразования в деревне затронули, прежде всего, сельскохозяйственную интеллигенцию. Как показывают исследования И.И. Осинского и О.А. Чепак (2004 г.), динамику этой группы интеллигенции данного периода характеризуют две тенденции: уход ее представителей в другие (несельскохозяйственные) отрасли и со-

---

[1] Статистический ежегодник по Республике Бурятия. – С. 215.

кращение притока в сельское хозяйство молодых специалистов. Обе тенденции сельскохозяйственные специалисты объясняют следующими причинами: низкая оплата труда - 61 % опрошенных, отсутствие возможности приобретения жилья – 39 %, нет перепективы роста – 26 %, бесполезна для общества – 7 %, однообразие – 6 %. Многие представители сельскохозяйственной интеллигенции работают, по их признанию, без удовольствия. Лишь 12 % отметили, что получают удовлетворение от выполняемой работы, гордятся ею. Неудивительно, что на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети жили и работали там же, где и Вы?» лишь 41 % сельских жителей ответили положительно, в то время как 59 % респондентов не хотят, чтобы их дети жили в деревне. Среди недостатков сельской жизни было указано на неблагоустроенность быта и ограниченный выбор работы. Опрос сельских школьников (учащихся 10–11 классов) показал, что большинство респондентов не хотели бы работать в сельском хозяйстве. Они мечтают о таких профессиях, как юрист, экономист, предприниматель, учитель[1].

Самым многочисленным отрядом сельской интеллигенции является учительство. 80 % сельских учителей имеют высшее образование, 13 % – среднее специальное, из них половина продолжает учебу в педагогических вузах. Роль учителя в селе более значима, чем в городе. Здесь его труд, в полном смысле слова, многообразный. Сельский учитель осуществляет не только образовательные и воспитательные функции в школе, он занимается культурно-просветительной работой среди населения. Ему часто приходится решать хозяйственные, организационные вопросы с представителями сельской администрации, руководителями хозяйств, с родителями. Школа – очень часто, единственный центр культуры на селе.

К сожалению, в результате реформирования экономики, а также в связи с осложнением демографических процессов, происходит сокращение количества общеобразовательных школ и учителей в сельской местности. Наблюдается процесс старения педагогических кадров. Молодые педагоги с неохотой едут работать в село. Многие стремятся остаться в городе. Не стимулирует закрепление молодых специалистов в сельской местности отсутствие жилья, необходимых бытовых удобств, невысокая зарплата. 67 % респондентов-

[1] Осинский И.И., Чепак О.А. Современная сельская интеллигенция: облик, ценности (на материалах Республики Бурятия) // Интеллигенция и идеалы российского общества. Вып. XI. – М., 2010. – С. 164.

учителей не удовлетворены своей зарплатой, считая ее не соответствующей затраченным усилиям.

Вместе с тем, как свидетельствуют материалы упомянутого исследования, несмотря на трудности, перегрузки, сельские учителя в целом удовлетворены своей работой. Так, более 60 % респондентов-педагогов ответили, что получают моральное и духовное удовлетворение от своей работы и не намерены менять ее в ближайшее время. Она дает им возможность проявления творчества и самостоятельности. Вместе с тем, 27 % отметили, что работают в школе только потому, что больше работать негде. 10 % указали на то, что на селе – это один из немногих путей иметь стабильную зарплату.

Требует внимания повышение роли медицинской интеллигенции. В селах в основном трудится средний медперсонал, на образования к которому приходится 85 %. По мнению сельских жителей, в местных амбулаториях трудятся настоящие «патриоты» медицины. Они имеют высокий уровень профессиональной подготовки. Им приходится оказывать многопрофильную помощь больным, так как районные центры отдалены от некоторых сел многими десятками километров.

Главной особенностью всех групп сельской интеллигенции является наличие у ее представителей личного подсобного хозяйства, что сближает их образ жизни с образом жизни крестьян. 78 % опрошенных специалистов держат домашний скот, все имеют огороды и картофельные участки. По признанию респондентов, основной причиной занятий личным подсобным хозяйством является производство продуктов питания (56 %) и возможность оказать помощь детям, проживающим в городе (62 %). Личные подсобные хозяйства в семьях интеллигенции в среднем меньше размером, чем в семьях других групп работников. Вероятно, это объясняется более высокой зарплатой, большей занятостью на основном месте работы, большими затратами времени на подготовку к работе, а также трудностями при заготовке кормов.

Большинство представителей сельской интеллигенции обеспечены необходимой бытовой техникой. Все или почти все опрошенные имеют холодильники, телевизоры, стиральные машины, магнитофоны, фотоаппараты. 37 % имеют легковой автомобиль. Обеспеченность техникой значительно снижает физические затраты, сокращает время на ведение домашнего и подсобного хозяйства, что благотворно влияет на качество труда, высвобождает время для отдыха. Повышения своего культурного

уровня[1]. Каких-либо различий в наличии подсобного хозяйства, обеспеченностью бытовой техникой семей представителей русской интеллигенции и бурятской не выявлено.

Наряду со структурой интеллигенции, характеризующей ее социальный статус, важное значение имеют степень занятости, отношение к своей профессиональной деятельности, квалификация специалиста.

Как свидетельствуют данные статистики, институциональные изменения форм собственности вызвали перераспределение занятого населения, в том числе специалистов, по секторам экономики. В 1999 г. среди занятого населения в экономике трудилось 22,9% человек имевших высшее образование, 2,4 % - неполное высшее и 38,5 % среднее профессиональное[2]. В то же время многие предприятия, прежде всего военно-промышленного комплекса, не дававшие прибыли и другие были закрыты или перепрофилированы. Часть предприятий работала с неполной нагрузкой. В национальных районах Сибири производственных организаций, оказавшихся в трудном положении, было немало. Десятки тысяч рабочих, специалистов различных отраслей знаний оказались безработными. Так, в Якутии в 1997 г. было 64,1 тыс. человек безработных, в их числе 29,5 тыс. человек со средним специальным образованием и 6,3 тыс. (в 1999 г.) с высшим образованием[3]. В годы перехода к рынку только на Улан-Удэнском вагоноремонтном заводе были сокращены около 1 тыс. инженерно-технических работников. В целом по Республике Бурятия сокращение составило около 50 % их общей численности[4]. Разгосударствление собственности, приватизация предприятий, организаций в различных отраслях хозяйства повлекли резкое падение социального статуса ИТР и многих других представителей русской, бурятской, якутской, тувинской национальных отрядов российской интеллигенции.

---

[1] Там же. – С. 466-467.

[2] Россия в цифрах. 2000. – М., 2000. – С. 82.

[3] Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сб. – Якутск, 2003. – С. 77; *Ним А.Ю.* Характер социально-трудовой мобильности в Республике Саха (Якутия) // Современные проблемы социально-трудовых отношений: сб. ст. – Якутск, 2005. – С. 130.

[4] Абзаев П.Б. Интеллигенция как важнейший источник формирования слоя предпринимателей // Интеллигенция в современном обществе: национальный и региональный аспекты: материалы междунар. науч. конф. Ч. II. Улан-Удэ, 1997. – С. 42.

Несмотря на трудности, интеллигенция выдержала испытания трансформационными изменениями. Она не утратила приверженности к своему профессиональному этосу. Не потеряла чувства удовлетворения своей трудовой деятельностью. Как свидетельствуют материалы наших социологических исследований 1995 и 2011 гг., в этот период произошел рост доли специалистов, удовлетворенных выполняемыми ими трудовыми функциями. Наличие указанной тенденции подтверждают данные таблицы 12.

Таблица 12

Результаты ответов на вопрос
«Удовлетворяет ли Вас выполняемая работа?», %

Варианты ответов	1995 г.		2011 г.	
	русские	буряты	русские	буряты
Работой очень доволен (довольна)	10,0	9,6	10,7	10,0
Вполне доволен (довольна)	26,9	28,9	31,6	40,9
Скорее доволен (довольна), чем не доволен (не довольна)	32,3	34,6	32,7	32,8
Скорее не доволен (не довольна), чем доволен (довольна)	12,9	15,2	12,5	7,5
В общем недоволен (не довольна)	10,6	9,6	3,6	2,4
Работа для меня безразлична	1,7	0,3	1,1	1,2
Затрудняюсь ответить	5,8	4,4	4,0	3,4

Из таблицы видно, что, во-первых, доля специалистов удовлетворенных своей работой, в период с середины 1990-х гг. до настоящего времени, в Бурятии сохранялась достаточно высокой. В 2011 г. этот показатель у специалистов-русских равнялся 75,1 %, у специалистов-бурят – 83,7 %. Во-вторых, со всей очевидностью проявила себя тенденция роста положительного отношения к своей профессиональной деятельности: у специалистов русской национальности доля удовлетворенных работой возросла на 6,3 %, у специалистов бурятской национальности на 10,6 %; в-третьих, у специалистов русской национальности данный показатель несколько ниже, чем у специалистов титульных наций Сибири. В Якутии удельный вес специалистов-русских, удовлетворенных своей работой, составляет 77,0 %, у специалистов-якутов – 84,2 %, в Тыве аналогичный показатель у специалистов русской национальности равнялся у русских 73,4 %, у тувинцев – 84,0 %. Как видим, различия в доле специалистов, удовле-

творенных выполняемой работой у русских и бурят составляет 3,9 %, у русских и якутов – 7,2 %, у русских и тувинцев – 10,6 %. Причины отмеченных различий требуют специального исследования. Возможно они объясняются большей адаптированностью специалистов коренной национальности к новым условиям жизнедеятельности, использованием возможностей внутриэтнической солидарности. Они, очевидно, косвенно могут выступать и индикаторами межнациональных отношений, сформировавшихся в том или ином национально-государственном образовании Сибири.

Как свидетельствуют социологические исследования, проведенные в Бурятии в 2011 г., наиболее высокие показатели удовлетворенности работой у представителей духовенства (100 %), медицинских работников (86 %), административно-управленческого и юридического аппарата (85,4 %), работников торговли и общественного питания, заготовок, сбыта (84,7 %), специалистов сельского хозяйства (80 %), работников финансирования (79,7 %), работников народного образования (78,9 %). Ниже доля лиц удовлетворенных работой у научных работников (58,2 %), ИТР (69,4 %), культурно-просветительных работников (72,5 %), преподавателей вузов (74,9 %), работников литературы и искусства (75 %).

Отношение специалиста к своей трудовой деятельности, заинтересованность в творческих исканиях, результаты его труда определяются многими факторами. В широком смысле связь человека с трудом определяется значимостью труда в жизни общества, человека. Труд – «первое основное условие всей человеческой жизни, – писал Ф. Энгельс, – и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»[1].

Труд – не только экономическая категория. Он синтезирует проявления многих функций, представляющих важные социологические аспекты. Труд выступает в качестве ваятеля человеческой личности (использование передовой техники предполагает рост уровня знаний и культуры человека); в качестве силы, совершенствующей общественные связи (объединение трудящихся); в качестве фактора, расширяющего сферу свободы человека (добровольность объединения и т.д.); в качестве внутренней потребности человека (сознательность) – все эти аспекты человеческой деятельности раскры-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т XXIX. М., 1954-1966. – С. 370.

вают социальную сторону труда любой личности, в том числе занятой интеллектуальным трудом.

Как субъективно воспринимается специалистами трудовая деятельность, ее значимость на шкале ценностных изменений? Чем значима выполняемая ими работа?

Таблица 13

Результаты ответов на вопрос «Чем Вам нравится Ваша работа?», %

Варианты ответов	Бурятия 1995 г.		Тыва 2004 г.		Якутия 2005 г.		Бурятия 2011 г.	
	рус.	бур.	рус.	тув.	рус.	якут.	рус.	бур.
Хорошим заработком	5,1	4,9	8,8	7,2	6,9	7,4	10,3	7,5
Возможностью проявить себя как организатор, руководитель	5,1	9,0	7,5	11,2	12,5	11,0	15,2	13,1
Своей полезностью, нужностью обществу	35,7	35,7	32,5	32,8	31,9	43,3	31,1	37,2
Возможностью творчества, поиска нестандартных решений	13,3	18,3	14,4	12,8	22,2	19,8	13,7	13,6
Тем, что на меня не давят	8,3	7,5	8,4	6,4	11,8	4,2	2,7	5,6
Тем, что она не трудная, привычная для меня	9,5	11,6	10,7	8,0	9,7	11,6	5,6	11,4
Тем, что рядом трудятся хорошие интересные люди	22,3	21,2	28,8	19,2	21,5	23,7	23,0	22,1
Реальной возможностью продвижения по службе	0,7	0,3	4,2	4,0	7,6	4,9	2,2	6,6
Большим отпуском	6,8	3,4	5,1	1,6	6,9	8,8	11,4	10,2
Возможностью быть на виду, чувствовать, что ты чего-то достиг	8,0	5,9	10,7	3,2	10,4	4,9	7,4	7,3
Тем, что требует напряжения мысли, интеллектуальной нацеленности	9,2	12,1	11,2	4,8	13,8	9,0	10,5	13,4
Возможностью заниматься любимым делом	22,1	20,4	19,5	8,8	19,4	12,6	15,0	13,4

Из таблицы 13 видно, что специалисты видят главную ценность своего труда, основной смысл своей деятельности, прежде всего в ее полезности, нужности обществу. Это весьма важно для социальной характеристики специалиста. Подчеркивая общественную значимость труда, Д.И. Писарев писал: «Труд составляет самую крепкую и надежную связь между тем человеком, который трудится, и тем обществом, на пользу которого направлен этот труд»[1].

Третья часть респондентов русской национальности фактор полезности для общества своего труда ставит на первое место в ряду других факторов. Данный фактор отметили 59,7 % респондентов медиков, 50,0 % научных работников, деятелей литературы и искусства. Наименьшим этот показатель оказался у специалистов торговли, общественного питания, заготовок, сбыта (15,2 %), ИТР (16 %), работников финансовой системы (16,8 %). У представителей бурятской, якутской национальности этот показатель выше. Что, возможно, объясняется осознанием своего труда как вклада в развитие своей этнической родины. На втором месте среди указанных мотивов находится хорошие, доброжелательные отношения в коллективе, работа с интересными людьми. Психологический климат, существующий в коллективе, несомненно, оказывает значимое влияние на самочувствие специалиста, результаты его деятельности.

Среди исследуемых профессиональных групп специалистов данный фактор указало наибольшее количество респондентов – работников торговли, общественного питания, заготовок, сбыта (около 40 %), финансирования (25,8 %), ИТР (22,0 %).

На третьем месте – возможность творчества, поиски нестандартных решений. У русских специалистов этот показатель находится в диапазоне 13,3% – 22,2 %, у представителей других народов Сибири – 12,8 % – 19,8 %. Возможность проявить творческие способности в качестве наиболее привлекательной ценности в работе указали научные работники, деятели литературы, искусства (25,0 %), культурно-просветительные работники (24,1 %). Отсутствует этот фактор у представителей духовенства. Невысокие показатели ценности творчества у специалистов торговли, общественного питания (4,4 %), финансирования (9 %), ИТР (10,7 %), медицинских работников (11,1 %). К фактору творчества по своему содержанию при-

---

[1] Писарев Д.И. Полн. Собр. соч. Т. IV. – СПб., 1903-1907. – С. 554.

мыкает в качестве ценности деятельность, требующая напряжения мысли, интеллектуальной нацеленности. Она ценится, прежде всего, научными работниками.

Далее, по убывающей идут другие факторы, которые сегодня являются привлекательными для русских специалистов. Это – возможность проявить себя как организатора, руководителя; возможность заниматься любимым делом; наличие большого отпуска, хороший заработок; возможность быть на виду, чувствовать, что ты чего-то достиг; наличие нетрудной, привычной работы.

Специалисты русской национальности, равно как и специалисты титульных национальностей – это люди, имеющие высшее, среднее специальное образование. У большинства из них независимо от их национальности выполняемая ими работа соответствует специальности, указанной в дипломе. Подтверждением этого являются материалы наших социологических исследований (1995 и 2011 гг.), проведенные в Бурятии.

Таблица 14

Соответствие выполняемой работы специальности, указанной в дипломе, %

Содержание ответов	1995 г.		2011 г.	
	русские	буряты	русские	буряты
Полностью соответствует	49,5	51,9	56,1	55,7
Частично соответствует	29,1	30,0	30,4	29,2
Не соответствует	17,0	17,6	10,3	11,2
Затрудняюсь ответить	2,9	1,8	1,3	2,2

За последние полтора десятилетия произошло заметное увеличение в структуре специалистов, как русской, так и бурятской национальности, лиц, у которых их должность, работа соответствуют специальности, указанной в дипломе. И, наоборот, существенно уменьшилась доля работников, у которых нет такого соответствия, что свидетельствует о значимых качественных сдвигах в составе интеллигенции Бурятии. Подобные тенденции обнаруживают себя в среде интеллигенции Тывы и Якутии. В 2004 г. в Туве полностью или частично выполняемая работа русской интеллигенцией соответствовала специальности по диплому у 65,5 % респондентов, не соответствовала у 31,6 %. У представителей тувинской интеллигенции аналогичные показатели равнялись 84,0 % и 14,4 %. В 2005 г. в

Якутии соответствующие показатели у русских составляли 77,0 % и 20,8 %, у якутов – 83,4 % и 13,5 %.

Несмотря на уменьшение доли лиц, у которых содержание трудовой деятельности не соответствует специальности, указанной в дипломе, она остается еще довольно значительной, прежде всего в Тыве и Якутии, особенно у специалистов русской национальности.

Как следует из материалов социологических исследований, заставило трудиться не по специальности отсутствие работы по специальности, неудовлетворенность зарплатой, семейные обстоятельства и другие. Для конкретизации этих положений в разрезе республик Сибири сошлемся на данные нижеследующей таблицы.

Таблица 15

Результаты ответов на вопрос
«Что заставило работать не по специальности?», %

Содержание ответов	Бурятия		Тыва		Якутия	
	рус.	бур.	рус.	тув.	рус.	якут.
Неудовлетворенность зарплатой	3,4	4,0	6,9	13,6	9,0	4,7
Отсутствие работы по специальности	12,3	9,0	32,0	23,2	12,5	12,2
Возможность получить квартиру на новой работе	0,9	0,5	0,9	0,8	0,7	1,1
Семейные обстоятельства	3,8	4,1	5,1	4,0	6,9	4,9
Выдвижение на руководящую работу	3,3	2,7	1,8	-	1,4	2,2
Состояние здоровья	2,2	0,2	1,8	-	3,5	1,9
Приглашение на более престижную работу	1,4	3,9	4,6	4,0	4,2	3,6
Полученная в вузе специальность – не мое призвание	2,0	2,0	3,3	3,2	4,2	3,3
Другая причина	-	-	1,8	3,2	0,7	1,1

Как свидетельствуют данные таблицы 15, основной причиной работы не по специальности является отсутствие вакансий по данным специальностям. Например, в Тыве из-за отсутствия вакансий вынуждены работать по другой специальности каждый третий специалист русской национальности и каждый четвертый тувинской, у которых работа не совпадает со специальностью по диплому. В Бу-

рятии у многих инженеров, культпросветработников, преподавателей вузов деятельность расходится со специальностью указанной в дипломе по причине отсутствия работы по данной специальности.

Важной составляющей социальной характеристики интеллигенции является уровень ее профессиональной подготовки, повышение квалификации. Динамичное развитие науки, техники, технологии требует непрерывного совершенствования системы образования, подготовки и повышения квалификации специалистов различных отраслей знаний. Существовавшая в годы советской власти система повышения квалификации специалистов, в начале 1990-х гг. подверглась серьезной деформации, что негативно сказалось на процессе повышения квалификации. В последующие годы эта система была частично восстановлена.

О повышении квалификации специалистами Республики Бурятии дают представление следующие данные.

Таблица 16

Данные о повышении квалификации в течение последних 5 лет, %

Формы повышения квалификации	1995 г.		2011 г.	
	русские	буряты	русские	буряты
Институт повышения квалификации (ИПК)	11,9	15,0	26.2	25,5
Курсы повышения квалификации	28,6	28,4	49,9	53,5
Стажировки	3,9	4,7	4,0	3,9
За границей	1,0	1,8	1,4	1,2
Не было повышения квалификации	55,8	50,4	22,8	23,6

Из таблицы 16 видно, что в 2006–2011 гг. повысили квалификацию в 2 раза больше специалистов, чем в 1990–1995 гг. Учебу проходили примерно в одинаковых пропорциях буряты, русские и представители других национальностей. Обращает на себя внимание то, что хотя в последнее пятилетие наполовину сократилась доля специалистов не повысивших квалификацию, тем не менее, она достаточно большая, составляет почти четвертую часть. В Якутии не проходили повышение квалификации за прошедшие 5 лет 32,6 % специалистов-русских и 29,9 % специалистов-якутов, в Тыве (за

последние 3 года) соответственно – 60,5 % специалистов русской национальности и 47,2% специалистов-тувинцев.

Как свидетельствуют данные по Бурятии, большая доля специалистов не повысивших свою квалификацию в указанный период среди работников торговли, общественного питания (67,4 %), финансирования (40,4 %), культурно-просветительных работников (37,9 %), ИТР (35,3 %). Между тем социологические исследования показали, что большое количество специалистов по их признанию испытывают недостаток знаний для выполнения работы, своих должностных обязанностей. Об этом свидетельствуют данные таблицы 17.

Таблица 17

Результаты ответов на вопрос «Достаточно ли Вам знаний для выполнения работы, должностных обязанностей?», %

Варианты ответов	Бурятия, 2011 г.		Тыва, 2004 г.		Якутия, 2005 г	
	русские	буряты	русские	тувин.	русские	якуты
Да, достаточно	39,8	50,1	36,7	33,6	36,1	37,7
Нет, недостаточно	21,9	21,9	16,3	26,4	26,4	30,0
Не всегда достаточно	36,2	25,5	46,9	37,6	32,6	31,1

В Тыве и Якутии почти 2/3 специалистов указали, что им знаний недостаточно или не всегда достаточно для выполнения своих функциональных обязанностей. Несмотря на то, что ответы – это субъективное ощущение респондентов, тем не менее. они свидетельствуют об определенном неблагополучии в этой сфере. В Бурятии в наибольшей мере испытывают дефицит профессиональных знаний финансовые работники, специалисты в области торговли и общественного питания, народного образования, ИТР. Не случайно, многие специалисты указали, что у них есть потребность в повышении квалификации. Эту потребность выразили представители духовенства (57,1 %), работники торговли, общественного питания (67,4 %), культурно-просветительные работники (69,8 %), научные работники (75,0 %), ИТР (79,3 %), преподаватели вузов (83,3 %), медицинские работники (84,7 %), работники образования (85,3 %), работники, специалисты административно-управленческого, юридического аппарата, финансовые работники (86,5 %). В Тыве указали на потребность в повышении квалификации 77,2 % специалистов русской и 84,8 % тувинской национальности, в Якутии, соответст-

венно, – 78,5 % русской и 88,2 % якутской национальностей. Имеются различия в потребности повышения квалификации в возрастной градации специалистов. В Бурятии больше лиц, выражающих указанную потребность среди работников в возрасте 31–40 (86,8 %), 41–50 лет (86,3 %). Меньше нуждаются в повышении квалификации специалисты в возрасте свыше 60 лет (57,5 %), от 51 до 60 лет (77,6 %).

Какие знания необходимы современным специалистам? Для ответа на поставленный вопрос приведем данные наших социологических исследований.

Таблица 18

Результаты ответа на вопрос «Какие знания Вам необходимы?», %

Варианты ответов	Бурятия		Тыва		Якутия	
	русские	буряты	русские	тувин.	русские	якуты
Для работы на персональном компьютере	19,9	26,8	17,2	33,6	25,0	31,0
В области экономики, маркетинга	21,3	23,6	14,8	16,8	26,4	20,0
По работе с людьми, руководству коллективом	19,4	20,4	12,0	19,2	20,2	22,0
По моей специальности	40,0	39,4	37,2	43,2	31,9	45,2
Другое	2,2	2,4	2,8	1,6	0,7	1,1

Для работников сложного интеллектуального труда необходимы прежде всего профессиональные знания. Специалист любого профиля ценен для общества, области, в которой он трудится, главным образом, знаниями того, чем он занимается, что входит в круг его должностных функций. Умением их качественно выполнять. Из всех вариантов ответов «знания по моей специальности» на первом месте стоят у медицинских работников (59,7 %), культурно-просветительных (44,8 %), финансовых работников (40,4 %), преподавателей вуза (44,4 %), работников образования (41,4 %), ИТР (41,3 %), руководителей, специалистов административно-управленческого и юридического аппарата (34,0 %), представителей духовенства (28,6 %). На втором месте – работа на персональном компьютере, В знаниях, навыках работы на ПК нуждаются культурно-просветительные работники (41,4 %), представители науки (33,3 %),

преподаватели вузов (30,6 %). Заметно продвинулись в умении использовать в своей функциональной деятельности ПК инженерно-технические работники. Согласно результатам наших исследований в 1998 г. изъявляли желание повысить свою квалификацию за счет умения работы на ПК 46,5 %, в 2011 г. – только 28 %. Это означает, что 16,5 % ИТР пополнили знания в этой области. Приобрести знания в области экономики и маркетинга намерены 40 % специалистов сельского хозяйства. Нуждаются в подобных знаниях руководители и работники административно-управленческого аппарата, специалисты в области финансов, научные работники, ИТР.

Знания в области психологии, по работе с людьми, руководству коллективом больше чувствуют потребность работники литературы и искусства, торговли и общественного питания, руководители и специалисты административно-управленческого и юридического аппарата, работники народного образования.

Раскрытие статусных позиций русской интеллигенции в социальной сфере предполагает наряду с выяснением профессиональных характеристик исследование ее материального положения. Материальное положение – основной фактор, определяющий социальный статус интеллигента, как и представителя любой другой социальной группы. Оно представляет собой сложный феномен, состоящий из многих элементов и имеет свои формы измерения.

Материальное положение характеризуется рядом показателей. К их числу, прежде всего, относятся: 1) уровень и источник доходов; 2) отношение к собственности; 3) жилищные условия; 4) имущественная обеспеченность. Эти показатели мы и будем использовать для характеристики статусных позиций русской интеллигенции в социальной сфере. Фактические данные о доходе, имуществе помогут составить объективную картину материального положения изучаемой группы. Не менее важной представляется самооценка респондентов. Совместное использование объективного и субъективного подходов позволит определить статусные позиции русской интеллигенции в социальной сфере.

Важнейшим критерием социальной стратификации является доход. Существует много определений этого понятия. В современном толковом словаре доход – это «деньги или материальные ценности,

получаемые государством, учреждением, предприятием или частным лицом в результате какой-либо деятельности»[1].

В электронном бизнес-словаре доход трактуется как денежные или материальные средства, получаемые в результате предпринимательской или другой деятельности без роста долга.

Современный экономический словарь определяет «доход» как любой приток денежных средств или полученных материальных ценностей, обладающих денежной стоимостью. Доход государства образуют в основном налоги, платежи, отчисления, рента, поступающие в казну. Доход граждан формируется за счет заработной платы, пенсий, стипендий, дивидендов, продажи продуктов домашнего хозяйства[2].

Доход является одним из основных статусообразующих факторов, определяющим место индивида (группы) в социальной структуре общества. От его уровня зависит качество жизни: получение образования, поддержание здоровья, отдых, удовлетворение насущных потребностей.

Политика формирования доходов и их распределения была важнейшей составляющей социальной политики советского государства. В условиях административной системы управления экономикой основным направлением этой политики являлось поддержание достаточно стабильного, хотя и относительно низкого, уровня жизни подавляющего большинства граждан. Величина заработной платы и других доходов фиксировалась, также как и цены на основные товары народного потребления и услуги. «К концу 80-х гг. СССР занимал 181 место в мире по уровню оплаты труда. В то время как удельный вес заработной платы в ВНП государств Западной Европы составлял в среднем 53 %, а в США 62 %, в нашей стране этот показатель не превышал 36 %. По существу, заработная плата была далека от стоимости труда и не служила эффективным инструментом регулирования экономики. Ведь столь низкие различия в заработках, которые выражаются коэффициентом дифференциации в размере 3,0–3,3, конечно, не соответствуют различиям в труде, имея в виду существование на одном конце десятки миллионов работников, занятых неквалифицированным ручным трудом, а на другом

---

[1] Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – М., 2006.

[2] Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 1999.

высокопрофессиональный труд ученых, конструкторов, инженеров в области ракетостроения, вычислительной техники и т.п.»[1].

Большую роль в реализации такой политики в советское время играли общественные фонды потребления (ОФП). За их счет обеспечивалась бесплатность образования, здравоохранения, культурного обслуживания, льготность санаторно-курортного лечения, детских дошкольных учреждений, оплаты жилищ, выплачивались пособия и т.д. Кроме того, через общественные фонды потребления достигалось выравнивание реальных доходов семей благодаря выплате средств и предоставлению льгот на содержание нетрудоспособных граждан (пенсионеров, школьников и др.). В конце 1980-х гг. на долю ОФП приходилось около трети потребляемых благ и услуг. Положительным результатом распределительной социальной политики являлось снижение дифференциации доходов трудящихся. В то же время такой подход нередко не создавал стимулов к производительному труду и ресурсов к накоплению, стал тормозить развитие хозяйственных процессов. В настоящее время наблюдается другая крайность, когда доход одних категорий работников в десятки, а то и сотни раз превышает доходы других.

Основным источником доходов трудящихся была и остается заработная плата. Заработная плата – это совокупность выплат в денежной или натуральной форме, получаемых работником за определенный период времени[2]. Сущность заработной платы раскрывается через ее функции. К ним относятся:

Воспроизводственная функция. Заключается в обеспечении работников необходимыми жизненными благами для воспроизводства рабочей силы. Это – питание, жилище, медицинское и культурно-бытовое обслуживание, образование, отдых и т.д. В реализации этой функции высока роль государственного регулирования при установлении такого минимального уровня заработной платы, который бы обеспечивал воспроизводство рабочей силы.

Стимулирующая (мотивационная) функция. Она состоит в установлении зависимости заработной платы от достигнутых результатов труда. Эта зависимость должна заинтересовать работника в стремлении к высоким достижениям в труде, повышении своей ква-

---

[1] Киселицына О.А. Неравенство доходов в переходной экономике России. – М., 2003.

[2] Золотогоров В.Г. Энциклопедический словарь по экономике. Мн.: Полымя. 1997. – С. 121.

лификации. Реализуется эта функция через конкретные системы и формы оплаты труда.

Распределительная функция. Заключается в определении трудового вклада работника при распределении дохода между наемными работниками и собственниками средств производства.

Социальная функция должна отражать социальный статус работника и обеспечивать принцип социальной справедливости.

Степень выполнения перечисленных функций позволяет судить о том, насколько заработная плата соответствует своему предназначению.

Реформы 1990-х гг. в России вызвали кардинальные изменения на рынке труда в целом и, в частности, в сфере заработной платы. Это нашло выражение в следующем: 1) важнейшим механизмом, определяющим цену труда, стал рынок; 2) произошла полная замена институтов, влияющих на величину и дифференциацию заработной платы. Детальное государственное планирование и регулирование оплаты труда с помощью Госплана и Госкомтруда сменилось рыночными механизмами. Иную роль в формировании заработной платы стали играть профсоюзы, изменилась суть минимальной заработной платы и тарифных сеток, возникли пособия по безработице; 3) небывалое снижение реальной заработной платы, которое затронуло большинство населения; 4) дифференциация в оплате труда проявилась в разных аспектах: по отраслям, регионам, предприятиям, по структуре заработков; 5) резко усилилась нестабильность оплаты труда. Во второй половине 1990-х гг. получили широкое распространение задержки в выплате заработной платы работодателями[1].

Об одном из аспектов дифференциации в оплате труда, а именно, в различных отраслях экономики Республики Бурятия, свидетельствуют данные таблицы 19[2].

Усредненные данные госстатистики позволяют увидеть значительную дифференциацию уровней заработной платы по видам экономической деятельности в республике. Наивысший размер заработной платы отмечается у работников, занятых в сфере финансовой деятельности. В 2011 г. она превышала средний размер по респуб-

---

[1] Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2007. – С. 8.

[2] Таблица составлена по: стат. ежегод.: стат. сб. / Госкомстат Бурятии. – 2002. – С. 95; URL:http://www.audit-it.ru/inform/zarplata/index.php

лике в 2,3 раза. Наиболее низкая величина зарплаты зарегистрирована у работников культуры и искусства. Она составляет 52,4 % от

Таблица 19

Среднемесячная номинальная заработная плата на одного работника по отраслям Республики Бурятия (р., 1995 г. – тыс. р.)

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Промышленность*	639,4	2519	-	-
Добыча полезных ископаемых	-	-	9868	28258
Обрабатывающие производства	-	-	7914	18844
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	-	-	11025	19692
Сельское хозяйство	201,4	554	2550,5	9072,6
Строительство	666,1	2709	6754,5	16988,7
Транспорт	854,7	3369		26901,7
Связь	570,0	2240	9798,5	20809,7
Торговля	405,9	1327	5110,5	12531,4
Здравоохранение, физическая культура, соцобеспечение	329,8	1142	5597,2	1377,8
Образование	289,3	1045	4771,7	11891,6
Культура и искусство	251,2	982	4180,0	8650,0
Наука и научное обслуживание	411,7	1589	6584,6	26063,4
Финансовая деятельность	793,7	4473	16563,0	37232,8
Государственное управление	571,1	2852	11647,5	26285,8
Средний размер	503,8	1924	7650,5	16500

* С 2005 г. данные органами статистики приводятся по нижеперечисленным трем отраслям (строка «промышленность» отсутствует).

среднереспубликанского показателя. Немного лучше ситуация в образовании и здравоохранении, однако и здесь ее уровень ниже среднего размера на 28,0 и 16,5 % соответственно. Учитывая высокое представительство в этих отраслях высококвалифицированных специалистов, т.е. интеллигенции (от 74 до 90 %), можно говорить о

существенной дифференциации в оплате труда представителей рассматриваемой нами социальной группы.

Неравенство в оплате труда интеллигенции, наиболее отчетливо проявившееся в настоящее время, нарастало на протяжении последних двух десятков лет. Старт этому процессу был положен экономическими реформами начала 1990-х гг. Начавшаяся в 1991 г. либерализация экономики, зарождение предпринимательства, ослабление структур планово-распределительной системы резко обострили товарный дефицит, вызвали гиперинфляцию. Во всех отраслях наблюдался абсолютный спад масштабов производства.

Экономические процессы непосредственным образом повлияли на главный критерий, определяющий статус социальной группы в обществе – ее материальное положение. В 1995 г. величина прожиточного минимума, определенная в соответствии с методикой Минтруда России, составляла 356 тысяч рублей на человека. Сравнив этот показатель с данными по заработной плате по данному году (таблица 19), можно заметить, что ряд профессиональных групп интеллигенции оказались за чертой бедности. Высокий уровень инфляции, стремительный рост цен на платные услуги и продовольственные товары снижали реальный уровень заработной платы, несмотря на рост ее номинального значения.

Низкий уровень оплаты труда сочетался с масштабными задолженностями по выплате заработной платы. Это стало типичным нарушением трудового законодательства в тот период. Возникнув в первые годы реформирования экономики, задолженность достигла своего критического уровня к 1997 г. Число предприятий, на которых имела место задолженность, возросло в Бурятии с 659 в 1998 г. до 872 в 2000 г. В последующие годы эта цифра снижалась и к началу 2005 г. просроченная задолженность была полностью погашена. Основное бремя задолженности традиционно несли учреждения образования, здравоохранения, культуры и искусства. Общая сумма задолженности составила на 1 января 1999 г. почти 662 млн рублей, что эквивалентно пяти размерам месячного фонда оплаты труда предприятий, за исключением федеральных органов власти и органов, обеспечивающих правопорядок и охрану безопасности государства. За 1998 г. бюджетная задолженность в сфере образования

увеличилась в 5,4 раза, в здравоохранении – в 6,6 раза, в учреждениях культуры и искусства – в 8,6 раза[1].

Социальная политика России того периода, по словам О.И. Шкаратана, воплотилась в «хитроумной модели выживания» для большинства населения страны. Суть этой модели состояла в создании возможности выживать в условиях сначала полного отсутствия реальных денег у значительной части населения, а затем в их символическом количестве. Один из способов выживания сводился к удовлетворению самых базовых потребностей без оплаты их в денежной форме или за чисто символическую, по сравнению с их реальной стоимостью, плату. Это, прежде всего, дотации по коммунальным платежам, на транспортные услуги, бесплатное государственное здравоохранение и образование. Единственным видом коммунальных услуг, который является строго платным, был телефон. Правда, многие специалисты вынуждены были отказаться от услуг телефонных станций[2].

Другой способ – натурализация потребления и обмена товарами и услугами на уровне самого населения. Индивидуальной трудовой деятельностью (шитье, ремонт квартир, машин, выращивание сельхозпродуктов и т.п.) занималось почти 40 % опрошенных, из них 22 % – жители крупных городов. Проблема состоит в том, что в число пострадавших наряду с социально слабыми группами вынужденно включены образованные люди, представляющие собой экономическую и социальную опору любого современного общества и осуществляющие продуктивную деятельность[3].

Социальная помощь, суть которой – быть прибавкой к денежному фонду трудящихся, фактически заместила его, усилив, таким образом, разницу между ценой на труд и его стоимостью. Как отмечал К. Маркс: «Низшую, или минимальную, границу стоимости рабочей силы образует стоимость той товарной массы, без ежедневного притока которой носитель рабочей силы, человек, не был бы в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, то есть стоимость физически необходимых жизненных средств. Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то

---

[1] Распределение численности работающих по размерам заработной платы в апреле 2007 года/ burstat.gks.ru.

[2] Шкаратан О.И. Трансформация социальной сферы: социальная политика // Мир России. – 2001. – № 2. – С. 18-20.

[3] Там же.

она падает ниже стоимости, так как при таких условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться в хиреющем виде»[1]. Заработная плата большей части интеллигенции, сопоставимая с установленным в России минимумом, утратила свои главные функции – воспроизводственную и стимулирующую. Она перестала обеспечивать полное или даже приемлемое возмещение рабочей силы, не говоря о ее воспроизводстве, а также утратила мотивационную роль, направленную на повышение эффективности трудовой деятельности.

О низком жизненном уровне интеллигенции национально-государственных образований Сибири свидетельствуют данные социологических исследований в Бурятии конца 1995 г. и начала 2011 гг., в Тыве 2004 г. и Якутии 2005 г. Во всех исследованиях вопрос о материальном положении формулировался следующим образом: «Испытываете ли Вы материальные затруднения?». В числе альтернатив предлагались следующие четыре:

- денег до зарплаты не хватает (1);
- на повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения (2);
- денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуюсь кредитом или беру в долг (3);
- в настоящее время могу ни в чем себе не отказывать (4).

Несмотря на 15 лет, прошедших между двумя исследованиями, результаты их сопоставимы. За этот период произошло существенное размывание наиболее бедной группы интеллигенции, части которой влились в малообеспеченный и среднеобеспеченный слои, приблизившись к центру. Таким образом, первые три группы распределились более равномерно, при этом, произошло увеличение в разряде наиболее обеспеченных.

На уровень материального благосостояния оказывают влияние следующие переменные: род занятий, профессия, уровень образования, возраст, стаж работы, наличие дополнительной работы; место жительства в момент опроса. Поскольку интеллигенция представляет собой социально-профессиональную группу работников квалифицированного умственного труда, профессиональная принадлежность является определяющим фактором для нашего исследования.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. – С. 183-184.

Таблица 20

Самооценка материального положения интеллигенции Бурятии, %

Варианты ответов	1995 г.			2011 г.			Группы обеспеченности
	всего	русские	буряты	всего	русские	буряты	
Денег до зарплаты не хватает	63,0	68,4	58,9	33,4	34,2	31,8	нищие и бедные
На повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднение	25,3	24,0	29,2	24,1	25,7	22,4	малообеспеченные
Денег в основном хватает, но для покупки дорогих вещей пользуюсь кредитом или беру в долг	10,9	7,8	14,7	37,9	36,5	40,2	обеспеченные и зажиточные
В настоящее время могу ни в чем себе не отказывать	0,9	1,0	1,6	3,5	2,7	4,4	богатые

Результаты исследований, проведенных в разные годы (1995, 2004, 2005, 2011) позволяют проследить общие тенденции изменения материального положения интеллигенции национально-государственных образований Сибири. При определении групп обеспеченности мы пользовались в основном методикой Л.А. Беляевой, Н.Е. Тихоновой, внося в нее некоторые изменения[1].

---

[1] Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс России: 10 лет постсоветского развития. – М., 2001. – С. 57-58; *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. – М., 1999. – С. 162, 163.

Таблица 20

Самооценка материального положения интеллигенции Бурятии, %

Варианты ответов	1995 г.			2011 г.			Группы обеспеченности
	всего	русские	буряты	всего	русские	буряты	
Денег до зарплаты не хватает	63,0	68,4	58,9	33,4	34,2	31,8	нищие и бедные
На повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднение	25,3	24,0	29,2	24,1	25,7	22,4	малообеспеченные
Денег в основном хватает, но для покупки дорогих вещей пользуюсь кредитом или беру в долг	10,9	7,8	14,7	37,9	36,5	40,2	обеспеченные и зажиточные
В настоящее время могу ни в чем себе не отказывать	0,9	1,0	1,6	3,5	2,7	4,4	богатые

Результаты исследований, проведенных в разные годы (1995, 2004, 2005, 2011) позволяют проследить общие тенденции изменения материального положения интеллигенции национально-государственных образований Сибири. При определении групп обеспеченности мы пользовались в основном методикой Л.А. Беляевой, Н.Е. Тихоновой, внося в нее некоторые изменения[1].

---

[1] Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс России: 10 лет постсоветского развития. – М., 2001. - С. 57-58; *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999. – С. 162, 163.

положив начало процессу ураизации, хотя он и не получил широкого развития.

Только 1 % русских и 1,6 % бурятских специалистов, из числа ответивших, посчитали себя обеспеченными, в состоянии ни в чем себе не отказывать. Это, главным образом, специалисты управленческого аппарата, работники торговли и общественного питания, научные работники. В этих профессиональных группах доля обеспеченных составила 3,1-4,2 %. Наибольшая доля тех, у кого «денег не хватает до зарплаты», – работники культуры и искусства (90,2 %), народного образования (79,7 %), специалисты сельского хозяйства (85,2 %). К мало- и среднеобеспеченным следует отнести инженерно-технических, медицинских работников, преподавателей высшей школы, экономистов.

Исследования, проведенные спустя 9-10 лет в Тыве и Якутии, выявили более позитивную картину по сравнению с той, которую зафиксировали материалы изучения 1995 г. в Бурятии. Вместе с тем обращает на себя внимание большая доля специалистов в Тыве, которая определяется как группа нищих и бедных. Среди русских ее представители составляют 43,3 %, а среди тувинцев – половину. Хотя четвертая часть специалистов русской и тувинской национальности относится к группе обеспеченных. В целом же денежные доходы специалистов Тывы, как впрочем, населения в целом растут медленно. По величине среднедушевого денежного дохода Тыва находится на 11 (предпоследнем) месте в Сибирском федеральном округе. Он в 2010 г. составил в республике 11077 рублей. В целом в Российской Федерации среднедушевые доходы населения в 2010 г. равнялись 18553 р.[1] Тыва относится к регионам с низким уровнем соотношения денежных доходов населения и величины прожиточного минимума.

В Якутии несколько меньший удельный вес нищих и бедных специалистов, чем в Тыве. Выше показатель, характеризующий величину группы обеспеченных и зажиточных. Положительную роль в улучшении материального положения специалистов и других работников Якутии сыграло установление Верховным Советом Якутии в 1991 г. на территории республики районных коэффициентов к заработной плате: 1:7 для районов, расположенных за Полярным

---

[1] Уровень жизни населения Республики Бурятия в сравнении с регионами Сибирского федерального округа (аналитическая записка №04-02-10). – Улан-Удэ, 2011. – С. 4-5.

кругом, южнее 65 градусов северной широты, и 2,0 для районов, расположенных выше 65 градусов северной широты.

Результаты исследования 2011 г. в Бурятии показывают, что за прошедшие 15 лет произошли заметные изменения материального положения специалистов. Почти в 2 раза уменьшилась доля нищих и бедных, возросла доля обеспеченных и богатых. В то же время, обращает на себя внимание, что в группе необеспеченных, по-прежнему, преобладают работники народного образования (39,5 %), культпросветработники (48,3 %), работники литературы и искусства (50,0 %), хотя значительная их часть повысила свой материальный уровень и переместилась во 2-ю группу – малообеспеченных. Так, среди культпросветработников таких специалистов оказалось 44,8 %, а 6,9 % стали обеспеченными. Среди специалистов сельского хозяйства стали преобладать малообеспеченные (в 1995 г. – необеспеченные), их доля достигла 40,0 %. В немалой степени это связано с динамичным развитием личных подсобных хозяйств во второй половине 90-х гг. В условиях ухудшения общей экономической ситуации, население стало ориентироваться на удовлетворение потребностей за счет собственного производства. Это относится не только к сельскохозяйственным специалистам (агрономам, ветврачам и др.), ко всем группам сельской интеллигенции.

В 2011 г. к среднеобеспеченным стало относиться большинство научных работников (58,3 %), преподавателей вузов (41,6 %), работников торговли и общественного питания (36,9 %), руководителей, работников административно-управленческого аппарата (54,4 %), медицинских работников (41,6 %). Причем, доля последних за период между двумя исследованиями возросла весьма существенно, с 7,5 % до 41,6 %.

Отрасли образования, здравоохранения, культуры и управления относятся к бюджетному сектору. Учреждения в этих отраслях являются преимущественно государственными и функционируют за счет средств федерального и регионального бюджетов (90–95 %). Механизм установления заработной платы в этом секторе крайне негибкий и действует с запозданием. Исключение составляет лишь отрасль государственного управления, более чувствительная к запросам и, как следствие, с более динамично растущей заработной платой.

Начало сложным изменениям в бюджетных областях положили национальные проекты «Здоровье», «Образование», стартовавшие в

январе 2006 г. Особое внимание было уделено здравоохранению. В первом полугодии 2006 г. общие выплаты медикам составили 27,7 млн рублей. Средняя заработная плата медицинских работников среднего звена составила 9 тыс. рублей, врачей общей практики 17,2 тыс. рублей. По данным Госкомстата Республики Бурятия, среднемесячная номинальная заработная плата работников здравоохранения и предоставления социальных услуг и образования увеличилась с 2005 по 2009 г. в 2,3 раза[1]. Однако и эти меры оказались не достаточно эффективными вследствие высокой инфляции (в 2007 г. ее уровень составил 11,9 %, в 2008 г. – 13,3%, в 2009 г. – 8,8 %).

В производственной сфере в постсоветский период сложились иная практика оплаты труда. В результате отмены большинства административных ограничений, российские предприятия получили право самостоятельно устанавливать и изменять заработную плату, разрабатывать собственные схемы оплаты труда в условиях высокой инфляции и необходимости индексации заработной платы, начали применение различных «налогосберегающих технологий». В этих условиях доходы инженерно-технической интеллигенции стали еще более дифференцированными: как по отраслям (например, средняя заработная плата в топливно-энергетическом комплексе превышает среднюю зарплату в текстильном и швейном производстве в Бурятии в 3,7 раза), так и по формам собственности.

Результаты самооценки материального положения инженерно-технической интеллигенции говорят о ее представительстве во всех статусных группах, при этом значительная ее часть (43,3 %) относит себя к тем, у кого «денег в основном хватает, но для покупки дорогих вещей пользуюсь кредитом или беру в долг». Некоторое улучшение материального положения этой группы интеллигенции можно объяснить тем, что экономика республики после кризиса 1990-х гг. постепенно, хотя и медленно, переходит в стадию экономического роста. Об этом свидетельствует позитивная динамика основных отраслей промышленности в Бурятии. При этом наибольший рост обеспечили транспортное машиностроение, производство и передача электроэнергии, добыча полезных ископаемых, производство пищевых продуктов. Индекс промышленного произ-

---

[1] URL:http://www.audit-it.ru/inform/zarplata/index.php.

водства в 2010 г. достиг 122,9 %, а количество убыточных предприятий снизилось с 52 % в 2002 г. до 8,7 % в 2010 г.[1]

Одним из средств ослабления бремени материальных трудностей и поддержания приемлемого уровня жизни работников интеллектуального труда выступает вторичная занятость. Ее пик пришелся на середину 90-х гг., когда экономическая ситуация в стране вынуждала многих работать дополнительно. Этому способствовало снятие многочисленных запретов и административных ограничений на совместительство и приработки, действовавшие в советское время. Так, в Бурятии в 1995 г. по данным социологического исследования, вторую работу имели 32,3 % представителей русской и 31,5 % бурятской интеллигенции. Мотивы вторичной занятости неоднозначны. Среди них: интересная работа, необходимость помогать родным и близким, желание заняться предпринимательской деятельностью и т.д. Однако оценка причин дополнительной занятости позволяет считать, что основным мотивом для 32,8 % русской и бурятской интеллигенции является дополнительный доход. Преобразования экономической системы несколько стабилизировали ситуацию в стране, помогли части специалистов адаптироваться к рыночным условиям хозяйствования, однако треть представителей интеллигенции республики не смогла отказаться от работы «на стороне». Как показывают данные социологического исследования 2011 г., для 28,9 % русских и 33,1 % бурятских специалистов работающих дополнительно, она по-прежнему, помогает «дожить до зарплаты». Вместе с тем, несмотря на широкую распространенность вторичной занятости, возможности получения второй работы у специалистов разные. В эту сферу вовлекаются наиболее конкурентоспособные на рынке труда группы. Это – мужчины, (дополнительную работу имеют из них 46,8 %, доля женщин составляет всего 25,8 %), люди молодого и среднего возраста (в возрастных группах 25–30 лет, 31–40 лет, 41–50 лет доля работающих по совместительству наибольшая – 31,6 %, 31,6 %, 33,1 % соответственно), для людей наиболее трудоспособного возраста и доход от дополнительной работы имеет наибольшее значение. Больше шансов получить вторую работу – у горожан (доля жителей г. Улан-Удэ и других городов республики составляет 75,8 %), а также, у специалистов с более высоким уровнем профессионального образования (31,5 % имеют

[1] Данные УФНС по Республике Бурятия.

высшее и незаконченное высшее образование, 26,5 % – среднее специальное). Большинство «вторично занятых» составляют медицинские работники (51,4 %), преподаватели вузов (66,7 %), работники литературы и искусства (62,5 %).

Таким образом, вторая работа для значительной части работников высококвалифицированного умственного труда была и остается необходимым источником дополнительного дохода.

Одним из показателей имущественного положения интеллигенции, как и других групп населения национально-государственных образований Сибири, является наличие у них предметов длительного пользования. В 2010 г. по сравнению с 2005 г. имущественное положение домашних хозяйств характеризовалось улучшением обеспеченности предметами длительного пользования, кроме магнитофонов, музыкальных центров, швейных и вязальных машин. В домохозяйствах Бурятии стало существенно больше мобильных телефонов (в 4,6 раза), персональных компьютеров (в 2,6 раза), видеокамер, DVD-плееров, видеомагнитофонов (на 50 %). Автомобилей за этот период стало на 15 % больше. Среди регионов Сибирского федерального округа Бурятия (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) занимала по числу автомобилей одно из последних мест.

Ниже приведем данные о наличии предметов культурно-бытового назначения в Бурятии[1].

Третья часть опрошенных, по словам одного из руководителей Госкомстата Бурятии П.Б. Абзаева, это семьи интеллигенции. У них показатели обеспеченности предметами культурно-бытового назначения примерно на 25 % выше среднего показателя обеспеченности остальных домашних хозяйств. Данные таблицы свидетельствуют о заметном росте за последнее пятилетие числа телевизоров, видеомагнитофонов, DVD-плееров, видеокамер, холодильников, персональных компьютеров, мобильных телефонов. Наоборот, уменьшилось количество тех предметов, которые стали неактуальными, выходят из моды, заменяются более современными.

---

[1] Уровень жизни населения Республики Бурятия в сравнении с регионами Сибирского федерального округа (аналитическая записка №04-02-10). – Улан-Удэ, 2011. – С. 14.

Таблица 22

Наличие предметов культурно-бытового назначения в Бурятии (по материалам выборочного обследования бюджетов 530 домашних хозяйств). В среднем на 100 домохозяйств

Наименование предметов	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Телевизор	113	123	134	141	130	143
Видеомагнитофон, DVD-плеер, видеокамера	60	66	65	71	76	90
Магнитофон, аудио-плеер	43	41	32	31	33	16
Холодильник, морозильник	118	124	127	126	118	127
Стиральная машина	96	100	101	104	100	97
Электропылесос	66	68	77	75	79	75
Швейная, вязальная машина	55	52	53	57	50	42
Легковой автомобиль	40	39	39	43	40	46
Музыкальный центр	25	25	29	28	27	21
Персональный компьютер	23	29	36	45	52	60
Мобильный телефон	49	80	141	165	206	227

Обеспеченность предметами длительного пользования зависит от доходов семей. Разница между наиболее и наименее обеспеченными группами составляет по персональным компьютерам – 82 %, по стиральным машинам – 52 %, холодильникам – 41 %, телевизорам – 34 %, по мобильным телефонам – 8 %. В высокодоходных домохозяйствах обеспеченность легковыми автомобилями в 4,3 раза выше, чем в низкодоходных домохозяйствах, микроволновыми печами – в 2,6 раза, видеокамерами – в 2,5 раза.

Важным показателем уровня жизни населения являются жилищные условия и обеспеченность жильем. Потребность в жилье – одна из главных в жизни людей, а ее удовлетворение – основное условие их благосостояния. Наши исследования показывают, что представители интеллигенции лучше обеспечены благоустроенным жильем, чем мало- и неквалифицированные работники. Внутри самой интеллигенции существует заметная дифференциация по данному показателю. В качестве материала для анализа приведем результаты исследования, проведенного Л.И. Ивановой и И.И. Осинским в 1998 г.

Таблица 23

Данные о наличии у ИТР квартир и капитальных гаражей, %

	Группы	Благоустроенная квартира	Неблагоустроенная квартира	Капитальный гараж
Национальность	русские	80,0	11,0	41,0
	буряты	82,0	12,6	24,0
Пол	мужчины	76,0	13,0	46,0
	женщины	83,0	9,0	32,0
Возраст	до 29 лет	58,0	8,3	26,0
	30-39 лет	72,0	14,0	26,0
	40-49 лет	83,0	11,0	37,0
	50 и более лет	86,0	10,0	49,0
Должность	главные специалисты	69,0	19,0	42,0
	руководители подразделений	77,0	12,0	54,0
	рядовые инженеры	82,0	10,0	36,0
	мастера	76,0	9,5	29,5
	техники	77,0	13,6	29,5

Как видно из таблицы 23, имеют благоустроенные квартиры 80,0 % ИТР русской и 82,0 % бурятской национальности. У женщин выше показатель благоустроенного жилья, чем у мужчин. С возрастом растет доля ИТР, имеющих благоустроенную квартиру, что вполне естественно, многие из них, так же как и руководящие инженерно-технические работники получили жилье от своих предприятий. Значительная часть техников, инженеров проживает в общежитии. Исследования, проведенные в Бурятии в последние годы, а также материалы госстатистики в Бурятии, Тыве и Якутии не зафиксировали заметных изменений в обеспечении жильем интеллигенции, как, впрочем, и других социальных групп. Об этом свидетельствует и материал аналитической записки территориального органа Федеральной службы госстатистики по Бурятии. В нем говорится: «Для большинства населения Республики Бурятия проблема обеспеченности жильем остается долгие годы острой и трудно решаемой. По обеспеченности жильем в 2010 г. республика заметно отстает от других регионов округа и занимает предпоследнее место,

опередив только Республику Тыва. На конец 2010 г. по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, в среднем на одного обследуемого республики приходится 16,8 квадратных метра.

В большинстве индустриальных стран минимальный уровень обеспеченности жильем составляет 40–50 м^2 общей площади на одного жителя. По имеющимся минимальным международным стандартам на каждого члена домохозяйства требуется отдельная комната плюс комната совместного пребывания его членов (две комнаты для больших домохозяйств); размер общей площади на одного жителя при этом должен составлять не менее 30 м^2.

По результатам обследования 530 бюджетов домашних хозяйств в 2010 г., 17 % семей имеют 1 комнату, 47 % · 2 комнаты, 36 % – 3 и более комнат.

Доля домохозяйств, проживающих в отдельной квартире, составляет 60 %, в индивидуальном доме – 35, в коммунальной квартире – 5 %[1].

Таковы данные, характеризующие наличие предметов культурно-бытового назначения и жилья у специалистов и других социальных групп республик Сибири.

Подводя итог рассмотрения статусных позиций русской интеллигенции в социальной сфере национально-государственных образований Сибири, отметим, что русская интеллигенция занимает значимые позиции в социальной структуре этих образований, является количественно доминирующей национальной группой интеллигенции. Произошли некоторые качественные изменения в ее составе. В то же время в процессе трансформации автономий Сибири, как страны в целом, русская интеллигенция, в прошлом единая социальная группа, оказалась разделенной на группы, связанные с различными формами собственности, изменился ее отраслевой состав, поселенческая структура, значительная часть интеллигенции оказалась незанятой (безработной), снизился уровень доходов, по сравнению с предыдущим периодом, преобладающего большинства ее представителей, особенно резко снизился социальный статус сельской интеллигенции.

Вместе с тем, русская интеллигенция не утратила приверженности своему профессиональному этосу. Абсолютное большинство

---

[1] Там же.

респондентов удовлетворено содержанием выполняемой работы, ее общественной значимостью. У 4/5 специалистов деятельность соответствует специальности указанной в дипломе. В то же время многие ощущают потребность в новых знаниях, в повышении квалификации. Требует существенного увеличения оплата труда интеллигенции, улучшения бытовых, жилищных условий жизни. Социальные позиции русской интеллигенции являются близкими, а по многим показателям идентичными с позициями интеллигенции титульных наций республик Сибири.

3. Политический статус русской интеллигенции

Русская интеллигенция, как и любая другая социальная, социально-этническая группа, так или иначе связана с политической жизнью страны, региона. Мера включенности в политические отношения, в систему власти различных групп, их представителей неодинакова. Одни занимают место на вершине властной вертикали современного общества, другие довольствуются средними позициями, третьи ограничивают свою связь с властью голосованием на выборах, уплатой налогов.

В нашем исследовании политический статус русской интеллигенции определяется мерой ее присутствия и активности в следующих основных формах политической деятельности:

а) представительная (законодательная) власть разных уровней (в качестве депутата);

б) исполнительная и судебная власть (органы государственного управления и местного самоуправления (в качестве служащего); руководители предприятий, организаций;

в) политические партии, общественные организации (в качестве их члена);

г) массовые формы политического процесса (выборы, митинги, политические демонстрации, выступления в СМИ и др.).

Выполняет управленческие функции на функционально-профессиональной основе главным образом интеллигенция, занятая в системе исполнительной и судебной ветвей власти – управленческая интеллигенция.

Прежде чем приступить к анализу меры присутствия и активности интеллигенции в названных формах политической деятельности

предварительно остановимся на широко дискутируемом в науке и политической практике вопросе: может ли интеллигенция «ходить во власть», быть включенной в те или иные ее формы, иметь политический статус? Или же она должна находиться в стороне от власти, быть ее критиком?

Власть, как форма социальных отношений, характеризуется способностью влиять на характер, направление деятельности и поведение людей с помощью определенных механизмов, авторитетов, традиций, насилия, всегда рассматривалась российской интеллигенцией в политико-нравственном аспекте альтернативных понятий. Наглядным примером такого отношения к власти являются взгляды, нашедшие отражение в статьях известного сборника «Вехи» (1909 г.). Так, один из авторов сборника П.Б. Струве писал: «Интеллигенция в русском политическом развитии есть фактор совершенно особенный: историческое значение интеллигенции в России определяется ее отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении.

С этой точки зрения интеллигенция, как политическая категория, появилась в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ и окончательно обнаружила себя в революции 1905–1907 гг.[1]

Здесь же автор конкретизирует отношение русской интеллигенции к государству. «В облике интеллигенции, как идейно-политической силы в русском историческом развитии, – пишет он, – можно различать постоянный элемент, как бы твердую форму, и элемент более изменчивый, текущий – содержание. Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему»[2].

Веховцы полагали, что перспектива преодоления интеллигенцией своей «нездоровой сущности» (заключающейся в государственном отщепенстве) - в ее буржуазном перерождении. В этой же статье П.Б. Струве пишет, что в «процессе экономического развития интеллигенция «обуржуазится», т.е. в силу процесса социального приспособления примирится с государством и органически стихийно втянется в существующий общественный уклад»[3].

---

[1] Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи: сб. ст. о русской интеллигенции. 2-е изд. – М., 1909. – С. 159-160.

[2] Там же.

[3] Там же.

В годы советской власти вопрос о том, «ходить» или не «ходить» во власть представителям интеллигенции, не стоял. И в научной среде он не обсуждался. В СССР люди интеллектуального труда были поставлены в положение служащих государства, определявшего их социальный статус, позиции на иерархической шкале престижа и доходов. Огосударствление интеллектуального труда было всеобщим и распространялось на всю интеллигенцию – инженерно-техническую, научную, педагогическую, художественную и др. Лица умственного труда, занятые в сфере управления, именовались управленческой интеллигенцией.

С началом реформ, с переходом к рынку и демократии проблема участия интеллигенции во властных структурах снова стала предметом острых дискуссий. Дискуссии возникли не случайно: многие интеллигенты-демократы массово двинулись во власть. Результаты их деятельности оказались весьма неутешительными. Интеллигенты показали себя «малоспособными к позитивной политике». Под угрозой полного разрушения оказались главные сферы жизнедеятельности общества, в том числе и самой интеллигенции. Следствием их «усилий» стал невиданный в прошлом раскол российского общества. Все обещания интеллигентов-демократов оказавшихся во власти, в том числе на самых верхних ее этажах, вывести общество из тупика за 300 дней, 500 и в другие сроки не были выполнены.

Одного желания получить место у правительственного руля оказалось недостаточно. И хотя «Хождение во власть», как пишет А.А. Мочалов, – не было лишено альтруизма, оно опиралось на убеждение, что их отказ от власти или соучастия во властных структурах может открыть путь людям недостойным. Однако чаще оказывалось, что пребывание «наверху» становилось средством удовлетворения собственных амбиций и потребностей»[1].

Не случайно в конце 1991 г. историк А. Кива пишет: «Править интеллигенция не может и не должна. Владимир Максимов откровенно сказал, интеллигенция должна оставить иллюзию насчет того, что она может стать правящей системой в обществе. То же фактически говорит и крупнейший социолог и социальный философ Запада Ральф Дарендорф. Править должны производительные классы, слои и, разумеется, те, кто опосредует их интересы»[2].

---

[1] Мочалов А.А. Новая роль интеллигенции в изменяющемся мире // Интеллигенция в диалоге культур: сб. ст. / РГГУ. Вып. VIII. – М., 2007. – С. 336.

[2] Кива А. Выяснение истины или метания радикальной интеллигенции // Куль-

Месяцем раньше подобную мысль высказал драматург А. Гельман: «Не должна интеллигенция своими пристрастными переживаниями сопровождать каждый шаг руководства... Мы должны делать свое дело - анализировать, оценивать ситуации, обнаруживать своевременно опасности и предупреждать о них общество. А будут они или не будут прислушиваться к ним - это уже их дело, мы не должны давить... Я бы так сформулировал лозунг интеллигенции: за культуру борьбы, за культуру свободы. Мы выбираем положение «над схваткой» для того, чтобы помочь участником схваток выйти из них живыми»[1].

Некоторые исследователи считают, что когда интеллигент становится политиком, то он теряет присущие ему качества критика, так как политик, осуществляя конкретные цели, неизбежно прибегает к компромиссным решениям. Он перестает быть независимым от власти.

Нам представляется, что различие точек зрения относительно участия или неучастия интеллигенции во властных структурах объясняется, прежде всего, неодинаковой трактовкой самого понятия «интеллигенция». Одни авторы определяют интеллигенцию с позиций нравственно-этического подхода, другие – с социологического, третьи – с социокультурного. Эти подходы нами рассмотрены в первом параграфе первой главы. Здесь мы лишь отметим, что интеллигенция – это, на наш взгляд, социальная группа, члены которой функционально заняты сложным умственным трудом и обладают общепризнанными культурно-нравственными качествами.

Известно, что умственный труд подразделяется на два вида. Одним из таких видов является управленческий и исполнительно-распорядительный труд. Этот вид интеллектуальной деятельности столь же необходим и общественно значим, как и научно-исследовательский, инженерно-технический, художественное освоение мира, воспитание и обучение, охрана здоровья и другие. Этим трудом занята социально-профессиональная группа работников умственного труда – управленческая интеллигенция.

Преобладающая часть государственных служащих, выполняющих управленческие функции – это высококвалифицированные специалисты. Понятие «управленческая интеллигенция» давно по-

---

тура. 14 дек. 1991. – С. 3.

[1] Гельман А. Чистосердечные заметки. Мы не оппозиция никому - мы интеллигенция // Московские новости. 17 нояб. 1991. – С. 10.

лучило право «гражданства» в отечественном обществоведении и стало объектом научного анализа.

На наш взгляд, служба в органах власти не является чем-то неприемлемым для интеллигента. Не случайно, Платон, живший в IV в. до н.э., пришел к убеждению, что государством должны управлять философы, то есть мудрые, много знающие люди, осознающие свою ответственность за дела государственные и способные постичь сущность вещей. Они, по мнению античного мыслителя, стремятся к познанию бытия, причем познают его как некую целостность. Философ должен обладать высокими нравственными качествами: категорически отвергать любую ложь и проявлять глубокую любовь к истине. Ему должны быть присущи четыре основные добродетели идеального государства: любовь к истине, справедливость, мужество и рассудительность.

Известно, что многие выдающиеся представители российской культуры состояли на государственной службе, добросовестно выполняли управленческие функции.

Как справедливо отмечает А.М. Панченко, до николаевского царствования государственная служба была делом вполне почетным, если, конечно, человек служил, а не прислуживал. Даже творческие личности, поэты уживались с властью. Баснописец Иван Дмитриев был министром юстиции и Державин тоже был министром юстиции. Карамзин, Жуковский, Пушкин, Гоголь – все были на государственной службе. Благороднейший Сергей Аксаков служил цензуре. Столетие с лишним, начиная с Петра, власть, монархия не боялась русских умов, напротив, она ими пользовалась, на них опиралась. При этом образовательный слой сохранял свою независимость. Крылов в молодости был бунтарем, обличителем, отрицателем, но потом устал от бунтарства и перешел к благородному консерватизму.

А вот уже Белинский стал присяжным отрицателем. Это типичный в нашем понимании интеллигент с бородкой (на государственной службе нельзя было носить бороду вплоть до Александра III). С русской интеллигенцией власть уже разошлась, и это дорого обошлось и той, и другой[1].

---

[1] Панченко А.М. Не хочу быть интеллигентом // Московские новости. 15 дек. 1991 г. – С. 16.

В настоящее время много учителей, врачей, ученых, людей других профессий, которые, придя в органы государственной власти свои силы, знания отдают служению народу. Можно ли их не считать интеллигентами?

Дело не в самом факте такого участия, а в том, как они выражают и защищают интересы людей, насколько их деятельность соответствует критериям нравственности. В некоторых публикациях вопрос ставится шире: интеллигенция – это такая социальная группа, которая должна всегда конфронтировать с любой властью, якобы наличие особых психологических качеств у интеллигенции не позволяет ей осуществлять важные функции, поэтому ее назначение – оппонировать власти.

Конечно, нельзя отнимать у интеллигенции функции естественного критика власти, несовершенства общества с позиций национальных и общечеловеческих интересов. Но в такой же мере нельзя лишить интеллигенцию права участвовать в органах власти.

Широкое представительство интеллигенции в системе органов государственной власти важно и с точки зрения гуманизации власти. Сама принадлежность к данной социальной группе предполагает наличие у ее представителей гуманистического мировоззрения, т.е. такой системы воззрения, которая признает ценность человека как личности, его право на свободу, достоинство, справедливость, счастье, развитие и проявление своих способностей. Люди, обладающие подобным мировоззрением, несомненно, будут благотворно влиять на систему власти, ее функционирование в интересах народа. Это тем более важно для современного российского общества, в котором в органах государственного управления оказалось немало лиц, которые далеко не соответствуют требованиям интеллигентности[1].

Нельзя не согласиться с О.И. Милованової, которая пишет, что гуманитарная интеллигенция может и должна активно принимать участие в политической жизни страны, привнося в нее высокое интеллектуальное и нравственное начало. Однако эта деятельность должна быть крайне ответственной, ибо, во-первых, затрагивает судьбы многих людей, а во-вторых, не должна мешать, а главное, противоречить основной функции интеллигенции – анализу, крити-

---

[1] Милованова И.О. Политическая активность интеллигенции (социолого-историографический аспект) // Социология власти. – 2006. – № 5. – С. 89-90.

ке и разъяснению. Гражданская позиция интеллигенции, на наш взгляд, должна проявляться и выражаться в разъяснении политики народу, формировании здорового общественного мнения, которое в свою очередь, способно влиять на решения власти[1].

Поэтому вполне естественно, что интеллигенция русской и титульных наций в годы советской власти была широко представлена среди депутатов различных уровней законодательной власти, а также в составе управленческой интеллигенции. Последняя включала в себя руководителей и специалистов, занятых в органах государственного управления, партийных, некоторых общественных организаций, руководителей предприятий (промышленности, строительства, сельского и лесного хозяйства, транспорта, связи и их структурных подразделений, руководителей организаций системы обороны, внутренних дел, образования, медицины, соцзащиты и др.

Работа в государственных органах не считалась профессией. Многочисленные должности советских служащих чаще всего замещались лицами, уже имеющими дипломы выпускников различных «производственных» вузов, так как «знание производства» считалось главным в деятельности любых органов управления. Миллионы управленцев, находящихся на различных должностях оставались по профессии, своему базовому образованию инженерами, юристами, учителями, торговыми работниками. О профессии администратора, управленца заговорили в начале 1980-х гг., и даже были сделаны некоторые попытки начать подготовку профессиональных управленцев, но заметных положительных результатов эти начинания не дали.

Работа в различных государственно-административных органах считалась как бы продолжением, исполнительным уровнем деятельности КПСС и поэтому в их комплектовании господствовал кадрово-политический подход, нередко в ущерб профессиональному. Многие десятилетия кадровая политика в системе государственной службы в нашей стране находилась сугубо в партийном ведении. Она жестко регулировалась стандартами политической благонадежности работников, их социального происхождения и служебной биографии.

---

[1] Осинский И.И., Добрынина М.И. Может ли интеллигенция «ходить во власть»? // Интеллигенция и власть: сб. ст. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: РГГУ, 2008. – С. 32-36.

При всей ее былой зарегламентированности она не имела надлежащей законодательной и нормативно-методической базы. Назначение на работу в системе государственной власти интерпретировалось не столько как привлечение к определенного рода профессиональной деятельности, сколько как доверие, партийное поручение, официально закрепленное решением соответствующего партийного органа.

В начале 1990-х гг. в связи с разрушением прежней политической системы, децентрализацией государственной власти и регионализацией властных институтов произошел распад номенклатурной системы советского общества, начался процесс формирования новой системы государственного управления в национально-государственных образованиях России.

Правовым фундаментом для институциализации новых политических институтов, способных выступать агентами политических изменений явились декларации о государственном суверенитете, конституции автономных республик, в которых было установлено политическое полновластие республик на всех их территориях. Была зафиксирована определенная система организации государственной власти с обязательным разделением на законодательную, исполнительную и судебную. Подписанные федеральные договоры в 1992 г. и Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г. официально признали новый государственный статус республик России и подтвердили распределение государственной власти между федеральным центром и субъектами федерации. Высшими представительными и законодательными органами в Республике Бурятии стал Народный Хурал Республики Бурятия, в Туве – Верховный Хурал Республики Тыва, в Саха (Якутии) – Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия).

Какое место в органах законодательной власти занимает русская интеллигенция? Представление об этом дают материалы выборов депутатов в Народный Хурал РБ и Ил Тумэн РС(Я) с 1993 по 2007 г.[1]

---

[1] Таблица составлена по данным текущего архива Республики Бурятия и статьи Очировой В.М. Этнический состав политических элит полиэтнических регионов России // Вестник Бурятского госуниверситета. Серия: Философия, социология, политология, культурология. 2011. – № 14. – С. 141.

Таблица 24

Национальный состав депутатов НХ РБ и Ил Тумэн РС(Я)

		1994 г	1998 г.	2002 г.	2007 г.
Народный Хурал Республики Бурятия	русские	55,5	52,3	56,9	48,5
	буряты	41,3	43,1	41,5	48,5
	другие национальн.	3,2	4,6	1,6	3,0
		1993 г.	1997 г.	2002 г.	2007 г.
Ил Тумэн Республики Саха (Якутия)	русские	20,3	21,7	39,2	35,7
	якуты	69,5	72,5	55,0	58,6
	другие национальн.	10,2	5,8	2,8	5,7

Из таблицы видно, что начиная с первых постсоветских выборов в Народном Хурале Бурятии вплоть до 2007 г. число депутатов – русских составляло более половины его общей численности. Лишь в 2007 г. их доля заметно снизилась по сравнению с предыдущими выборами. При этом почти в два раза увеличилась доля депутатов, представляющих другие народы. Факт преобладания в течение ряда лет в депутатском корпусе Бурятии представителей русской интеллигенции объясняется тем, что русские являются наиболее многочисленным этносом на территории республики. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г. русские составляют 67,8 %, буряты – 27,8 %, украинцы – 0,98 %, татары – 0,83 %[1]. Некоторое превышение доли депутатов титульной нации, на наш взгляд, оправданно. Оно позволяет «облечь» государственное образование в национальную форму, более широко осуществлять принцип народовластия представителей титульной нации, учитывать ее запросы.

С целью снижения вероятности напряжения в межэтнических отношениях в Бурятии существует негласное разделение властных ресурсов между крупными этническими группами на паритетной основе. Например, этот принцип наблюдается в отношении первых лиц республики – первого Президента Республики Бурятия Л.В. Потапова, действующего Президента Республики Бурятия В.В. Наговицына и мэра г. Улан-Удэ Г.А. Айдаева. Опора на данное распределение в кадровой политике, безусловно, оправданна и целесо-

[1] Госкомстат Республики Бурятия. Текущий архив.

образна[1]. Вместе с тем, как нам представляется, процессы управления в полиэтнических государственных образованиях должны базироваться не столько на количественных подходах к решению национальных проблем, сколько на принципах взаимного уважения, доверия, учета национальных традиций и интересов, обоюдным стремлением к согласию и сотрудничеству. Именно это должно быть определяющим в деятельности национальных отрядов интеллигенции, осуществляющих управленческие и другие общественные функции.

Обращает на себя внимание своеобразие изменения национального состава в Ил Тумэне. Во время первых выборов в Ил Тумэн (1993 г.) лишь немногие представители русской интеллигенции были избраны депутатами этого органа. Не внесли заметных изменений в национальный состав Государственного Собрания и следующие выборы (1997 г). Лишь в 2002 г. доля депутатов русской интеллигенции в Ил Тумэне составила 39,2 %. Удельный же вес русского населения в 1996 г. равнялся 47,8 %, в 2002 г. – 41,2 %. Объясняя непропорциональное представительство русских в Ил Тумэне в 90-е годы, В.Б. Игнатьева отметила: «Подавляющее большинство депутатского корпуса составляют представители «титульного» народа республики – якуты. Вероятно, их численное доминирование следует рассматривать как реализацию этнического принципа в организации региональной системы власти и институционализации политических элит на местах в постперестроечный и постсоветский периоды. В этой связи необходимо напомнить, что данное обстоятельство является одним из источников недовольства части русскоязычного населения Якутии, добивающейся определенной доли в различных структурах государственной власти республики в соответствии со своей долей в общем составе населения. Однако, в отличие от агентов исполнительной и судебной власти, как правило, назначаемых, агенты законодательной ветви власти получают свой статус путем свободных выборов, где роль этнического маркера не так существенна. Косвенно об этом свидетельствует и рост числа депутатов Ил Тумэн, представляющих русскоязычное население Якутии». Автор выразил надежду на то, что «с последующим развитием общей политической культуры проблема представительности отдельных этнических групп во власти отойдет на второй план,

---

[1] Очирова В.М. Указ. соч. – С. 140.

выдвинув на первый план не национальные предпочтения, а электоральные, основанные на профессиональных и деловых качествах будущих депутатов»[1].

Столь значимые диспропорции представительства русских и якутов в законодательном органе республики свидетельствуют о проблемах в сфере межнациональных отношений и об определенной ущемленности русского населения, интеллигенции. Обращает на себя внимание то, что более ¾ депутатов Ил Тумэна – уроженцы Якутии. При этом четко обозначилась тенденция сокращения количества депутатов из числа переехавших на территорию республики из других регионов России, ближнего зарубежья. Мигранты, составляющие значительную часть в общем населении Якутии, в высшем органе ее законодательной власти представлены мало. Существенно уменьшилась доля депутатов пенсионного и предпенсионного возраста, представителей бывшей номенклатуры. Преобладающая возрастная группа депутатов – 41–50 лет.

Небольшое количество русских и в Верховном Хурале Республики Тыва. Данная республика, в структуре населения которой подавляющее большинство составляют представители коренного народа (77 % согласно переписи 2002 г.), является одним из редких исключений в России. Поэтому вполне естественно, что в органах государственной власти доминируют тувинцы. Так, в парламенте республики доля депутатов, представляющих русскоязычное население, не превышает 14,8 %. В Верховном Хурале Республики Тыва первого созыва (1993–1998 гг.) было четверо русских, в последующих – по 3 депутата русской национальности. Остальные места в парламенте занимали представители тувинской национальности. Главными причинами сложившейся ситуации, по данным Е.В. Тынты, стали события конца 1980-х – начала 1990-х гг., которые привели к массовому оттоку русскоязычного населения из республики, а также региональная традиция, сохранившаяся еще с советских времен, согласно которой все представительские должности занимали тувинцы. Данные причины, видимо повлияли и на современный парламент. Во втором созыве Великого Хурала Республики Тыва русские составляют 21,9 % от численности депутатского корпуса Законодательной палаты ВХ РТ и 15,1 % от Палаты представителей ВХ РТ. Вместе с тем, в этом созыве, по сравнению

---

[1] Игнатьева В.Б. Трансформация политической элиты: новая реальность // Республика Саха (Якутия): путь к суверенитету. – Якутск, 2000. – С. 77-78.

с предыдущим, отмечается небольшой рост численности русских депутатов[1].

Проведенное в 2009–2010 гг. В.М. Очировой исследование политической элиты национально-государственных образований Сибири показывает, что в законодательно-представительной части элиты русская интеллигенция составляет в Бурятии 48,2 % (буряты 46,4 %), в Тыве – 18,8 % (тувинцы – 78,1 %), в Саха (Якутии) – 35,3 % (якуты – 57,4 %)[2].

Представители законодательной власти как русской, так и титульных наций имеют одинаково высокий образовательный, квалификационный уровень подготовки.

Так, например, все 66 депутатов Народного Хурала Республики Бурятия IV созыва имеют высшее образование, 38 из них окончили республиканские вузы, 28 получили образование в Москве, Иркутске, других городах страны. 30 % депутатов имеют техническое образование, 29 – гуманитарное, 14 – экономическое, 9 – юридическое, 7,5 – медицинское, 6 – военное, 4,5 % – сельскохозяйственное образование. 21 депутат имеет ученую степень, в том числе 4 – ученую степень доктора наук[3]. В числе депутатов известные в Бурятии предетавители русской интеллигенции — ректор Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств профессор Р.И. Пшеничникова, ректор Бурятской государственной сельскохозяйственной академии профессор А.Н. Попов и др.

В ходе регионализации власти произошли изменения в системе исполнительных органов управления, в правительстве. Так, в Якутии, по сравнению с советским периодом в 90-е гг. уменьшилась доля русских специалистов-управленцев. В 1992 г. русские в новом составе правительства составляли 42 %, якуты – 58 %; в 1999 г. русские – 32 %, якуты – 60 %, представители других национальностей – 7 %. Сопоставление с этническим составом населения Якутии, в котором в 1990 г. русские насчитывали 50,3 %, якуты — 33,4 %, представители других народов – 16,3 %,[4] показывает, что в аппарате

---

[1] Очирова В.М. Указ. соч. – С. 141-142.

[2] Там же. – С. 140.

[3] Дагбаев Э.Д. Политическая элита Бурятии: образованность или интеллигентность? // Интеллигенция в изменяющемся обществе: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития: материалы VIII Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ, 2010. – С. 82-83.

[4] Игнатьева В.Б. Указ. соч. – С. 98.

государственного управления республики доминируют специалисты титульной нации.

В.Б. Игнатьева объясняет это воздействием целого ряда объективных и субъективных факторов. Это, по ее мнению, и децентрализация федеральной власти, и возможность, в связи с этим, самостоятельного принятия решений по широкому кругу вопросов, и рост этнического самосознания, выразившийся в стремлении к независимости от центра, к национальной государственности и суверенитету, и последствия, вызванные развитием республики как сырьевого придатка, и серьезные нарушения экологии в результате промышленного освоения, вина за которое возлагается, как обычно, на центр, и преобладание у части приезжего населения психологии «временщика»[1].

В составе политической элиты Якутии преобладают (66 %) те, кто получил высшее образование за пределами республики. В последнее время наблюдается тенденция увеличения в ней доли выпускников местных вузов. Если в 1984 г. среди членов правительства выпускники Якутского госуниверситета составляли 21 %, то в новом составе – уже 34 %. Одновременно ведется широкая подготовка специалистов за пределами республики. В 1990-е гг. правительство республики установило долгосрочные отношения с 350 ведущими вузами Российской Федерации, стран СНГ и дальнего зарубежья. По этой линии за пределами республики в 1999 г. обучалось 4290 студентов. Подготовка идет по 31 направлению и 228 специальностям, из которых по 186 обучение в вузах республики не ведется[2]. В подготовке указанных специалистов преобладает русская научная и научно-педагогическая интеллигенция.

Касаясь общих показателей представительства лиц русской национальности в исполнительной элите рассматриваемых регионов, отметим, что они составляли в Бурятии 47,1 % (у бурят – 42,9 %), в Якутии – 29,2 % (у якутов – 58,3 %), в Тыве – 27,6 % (у тувинцев – 65,5 %)[3].

Они были связаны, кроме количественных соотношений русского и коренных народов в составе населения республик Сибири, с наличием возможности трудовой деятельности, а также общей атмосферой в сфере межэтнических отношений. Что касается муни-

---

[1] Там же. – С. 99-100.

[2] Высшая школа Республики Саха (Якутия) на пороге XXI в. К 65-летию высшей школы в Якутии. – Якутск, 1999. – С. 44-45.

[3] Очирова В.М. Указ. соч. – С. 140.

циальной элиты, то русская ее часть в Бурятии и Туве весьма существенно уступает соответствующим этническим группам, особенно в Туве, где русские представлены почти в 3 раза меньшей долей, чем тувинцы. У Якутии эти показатели одинаковы.

Русская интеллигенция принимает участие в политических партиях, движениях, различных политических акциях. В отличие от советского времени, когда многие представители интеллигенции являлись членами КПСС, в настоящее время интеллигенция по преимуществу индифферентно относится к политическим партиям. Как показало наше исследование, лишь небольшое количество ее представителей являются членами тех или иных политических партий, и то многие из них условно считают себя партийцами. Так, на вопрос анкеты «Какая из современных политических партий вызывает у Вас большее доверие, симпатии?» 27,1 % респондентов русской национальности и 29,9 % – бурятской назвали Единую Россию; 12,1 % русских и 8,3 % бурят выбрали Справедливую Россию. КПРФ подчеркнули 7,4 % русских и 10,7 % буряг, ЛДПР – соответственно – 6,0 % и 2,4 %. Примерно 43 % представителей русской и бурятской интеллигенции ответили: «Никакая». Эти данные говорят о том, что партии не пользуются популярностью у интеллигенции как русской, так и бурятской, национальности.

Таблица 25

Участие в политических акциях (Бурятия, 1995 г.)

Варианты ответов на вопрос «Участвовали ли Вы в таких политических акциях как»:	Русские		Буряты	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Подписание коллективных писем, петиций, воззваний	16,8	15,3	13,5	9,4
Бойкот	3,2	2,3	9,0	5,9
Демонстрации	8,4	4,9	6,0	5,1
Забастовки	6,3	14,3	3,8	11,8
Митинги	12,6	13,7	15,8	9,1
Работа в новых обществ. движениях, полит. партиях	7,4	1,0	10,5	5,1
Нет, не участвовал	57,9	61,9	56,4	68,1

Судя по результатам анкетных опросов, представители русской интеллигенции в основной своей массе не отличаются высокой политической активностью. Об этом свидетельствуют приводимые ниже данные.

Таблица 26

Результаты ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свое участие в политической жизни страны?» (Бурятия, 1995 г.)

Варианты ответа	Русские		Буряты	
	муж.	жен.	муж.	жен.
У меня нет возможности влиять на политические события	56,8	60,6	38,3	57,9
Политика меня не интересует, не разбираюсь в ней	4,2	18,9	11,3	18,5
Я всегда принимал и принимаю участие в общественно-политической жизни	21,1	4,9	14,3	8,3
Я чувствую, что сейчас открылась возможность участия в политической жизни и начал(а) в ней участвовать	5,3	1,6	15,8	4,7
В последнее время разочаровался(лась) в политике и перестал(а) в ней участвовать в политической жизни	17,9	16,6	22,6	19,3

Таблица 27

Результаты ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свое участие в политической жизни страны?»

Варианты ответа	Тыва, 2004 г.		Якутия, 2005 г.		Бурятия, 2011 г.	
	рус.	тув	рус	якут.	рус.	бур.
У меня нет возможности влиять на политические события	57,2	35,2	50,0	52,8	48,6	48,9
Политика меня не интересует, не разбираюсь в ней	17,2	25,6	19,4	18,2	15,4	16,3
Я всегда принимал и принимаю участие в общественно-политической жизни	11,2	15,2	11,8	11,9	11,9	13,1
Я чувствую, что сейчас открылась возможность участия в политической жизни и начал(а) в ней участвовать	10,7	5,6	7,6	5,7	3,6	3,9

В последнее время разочаровался(лась) в политике и перестал(а) в ней участвовать в политической жизни	14,4	19,2	9,7	13,0	17,4	15,8

Материалы приведенных таблиц свидетельствуют о невысокой политической активности русской интеллигенции, как и интеллигенции титульных наций. Пик активности пройден. Основная масса интеллигенции пришла к выводу, что у нее нет возможности влиять на политические события, многих, по их признанию, политика не интересует, значительная часть тех, кто разочаровался в политике. В процессе политического реформирования часть интеллигенции добилась своих целей, она пополнила собой политическую элиту. Произошла относительная стабилизация всех ветвей власти. Продолжает укрепляться президентская форма правления. Идет процесс развития политических партий, расширяется система каналов их влияния на электорат. «Стабилизация бюрократического корпуса и институционализация новых групп во власти, как справедливо отмечает Э.Д. Дагбаев, происходит одновременно с частичным сохранением активности прежнего режима»[1].

4. Статус русской интеллигенции в духовной сфере

Социальный статус интеллигенции во многом определяется состоянием духовной сферы. Это влияние взаимообусловлено, поскольку интеллигенция сама продуцирует, реализует и транслирует духовные ценности общества.

Духовная жизнь охватывает обширную область человеческой деятельности и в совокупности с социально-экономической и политической жизнью определяет специфику общества во всей его целостности. Основными компонентами духовной жизни являются:

а) *духовное производство.* Духовное производство - деятельность, обеспечивающая формирование сознания, вырабатывающего особую общественную форму, благодаря и посредством которой индивиды интегрируются в социальную систему и получают возможность осуществлять совместную деятельность. Классическая

---

[1] Дагбаев Э.Д. Институциональный дизайн политических процессов в российских регионах Внутренней Азии и Монголии. – Улан-Удэ, 2011. – С. 145.

политэкономия отождествляла общественное производство с материальным. Выделение духовного производства в особую сферу общественного производства, предпринятое К. Марксом, связывалось им с исторически возникшим разделением труда. В дальнейшем под духовным производством стали понимать либо производство духовных ценностей, т.е. идей, представлений, научных знаний, идеалов, либо производство общественного сознания в его исторически конкретных формах (политики, права, религии, искусства, морали и т.п.)[1]. На относительную самостоятельность духовного производства указывает проф. А.М. Ковалев, считая, что материальное и духовное производство развиваются по своим специфическим законам и взаимодействуют друг с другом. Предметом труда в условиях духовного производства выступает окружающий мир, сам человек, а также отношения между ними, а целью – «создание из хаотического состояния образов, процессов, звуков, упорядоченных духовных структур и поиск в сфере случайности, стихийности, непредсказуемости объективных закономерных тенденций»[2]. Отличительная особенность духовного производства состоит в том, что его продуктом являются идеальные образования (идеи, теории, духовные ценности, отношения и общественные связи между индивидами), которые не могут быть отчуждены от их непосредственных производителей.

б) *формы духовной культуры* – религия, мораль, наука, идеология, литература, искусство; эти формы включают культурные достижения различных типов культур, созданные в прошлом и создаваемые в современном мире. Многообразие форм сознания, по мнению А.М. Ковалева, обусловлено, во-первых, неоднородностью самого природно-социального организма, состоящего из индивидов, поколений, этносов, наций, рас и т.д.; во-вторых, различием потребностей духовного обеспечения функционирования этого организма; в-третьих, характером социальной среды, в которой функционируют те или иные общности, в-четвертых, характером природной среды, к которой различные народы должны адаптироваться не только своей внутренней структурой, но и соответствующим уровнем развития орудий труда[3].

---

[1] Философская энциклопедия///www.dic.academic/ru/contens.nsf/ens_philosophy

[2] Ковалев А.М. Способ духовного производства в структуре общества: Идеи, размышления, гипотезы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 140-141.

[3] Там же. – С. 208.

в) *духовные ценности (блага).* В духовных ценностях (научных, эстетических, религиозных) выражается общественная природа самого человека, а также условия его бытия. Это своеобразная форма отражения общественным сознанием объективных потребностей и тенденций развития общества. «Благодаря обмену духовными ценностями создается коллективный запас идей, образных представлений, социальных чувств и переживаний, делающих возможным взаимопонимание людей»[1].

г) *знаковая область* – совокупность знаков, символов, естественных и искусственных языков, посредством которых ценности культуры создаются, распространяются и обретают информационную форму, необходимую для их понимания. Многие действия людей – язык, обычаи, мимика, жесты, носят знаковый характер. От того, насколько точно и быстро мы кодируем и раскодируем знаки, насколько правильно, глубоко понимаем смысл знаковых сообщений, зависит общий уровень культурной компетенции личности. Это дало основание французскому социологу П. Бурдье, фактически, поставить знак равенства между понятиями «духовные ценности» и «символические ценности»[2].

д) *совокупность общественных институтов и учреждений,* осуществляющих организацию культурного творчества, создание и распространение духовных ценностей и располагающих необходимой материально-технической базой. С точки зрения институционального подхода, социальный (общественный) институт есть устойчивый продукт обмена деятельностью, рассматриваемый как конечный результат исторического развития определенной сферы деятельности. С функциональной точки зрения, существование социальных институтов обусловлено выполнением функций базовых потребностей конкретного общества. В духовной сфере это выражается в освоении и последующем воспроизводстве культурных и социальных ценностей, включении индивида в определенную субкультуру, усвоение устойчивых социокультурных стандартов поведения. Скажем, институт воспитания выполняет функцию социокультурной трансляции, социализации человека, что в условиях трансформации российского социума, конкретизируется, по мнению Н.Ю. Турчиной, в изменении ценностно-мировоззренческих

---

[1] Захаров А.В. Духовное (символическое) производство как подсистема общественной деятельности. URL:http://www.sociologist.nm.ru/articles/zaharov_19.htm

[2] Там же.

ориентаций молодежи, становлении новых жизненных ценностей, таких как свобода, самостоятельность, собственное благополучие. При этом важной чертой является ориентация на развитие в человеке личностного начала – индивидуальной природы культурный способностей, талантов, воспитание развитой системы личностной мотивации к творчеству[1].

Функции общественных институтов в духовной сфере реализуются организациями и учреждениями: в сфере образования и науки (учебные и научно-исследовательские учреждения), в сфере культуры (театрально-зрелищные учреждения – спортивные комплексы, театры, библиотеки, выставки; издательства, кино- и телестудии, профессиональные и любительские организации, творческие коллективы; научная и художественная критика), а также организации и учреждения регулирующие, планирующие и осуществляющие руководство (министерства, комитеты, творческие союзы и т.д.).

В условиях сохранения общественного разделения труда на умственный и физический и закреплении его в общественном сознании за определенными социальными группами, в развитии культуры выделяется роль интеллигенции, как группы, для которой профессиональный умственный труд составляет основу жизнедеятельности.

В общей совокупности интеллигенции особо важную роль играет та ее часть, которая занята в сфере духовного производства и непосредственно создает духовные блага и ценности, а также, которая участвует в создании духовных благ, занимаясь воспитанием, обучением, распространяя научно-техническую, политическую, эстетическую информацию, т.е. гуманитарная интеллигенция. К ней относятся писатели, композиторы, научные работники, педагоги, культурно-просветительные работники, работники средств массовой информации, другие представители интеллектуального труда. Функциональной обязанностью и главным источником существования этой части интеллигенции является производство, сохранение и распространение ценностей и норм духовной культуры. Ее деятельность направлена на все общество в целом и определяет формирование и совершенствование интеллектуального, культурного, нравственного уровня его граждан.

---

[1] Турчина Н.Ю. Социальные институты и традиции воспитания в условиях духовного кризиса современного российского общества: автореф. дис. … канд. социол. наук. – Новочеркасск, 2001.

Сегодня все цивилизованные народы имеют в своем составе интеллигенцию и каждый из них располагает своей национальной культурой. В процессе взаимодействия народов происходит взаимодействие культур. В динамику этого взаимодействия постепенно включались практически все названные нами элементы национальных культур. Это происходило на территории СССР, России, в том числе ее национальных республик, где проживают десятки этнических образований.

Сам факт существования и деятельности больших групп интеллигенции как русской национальности, так и титульных наций, является значимым показателем духовности народов, проживающих на территориях республик Сибири. Особенно большое значение имеет гуманитарная интеллигенция: писатели, деятели искусства, ученые-гуманитарии, учителя, культурно-просветительные работники, представители средств массовых коммуникаций и т.п., являющиеся выразителями духа нации, ее менталитета.

Согласно Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Бурятии указанные группы интеллигенции характеризовались следующим образом (таблица 28)[1].

Таблица 28

Численность основных групп
гуманитарной интеллигенции Бурятии в 1989 г.

Занятия	Всего	В том числе		
		буряты	русские	другие национ.
Научные работники, преподаватели, воспитатели	7164	3441	3402	321
Работники литературы и печати	258	164	84	10
Культурно-просветительные работники	869	303	502	64
Работники искусства	1098	395	627	76
Всего	9389	4303	4615	471

Из таблицы видно, что в среде гуманитарной интеллигенции Бурятии были представлены все нации, населяющие республику. Несколько большая доля характеризовала представителей русской интеллигенции (49,2 %). Бурятская часть гуманитарной интеллигенции составляла 45,8 %. Русские специалисты доминировали сре-

[1] Всесоюзная перепись населения 1989 г. Бурятская АССР. Таблица 36в (лист 3).

ди работников искусства и культурно-просветительных учреждений, а также среди руководителей научно-исследовательских разведочных и изыскательских организаций. Специалисты-буряты преобладали в группе работников литературы и печати, преподавателей вузов, школ, средних специальных учебных заведений.

Рассматривая гуманитарную интеллигенцию Бурятии в контексте социального статуса русской интеллигенции, следует отметить, что русские специалисты не только были значительной по численности социальной группой, но они оказали большое влияние на становление и развитие национальной гуманитарной интеллигенции республик Сибири, на массовый, динамичный рост духовной культуры коренных жителей этих регионов.

Будущие национальные писатели, артисты, композиторы, журналисты, представители других массовых профессий проходили подготовку в ведущих вузах страны, в театрах, студиях, мастерских, учились у известных мастеров русской культуры. Последние, кроме того, сами приезжали в национально-государственные образования Сибири, помогали на месте создавать театры, художественные мастерские, музеи, библиотеки, обучали талантливых представителей национальной молодежи многим неизвестным здесь видам современного искусства. Имидж русской интеллигенции был очень высоким среди формирующейся интеллигенции и населения в целом. Об этом говорят выдающиеся представители культуры, искусства народов Сибири.

В газете «Правда Бурятии» (7 июля 1984 г.) народный артист РСФСР Д. Дашиев писал: «Я артист. Мне близки шедевры мировой музыкальной культуры. Но русское искусство – особенное. В нем прежде всего поражает его величайший гуманизм, его бережное отношение к культурному наследию других народов, больших и малых. И думаю – какое это великое счастье приобщиться к этому искусству, быть к нему причастным...

Наш театр называют одним из лучших на востоке страны, ему присвоено высокое звание академического. И во всем этом неоценима роль, которую сыграли выдающиеся мастера искусства нашей страны, представители всех ее народов, прежде всего русского. Если провести опрос среди артистов нашего театра, попросить назвать своих учителей, то получится, что будут названы самые разные фамилии, все культурные центры нашей страны. Но начну я с одной Уральской консерватории, которую окончили и многие мои коллеги. Ее первый ректор – Маркиан Фролов был автором первой на-

циональной оперы «Эихэ-Булат батор». Уральскую консерваторию окончили наши композиторы: народный артист СССР Бау Ямпилов, заслуженный деятель искусств РСФСР Жигжит Батуев, Дандар Аюшев. Большинство музыкантов оркестра нашего театра – воспитанники Уральской консерватории. До сих пор я благодарен моему педагогу З. Шелоковой. Она учила и нашу замечательную певицу, народную артистку РСФСР Чимиту Шаншошкину.

Целую плеяду талантливых артистов выпустила прославленная Ленинградская консерватория. Это – народные артисты СССР Ихасаран Лиховонин, Ким Базарсадаев, народные артисты РСФСР Н. Петрова, П. Абашеев, заслуженный артисты РСФСР В. Лыгденова, Д. Кыштымова, В. Манкетов, О. Короткова и многие другие. В Ленинграде получила образование наша талантливая молодежь, ныне уже завоевавшая любовь и признательность зрителей: Галина Шойдагбаева, Ольга Аюрова… Если бы стал всех перечислять, получился бы большой список».

Заслуженный деятель искусств Якутии, поэт И.М. Гоголев так выразил свое отношение к русской литературе и ее представителям: «У якутской литературы есть две родные матери: родной фольклор и великая русская литература. Родной фольклор дал якутской литературе самобытность, свою теплую кровь, а русская литература – свой светлый разум, революционный гуманизм и высокую культуру.

Благодаря знанию русского языка, нам с детства стали родными имена великих русских поэтов и писателей, которых мы считаем нашими великими учителями на всю жизнь. Русский язык для нас является волшебным ключом, которым мы открываем дверь в сокровищницу мировой культуры»[1].

Многие деятели русской культуры были учителями для молодых писателей, художников, музыкантов из среды народов Сибири. Так, известный тувинский поэт, Ю.Ш. Кюнзегеш в своих воспоминаниях об учебе на Высших литературных курсах при Литинституте им. А.М. Горького пишет о неизгладимом впечатлении, которое оставили в его памяти выступления А.А. Фадеева, Н.С. Тихонова, М.А. Шолохова, А.Т. Твардовского, Л.С. Соболева, М.А. Светлова, С.П. Щипачева. По его словам, настоящей школой писательского мастерства для него стали семинары на ВЛК и всесоюзных совещаниях, которыми руководили

---

[1] Созвездие братства. Улан-Удэ, 1982. – С. 39-40.

Я.В. Смеляков, М.А. Светлов, А.Н. Макаров, С.С. Наровчатов, А.А. Коваленков, В.П. Друзин, С.М. Бонди…

Всю жизнь буду благодарен талантливому русскому поэту Семену Петровичу Гудзенко, представившему мои первые стихи всесоюзному читателю в журналах «Огонек» и «Смена». Впоследствии мои стихи переводили А.Ойслендер, М. Светлов, Т. Стрешнева (Смелякова), П. Железнов и другие московские поэты»[1]. Отмечая исключительную роль русского языка в межнациональном общении народов Ю.Ш. Кюнзеген говорил: «Благодаря переводу на русский язык, романы и повести наших писателей «Слово арата» С. Тока, «Родные люди» О. Саган-оола, «Повесть о светлом мальчике» С. Сарыч-оола, «В предгорьях Саян» К. Кудажи и другие произведения тувинской литературы стали достоянием миллионов читателей… Например, первое крупное произведение тувинской прозы «Слово арата» С. Тока переведено на 25 языков мира»[2].

В то же время русские деятели культуры многому учились у представителей национальной интеллигенции, которые хорошо знали обычаи, традиции своего народа, фольклор, что находило отражение в их творчестве. Произведения многих авторов, выходцев из среды овцеводов, охотников, рыбаков публиковались в центральных издательствах и за рубежом. В одном из своих выступлений известный русский писатель в Бурятии И.К. Калашников подчеркнул, что все основные жанры бурятской литературы рождались после революции. «За короткий исторический срок литература республики прошла путь, на который при других условиях понадобились бы столетия»[3].

Влияние представителей русской культуры на духовную жизнь национальных районов Сибири можно проиллюстрировать на примере такой специфической области гуманитарной науки, как востоковедение. Об этом пишут известные ученые-обществоведы Бурятии – директор Института общественных наук БФ СО АН СССР Д.Д. Лубсанов и зав. отделом востоковедения института Ш.Б. Чимитдоржиев. В статье, опубликованной в газете «Правда Бурятии» в 1977 г., читаем: «Еще в XIX – начале XX века в развитие научного востоковедения в России внесли свой вклад бурятские ученые Д. Банзаров, М.Н. Хангалов, Г.Ц. Цыбиков и другие. Профессор Г.Ц.

---

[1] Там же. – С. 33-34.
[2] Там же. – С. 41.
[3] Правда Бурятии. 22 окт. 1977 г. – С. 2.

Цыбиков и Б. Барадин положили начало монголоведческим и тибетологическим исследованиям в Бурятии, а также буддологическим исследованиям. В 20–30-е гг. в развитие востоковедения в нашей республике внесли свой вклад ученые Ленинграда и Москвы – академики Ф.И. Щербатский, Б.В. Владимирцов, профессор В.Л. Котвич и другие. У них получали советы и консультации востоковеды республики. Бурятия была богата литературой по истории, философии, логике, медицине и языкознанию народов Центральной Азии на восточных языках. Московские и ленинградские ученые регулярно посещали Бурятию для изучения этой литературы... С образованием БКНИИ (1958 г.), а затем Бурятского филиала СО АН СССР (1966 г.) востоковедение здесь получило значительное развитие... Особое внимание стало уделяться вопросам новейшей истории и филологии стран Центральной Азии, современным проблемам тибетологии и буддологии. Кадры востоковедов, работающие в филиале и в ряде вузов республики получили образование в Ленинграде, Москве и Улан-Баторе. В подготовку высококвалифицированных востоковедческих кадров большой вклад внесли академики А.П. Окладников, С.А. Козин, профессора, доктора наук Г.Д. Санжиев, Н.В. Кюнер, Т.А. Бертагаев, С.Д. Дылыков, Г.В. Ефимов, доценты Д.А. Алексеев и Т.А. Бурдукова»[1].

Это лишь отдельные сюжеты многогранного процесса влияния русской интеллигенции на интеллигенцию и культуру народов Сибири.

Вместе с тем, в годы перестройки, наряду с позитивными процессами, являющимися в известной мере продолжением традиционного влияния и взаимовлияния в области духовной жизни, к сожалению, появились и некоторые негативные явления, как в развитии русской, так и национальных интеллигенций республик Сибири, так или иначе отразившихся на социальном статусе данной социальной группы.

Оказалась существенно разрушенной материальная база культуры, где сосредоточена доминирующая сфера деятельности интеллигенции, особенно на периферии (театры, дома культуры, клубы, библиотеки и др.), произошло падение жизненного уровня основной массы гуманитарной интеллигенции, она, как и вся российская интеллигенция оказалась социально, политически, ценностно расколотой и т.д.

---

[1] Правда Бурятии, октябрь 1977 г.

Несмотря на трудности, гуманитарная интеллигенция продолжала выполнение своих функций. Продолжали работать школы, вузы, библиотеки, многие другие организации, с которыми связана гуманитарная интеллигенция. Это подтверждают данные таблицы 29[1].

Таблица 29

Основные показатели культуры Бурятии

	1990	1995	2000	2005	2008	2010
Число профессиональных театров	4	4	4	4	4	4
Численность зрителей:						
тысяч человек	423,1	145,8	189,1	185,6	134,8	176,7
в среднем на 1000 населения, чел.	402	139	183	192	140	182
Число музеев	16	16	16	19	19	19
Число посещений музеев:						
тысяч человек	416	161	243	372	389	425
в среднем на 1000 населения, чел.	395	153	243	385	405	437
Число учреждений культурно-досугового типа	700	569	522	546	522	488
Число общедоступных библиотек	623	520	498	500	493	476
Библиотечный фонд, экземпляров:						
тысяч	8547	7422	6610	6335	6561	6142
в среднем на 1000 населения, чел.	8094	7052	6630	6577	6829	6318
Тираж книг, брошюр, экземпляров						
тысяч	1025	79	76	103	206	…
в среднем на 1000 населения, чел.	974	75	76	106	214,1	…
Годовой тираж журналов и др. период.						

[1] Таблица составлена по: стат. ежегод. по Республике Бурятия. Сб. № 01-01-09. Улан-Удэ. 2002. – С. 155; *350 лет* с Россией. – Улан-Удэ, 2011. – С. 365, 366.

изданий, экземпляров:						
тысяч	296	4	…	23	139	…
в среднем на 1000 населения, чел.	281	3,8	…	23,8	144,8	…
Разовый тираж газет, экземпляров:						
тысяч	296	81	128	180	380	…
в среднем на 1000 населения, чел	280	77	124	186	396	…

Из таблицы видно, что в республике за прошедшие 20 лет сохранились все 4 профессиональных театра, ими в 2010 г. было проведено 1075 мероприятий, на которых присутствовало 176,7 тыс. зрителей. В 2009 г. Бурятия заняла 39 место в Российской Федерации по числу зрителей театров. Хотя число зрителей на 1000 человек населения в 2010 г. сократилось по сравнению с 1990 г. более, чем в 2 раза. Успешно функционировал государственный русский драматический театр им. Н.А. Бестужева, получивший новое прекрасное здание. Кроме театров в 2010 г. работало 3 самостоятельных коллектива: Бурятская государственная филармония, национальный театр песни и танца «Байкал» и государственный цирк Республики Бурятия. Увеличилось количество музеев и число их посетителей. В 2009 г. музеи Бурятии занимали 24 место в России по числу их посещений на тысячу человек (437). Вместе с тем, данные таблицы свидетельствуют о весьма существенном уменьшении числа учреждений культурно-досугового типа, общедоступных библиотек, их фондов. При этом в республике увеличилось число газет.

Произошли существенные сдвиги в системе образования. Изменился статус прежних государственных институтов. Бурятский государственный пединститут слился с Улан-Удэнским филиалом Новосибирского университета, в результате был образован Бурятский госуниверситет. Сегодня в республике функционируют также Восточно-Сибирский государственный технологический университет, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия. С 1991/92 по 2010/11 учебный год число студентов государственных вузов в Бурятии с 20.8 тыс. увеличилось до 41,7 тыс., то есть в 2 раза. В настоящее время приходится 496 студентов вузов на 10

тыс. населения (в 1991/92 учебном году было 196 студентов). Конкурс при поступлении в государственные вузы в республике составил в 2010 г. в среднем 176 человек на 100 мест. К сожалению, в последние годы отмечается увеличение доли платного образования в государственных вузах. В 2010/11 учебном году на условиях полного возмещения затрат обучалось 25,1 тыс. человек, или 60 % от общего числа студентов.

Преподавательскую деятельность в государственных высших учебных заведениях ведут 2098 штатных работников, из них 223 доктора наук и 1120 кандидатов наук.

Отмечается рост численности студентов в государственных средних специальных учебных заведениях. Если в 1991/92 учебном году в 20 ССУЗах обучалось 15,9 тыс. студентов, то в 2010/11 учебном году – 18,2 тыс. студентов (19 ССУЗов). Число преподавателей составляет 1205 чел., из них 1 доктор наук и 31 кандидат наук.

При росте числа студентов вузов и ССУЗов в истекшие два десятилетия в Бурятии уменьшилось количество общеобразовательных учреждений. Если в 1991/92 учебном году в республике действовало 595 дневных общеобразовательных учебных заведений, в которых обучалось 189,8 тыс. учащихся, то в 2010/11 учебном году было 501 учреждение (из них 2 негосударственных) со 115,1 тыс. учащихся. Из общего числа общеобразовательных учреждений этого типа 11 имеют статус гимназии и 9 – лицеев. Уровень подготовки в этих учреждениях выше, чем в обычных школах. Однако, эта прогрессивная форма обучения пока не получила широкого распространения в системе основного (полного) образования. Ею охвачено 9,8 % от общего числа обучающихся дневных общеобразовательных учреждений. В последние годы наблюдается ежегодное сокращение обучающихся детей. По сравнению с 2000/01 учебным годом численность обучающихся сократилась на 35,7 %. Число учителей в государственных общеобразовательных учреждениях с 15,8 тыс. в 1991/92 учебном году уменьшилась до 9,7 тыс.[1] Среди преподавателей дневных общеобразовательных учреждений женщины составляют 87 % от общего числа работников. Важным положительным фактом является то, что состав педагогических работников характеризуется высокой долей лиц, имеющих высшее образование. В 2010/11 учебном году его имели 82 % учителей школ республики.

---

[1] Там же. – С. 344; *ст. ежегод.* по Республике Бурятия. – С. 119.

Система образования, в которой заняты тысячи педагогов – особая форма духовной жизни общества. В ней отразились образ жизни, трудовые занятия, особенности духовной жизни народов. Устоявшиеся элементы труда, общественного и семейного быта, духовно-нравственной сферы передаются от поколения к поколению как традиции, обычаи, обряды. Одним из важных принципов государственной системы образования является гуманистический характер образования, приоритеты общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Эти требования воплощают в жизнь прежде всего учителя. Призвание учителя – разбудить в каждом человеке его духовные потенции, помочь ему стать достойным гражданином своей страны. Немало учителей Бурятии являются ярким примером высокого служения делу образования и воспитания.

В их числе известный педагог, русская женщина Лидия Александровна Постникова. Она родилась в 1937 г. в Калининской области. После окончания педучилища, приехала работать в Бурятию. Поработав несколько лет в Кижингинской, Верхнекодунской средних школах она поступила в Бурятский пединститут, после окончания которого около 50 лет трудилась учителем русского языка, завучем в школах г. Улан-Удэ, из них 30 лет возглавляла среднюю школу № 40 г. Улан-Удэ. Человек необыкновенной энергии, глубоких знаний, преданности своему делу, за годы своей работы в системе образования Бурятии Лидия Александровна помогла найти дорогу в жизнь, приобщиться к современным научным знаниям и духовно-нравственным ценностям многим тысячам представителям подрастающего поколения республики. За свой многолетний, добросовестный труд Л.А. Постникова удостоена нагрудного знака «Отличник народного образования», почетных званий Заслуженный учитель Бурятской АССР, Заслуженный учитель школы Российской Федерации.

Благодаря труду педагогов русской, бурятской, тувинской, якутской и других национальностей народы Сибири, страны в целом, движутся по пути интеллектуального прогресса. Многие их представители получают высшее и среднее специальное образование, пополняют состав специалистов различных отраслей знаний. Об

удельном весе лиц, имеющих высшее, неполное высшее и среднее специальное образование свидетельствуют данные таблицы 30[1].

Таблица 30

Доля лиц с высшим, неполным высшим и средним специальным образованием в общей численности своей нации в Бурятии, Тыве, Якутии в 2002 г., %

	Бурятия	Тыва	Саха (Якутия)
Русские	42,2	50,0	49,9
Представители титульных наций	50,4	35,5	44,4

Из приведенных данных видно, что доля русских с высшим, неполным высшим и средним специальным образованием в составе русского населения республик Сибири достаточно высокая: в Тыве и Якутии она составляет его половину, в Бурятии – более сорока процентов. Из титульных сибирских наций наиболее высокий показатель имеют буряты (50,4 %), далее по нисходящей идут якуты (44,4 %) и тувинцы (35,5 %). Наличие высокого уровня образования населения является одним из важных показателей его духовности. Не случайно, В. Гюго подчеркивал: «Обучать народ – значит делать его лучше; просвещать народ – значит повышать его нравственность; делать его грамотным – значит цивилизовать его»[2].

Таким образом, высокий образовательный, профессиональный уровень русской гуманитарной интеллигенции оказал значительное влияние на развитие всех основных компонентов духовной жизни сибирского региона.

Классические теории стратификации не содержат выраженных критериев оценки социального статуса личности в духовно-нравственной сфере. Однако, как следует из определения понятия интеллигенции, которого мы придерживаемся, данную социальную группу, наряду с функциональной занятостью высококвалифицированным интеллектуальным трудом, характеризует обладание высокими духовно-нравственными качествами. На наш взгляд, было бы логично дополнить характеристику статусных позиций интеллиген-

---

[1] Сделаны расчеты и составлена таблица по: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 2. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года (в 14 т.). Т. 4. Кн. 2. – М., 2004. – С. 1500, 1502, 1516.

[2] Гюго В. Сочинения. Т. XIV. – М., 1956. – С. 152.

ции критериями культурологического характера, в качестве которых могут служить ценностные ориентации, характер культурно-досуговой деятельности.

Жизненные цели, определяющие социальную активность личности, находят воплощение в ценностных ориентациях.

Понятие «ценность» используется в философии и социологии для обозначения объектов, явлений, абстрактных идей человеческого, социального и культурного значения, выступающих как эталон, абсолют.

Н.О. Лосский под ценностью понимал «нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события»[1]. П.А. Сорокин считал, что «именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры». Т. Парсонс рассматривал ценности как высшие принципы, на основе которых обеспечивается согласие как в малых общественных группах, так и в обществе в целом. Ценности, характеризуемые, как «неэмпирические объекты», вызывающие «благоговейное отношение», сообщают соответствующие качества аппелирующим к ним моральным нормам, придавая им общеобязательную ценность[2].

В Социологическом энциклопедическом словаре под ценностью понимается: «в широком смысле - значимость явлений и предметов реальной действительности с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям общества, социальной группы, личности; в более узком – нравственные и эстетические императивы (требования), выработанные человеческой культурой и являющиеся продуктами общественного сознания»[3].

Широкий круг определений понятия «ценность» позволяет говорить о ценности как о сложном по своей структуре и содержанию многоуровневом понятии.

Природа ценностей носит как объективный, так и субъективный характер. Человек, приходя в мир, попадает в уже сложившуюся до него и существующую вне зависимости от его сознания, систему ценностей, и в этом смысле она объективна. В то же время в процессе деятельности человек вносит определенные изменения в сис-

---

[1] Лосский Н.О. Ценность и бытие // Бог и мировое зло. – М., 1994.

[2] Parsons T. The Social System. Toronto; Ontario, 1966. - P. 367-383; *Современная* западная социология: Словарь. – М.: Политиздат, 1990. – С.13.

[3] Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, французском, немецком, чешском языках / ред. Н.В. Осипов. – М.: ИНФРА, 1998.

тему ценностей, которые обусловливают ее динамичность и многообразие.

Ценности образуются в результате взаимодействия человека и общества. Элементами социального взаимодействия, по словам П.А. Сорокина являются три взаимосвязанных аспекта: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами; 3) культура как совокупность значений, норм, ценностей, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые обективируют, социализируют и раскрывают эти значения[1]. Выступая элементом культуры, ценности, определяют поведение человека, являясь чем-то должным, что ограничивает это поведение на уровне коллективных представлений. Ценность при этом, выполняет регулятивную функцию в обществе по отношению к поведению человека или группы, и приближается к понятию «норма». Несомненно, ценности выполняют регулятивную и контролирующую функции, однако, отождествление ценности с нормой было бы неверным. Норма, по мнению Н.В. Шемякиной и И.И. Осинского, в отличие от ценности, является рациональным и формализованным регулятором поведения людей, своеобразным стандартом, которому должны подчиняться люди независимо от их собственных интересов и целесообразности. Ценность же является «внутренним, эмоционально освоенным ориентиром его деятельности, и потому воспринимается им как собственная духовная интенция»[2]. Признавая свободу человека в выборе ценностей, надо иметь в виду объективно существующие реалии, в которых происходит социализация человека, установленные культурные традиции конкретного общества в конкретную историческую эпоху.

Ценности модифицируются и их временные границы не совпадают с социокультурной реальностью. Так, в современном мире значимы эстетические ценности античности, гуманистические идеалы христианства, рационализм Нового времени. Социальной практикой и жизненным опытом людей закреплены ценности семьи, труда, образования, общественной деятельности. В современную эпоху особое значение приобретают абсолютные ценности до-

---

[1] Сорокин П.А. Родовая структура социокультурных явлений // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 218.

[2] Шемякина Н.В., Осинский И.И. Российские и американские студенты: социокультурные ценности. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – С. 28-29.

бра, красоты, веры как фундаментальные основания соответствующих форм духовной культуры[1].

Трансформация ценностей реформируемой России носила нелинейный характер. В разные фазы кризисного периода этот процесс принимал различные формы: сомнения в ценностях и их значении, возврат к традиционным ценностям или отказ от них, выбор новых, преобладание позиций самоопределения, индивидуализации. Завершение кризиса, стабилизация социальных условий сопровождается закреплением изменившихся ценностей в качестве долговременных социальных практик.

Если в первые годы реформ 2/3 населения отдавали приоритет ценностям свободы над ценностями материального благополучия, то с 1996 г., более половины населения страны стали выше ценить материальное благосостояние. Формировались ценности прагматического характера, индивидуализма. Население в эти годы было сосредоточено на проблемах индивидуального выживания. В эти процессы, наряду с другими социальными группами и слоями, оказалось вовлечена и интеллигенция. В этот период общественная трансформация сопровождалась активным размыванием традиционных для России духовно – нравственных ценностей и это не могло не волновать представителей интеллигенции. Не случайно, на вопрос «Что нужно предпринять в качестве неотложных мер в ближайшее время?» адресованный интеллигенции Бурятии в ходе социологического опроса 1995 г., 38,1 % русских, 37.2 % бурят и 56,0 % представителей других национальностей ответили: «возродить моральные устои общества».

Какие ценностные приоритеты у современной русской интеллигенции национальных образований Сибири? Об этом дают представление результаты социологического исследования, проведенного в Бурятии, Якутии, Тыве. Наибольшее значение для нас имело выяснение представлений интеллигенции о смысле жизни, как основы мировоззрения личности, высшей цели ее деятельности и стремлений.

«Смысл жизни как особая внутренняя позиция человека вырабатывается на основе предшествующего опыта, ранее возникших потребностей и проявляется как активное критическое отношение к

---

[1] Классификация ценностей / http://www.phi2011.blogspot.com/2011/03/blog-post_6095.html

собственному поведению, как стремление возвыситься над непосредственно «данными» условиями, идентифицировать себя с добровольно и сознательно воспринятыми ценностями. Выработка этой потребности предполагает нравственное «недовольство» собой, способность ощущать радость от завтрашних планов, преодолевать различные препятствия на пути к цели»[1].

Таблица 31

Смысложизненные ориентации русской интеллигенции Бурятии, Якутии, Тывы (%)

Что составляет для Вас смысл жизни?	Бурятия		Якутия		Тыва	
	русские	буряты	русские	якуты	русские	тувинцы
Создание и сохранение хорошей семьи	63,6	66,4	56,9	68,0	63,3	58,4
Творчество, создание нового	13,6	16,1	15,3	16,8	13,9	24,0
Бескорыстное служение людям	6,3	5,1	8,3	6,8	5,3	5,0
Любить и быть любимой (любимым)	20,1	22,8	13,2	26,7	30,7	30,4
Устроенный быт, комфорт	24,9	33,6	28,5	28,7	23,7	24,8
Финансовая независимость	28,9	40,8	34,7	36,6	41,8	33,6
Получение от жизни как можно больше удовольствий	6.2	9,0	11,1	14,8	7,8	10,2
Служение идеалам добра, борьба за справедливость	9,1	7,1	10,4	11,3	13	12,8
Добросовестное выполнение своих профессиональных обязанностей	23,8	27,3	15,9	26,4	26,5	22,4
Власть, сила	0,9	2,7	2,7	0,8	1,4	-
Религия	2,7	3,4	2,0	1,1	2,3	4,0
Другое	1,8	2,7	1,4	0,5	1,8	0,8

[1] Вичев В. Мораль и социальная психика. – М., 1978. – С. 196.

Представления о смысле жизни складываются в процессе деятельности людей и зависят от их социального статуса, образа жизни, мироощущения, конкретной исторической ситуации. В благоприятных условиях человек может видеть смысл своей жизни в достижении счастья и благополучия, в негативной среде жизнь может утратить для него свою ценность и смысл.

Данные таблицы 31 позволяют увидеть устойчивое доминирование ценности семьи в ценностных ориентациях интеллигенции. Семья в русской гуманистической философии «ассоциировалась с высшей нравственной ценностью, сферой реализации любви, продолжения рода, уважением к женщине», представлялась прочной основой государственной жизни[1]. Семья и сегодня остается одним из фундаментальных институтов общества, придающих ему стабильность и обеспечивающая воспроизводство поколений. Для 66,7 % русской интеллигенции семья связывается с представлениями о «благополучной счастливой жизни».

В ценностном сознании современной интеллигенции актуализированы материальные ценности, в том числе финансовая независимость, которые не только обеспечивают жизнеспособность, но и в представлениях многих людей ассоциируются с высоким статусом и престижем, также как и комфортный, обустроенный быт. Материальный достаток, финансовая свобода в большей степени привлекают молодую интеллигенцию до 30 лет, затем их ценность снижается пропорционально возрасту.

Добросовестное выполнение профессиональных обязанностей, являясь одной из приоритетных установок работников интеллектуального труда, с возрастом, напротив, повышается, достигая наивысшего уровня в зрелом возрасте.

В меньшей степени интеллигенция ориентирована на такие ценности как: получение от жизни максимума удовольствий; служение идеалам добра, борьба за справедливость; религия; власть и сила.

Представления о смысле жизни непосредственным образом связаны со стремлением к счастью. «Желание счастья обусловлено врожденной физиологической потребностью каждого человека в эмоциональном насыщении. Счастье – сверхценное положительное

---

[1]Ларченко Ю.А. Семейные ценности (социально-философский аспект) / URL:http://www.pedsovet.org/forum/index.php?act=Attach&type=post&id=172

эмоциональное переживание, выступающее связующим звеном между потребностью в эмоциональном насыщении и потребностью в смысле жизни. Состояние счастья возможно тогда, когда жизнь человека осмыслена, имеет цели»[1].

Представления русской интеллигенции о счастливой жизни совпадают, кроме семейных ценностей, которые занимают высшую позицию в иерархии, с хорошим здоровьем (59,6 %), интересной работой (47,6 %), уважением людей (31,3 %), получением образования, знаний (30,1%), надежными друзьями (24,9 %), процветанием России (20,1 %), нахождением смысла жизни (13,2 %), религиозной верой (9,5 %).

Ценностные ориентации находят воплощение в поведении и деятельности человека, которые он соотносит с требованиями социальной среды. Соответствие принятым в обществе нормам и правилам создает у человека ощущение собственной социальной полноценности. Регуляторами поведения для человека выступают моральное сознание, а также факторы окружающей среды.

Поведение интеллигенции в повседневной жизни, как показало исследование, регулируется, главным образом, совестью и разумом (50,1 % и 54,9 % соответственно). В меньшей степени интеллигенция руководствуется законом, традициями, привычкой. Такие ориентиры как расчет, советы авторитетов, страх наказания, притворство, желание казаться лучше не исключаются вовсе из арсенала социальных регуляторов поведения, однако являются малоприемлемыми для интеллигенции. Интеллигенция предпочитает выстраивать свое поведение соответственно своим представлениям о долге и совести, осознает свою ответственность за совершаемые действия.

Таким образом, в настоящее время в среде русской интеллигенции, как и у других социальных групп, происходит переосмысление ценностно-смысловых ориентиров. В структуре общественного сознания имеют место традиционные, инновационные, а также ценности советского периода.

Структура ценностных ориентаций определяет программу и направленность досуговой деятельности. Одной из тенденций духовной жизни современной интеллигенции является усиление роли досуга. По мнению проф. М.А. Ариарского. «досуг ныне превратился

---

[1] Бояк Т.Н. Русская сельская молодежь: трансформация духовно-нравственных ценностей (на материалах Республики Бурятия и Читинской области). - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – С. 202-203.

в столь же важную сферу формирования личности, какими традиционно выступали прежде учеба и труд. Досуг приобретает все большую субъективную ценность для людей, ибо обладает широкими возможностями для самореализации личности, для удовлетворения ее многообразных потребностей»[1].

К проблеме досуга обращались представители философского знания еще в античную эпоху. Так, Аристотель рассматривал досуг в качестве творческой деятельности, противопоставляемой им однообразному физическому труду. Государство, считал он, должно заботиться о нравственном воспитании граждан. Эта функция распространялась и на досуг, право на который имели лишь свободные граждане. Досуг предназначался для блаженства, счастья, как высшего блага и цели человеческой жизни. Иначе оценивали значимость труда по отношению к досугу философы Нового времени Т. Гоббс и Дж. Локк. Они считали, что только непрерывный труд способен привести к значимым результатам, тогда как отдых и досуг, лишь уводят человека от его истинного предназначения – познания природы. К. Маркс считал свободное время основной из ценностей идеального общества. Его сущность он понимал следующим образом: «свободное время, время которым можно располагать, есть само богатство: отчасти для потребления продуктов, отчасти для свободной деятельности, не определяемой подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью»[2]. Досуг, являясь структурным элементом свободного времени, по Марксу, выполняет восстановительные функции и подразумевает отдых, развлечение, семейное и дружеское общение.

Формирование целостных взглядов на культуру досуга связано с неклассической философией в рамках которой сложились деятельностная, цивилизационная, структурно-функциональная, экологическая концепции досуга[3].

Понятия «свободное время», «досуг», «отдых» в научной литературе трактуются достаточно противоречиво. Ряд отечественных исследователей и многие зарубежные употребляют эти понятия как

---

[1] Арнарский М.А. Культура досуга как предмет педагогики и прикладной культурологии / URL:http//www.dedovkgu narod.ru/bib ariarskij.htm

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46, ч. II. – М., 1969. – С. 265-266.

[3] Культура досуга в философском измерении / URL:http//www.zapiski.ru/?p=43

синонимы. Другие наоборот, считают эти понятия не только разными, но и относящимися к различным областям научного знания.

Свободное время – это часть общего бюджета времени, остающаяся у человека после выполнения им профессионально-трудовых, семейных, общественных обязанностей, бытовых забот, удовлетворения физиологических потребностей, которые он может использовать в соответствии со своими интересами и возможностями.

Отдых – психофизиологический процесс, отражающий снятие физического, психического, интеллектуального напряжения, восстановление и дальнейшее развитие сил.

Досуг – это форма деятельности в свободное время, обеспечивающая отдых, совмещенный с разносторонним физическим и духовным развитием личности[1].

В социологическом энциклопедическом словаре досуг трактуется как часть нерабочего времени, которая остается у человека после исполнения непреложных непроизводственных обязательств[2].

Досуг является не только составным компонентом, но и самой активной частью свободного времени. Он всегда связан с деятельностью, направленной на удовлетворение человеческих потребностей в культурном отдыхе, развлечениях, оздоровлении, самообразовании, межличностном общении. Свобода выбора человеком любых форм досуговых занятий в соответствии с собственными желаниями и интересами не освобождает досуг ни от социального влияния, ни от моральной ответственности перед социумом. «Широкие познавательно-развивающие возможности досуга, по словам Г.В. Головиной, заложены в осуществлении преемственности различных культур, реализации нравственно-эстетических норм культуры в разнообразных видах культурно-досуговой деятельности, формах общения и поведения»[3].

Деятельность в сфере культуры в советский период основывалась на принципах приобщения к духовным ценностям социализма. Инициаторами и активными участниками преобразований в духовной сфере были культурно-просветительные работники. В их обязанности входили не только дела обусловленные спецификой на-

---

[1] Ариарский М.А. – Там же.

[2] Социологический энциклопедический словарь / ред. Г.В. Осипов – М.: ИНФРА-М – 1998. – С. 77.

[3] Головина Г.В. Культура досуга как условие адекватного развития личности // Аналитика культурологии. Вып. 1(19), 2011.

звания, а также решение социальных проблем, таких как политическое, трудовое, нравственное, военно-патриотическое воспитание, санитарно-просветительная работа, пропаганда трудовых традиций, организация мероприятий по профориентации молодежи[1], а использование таких форм, как тематические вечера, диспуты, читательские конференции, устные журналы, вечера вопросов и ответов, чествование передовиков производства, просмотр светозвуковых газет, выезды агитационно-художественных и культурно-бытовых бригад, дни культуры на фермах, вечера новых советских праздников обогащали мировоззренческий, гражданский, нравственный и творческий потенциал людей.

Плановая организация экономики и культурно-просветительной работы позволили ликвидировать неграмотность и малограмотность населения, вовлечь миллионы людей в добровольное и доступное общественно-культурное творчество, реализовать принцип социальной справедливости в культурно-просветительской и досуговой деятельности, укрепить материально-техническую базу существующих и создать новые учреждения культуры.

Вместе с тем очевидны и недостатки, которые выразились не только в нехватке клубов и библиотек, нерациональном их размещении, несоответствии предлагаемых услуг культурным запросам населения, но, прежде всего, в чрезмерной идеологизации литературы и искусства, всей культурной жизни страны. Критично оценивая ситуацию в этой сфере, Ф.Х. Попова пишет: «… в этот период несоразмерно развивалась сеть революционных музеев, гипертрофированными тиражами выпускались коммунистические пропагандистские издания, труды великих партийных деятелей, рассчитанные на широкий круг читателей. Подвергалась жесткой цензуре мемуарная литература. … Будучи традиционной в досуговой сфере, религиозная деятельность из широкомасштабной превратилась в ограниченную, …из социально поощряемой стала социально гонимой»[2].

Проблемы культурно-досуговой деятельности наиболее остро встали в период социально-экономического кризиса в России, когда у значительной части населения явственно проявилась неразвитость

---

[1] Ричинова Ю.С. Работники учреждений культуры: особенности образа жизни в условиях трансформации российского общества (на материалах Республики Бурятия): дис. … канд. социол. наук. – Улан-Удэ. – 2011. – С. 98-99.

[2] Попова Ф.Х. Культурно-досуговая деятельность в контексте культурологического исследования: дис. ... канд. культурологи. – Челябинск, 2004. – С. 73.

духовно-эстетических интересов, потеря идеалов, элементы потребительского отношения к жизни, национализма. В информационном обществе возрастает роль технологической культуры, которая, будучи по природе утилитарной и рациональной, все больше теснит духовную культуру. «Технократические тенденции проникают во все сферы человеческой деятельности. Обилие информации и удобства ее электронных носителей влекут за собою изменения, затрагивающие систему образования, изобразительное искусство и архитектуру, театр и музыку, функционирование библиотек и музеев, роль книги в культуре. Современный человек меньше читает художественную литературу, реже посещает театр, музей»[1].

Трансформация традиционной культуры общества, всех его социальных групп и слоев актуализирует проблему досуга, который в немалой степени зависит от социокультурной ситуации в конкретном регионе, степени приобщения человека к определенному культурному сообществу, от духовных потенций самой личности.

Досуговая деятельность интеллигенции национальных районов Сибири определяется этими и другими факторами, в том числе личностного характера: профессией, уровнем образования, местом проживания, возрастом, объемом свободного времени, количеством денежных средств, интересами, привычками, индивидуальными особенностями.

Наше исследование выявило, что большинство представителей русской интеллигенции предпочитает проводить свободное время в кругу семьи (64,4 %) и друзей (23,2 %). Любимый вид досуга у 37,4 % опрошенных – отдых на природе. Сопоставимые позиции в предпочтениях интеллигентов занимают чтение художественной литературы, пребывание на даче (отдых в большинстве случаев совмещается с возделыванием участка), просмотр телепередач. Значительно меньшее место в досуге отводится занятиям спортом, посещению театра, выставок, кино.

В последние годы исследователи в области образа и стиля жизни, семейного уклада обращают внимание на перераспределение функций социальных институтов, учреждений культуры и семьи. Эмпирические исследования досуга интеллигенции подтверждают

---

[1] Осинский И.И., Добрынина М.И. Интеллигенция и некоторые проблемы взаимодействия культур / Интеллигенция и взаимодействие культур: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. Т.1. – М.; – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – С. 39.

усиление тенденции одомашнивания досуговой деятельности. Этому способствует стесненность материального положения работников, высокая интенсивность труда, неразвитость инфраструктуры досуга, особенно в сельской местности, доминирование пассивных, потребительских форм над целевыми, активными.

Видное место в структуре досуга занимает чтение художественной литературы. И хотя, как свидетельствуют данные исследования, читают более 80 % интеллигентов, не во всех группах ситуация с чтением одинаково оптимистична. Интерес к чтению обнаруживают в большей степени городские жители, с высшим и послевузовским образованием, в возрасте старше 30 лет, работники науки, образования, литературы и искусства, госслужащие. Большинство отдает предпочтение русской классике и современной литературе, меньше интересуется советской и зарубежной литературой. Читают в основном произведения исторического жанра, классику, детективы, на втором плане – публицистика, фантастика, приключения, поэзия. Каждый десятый респондент сообщил о том, что читает все подряд. Вместе с тем, не может не вызывать тревогу тот факт, что более **17 % интеллигенции вообще не читает книг.**

Наличие домашней библиотеки всегда считалось признаком образованности, просвещенности ее владельца. По данным ВЦИОМ с каждым годом растет количество обладателей минимальных библиотек. Если в 1990 г. их было 28 %, то в 2011 г. – 49 %. Вообще не держат дома книги 18 % жителей страны[1]. По данным Ю.С. Ринчиновой, объектом исследования которой являлись работники учреждений культуры (одна из профессиональных групп интеллигенции) Бурятии, домашние библиотеки, в которых насчитывается не более 100 книг имеют 38,3 % респондентов. В домах 38,9 % опрошенных фонды составляют 100–500 книг, от 500 до 1000 томов имеется у 7,1 %. Еще меньше (4,3 %) – имеют свыше 1000 томов. Нет книг в квартирах у 11,4 % респондентов[2].

Конкуренцию чтению составляет просмотр телепередач, как наиболее доступный и не затратный вид досуга. Телевидение воспринимается интеллигенцией в большей мере как источник познавательной информации, чем развлечение. Интерес представляют

---

[1] Результаты исследований домашних библиотек россиян. 28 июня 2011 г. // Научная периодика: проблемы и решения // URL:http//www.nppir.ru.2011/.../rezultaty-issledovanij-domashnix-bibliotek-rossiyan

[2] Ринчинова Ю.С. Указ. соч. – С. 143-144.

социальные проблемы, экономика, политика, образование. Из телевизионных программ половина опрошенных предпочитает информационные, научно-познавательные, исторические передачи, отечественные художественные фильмы.

С распространением персональных компьютеров, имеющих выход в интернет, увеличивается число пользователей среди специалистов. Регулярно пользуются компьютером 64,4 % респондентов, причем значительная часть (38,2 %) проводит за ПК более 3-х часов ежедневно. Многие научные работники, преподаватели, работники культуры, литераторы, используют компьютер дома для выполнения своих профессиональных функций.

«Внедомашний» досуг интеллигенции чаще всего ограничивается общением с природой, прогулками, занятиями спортом, охотой, рыбалкой, сбором ягод и грибов. Учреждения культуры посещаются мало. Например, лишь 13,5 % русской интеллигенции отметили, что часто посещают театры и выставки, 56,0 % – изредка, 28,6 % не приходится там бывать. Новомодные формы досуга, получившие распространение в среде обеспеченных граждан, такие как посещение фитнес-центров, ночных клубов, эстрадных концертов, международный туризм, шопинг недоступны для широких слоев интеллигенции, а в ряде случаев не удовлетворяют вкусам и стандартам поведения данной группы, отличающимся определенным консерватизмом в досуговой сфере.

В целом же качество собственного досуга устраивает 70,9 % представителей интеллигенции.

Приоритет духовности над внешними формами человеческого бытия всегда являлся отличительной чертой русской нации, ее характера и мировоззрения. Духовность формируется под воздействием социальных установок, на которые оказывают влияние различные факторы, в том числе, религиозный.

Религиозный фактор – термин, определяющий влияние религии как социального института, на иные, нерелигиозные стороны общественной жизни. Религия выступала и выступает важнейшим звеном социокультурных связей, которые не только формируют мировоззренческую основу, но и способствуют возникновению социальных отношений, определяющих, в конечном счете, стабильность общества. Не случайно, в переломный для страны период представители различных религиозных конфессий обращаются к истокам российского менталитета.

Основу духовной жизни русского народа, его интеллигенции, издавна составляло православие. Русскую православную традицию отличают высокоэтическая направленность, патриотизм, приоритет духовного над материальным, миролюбие. В Бурятии и Туве широкое распространение среди коренного населения получил буддизм.

Православная культура и традиция начала складываться в Сибири в XVII в. Этнокультурные особенности сибирского региона определили своеобразие христианского мировоззрения народов населяющих обширную территорию от Восточных Саян до якутского Севера. Деятельность православных священников не ограничивалась совершением служб и треб, преподавалась русская грамматика, чтение, писание, создавались школы, монастыри и монастырские храмы. Монастырское духовенство и священнослужители являлись непосредственными носителями и распространителями христианской культуры, мировоззренческих основ христианства.

Если в других регионах России православная миссионерская деятельность встречала непонимание и нередко веками сложившиеся православные церковные нормы трансформировались в элементы языческого мировосприятия, в сознание Якутии православие входило бесконфликтно, постепенно меняя мировоззрение и образ жизни. Подтверждением этому могут служить слова первого архиерея Якутской епархии архиепископа Германа (Моралина) который писал: «Я думаю, совершенно неверно оценивать Православие как часть колониальной политики царизма. Важно понять, что христианское просвещение было естественным желанием православного царя, деятелей Церкви, многих (конечно, отнюдь не всех) чиновников, промышленников, купцов, всей душой верующих в Бога, - желанием, чтобы народы, которые входили в государство Российское, не пропали во тьме идолопоклонства, чтобы они приобщились к христианской вере… Освоение якутских земель и духовное просвещение народов, их населяющих, шло нераздельно. Это были как бы две параллели»[1].

В Забайкалье процесс развития и закрепления русской православной культуры был тесно связан с экономическими и политическими интересами на восточных окраинах империи. Отмечая особенности церковной жизни Забайкалья, Г.С. Митыпова, выделяет

---

[1]Якутия Православная/
URL:http://eparhia.ya1.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=64&Itemid=63

близость Китая и Монголии, экономические и торговые связи с которыми вызвали рост купечества, которое на собственные средства возводило каменные здания православных храмов; богатство книгохранилищ в монастырях, пополнявшихся сотрудниками дипломатических посольств приграничных государств; близость Иркутской епархии, крупнейшего религиозного центра в Сибири. Это позволило вырастить в регионе целую плеяду высокообразованного духовенства, сформированного в русле традиций духовной культуры и адаптировавшегося к системе бурятских ценностных ориентаций[1].

20–30-е гг. XX в. явились наиболее сложными в деятельности православного духовенства, когда в русле общероссийской государственной политики в отношении религии, шел процесс ликвидации православной церкви. Если в 1917 г. в России насчитывалось 77 тыс. православных храмов, в 1926 г. – 27 тыс., то в 1938 г. осталось несколько сотен[2]. Церкви, молитвенные дома, многие из которых имели культурную ценность, превращались в библиотеки, конюшни, амбары, а то и вовсе разрушались, священнослужители, чаще всего обвинялись в антисоветской контрреволюционной деятельности, подвергались арестам и репрессиям. Так, по данным материалов Республиканской Книги памяти жертв политических репрессий были репрессированы 101 священнослужитель православной церкви и 1701 представитель буддийской конфессии.

Возрождение православия было обусловлено началом Великой Отечественной войны, когда принципиально изменилось отношение государства к религиям. Духовный потенциал православия, приоритетными идеалами которого выступили патриотизм, милосердие, сострадание использовались для преодоления военных трудностей и лишений. Именно в этот период началось восстановление храмов, создание церковных приходов и открытие церквей. К началу 2006 г. на территории Бурятии было зарегистрировано 87 действующих православных объектов, в том числе 62 православных прихода, 2 монастыря[3], в 2011 г. функционировало 57 буддийских религиозных организаций[4].

---

[1] Митыпова Г.С. История становления и развития православной традиции в Бурятии XVII-XXI вв.: дис. … д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2006. – С. 310-311.

[2] Государственно-церковные отношения в России. – М., 1996. – С. 240.

[3] Текущий архив Бурятского Благочиния Читинской и Забайкальской епархии. 2006.

[4] Религиозные организации Бурятии: словарь-справочник / С.В. Васильева.

Процесс восстановления храмов несет в себе глубокий духовный смысл. Его можно рассматривать как трансляцию ценностей православной культуры, которая включает в себя восстановление традиций, жизненного уклада, духовного образа мышления.

Произошли изменения в мировоззренческих ориентациях населения национально-государственных образований Сибири, их интеллигенции. В процессе социологических исследований, проведенных в Бурятии, Туве и Якутии было выявлено отношение интеллигенции к религии. Ниже приводим итоги этих исследований.

Таблица 32

Результаты ответа на вопрос «Как Вы относитесь к религии?», %

Варианты ответов	Бурятия 1995 г.		Тыва 2004 г.		Якутия 2005 г.		Бурятия 2011 г.	
	рус	бур	рус	тув	рус.	якут.	рус	бур.
Считаю себя глубоко верующим человеком	1.5	3,6	2,3	4,8	4,8	2,7	2.9	5,6
Отношу себя к верующим	27,9	35,4	47,4	40,0	41,6	18.0	47,6	56,0
Не могу назвать себя верующим, но хочу приобщиться к вере	25,5	27,9	9,7	28,8	16,6	19,3	14,1	14,6
Не могу дать определенный ответ, так как вопрос о вере для меня не решен	29.6	24,0	26,0	15,2	23,6	32,5	19,7	11,4
Считаю себя неверующим человеком	11.7	9,8	9,3	7,2	11,8	22,0	7,2	5,1
Считаю себя атеистом, убежденным противником религиозной веры	1.7	1,3	2.3	0,8	1,4	2,5	1,4	0,7

Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та. – 2011. – С. 234.

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы: во-первых, по мере трансформации российского общества происходили заметные изменения в религиозно-мировоззренческой ориентации интеллигенции – увеличилась доля верующих. Это особенно проявилось на материалах исследования Бурятии. Доля верующих русских с 1995 по 2011 г. увеличилась в 1,7 раза, бурят – в 1,6 раза. Одновременно уменьшилось число тех (как среди русских, так и среди бурят), кто считает себя неверующим или атеистом. Рост доли верующих, объясняется, на наш взгляд, возможностью реализации принципа свободы совести, ростом атмосферы неопределенности, страха перед будущим, а также активизацией деятельности представителей различных конфессий. Во-вторых, велика доля представителей интеллигенции, которые еще не определились, что вполне естественно: после долгих лет идеологического давления, вытеснения религии, не могло произойти быстрой и кардинальной ломки мировоззренческих устоев. В-третьих, заметны расхождения в отношении к религиозному мировоззрению интеллигенции различных этносов. Считают себя верующими 44,8 % респондентов-тувинцев и только 20,7 % респондентов-якутов. Что касается опрошенных представителей бурятской интеллигенции, то в 1995 г. их доля равнялась 39,0 %, а в 2011 г. – 61,6 %. Существуют заметные расхождения в степени приверженности к религиозным ценностям представителей различных профессиональных групп. Более высокие показатели религиозности продемонстрировали (в Бурятии, 2011 г.) медицинские работники (62,5 %), работники образования (58,8 %), финансовой сферы (57,3 %), руководители, работники административно-управленческого и юридического аппарата (56,3 %). Менее выраженную приверженность к рассматриваемым мировоззренческим установкам показали инженерно-технические работники (46,0 %), преподаватели вузов (47,2 %), работники торговли и общественного питания, заготовок и сбыта (47,8 %), деятели литературы и искусства, научные работники (50,0 %), культпросветработники (51,7 %).

Интеллигенция считает, что религия выполняет ряд полезных функций. Согласно исследованию М.С. Алексеевой, она (религия), по мнению респондентов, во-первых, способствует сохранению национальных традиций, культуры, самосознания (43,0 %), во-вторых, в церкви человек находит для себя психоло-

гическое утешение, поддержку в трудную минуту (39,0 %). Для 15,1 % респондентов религия выступает в качестве духовного авторитета, опоры при решении важных жизненных проблем[1]. Интеллигенция высказывает целый ряд оценочных суждений относительно деятельности церкви. В частности, церкви, как считают опрошенные интеллигенты, следовало бы активнее высказывать свое мнение по таким проблемам, как преступность, коррупция, пьянство, наркомания. Наименее значима, по оценке опрошенных, ее роль в социальных преобразованиях. Некоторые явления, составившие современную религиозную ситуацию – политическая вовлеченность определенных религиозных организаций (например, в армию), стремление взять под свою духовную опеку школы, вузы, другие учреждения, демонстрация религиозности высшими должностными лицами, экспансия различных сект, уличные проповеди и некоторые другие – вызывают озабоченность в обществе, преобладание отрицательных характеристик в оценке.

В наше время многие положения современной социальной концепции православия приобретают весьма злободневное звучание и могли бы служить не только нравственным ориентиром для русского народа, но и способствовать сохранению российской цивилизации. Среди них:

- патриотизм, основанный на гражданственности и духовности. Предполагает сохранение и развитие национальной культуры, национального самосознания. Вместе с тем национальные чувства не должны становиться причиной национализма, ксенофобии, межэтнических конфликтов;

- поддержание межконфессионального диалога для снижения напряженности в полиэтническом обществе, основанного на межконфессиональном сотрудничестве и толерантности;

- противодействие военному насилию, миротворческая деятельность;

- милосердие и благотворительность как существенное нравственное требование, как условие человеческого общежития;

- возрождение духовной культуры на основе нравственных принципов христианской этики.

---

[1] Алексеева М.С. Современная российская интеллигенция: мировоззренческие позиции в отношении религии (на материалах Республики Бурятия): автореф. дис. … канд. социол. наук. – Улан-Удэ, 2000. – С. 16-17.

Религиозная культура является составной частью общей культуры. В условиях поликонфессионального, полиэтнического сибирского региона вместе с русской культурой сосуществуют национальные культуры, которые сочетают в себе потенциал православия, буддизма, шаманизма.

Российская цивилизация исторически объединила и интегрировала в своей структуре национальные культурные традиции народов страны. Долг русской интеллигенции состоит в формировании у людей, независимо от их национальности чувства толерантности и уважения к другим народам, их культуре, традициям.

Подводя итог анализу социального статуса русской интеллигенции национальных республик Сибири в основных сферах жизни, следует отметить, что в процессе трансформации российского общества произошли кардинальные изменения в ее статусных позициях, структуре, ценностных ориентациях.

Современная русская интеллигенция характеризуется высокой степенью дифференциации по профессиональной деятельности, уровню квалификации, степени занятости, доходу, жилищно-бытовым условиям и др.

Уменьшилась доля занятых в материальной сфере, и, наоборот возросла численность и роль специалистов в сфере торговли, бытового обслуживания, финансово-кредитной, информационно-вычислительной деятельности. Произошло снижение социального статуса отраслевых групп интеллигенции, занятых в науке, образовании, культуре, здравоохранении. Усилилась тенденция уменьшения численности сельской интеллигенции, активизировались миграционные процессы.

Вместе с тем, анализ изменений в оплате труда показал некоторое улучшение материального положения интеллигенции по сравнению начальным периодом реформ, однако существенные различия в оплате по отраслям и формам собственности предприятий сохраняются.

Интеллигенция не утратила приверженности своей профессии, деятельность большинства ее представителей соответствует специальности.

Русская интеллигенция включена во все формы политической деятельности республик Сибири. Вместе с тем, представительство русских в законодательной, исполнительной, судебной ветвях

власти существенно уменьшилось, возросла доля представителей титульных наций. Преобладающую часть русской интеллигенции характеризует невысокая политическая активность, разочарование в политике.

Социальный статус во многом определяется состоянием духовной культуры общества. Изменения в области идеологии вызвали ослабление, а в ряде случаев видоизменение форм существования культуры, нравственности. Актуализировались ценности прагматического характера, возросла роль религии. Однако в сознании большинства представителей русской интеллигенции доминируют традиционные ценности (семья, уважение людей, получение знаний, образования, любовь к родине и др.).

Высокий образовательный, профессиональный потенциал русской интеллигенции оказал огромное влияние на развитие духовной жизни сибирского региона. В свою очередь национальная интеллигенция сыграла значительную роль в развитии русской культуры своих республик.

ГЛАВА IV | СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

1. Основные параметры социального настроения

Важным показателем, характеризующим положение русской интеллигенции в обществе, является ее социальное настроение.

Понятие «социальное настроение» в научной литературе стало употребляться с 60-х гг. XX в. До этого времени чаще использовалось другое, близкое к нему, понятие – «общественное настроение», которое трактовалось А.В. Петровским и М.Г. Ярошенко как преобладающее состояние сознания тех или иных социальных групп в определенный период времени. При этом авторами отмечалось, что общественное настроение проявляется во всех сферах жизнедеятельности: на производстве, в быту, в политической жизни, в процессе учебы, в мирное и военное время[1]. Что же касается термина «настроение», то он впервые был упомянут в первой половине XIX в. В XIX и начале XX вв. были предприняты попытки определить сущность, природу, структуру настроения, понять значение индивидуального и группового настроения, что нашло свое отражение в трудах И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева, П.П. Викторова, В.Н. Осипова, Л.И. Петражицкого и др. В годы советской власти активно разрабатывалась проблема настроения психологами С.Л. Рубинштейном, Д.Н. Узнадзе, Б.Д. Парыгиным, Б.Ф. Поршневым. В 1966 г. появилась монография Б.Ф. Поршнева «Общественное настроение», в которой специально раскрываются проблемы социального настроения. В 1980 -1990-е гг. наряду с психологами различные стороны настроения исследуются философами, социологами. Выясняется содержание понятий «индивидуальное настроение», «групповое настроение», «массовое настроение». В 1979 г. Б.Ф. Поршнев в книге «Социальная психология и история» дает определение социального настроения. «Социальное настроение, – пишет он, – это эмоциональное состояние, связанное с осуществлением или неосуществленностью, с разными фазами осуществления тех или иных

---

[1] Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. – М., 1990. – С. 231.

надежд и чаяний, помыслов и замыслов. Как правило, социальное настроение – это эмоциональное отношение к тем, кто стоит на пути, кто мешает, или, напротив, кто помогает воплощению желаемого в жизнь»[1].

На социальный характер настроения обращает внимание Б.Д. Парыгин. Всякое настроение, по его мнению, социально, если рассматривать это понятие в широком смысле как отражение сугубо личного настроения через призму переживания отдельного индивида его отношений с окружающей социальной средой. Настроение личности, индивидуально, поскольку является эмоциональным состоянием конкретной личности, выражает отношение к условиям ее индивидуального бытия и проявляется в характерной только для нее форме. Вместе с тем, настроение личности и социально, «поскольку может быть индивидуальной формой проявления настроения того или иного класса, слоя общества или даже целой нации», и «выражает отношение ко всей системе не зависимых от отдельного человека общественных, экономических, политических и идеологических отношений»[2].

В 1996 г. вышла монография Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко «Социальное настроение», в которой обстоятельно анализируется природа социального настроения, выясняются способы его воздействия на политику и экономику, дается типология феномена, его основные характеристики. В этой книге социальное настроение определяется как «целостная форма жизнеощущения, доминантная форма реально функционирующего общественного сознания и поведения, отражающая уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами социальных установок, социальных целей и интересов, формирующихся под воздействием реальных экономических, политических и духовных процессов и в потенции реализуемых (или нереализуемых) в процессе практической деятельности»[3]. Здесь же авторами отмечается, что социальное настроение, будучи зависимым от психофизиологических элементов (состояния здоровья), складывается из непосредственного восприятия мира (чувств, эмоций), мировоз-

---

[1] Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. – М., 1979. – С. 117.

[2] Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. – СПб.: ИГУП, 1999. – С.452-453.

[3] Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. – М., 1996. – С. 21.

зренческих компонентов (умонастроения, убеждений), личностных оценок опыта, социальных целей и интересов, а также духовных запросов и устремлений, что проявляется в социальных ожиданиях и социальной позиции его субъектов.

Понятие «социальное настроение» тесно связано с упоминавшимся ранее понятием «общественное настроение». Оба эти понятия являются достаточно широкими по своему содержанию, сложными по структуре. Оба они выражают отношение людей, социальных групп к экономическому, социальному, политическому, духовному состоянию общества и формируются под воздействием одних и тех же факторов. В то же время понятие «социальное настроение» более узкое по сравнению с понятием «общественное настроение». Общественное настроение способно охватывать все общество, выступать движущей силой всего общественного развития.

Социальное настроение – это по преимуществу отражение главенствующих идей общественного сознания и социальной практики людей, социальных групп. При этом социальное настроение у различных классов, слоев может существенно различаться. Социальное настроение всегда имеет социальное содержание, а также своих конкретных носителей. Еще Б.Ф. Поршнев, давая определение социального настроения, выделил в нем субъекты и объекты, как важнейшие компоненты настроения. Говоря об отличии социального настроения от общественного, нельзя не отметить того, что социальное настроение может зависеть не только от неразрешенных крупных вопросов, или всей массы существующих общественных проблем, но и от каких-то частных, конкретных проявлений этих проблем. Общественное же настроение формируется, изменяется под воздействием общезначимых, крупных проблем, затрагивающих важнейшие стороны жизнедеятельности социума. Социальное настроение формируется в процессе освоения действительности и способно аккумулировать влияние и воздействие внешнего и внутреннего мира человека. Благодаря этому социальное настроение концентрирует определяющие элементы сознания и поведения человека, придает им характер злободневности, становясь основой личной и общественной жизни. В силу этого социальное настроение выступает сложным по своему характеру и структуре образованием. По признаку субъективности оно делится на индивидуальное, групповое и массовое; по предметной направленности – на экономическое, политическое, религиозное, эстетическое и т.д.; по характеру

и уровню эмоциональной напряженности – на апатию, депрессию, подъем, энтузиазм. Наряду с широкомасштабными проявлениями социального настроения, такими как массовые настроения, настроения общественных классов, социальных слоев и групп, народов, социальное настроение может носить и локальный характер, проявляясь в жизнедеятельности, скажем, трудового коллектива. Оно имеет также свою структуру, представляющую совокупность связей между ее элементами.

По признаку субъектности социальное настроение дифференцируется как индивидуальное, групповое и массовое. Субъектами (носителями) социального настроения являются индивид, социальная группа и общество. Кроме того, в таком же качестве выступают государство, политические партии, общественные организации, производственные коллективы, другие участники исторического процесса. Но поскольку нас интересует социальное настроение одной из социальных групп, а именно русской интеллигенции, то естественно, мы сосредоточим свое внимание на указанном субъекте, его социальном настроении. При этом важно подчеркнуть, что все виды социального настроения тесно взаимосвязаны, оказывают непосредственное влияние друг на друга. Групповое настроение образуется из настроений отдельных людей, массовое настроение воздействует на настроение социальных групп и индивидов и способно захватить, подчинить себе самые различные социальные элементы. Вместе с тем, необходимо отметить, что групповое социальное настроение занимает как бы «среднее» положение: оно в отличие от массового настроения охватывает своим влиянием лишь часть общества, представителей определенной социальной группы. Складываясь из настроений отдельных людей, групповое настроение не представляет собой механической суммы индивидуальных настроений, а также не означает, что его воздействием охвачены все члены той или иной социальной группы. У каждого из индивидов свое восприятие действительности, свои интересы, свои мотивы деятельности, а потому настроение у них может отличаться от доминирующего группового настроения. И все же групповое социальное настроение – это доминирующее настроение определенной социальной общности, у членов которой имеются общие признаки: социальное положение, потребности, интересы. Вполне естественно, что у них могут быть общие или близкие убеждения, стремления, мотивы и готовность к согласованным действиям. Групповое соци-

альное настроение, как правило, достаточно влиятельное явление. Согласно законам синергетики сила воздействия социального настроения отдельных индивидов многократно возрастает в условиях его групповой интеграции. Чем более многочисленная группа, тем больше ее влияние на ход общественных процессов. Групповое настроение отличается своей динамичностью, подвижностью. По словам Б.Д. Парыгина, оно может возникать и распространяться не только в результате организованного воздействия или целенаправленной деятельности, как того требует процесс формирования идеологии, но и самопроизвольно, стихийно, поскольку более непосредственно реагирует на изменения социальной среды[1].

Содержание социального настроения, сила его воздействия на социум зависит и от ряда других факторов, в числе которых важную роль играет этнический фактор и характер самой социальной группы. Они детерминируют наличие особенностей социального настроения у каждой из этих групп.

Специфика социального настроения русской интеллигенции, как социальной группы, определяется ее национальными чертами (о них шла речь в первой главе), а также характером интеллигенции, как наиболее интеллектуально развитой социальной группы, функционально занятой сложным умственным трудом.

Интеллигенция в массе своей является более чуствительной частью социума. Это объясняется наличием у нее обширных знаний и определенного уровня воспитанности. Ведь в процессе приобретения знания формируются соответствующие взгляды, убеждения, отношения, качества личности. Не случайно, русский писатель А.Н. Радищев, названный Н.А. Бердяевым родоначальником русской интеллигенции, в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» написал: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человеческими уязвлена стала». К тому же надо иметь в виду, что сам процесс творчества, особенно у художественной интеллигенции, связан с глубокими и острыми эмоциональными переживаниями, решением сложных нравственно-этических коллизий, что не может не влиять на ее социальное самочувствие.

Особенностью социального настроения интеллигенции является ее ярко выраженная внутригрупповая дифференциация. Несмотря на наличие у интеллигенции доминирующего настроения, то есть

---

[1] Парыгин Б.Д. Указ. соч. – С. 534.

определенной целостной формы жизнеощущения, доминирующей формы общественного сознания и поведения, присущих основной массе представителей данной социальной группы, социальное настроение в ее среде может характеризоваться крайней неоднородностью, противоречивостью и неустойчивостью. Переход к рыночным отношениям, образование различных форм собственности и изменение социальной структуры российского общества повлекли за собой разделение интеллигенции на ряд групп, у каждой из которых имеются свои потребности, интересы, ориентации, а следовательно, социальное настроение. Ныне настолько раздробленным стало сознание лиц, занятых интеллектуальным трудом, что некоторые авторы приходят к выводу об исчезновении в России интеллигенции, как социальной общности вообще. Так, Ж.Т. Тощенко пишет, что «произошли события, которые поставили под сомнение существование такого феномена как российская интеллигенция. И в этом нет никаких преувеличений. Произошла огромная дифференциация, фрагментация и парадоксализация сознания и поведения людей, которые были становым хребтом советской, а затем и российской интеллигенции. Как никогда прежде стало очевидным, что говорить об интеллигенции как о какой-то социальной общности невозможно и даже абсурдно. Практически нет ни одного общего компонента (кроме одного формального – наличия высшего образования), который был бы присущ, если не всем интеллигентам, то большинству»[1]. Прав Ж.Т. Тощенко, говоря об огромной дифференциации сознания и поведения интеллигенции в постсоветское время. В то же время необходимо отметить, что социальное настроение большинства представителей массовых профессий (инженеров, учителей, научных работников, агрономов и др.) характеризуется известной общностью основных своих черт. Его отличает низкий уровень жизни, отсутствие уверенности в благоприятной трудовой и жизненной перспективе. Социальный статус этой части интеллигенции мало чем отличается от социального положения основной массы населения. Иное социальное положение и настроение у той части интеллигенции, которая внедрилась в элитный слой, она приняла активное участие в кардинальной ломке советского образа жизни, экономического и политического строя. В ее рядах преобладали

---

[1] Тощенко Ж.Т. Гуманитарная интеллигенция: начало конца? // Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: тезисы всерос. теор.-методол. конф. – М., 2000. – С. 8.

экономисты, историки, юристы, политологи и представители ряда других профессий. Исключительно разрушительную роль, как утверждает Ж.Т. Тощенко, играла и играет верхушка интеллигенции, главным образом творческой и научной. Оставаясь незначительной по своему удельному весу (составляет всего 10 % от численности всей интеллигенции), она служит сегодня главной ударной силой новой буржуазии. Обладая монополией на электронные средства массовой информации, эта «элита» наркотизирует не только свое ближайшее окружение, но и весь народ. Эта часть интеллигенции является разрушителем веками сложившихся ценностей. В ее среде есть немало людей, которые откровенно относятся к народу как к быдлу, пропагандируют индивидуализм, культ денег, цинизм, занимаются развращением, оглуплением народа. В ее рядах не так уж редки высказывания в духе ненависти к инакомыслию, призывы к уничтожению по-другому мыслящих[1]. В этой группе интеллигенции с необычайной быстротой менялись убеждения, предпочтения, иногда по несколько раз.

Часть интеллигенции проявляла колебания или занимала нейтральную позицию. По мере развертывания реформирования общества, обнищания народа быть нейтральным становилось все труднее и «нейтралы» в большинстве своем занимали места в рядах оппозиции к власти.

Обращает на себя внимание и такая особенность социального настроения интеллигенции, как ее весьма существенное влияние на настроение других социальных групп и общества в целом. Известно, что интеллигенция является главным субъектом духовного производства. Она производит и распространяет духовные ценности. Создание же этих ценностей осуществляется ее конкретными представителями, писателями, композиторами, художниками, журналистами, учеными и т.д., которым присуще определенное социальное настроение, включающее в себя соответствующие установки, ценности, жизненные ориентации, волю, мировоззрение, убеждения, эмоции и т.д. Все эти элементы социального настроения в той или иной мере находят свое отражение в создаваемых интеллигенцией произведениях, в других видах и формах интеллектуальной деятельности, которые становятся достоянием других социальных групп.

---

[1] Там же. – С.7.

Особенно сильное воздействие на социальное настроение общества, его различных групп и отдельных граждан оказывает группа интеллигенции, занятая в средствах массовой информации (именуемых на западе «масс-медиа» или просто «медиа»): радио, телевидение, печатные издания и др. Медиа – это могущественный инструмент формирования сознания, чувств и вкусов огромных масс людей и инструмент воздействия на них в желаемом для кого-то духе. Характеризуя влияние медиа в западном мире, А.А. Зиновьев подчеркивает, что «она контролирует и направляет всю интеллектуальную и творческую деятельность общества, создавая паблисити творцам произведений культуры, давая им оценку, отбирая их, показывая их. Медиа присвоила себе функцию публичного судьи того, что производит культура, предопределяя само это производство с точки зрения тематики, идейной ориентации и эстетических вкусов. Она определяет то, какой круг людей выпускать на арену культуры, какие произведения, какие идеи, какие люди»[1]. Подобное влияние на общество, на формирование социального настроения у его граждан оказывают средства массовой информации в России.

Выделенные особенности социального настроения интеллигенции выражают общую характеристику жизнеощущения данной социальной группы. Они позволяют увидеть специфику настроения интеллигенции, его отличие от настроения других социальных групп общества.

Основные характеристики социального настроения интеллигенции формируются под воздействием социально-экономических, политических, культурных процессов происходящих в обществе. Экономические факторы непосредственным образом влияют на формирование настроения, поскольку экономика является определяющим базисом для решения всех социальных задач. Социально-экономические изменения общества как целостной системы, воздействуют на возможности удовлетворения жизненно необходимых потребностей и влияют, таким образом, на социальное настроение.

Анализ социального настроения интеллигенции показывает, что оно определяется не только ее собственным положением в социуме, но и сложившейся ситуацией в обществе в целом, в том числе в его социальной сфере. Область социального (понятие «социальное»

---

[1] Зиновьев Александр. Глобальное сверхобщество и Россия. – Мн.: – М., 2000. – С. 57-58.

употребляется нами как часть общественного и ставится в один ряд с понятиями «экономическое», «политическое», «духовное») охватывает социальное положение, место человека в обществе, условия и образ жизни, формирование и реализацию его жизненных потребностей и способностей, социального самочувствия. Как характеризуется социальное настроение русской интеллигенции и интеллигенции других национальностей Сибири в годы трансформации российского общества и какие факторы оказывают влияние на его изменение? Об этом дают представление материалы таблицы 33.

Таблица 33

Результаты ответов на вопрос «Что больше всего тревожит в современном обществе?», %

Варианты ответов	Бурятия, 1995		Тыва, 2004		Якутия, 2005		Бурятия, 2011	
	рус.	бур.	рус.	тув.	рус.	якут.	рус.	бур
Неуважение к истории страны, народа	41,3	33,6	52,0	31,2	25,7	28,4	28,7	31,8
Коррупция государственных чиновников	54,9	56,6	60,5	48,0	50,7	46,5	54,1	60,1
Бедность и нищета	60,4	59,9	67,5	57,6	50,7	48,5	45,4	47,9
Рост преступности	64,3	62,5	45,6	63,2	52,7	62,8	43,9	46,3
Ослабление обороноспособности страны	31,1	24,3	45,1	12.8	18,0	8,3	15,2	12,9
Развал народного хозяйства	55,3	50,9	49,7	41.6	29.8	25,4	33,6	37,9
Потеря нравственных ориентиров в обществе	41.5	55,0	31,	30,4	38,2	37,5	43,4	47,7
Угроза утраты самобытности национальной культуры	18,7	24,5	24,6	17,6	8,3	16,8	6,4	24,1
Утрата стату-	31,8	22,0	28,4	12,0	25,7	12,1	17,0	11,7

са великой мировой державы								
Перспектива стать сырьевым придатком ведущих мировых держав	35,7	30,2	29,3	13,6	18,0	19,0	13,7	18,3
Стремление государства отнять у народа льготы	6,8	4,1	11,6	20,0	22,9	26,4	16,5	18,3

Из таблицы видно, что как для представителей русской интеллигенции, так и представителей интеллигенции титульных наций, в рассматриваемый период были особенно тревожными проблемы роста преступности, бедность, нищета и коррупция государственных чиновников. В начале 190-х гг. в национальных районах Сибири, как в стране в целом, активизировалась преступность, ежегодно увеличивалось количество проявлений делинквентности. Например, в Бурятии в 1990 г. было совершено 17 567 зарегистрированных преступлений, в 1992 г. – 25 176, а в 2001 г. этот показатель вырос до 31 880 преступлений. В 1990-е гг. в республике увеличилось более чем в 2 раза число убийств, почти в 2 раза число краж, в 3,3 раза количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в 3,5 раза возросло число грабежей[1]. Естественно, это не могло не вызвать в обществе обеспокоенности, тревоги за свою жизнь, жизнь своих близких, за сохранность своего имущества. На ухудшение настроения оказали воздействие такие знаковые события, как распад СССР, силовой разгон Верховного Совета РФ в 1993 г., войны в Чечне, приватизация государственной собственности в середине 1990-х гг., экономический кризис, приведший к дефолту в 1998 г. Негативные настроения часто находили свое отражение в отрицательном отношении к представителям правящей политической элиты России. Так, в социологическом исследовании, проведенном в Бурятии (1995 г.), на вопрос «К кому из современ-

[1] Статистический ежегодник по Республике Бурятия (сборник № 01-01-09). – С. 107.

ных политических и общественных деятелей России Вы относитесь с доверием?» ответили: к Ельцину – 4,4 % респондентов русской и 3,1 % бурятской национальностей, к Горбачеву – соответственно 0,7 % и 1,6 %, к Черномырдину – 7.8 % и 9,0 %, к Гайдару – 5,6 % и 11,4 %, к Чубайсу – 1,7 % и 4,1 %. Указанные политические деятели и в настоящее время продолжают восприниматься большинством интеллигенции национальных районов Сибири негативно.

Исследования 2011 г. в Бурятии показывают, что в настоящее время на первое место среди факторов, в наибольшей мере тревожащих интеллигенцию, вышла коррупция государственных чиновников. Этот фактор отмечает такая же доля респондентов-русских, как и в 1995 г., а что касается бурятской интеллигенции, то данный показатель не только не уменьшился, но даже возрос на 3,5 %. К наиболее типичным формам коррупции относится оказание влияния на принятие решения в чью-либо пользу за денежное вознаграждение или оказание услуги. Широко распространены нецелевое использование в личных целях бюджетных доходов, злоупотребления властью, неправомерное использование служебной информации и т.п. Несмотря на принимаемые решения, на заявления руководителей государства о борьбе с коррупцией, эта проблема не становится менее острой.

Как видно из данных таблицы 33, в сознании интеллигенции актуальны вопросы развала народного хозяйства, потеря нравственных ориентиров. Первая проблема вызвала особую тревогу у русской интеллигенции в Бурятии и Туве. Это, по всей вероятности, объясняется тем, что развал народного хозяйства, закрытие предприятий, перепрофилирование ряда производств коснулись в первую очередь инженерно-технических работников, преобладающую часть которых составляли специалисты русской национальности. Большой удельный вес, выразивших озабоченность развалом народного хозяйства, и у представителей бурятской и тувинской интеллигенции. В этой связи уместно отметить, что из исторических событий, сыгравших решающую отрицательную роль в судьбе народа 31,6 % опрошенных представителей интеллигенции Бурятии назвали приватизацию государственной собственности, 25,8 % – ликвидацию колхозного строя. Положительно оценили эти события для народов Бурятии только 4,8 % и 1,6 % опрошенных соответственно.

Что касается потери нравственных ориентиров в обществе, то эта потеря явилась серьезным испытанием для интеллигенции, да и для общества в целом. В годы советской власти роль моральных «наставников» в обществе играли правящая партия и государство. После того, как КПСС перестала существовать, а новое государство не выполняет данной роли, «другие общественные институты, как не без основания отмечает М.К. Горшков, не смогли или не захотели на себя эту роль принять, россияне оказались перед свободным выбором морально-нравственных ориентиров. И многие сделали выбор в пользу отказа от лишнего «морального бремени», поскольку игнорирование традиционных моральных предписаний стало в ряде случаев экономически и социально выгодным. Естественно, это очень беспокоит многих наших сограждан. Каждый третий опрошенный ухудшение морального состояния общества оценил как одно из самых негативных явлений на протяжении двух десятилетий реформ.

Несмотря на столь критичные оценки развития ситуации в сфере общественной морали, для большинства наших сограждан по-прежнему актуальны традиционные ценности и смыслы, нормы обыденного поведения. Россияне декларируют приверженность традиционным нормам в отношении большинства поступков и явлений, которые принято считать аморальными или, по крайней мере, неэтичными (в их числе употребление наркотиков, гомосексуальные отношения, использование сексуальных связей для достижения корыстных целей, уклонение от налогов, дача взяток). Более того, сегодня актуальность моральных норм заметно выше, нежели 10 лет назад, а тем более – по сравнению с 1990-ми»[1].

Вызывает серьезную тревогу интеллигенции угроза утраты самобытности национальной культуры. Судя по результатам анкетного опроса, в большей степени такая тревога свойственна представителям бурятской и якутской интеллигенции. Причем доля бурятской интеллигенции, которую «больше всего тревожит в современном обществе угроза утраты самобытной культуры» стабильно высокая: в 1995 г. она равнялась 24,5 %, в 2011 г. – 24,1 %. Бурятскую интеллигенцию беспокоит прежде всего сужение функционального поля национального языка и все большая утрата частью ее представите-

---

[1] Горшков М.К. Реформы в зеркале общественного мнения / Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 9-10.

лей некоторых национальных традиций (более подробно это рассмотрено в следующем параграфе данной главы).

В то же время подобная проблема тревожит и русскую интеллигенцию. В каждой из республик Сибири существуют свои специфические основания для беспокойства. Но все большую опасность для русской национальной культуры и культуры народов Сибири представляют разные проявления набирающего темпы процесса глобализации, быстрое распространение «массовой культуры», что не может оставить равнодушной как русскую, так и интеллигенции других народов.

Источниками тревожности выступают природные и военные катаклизмы, проблемы социальной и экономической адаптации, социальные девиации в обществе, идеологическая разобщенность людей и другие. По мнению Д.Н. Баринова, главным источником возникновения социальных тревог является отчуждение. Отчуждение от собственности, власти, образования, других людей, ограничивает возможности человека в удовлетворении насущных потребностей, развитии способностей, реализации жизненных интересов и притязаний. Объективная ситуация обусловливает динамику тревожности современного российского общества, решающую роль в котором играют противоречия «между трудом и капиталом; между объективными потребностями модернизации общества и менталитетом россиян, между коммерциализацией всех сфер общественной жизни и объективной необходимостью развития культурной, духовной основы модернизации; между потребительскими ориентациями и идеалами трудовой этики»[1].

Интеллигенция национальных образований Сибири, критически оценивая действительность, видит в современном, постсоветском обществе и позитивные черты. Представителям русской интеллигенции импонирует возможность быть хозяином своей судьбы – 21,8 %, отсутствие политического, идеологического диктата – 21,5 %, свободно высказывать свои мысли – 19,7 %, возможность бывать за границей – 18,9 %, свобода творчества – 15,0 %, возможность стать богатым, состоятельным – 6,3 %, возможность сделать политическую карьеру – 1,6 %. Советский период развития страны интеллигенцией оценивается весьма взвешенно. 26,2 % респонден-

---

[1] Баринов Д.Н. Социальные тревоги как феномен общественной жизни (социально-философский анализ): автореф. дис. … д-ра филос. наук. – М., 2011. – С. 14-15.

тов считают, что за годы советской власти народ добился большого прогресса, 34,0 % – сделал значительный шаг в своем развитии, 22,8 % – достиг некоторых положительных результатов. 3,3 % утверждают, что все осталось на прежнем уровне. Только 7,7 % опрошенных полагают, что народ за советское время скорее больше потерял, чем достиг, или даже оказался отброшенным далеко назад. Тем не менее, представители интеллигенции в основной своей массе вряд ли хотели бы вернуться в общество советского периода. Об этом мы можем судить по ответам на вопрос: «Считаете ли Вы, что ваш народ в настоящее время имеет больше возможностей для своего развития, чем в годы советской власти?» 26.7 % ответили «безусловно, больше», 26,9 % – «наверное, больше», 9,6 % - «какими были, такими и остались» и лишь 21,8 % считают, что возможностей стало меньше. 15 % респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Настроение русской интеллигенции в политической сфере характеризуется разнородностью. Если до перестройки оно было внешне единым, то с началом реформ распалось на ряд направлений. Это нашло свое выражение в создании многочисленных ассоциаций и объединений, которые в конце 1980-х – начале 1990-х гг. преобразовались в политические партии и общественно-политические движения. К 1991 г. в стране действовало до 20 всесоюзных партий, 500 республиканских и 10 тысяч политклубов и организаций местного значения[1]. Однако, несмотря на наличие большого количества различных политических объединений, основная масса русской интеллигенции поддерживала курс на перестройку, с надеждой воспринимала начало демократии и гласности, плюрализма мнений, разрушение «железного занавеса», возможность влиять на принятие важных государственных решений.

В середине 1990-х гг. многие черты постсоветского общества импонировали интеллигенции, о чем свидетельствуют результаты социологического опроса 1995 г., когда 36,9 % представителей интеллигенции поддерживали свободу мысли и слова, каждый третий респондент высказывался за отсутствие политического и идеологического диктата. Вместе с тем, отход от ранее провозглашенных целей, распад СССР, дестабилизация экономики, война в Чечне вы-

---

[1] Из истории общественно-политических движений, партий России и СССР: материалы к спецкурсу. – М.: Книга-М., 1991. – С. 20.

звали в среде интеллигенции разочарование и тревогу. Ныне, по прошествии полутора десятков лет, 25,8 % опрошенных русских интеллигентов в Бурятии считают, что распад Советского Союза и образование Российского государства сыграли решающую отрицательную роль в развитии русского народа, также как и перестройка под руководством М.С. Горбачева. Такое мнение выразили 28,7 % респондентов русской национальности в Бурятии, 52,0 % – в Туве и 28,5 % – в Якутии.

Обращает внимание разочарование интеллигенции в процессе демократизации. Вместо ожидаемого широкого волеизъявления народа, его реального участия в решении государственных и общественных дел произошло еще большее отторжение от институтов власти, что привело к росту бюрократизации, криминализации политических структур. Как уже отмечалось, абсолютное большинство, как русской, так и представителей национальных интеллигенций, не принимает никакого участия в политической жизни своих республик. 50,4 % респондентов ответили, что у них нет возможности влиять на политические события, 18,0 % – политика их не интересует, 14,3 % – в последнее время разочаровались в политике и перестали участвовать в ней. Заметно падает интерес к политическим выборам. Выборы, независимо от их уровня, значительной частью граждан начинают восприниматься как формальность, а неучастие становится одним из самых распространенных средств выражения политического недовольства. Всего 5,1 % увидели возможность участия в политической жизни и начали в ней участвовать. И лишь 12,2 % отметили, что они всегда принимали участие в общественно-политической жизни страны.

Существенное влияние на социальное настроение русской интеллигенции оказывают изменения в духовной жизни общества. Основу духовной жизни составляет духовная деятельность, результатом которой являются определенные взгляды, научные теории, моральные принципы и нормы поведения, религиозное сознание, духовное общение людей. Духовная жизнь общества может быть наполнена богатым содержанием, что создает благоприятную духовную атмосферу жизни и творчества людей, хороший морально-психологический климат. В иных случаях духовная жизнь может быть бедной и маловыразительной, а то и вовсе бездуховной.

Мы солидарны с мнением А.А. Возьмителя, который считает мифом утверждение о деидеологизации общества и государства,

которое в результате демонтажа системы единомыслия, присущей коммунистической идеологии, обрело не духовную свободу, а оказалось в кабале чуждых идеалов и ценностей, «в основе которых агрессивная бездуховность, корыстолюбие, ненависть и насилие. Воцарилась идеология продажности, оборотной стороной которой является безудержное потребление, навязываемое людям в качестве высшей ценности. Соответственно главным символом успеха и единственной мерой всего сущего становятся деньги»[1].

Важнейшая роль в формировании духовной жизни общества принадлежит средствам массовой информации. К ним относят все каналы передачи информации: печать, радио, телевидение, кинематограф, видео, Интернет.

Средства массовой информации влияют не только на чувства, умонастроения, социальные установки, ценностные ориентации и т. д., но и на то, в какой форме и какими способами они распространяются среди различных социальных групп, как проявляются в деятельности и поведении последних. Особенно это относится к телевидению (по данным ВЦИОМ для 80 % граждан телевидение является «самым всеохватывающим источником информации»)[2]. Оно обладает огромными коммуникационными, социальными и психологическими преимуществами перед другими средствами информации во влиянии на социальное настроение. Появление мультимедийных, интерактивных, цифровых технологий, включенность в Интернет значительно расширило возможности телевидения, сделало его одним из институтов «управления обществом», формирующего мнения, представления людей, обрабатывающего их сознание. «Потребление виртуальной реальности превратилось в неотъемлемую и очень существенную часть жизни. И чем беднее событиями и однообразнее реальная жизнь, тем привлекательнее виртуальная реальность. Она выступает как заменитель обычной жизни или компенсация ее ущербности»[3]. При этом ощущается явный дефицит познавательных, просветительных, культурологических программ и изданий, пропагандирующих «традиционные» ценности и нравст-

---

[1] Возмитель А.А. Духовная безопасность: социологический анализ // Мир России. – 2006, № 2. – С.150.

[2] Иванов М. Телевидение остается в главной роли // Коммерсант. 2011. 5 апр. 2011 г.

[3] Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. – 2005, № 2. – С.21.

венные качества. Масштабная коммерциализация средств массовой информации, отмена цензуры, а также отсутствие нравственной ответственности вещающих минимизируют интеллектуальную миссию СМИ.

Подводя итог анализу социального настроения русской интеллигенции отметим, что оно является значимым показателем социального статуса русской интеллигенции в национально-государственных образованиях Сибири, как и страны в целом. Оно определяется как объективными условиями (воздействием социально-экономических, политических, культурных процессов, происходящих в обществе, регионе, возможности адаптации к рыночным преобразованиям, востребованностью на рынке труда, профессиональным потенциалом интеллигенции и др.), так и субъективными факторами (степенью сознательности, глубины понимания происходящих в обществе перемен, меры и характера активности и др.). Наибольшую тревогу русской и других национальных отрядов интеллигенции в процессе трансформации российского общества вызывают рост преступности, бедность и нищета, а также коррупция государственных чиновников. Оказывают существенное воздействие на ухудшение социального настроения развал народного хозяйства, потеря нравственных ориентиров в обществе. Для большинства интеллигенции по-прежнему актуальны традиционные ценности, смыслы и нормы обыденного поведения. Позитивное воздействие на настроение части интеллигенции оказывает возможность быть хозяином своей судьбы, отсутствие политического и идеологического диктата, возможность свободно высказывать свои мысли.

2. Межэтническая толерантность как необходимое условие жизнедеятельности в полиэтнической среде

Социальный статус русской интеллигенции неразрывно связан с ее ролью в межэтнических отношениях с народами сибирского региона. Духовность, образованность, широта научного мировоззрения, присущие интеллигенции определяют позицию и линию поведения ее представителей в сфере межэтнических отношений.

Под межэтническими отношениями понимают отношения между нациями, народностями, этническими группами в различных

сферах жизнедеятельности общества и на различных уровнях взаимосвязей – от национально-личностных до государственных.

Для осмысления процессов в этнической сфере исследователи используют понятия «этнические» и «межэтнические» отношения. Этнические отношения представляют собой внутриэтнические связи, которые обеспечивают единство этноса, в то время как межэтнические охватывают взаимоотношения различных этносов друг с другом. Мы же будем рассматривать второй вид связей и использовать понятие «межэтнические отношения».

Межэтнические отношения имеют свою внутреннюю структуру, которая включает в себя экономические, социальные, государственно-правовые, культурные психологические, языковые и другие отношения. Субъектами этих отношений являются этнические общности, социальную структуру которых образуют классы, социальные слои и группы. Место этнической общности в социальной структуре общества обусловлено, по мнению М.О. Мнацаканяна, ролью, в которой она выступает «источником самодвижения и саморазвития, определяя общие условия развития всей системы». Значение этнической общности, как отмечает автор, состоит: во-первых, в том, что она вырабатывает и передает новым поколениям национальную культуру; во-вторых, самосознание этнической общности объединяет людей вокруг идей сохранения и развития духовных, материальных ценностей, защиты демократических прав и свобод, интересов родины и государства, в – третьих, взаимодействие людей внутри общности, во имя ее прогресса и процветания, стимулирует внутренние потенции человека, расцвет его талантов и способностей[1].

В полиэтническом обществе его прогресс и развитие прямо обусловлены содержанием и характером внутреннего развития входящих в него этнических общностей. При этом значительную роль играют межэтнические отношения. В полиэтническом государстве они выступают важнейшим показателем внутренней безопасности и политической стабильности.

Межэтнические взаимодействия чрезвычайно разнообразны, они охватывают целый спектр отношений: от многоаспектного сотрудничества до непримиримых противоречий и противодейст-

---

[1] Мнацаканян М.О. Интегрализм и национальная общность. Новая этносоциологическая теория. – М.: Анкил, 2001. – С. 180-182.

вия. Вероятность противодействия усиливается в тех случаях, когда этнос или его представители встречаются с чем-то непривычным, нетрадиционным в своей жизни, например, с иными правами, порядками, с непривычным складом мышления. При таких обстоятельствах реакция противодействия является вполне нормальной. Позитивное взаимодействие происходит тогда, когда этносы достигают единства в делах и намерениях, оказывают поддержку друг другу. В конечном счете, успешное взаимодействие между этносами зависит от того, насколько высок экономический и культурный уровень каждого из них.

Реформы последних десятилетий в России резко обострили противоречия во всех сферах жизнедеятельности, в том числе национальные проблемы, такие как территориальная, экономического развития, национальной идентичности, сохранения языка, национальной культуры, проблемы этнократии и др. Эти и ряд других проблем способствуют возникновению и усилению межнациональной напряженности, а в ряде регионов и конфликтов.

В этих условиях актуализируется проблема толерантности, как альтернативы конфликтности и агрессивности, условия оптимального взаимодействия людей и этносов.

Этимологически понятие «толерантность» происходит от латинского глагола *tolerare* (переносить, выдерживать, терпеть). В XVI в. к данному его содержанию добавились значение «позволение», «сдержанность». Исторически первой и доминирующей формой идеи толерантности явилась веротерпимость. В последующем это понятие наполнялось новым содержанием, стало использоваться в различных отраслях знания (этике, психологии, политике, философии и др.). Так, в XIX в. понятие толерантности в либеральной философии трактуется как выражение внешней и внутренней свободы, как способность к продуманному выбору между альтернативными точками зрения и способами поведения. Оксфордский словарь определяет толерантность как «готовность и способность принимать без протеста или вмешательства личность или вещь».

В российской философской дореволюционной мысли (до 1917 г.) понятие «толерантность» чаще выражалось через терпимость, и разработка данной проблематики развивалась в двух направлениях – религиозно-философском и светском. В течение продолжительного времени такая трактовка сохранялась, и сегодня нередко то-

лерантность определяется как терпимость: к чужим мнениям, поведению, верованиям. Однако большинство авторов сходится во мнении о том, что понятие «толерантность» шире чем «терпимость» по содержанию и включает в себя активную нравственную позицию субъекта толерантного отношения.

Современные исследователи в понятие толерантности предлагают включать такие характеристики, как право личности на сохранение ее автономии, настроенность на паритетный диалог, уважении с чужой позиции и другие. Толерантность предполагает деятельность, взаимодействие социальных партнеров на основе равенства, открытость социального опыта другого, сохранение индивидуального своеобразия каждого из них и достижения согласия без ущемления индивидуальных интересов на основе диалога и ненасилия.

Межэтническая толерантность, является одним из типов толерантности, охватывающим межэтнические отношения. Она понимается как готовность этнической группы принимать социокультурные отличия других этнических групп, наличие у представителей данной группы позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной, готовность к межличностному взаимодействию с представителями иных этнических групп.

В современных условиях межэтническая толерантность рассматривается как основной принцип, норма поведения в цивилизованном обществе. Декларация принципов толерантности ЮНЕСКО (1995 г.) отмечая моральную, политическую и правовую ценность толерантности, объявляет ее добродетелью, «которая способствует замене культуры войны культурой мира».

В полиэтническом обществе условием толерантных отношений становится создание благоприятной национальной среды, компонентами которой являются исторически сложившаяся материальная и духовная культура, национальное самосознание, этноязыковые практики, семейно-бытовые отношения, традиции, обычаи, то есть все то, в чем проявляется самобытность и уникальность каждой нации. Основой межэтнических отношений должны служить сотрудничество, ответственность и взаимопомощь.

Межэтническая толерантность, как любое социальное явление, формируется в определенных условиях. К ним относятся: экономические, политические, культурно-исторические, психологиче-

ские, духовные условия жизни людей. В ряде случаев условия могут выступать в роли факторов, оказывающих более направленное действие. Признавая влияние и важность всех отмеченных условий, определяющее значение, на наш взгляд, имеют политические, поскольку именно государство и его национальная политика, определяют основы и характер межнациональных отношений, которые могут принимать форму господства и подчинения или равноправия и сотрудничества и т.д.

В Сибирском регионе основными субъектами межэтнических отношений являются русские и коренные народы Бурятии, Якутии, Тывы, других республик, которые определяют характер межэтнического взаимодействия, а также другие этнические группы, проживающие на территории данных национальных образований.

В истории межэтнических отношений народов Сибири можно выделить три периода: дореволюционный (до 1917 г.); советский (1917–1991 гг.); с 1991 г. по настоящее время.

Межэтнические отношения в автономиях Сибири имеют глубокие исторические корни.

Процесс укрепления Российского централизованного государства в XVI–XVII вв. происходил преимущественно за счет освоения окраинных территорий Сибири и Дальнего Востока. Присоединив западносибирские земли, в начале XVII в. русские землепроходцы двинулись далее на восток и в середине этого же века основали Томск, Енисейск, Якутск, Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск, позднее Троицкосавск, ставшие впоследствии крупными городскими поселениями Сибири.

Крупными этносами, с которыми пришлось встретиться русским землепроходцам в Восточной Сибири, были буряты и якуты. Буряты, как и якуты, в то время жили родоплеменным строем, занимались в основном кочевым скотоводством, и как народность начали консолидироваться в XVII в. после вхождения в состав России[1].

Вхождение Бурятии в состав Российского государства имело огромное, прежде всего экономическое, значение: была присоединена обширная территория с удобными пашенными угодьями, пушными и рыбными промыслами, запасами ископаемых и вели-

---

[1] Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения: курс лекций. – М., 2002. – С. 196-197.

чайшим пресноводным озером – Байкалом. Через Бурятию открылся более короткий и удобный путь для русского продвижения в Приамурье и Приморье. Россия стала граничить и расширять торгово-экономические связи с Монголией и Китаем, устанавливать связи со странами Юго-Восточной Азии[1]. Присоединением Сибири правительство решало еще одну задачу - пополнения государственной казны путем сбора специального налога (ясака) с аборигенного населения. Ясак вносился в казну пушниной, в основном соболями, реже скотом. Например, для якутского населения, ясак составлял 1–2 соболя с семьи в год. Примерно столько же платили и другие народы Сибири. За это они получали гарантии защиты жизни и имущества[2]. По данным профессора М.В. Шиловского, в царствование Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) сибирская «рухлядь» (пушнина – *прим. М.Д.*) приносила ежегодно в казну 600 тыс. р., или треть всех государственных доходов. В 1910 г. сибирская пушнина составляла 44 % мировой добычи мехов и оценивалась в 50 млн р.[3] Налогообложение местного населения имело и политический смысл, поскольку означало закрепление русской власти на местах.

Освоение сибирского края представляло собой сложный и своеобразный процесс, особенность которого состояла, прежде всего, в том, что: огромная территория с малочисленным населением была присоединена к Российскому государству без применения сколько-нибудь значительных военных сил (большинство отрядов первопроходцев насчитывало несколько десятков человек); с самого начала освоения территорий правительство проводило вполне определенную мирную стратегию, давая руководителям землепроходческих отрядов рекомендации действовать в отношении податного населения без насилия и грубого нажима – «ласкотою» и «добротою»; ведущую роль сыграли остроги и города, ставшие административными, политическими, хозяйственными и военными центрами освоения края[4]. Ненасильственный в целом,

---

[1] Бадиев А.А. Исторические корни дружбы // Дружба навеки: сб. ст. – Улан-Удэ, 1985. – С. 7-8.

[2] Крысько В.Г. Указ. соч. – С.198.

[3] Шиловский М.В. Сибирь и Россия: основные аспекты взаимоотношений в XVII – нач. XX вв. // Сибирь в геополитическом пространстве XXI века. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1998. – С. 197.

[4] Русские в Бурятии: история и современность. – Улан-Удэ, 2002. – С. 48-49.

покровительственный характер политики русского правительства в отношении местного населения объяснялся отнюдь не гуманными принципами. Преследуя экономические интересы, правительство было заинтересовано в эксплуатации народов Сибири, поддержании его платежеспособности. Трудовые люди, крестьяне тем более не искали столкновений с коренным населением, так как шли не грабить и разрушать, а заниматься привычным для себя делом.

Состав русских первопроходцев Сибири был разнородным: это и служилые люди – казаки, стрельцы, крестьяне, провинившиеся дворяне, знатные военнопленные, люди гражданских профессий – писари, лекари, чиновники, учителя, духовенство и др. С намерением улучшить свое имущественное положение ехали «вольные люди» – безземельные крестьяне, беглые холопы. Основную массу русских переселенцев составляли крестьяне.

В хозяйственном освоении края русские крестьяне сыграли решающую роль. Они расчищали кустарниковые заросли под пашни, сеяли зерновые культуры, занимались сенокошением и заготовкой сухих кормов, разводили скот и развивали промыслы, что в суровых сибирских условиях было равносильно трудовому подвигу. «Истинными завоевателями Сибири были не казаки и воеводы, а пашенные крестьяне... Крестьянство оказалось главным фактором превращения Сибири в русский край...» – писал исследователь Сибири В.Н. Шерстобоев[1].

Представители разных этнических групп, осознавая пользу и выгоду от взаимных контактов, многому учились друг у друга.

В Бурятии русские крестьяне передавали коренному населению свои хозяйственные навыки и опыт, что в немалой степени оказало влияние на их постепенный переход к оседлости. Буряты, по примеру русских, начали строить деревянные юрты, дома, амбары, стойла для скота и другие хозяйственные постройки. В свою очередь местные жители снабжали русских лошадьми, крупным рогатым скотом, знакомили с такими сторонами быта, которые помогали выжить в суровых климатических условиях. Эти факты свидетельствуют о бытовом и экономическом сближении русского и бурятского народов[2].

---

[1] Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. – Иркутск, 1949. – С. 56.

[2] Бадиев А.А. Указ. соч. – С. 9, 33.

Благодаря русским зародилось и получило развитие промышленное производство: солеваренное, мукомольное, кожевенное, стекольное; появились железоделательные заводы. Строительство Транссибирской железной дороги, явившееся выдающимся событием в экономической жизни Бурятии, позволило связать Сибирь и Дальний Восток с центральными областями России, а также способствовало развитию каменноугольной и других отраслей добывающей промышленности.

Налаживанию мирных отношений с коренным населением способствовало отсутствие высокомерия, чувства превосходства, что проявилось, в частности, в распространении смешанных браков, просвещении, усвоении сибирскими народами более высокой русской культуры, проводниками которой выступали политические ссыльные, декабристы, народные учителя, представители русской и национальной интеллигенции. Это позволяет говорить о складывании политультурного пространства Восточной Сибири, системообразующим фактором которого является культура старожилов, казаков, эвенков, бурят, якутов, и интегрирующая роль культуры русских сибиряков.

Процесс включения территорий Сибири в политическое, экономическое, культурное пространство России происходил непросто, не случайно в его оценке исследователи используют понятия «колонизация», «завоевание», «освоение», «покорение» и др. Тяжелое налоговое бремя, произвол и насилие со стороны русской администрации, промышленников, а также служилых людей, среди которых нередко попадались алчные, стремившиеся к личному обогащению люди, вызывало недовольство, «бунты», за которые суровое наказание наравне с местным населением, несли русские, поскольку отношение к подданным определялось не национальностью, а имущественным, социальным и служебным положением.

Представляется, что известная формулировка, представлявшая дореволюционную Россию «тюрьмой народов», проживавших на огромной территории, в меньшей степени подходит для оценки межэтнических отношений народов Сибири, которые характеризуются относительной лояльностью к коренному населению и достаточно высоким уровнем толерантности.

С победой октябрьской революции (1917 г.) и образованием СССР национальный вопрос стал частью вопроса построения социалистического общества. Права народов России определялись

принципами национальной политики, которая предусматривала уничтожение национального угнетения и неравенства путем не только отмены юридического неравноправия наций, но и достижения фактического равенства всех народов.

Огромную роль в развитии бурятского, якутского, тувинского народа, имело утверждение национальной государственности. Образование Якутской АССР (1922 г.) и Бурят-Монгольской АССР (1923 г.), позже Тувинского АО (1944 г.) обеспечило территориальную, экономическую целостность автономий, позволило наполнить отношения качественно новым содержанием.

За годы советской власти во всех национальных образованиях Сибири сформировались и выросли отряды национальной интеллигенции, которая вместе с русской интеллигенцией активно участвовала в индустриальном развитии своих республик, социальном и культурном строительстве. При непосредственном участии и помощи русских специалистов была преодолена неграмотность и малограмотность населения, существенно увеличилось количество специалистов коренной национальности со средним специальным и высшим образованием, получило развитие библиотечное, музейное дело, театральное, изобразительное искусство, литературное творчество. Совместная созидательная деятельность способствовала взаимодействию и укреплению сотрудничества между народами.

В условиях Советского Союза процесс национального развития, имевший в целом прогрессивную направленность, носил противоречивый характер: с одной стороны, быстрый социально-экономический и культурный подъем бывших национальных окраин, с другой – недооценка этнических факторов – этнической психологии и культуры, национального языка, что нанесло серьезный урон межнациональным отношениям. По словам В.М. Затеева, преобладание интернационального над национальным отражало суть советской национальной политики, в которой «отсутствовала социальная ориентация на развитие национального самосознания народов, в том числе вступивших на путь национальной консолидации»[1].

---

[1] Затеев В.И. Интеллигенция и национальное самосознание // Интеллигенция и проблемы национальных отношений: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 г. – М.; – Улан-Удэ, 2008. – Т. 2. – С. 154.

Материалы переписей населения послевоенных лет фиксируют сближение наций по многим социально-культурным показателям. В то же время социально-профессиональные характеристики продолжали сохранять специфические черты. Дифференцирующими признаками являлись географические факторы, своеобразие природно-климатической среды проживания, демографический состав. характер расселения, традиционные ориентации населения на определенные занятия и профессии, особенности исторического развития, традиционного хозяйственного и бытового уклада, культуры и психологии, миграционного поведения[1]. Все это обусловливало различия в соотношениях работников умственного и физического труда, по отраслевой занятости, уровню квалификации, образования, представительству во властных структурах, что в конечном счете, определяло статусные позиции как отдельных представителей, так и группы в целом.

Общие контуры этнических отношений многонационального советского государства в автономиях Сибири приобретали, под влиянием отмеченных выше признаков, собственные специфические черты.

Так, в Бурятии за годы советской власти сложились достаточно стабильные, добрососедские отношения между основными этническими группами – русскими и бурятами. «... Ряд политических шагов государства – автономия, политика коренизации государственного аппарата, создание культурно-социальной инфраструктуры в виде институциализации бурятской науки, театра, искусства и т.д. – позволили достичь сбалансированного уровня развития крупнейших этнических групп»[2]. Сохранению стабильности отношений способствовала и взвешенная национальная политика республиканской власти, что позволило сохранить в целом бесконфликтные отношения между народами Бурятии и в постсоветский период.

Содержание и характер межэтнических отношений в сибирских регионах в настоящее время определяются процессами, связанными с реформированием российского общества, сложностями

---

[1] Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / под ред. Л.М. Дробижевой. – М.: Academia, 2002. – С. 26.

[2] Дагбаев Э.Д. Интеллигенция в развитии межнациональных отношений в Республике Бурятия // Интеллигенция и проблемы национальных отношений: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. – М.; – Улан-Удэ, 2008. – Т. 1. – С. 76.

его перехода к рыночным механизмам хозяйственной деятельности, неудовлетворенностью социально-профессиональных и национальных групп своим материальным положением, а также увеличением этносоциального неравенства основных этнических групп автономий Сибири.

В системе национальных отношений, наряду с другими общностями, действующим элементом является интеллигенция. Выражая интересы тех или иных наций, выступая участником и инициатором межнациональных контактов, вместе с тем она является социальным образованием, представители которого непосредственно создают и обогащают культуру, самосознание каждого этноса. Особая роль принадлежит интеллигенции и в изучении национальных отношений в обществе.

Как показали результаты социологического исследования, 22,7 % представителей интеллигенции Бурятии оценивает межэтнические отношения как благополучные. В то же время значительная часть (65,3 %) отмечает существование в той или иной степени проблемы межнациональных отношений в республике, при этом на ее острый характер указали всего 7,6 % респондентов (9,6 % русских и 5,6 % бурят).

Критические оценки преобладают у бурятской интеллигенции (71,8 %), по сравнению с русской (59,9 %). По итогам опроса выявилось некоторое расхождение в мнениях респондентов, различающихся по возрастному признаку, характеру профессиональной деятельности, о степени выраженности проблемы.

Так, во всех возрастных группах интеллигенции примерно равное количество респондентов отметили существование межнациональных проблем, однако доля критично оценивающих более высокая у молодых интеллигентов (до 25 лет) – 16,3 %, с возрастом последовательно снижается и в старшей группе (выше 60 лет) достигает 5,0 %. И наоборот, количество тех, кто считает, что «проблемы не существует» минимально у молодежи (15 %) и наибольшее в старшем возрасте (27,5 %). Пожилые люди оказались лояльнее, они чаще оценивают отношения как нейтральные или доброжелательные. Это связано с тем, что в памяти людей старшего поколения сохранилась идеология дружбы народов советского периода, а также с отсутствием крупных межнациональных конфликтов в республике в настоящее время.

Представители интеллигенции связанные со сферой духовного производства: работники культуры, образования, науки, духовенство, профессиональная деятельность которых направлена на формирование сознания общества, в том числе формирование толерантности, оценивают состояние межнациональных отношений как стабильное, в то время как представители экономической интеллигенции – инженерно-технические и финансовые работники указали на существование острых межнациональных проблем (14,6 % и 13,5 % соответственно). В материально-производственной сфере, где заняты преимущественно русские специалисты, объективно отсутствовали предпосылки для тесных межэтнических связей. Возможно то, что данная отрасль в наибольшей степени пострадала от деструктивных процессов реформирования, ее специалисты склонны переносить социальную напряженность в область этнических отношений.

Анализ мнений респондентов показывает, что женщины в оценке межнациональных отношений более терпимы и миролюбивы, чем мужчины, они меньше ощущают национальную напряженность и реже сталкиваются с негативными проявлениями национального характера.

Показателем уважительного отношения со стороны бурятского населения к людям других национальностей может служить мнение представителей русской интеллигенции, значительная часть которых (70,3 %) отметила, что ей не приходилось сталкиваться с недружественными проявлениями из-за своей национальной принадлежности. Среди бурятской интеллигенции такого мнения придерживается 48,6 % респондентов. Те, кому приходилось сталкиваться с негативными проявлениями из-за национальной принадлежности отмечают, что чаще всего это происходит в общественных местах – в транспорте, магазине, на рынке (буряты – 43,3 %, русские – 25,2 %), в госучреждениях, общественных организациях (буряты – 10,9 %, русские – 14,6 %), в вузе со стороны преподавателей (буряты – 9,7 %, русские – 10,9 %). Каждый пятый представитель бурятской интеллигенции отметил, что сталкивался с неуважительным отношением к своей национальности в детстве среди сверстников, а 5,3 % испытывают его за пределами республики, выезжая в Москву, другие города России в командировку, на отдых, во время прохождения воинской службы. Значительно реже проявления национальной нетерпимости встречаются в школе со

стороны учителей (3,2 %), в вузе со стороны студентов (2,5 %), по месту работы (2,1 %). Среди русских доля тех, кто сталкивался с фактами недружественного отношения к людям своей национальности составляет 28,7 %, что в 1,7 раза меньше, чем среди бурят.

Подавляющее большинство сельской интеллигенции обоих национальностей (75,9 %) отметили, что не сталкивалась с проблемами национальной принадлежности. Среди городской интеллигенции аналогичную оценку дали 61,4 % опрошенных.

В пользу относительной стабильности межэтнических отношений в Бурятии говорят ответы на вопрос анкеты: *«Ощущается ли сейчас в том городе, районе, где Вы живете, национальная напряженность?»*. 79,8 % бурятской интеллигенции и 73,2 % русской ответили, что не ощущают. Утвердительные ответы дали 17,5 % бурят и 15,9 % русских.

Сравнение оценок 2011 г. с результатами исследования 1995 г., когда 16,8 % республиканской интеллигенции оценивали межэтнические отношения как благополучные, а 4,9 % русской и 7,2 % бурятской интеллигенции полагали, что проблема межнациональных отношений существует и стоит очень остро, позволяет говорить об отсутствии существенной дистанции между представителями крупнейших этнических групп в оценке отношений между ними, а также, определенной положительной динамике.

Наши оценки близки выводам, сделанными Е.В. Петровой по результатам исследований русских в Бурятии в 2001 г. (экспертный опрос; 100 человек) и 2003 -2004 гг. (массовый опрос; 800 человек). Экспертам предлагалось оценить межэтнические контакты по двум показателям: первый показатель объединял две градации «дружеские» и «спокойные», второй соединял результаты ответов – «не всегда дружеские» и «конфликтные». Положительные оценки в сумме составили 88 %, отрицательные – 8 %. Рассматривая перспективу межнациональных отношений 48 % полагали, что они останутся на прежнем уровне, 20 % - что улучшатся, 16 % ожидали ухудшения. По результаты исследования среди русского населения 2003 г., межэтнические отношения как неизменившиеся охарактеризовали 42,5 % опрошенных, как ухудшившиеся – 21,3 %, как улучшившиеся – 5 % респондентов. Данные свидетельствуют о том, что прогнозы экспертов в целом подтвердились[1]. Результа-

---

[1] Петрова Е.В. Русское население республик Восточной Сибири в условиях

ты исследований, как и практика межэтнического взаимодействия в республике в первой половине 2000-х гг., позволила автору сделать вывод о стабильности и позитивной динамике межэтнической толерантности в регионе.

Межэтническая ситуация в Якутии обусловлена общим состоянием социально-экономических и политических отношений в республике. Русская интеллигенция оказалась более уязвимой в отношении изменения своего экономического, социального, профессионального статуса. Так, если доли считающих, что проблема межнациональных отношений «существует, но не относится к числу острых» не имеют существенных различий и вполне сопоставимы (59,7 % – русские, 70,5 % – якуты), то в оценке ситуации как критической преобладают русские (20,2 % против 9,4 % у якутов).

Оценки разнятся в социально-профессиональных и поселенческих группах: среди руководителей предприятий и работников госаппарата русской национальности 37,5 % оценивает национальные отношения как спокойные и менее 20 % отмечают существующее напряжение. Предприниматели не видят каких-либо проблем в межэтнических отношениях, в отличие от некоторых других категорий населения, которые критично оценивают ситуацию, отмечая напряженный уровень межэтнических отношений, переходящий на грань противостояния. Это пенсионеры (11,1 %) и безработные (9,1 %)[1].

При оценке межэтнических отношений наблюдается большая зависимость от места проживания, чем от национальной принадлежности. Горожане и сельчане в целом одинаково оценивают характер отношений, при этом говоря об их динамике за последние годы, городские жители в 2 раза чаще отмечают ухудшение.

Самый высокий уровень межэтнической напряженности отмечается в Якутске. Городская полиэтническая среда – это, прежде всего «общность представителей разных этнических групп горожан и общее пространство их жизнедеятельности, в котором происходят как процессы развития этнических культур, так и межэтническая интеграция горожан».[2] Являясь административным цен-

---

трансформации российского общества. – Улан-Удэ, 2006. – С. 207, 212.

[1] Там же. – С. 198.

[2] Чимитова И.З. Особенности межэтнической толерантности в условиях современного полиэтнического города (на примере г. Улан-Удэ): дис. ... канд. соци-

тром республики, Якутск принимает миграционные потоки как из-за пределов республики, так и сельской местности, а столкновение различных образов жизни, культуры, мировоззрения, привычек несет в себе потенциальную угрозу межнациональной напряженности.

По мнению И.Е. Спиридоновой, одним из механизмов возможной трансформации социальной напряженности в межнациональную является национальная психология, в которой заложен аккумулятивный потенциал взаимодействия народов. По данным автора, среди 43,3 % саха преобладающим оказалось мнение о том, что исторически сложились отношения взаимопонимания с народами, населяющими Якутию, среди русских такого мнения придерживаются 29,0 %. Каждый четвертый респондент из числа малочисленных народов Севера указал на непонимание интересов коренных национальностей. Среди русских такого мнения придерживается лишь 4,4 %. Вместе с тем, почти каждый четвертый во всех этнических группах отметил, что в последние годы наблюдается некоторое отчуждение по национальному признаку[1]. История взаимоотношений народов, как бы противоречиво не оценивалась исследователями, остается одним из важнейших факторов, влияющих на характер современных межэтнических отношений.

Республика Тыва среди национальных образований Сибири является регионом с наиболее сложной межэтнической ситуацией.

Основы для роста межэтнической напряженности были заложены еще в 1970–1980-е гг., когда русские занимали престижное положение в социальной иерархии республики: руководящие должности на прибыльных промышленных предприятиях; преобладание в качестве руководителей и специалистов в управлении, образовании, здравоохранении, военной отрасли; преимущественное проживание в более комфортных городских условиях.

Кризис 1990-х гг. обострил противоречия годами копившиеся во всех сферах общественной жизни, которые выступили факторами социальной напряженности в республике. Проблемы социального характера спроецировались в этническую среду, вызвав противостояние между основными этническими группами.

ол. наук. – Улан-Удэ, 2010.

[1] Спиридонова И.Е. Актуальные проблемы этнокультурного взаимодействия в РС (Я): 90-е годы XX века // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 208.

Тувинцы, по мнению Г.Ф. Балакиной и З.В. Анайбан, увидели угрозу своей национальной целостности и единству, осознание угрозы включило механизмы психологической защиты от чужеродного влияния, что привело к ошибкам в восприятии другой национальной группы. Такая ситуация обусловила «изменения вектора межэтнического взаимодействия в направлении к полюсу этнокультурной изоляции, отчуждению между тувинцами и русскими»[1].

Для русского населения наиболее приемлемым выходом в этой ситуации стала миграция. За 1990-й год из республики выехало около 11 тыс. человек, большинство из них – русские. По оценкам А.К. Кужугет, «это стало настоящей катастрофой, последствия которой станут ощутимыми в самое ближайшее время, но уже сейчас это проявляется, в первую очередь, в социальной и производственной сфере. Тува потеряла много специалистов и не скоро появятся свои – такого же класса»[2].

На сегодняшний день русские составляют меньшинство во всех районах, даже в тех, которые ранее были преимущественно русскими. Есть районы, в которых не проживает ни одной русской семьи, за исключением потомков смешанных браков, носящих русские фамилии. По оценкам социологов, почти половина мигрантов покинули республику по причине сложных межнациональных отношений.

Интеллигенция Тывы, многонациональная по своему составу, представлена в основном двумя группами – тувинцами и русскими и в целом отражает этническую структуру республики. В силу специфики своей профессиональной деятельности она занимается изучением национальных отношений, поэтому мнение интеллигенции о состоянии отношений в этой сфере для нас представляется важным.

Как показали результаты исследования все национальные группы и профессиональные отряды интеллигенции имеют общую позитивную установку на межнациональное общение, вместе с тем каждая из них по-своему понимает национальные процессы. Боль-

---

[1] Балакина Г.Ф., Анайбан З.В. Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. – Новосибирск, 2005. – С. 79.

[2] Кужугет А.К. Тувинцы и русские в контексте изучения чувства национального достоинства (постановка проблемы) // Новые исследования Тувы. Электронный информационный журнал. 2011. – № 2-3.

шинство представителей интеллигенции отмечает существование проблем в межнациональных отношениях и не склонна оценивать их как хорошие. Однако в мнениях русской и тувинской интеллигенции имеются различия: если подавляющее большинство русских (93,5 %) отмечает наличие проблем и 46 % из них оценивает их как «очень острые», то большинство тувинцев отмечая их существование, не считают их напряженными и лишь 11,2 % указывают на их острый характер. 15,2 % тувинцев считает, что проблем не существует. Среди русских респондентов такого мнения придерживается всего 2,8 %. На наш взгляд, это объясняется обострением межэтнических противоречий в начале 90-х гг., вызванных непропорциональным представительством основных этнических групп в наиболее престижных сферах деятельности и, как следствие этого, проявлениями националистических настроений у части тувинской интеллигенции.

В ходе исследования не выявилось единодушного мнения и в оценке проявлений неуважительного отношения к своей национальности. С подобными фактами приходилось сталкиваться представителям обоих этносов, однако русские в своих ответах отмечают это чаще (70,3 %), чем тувинцы (57,6 %). Происходит это в основном в общественных местах, а также в госучреждениях, общественных организациях, где русские респонденты встречаются с этим в 3 раза чаще, чем тувинские.

Существенное влияние на межнациональные отношения оказывают культурно-языковые факторы. Язык, как известно, является одной из главных традиционных ценностей любого народа. «Он хранит и ретранслирует духовные ценности, выражает менталитет, углубляет у этнофоров ощущение принадлежности к данному этносу»[1]. Именно общность языка является существенным признаком консолидирующим нацию.

В годы советской власти и процессе национально-государственного строительства благодаря труду интеллигенции более 40 языков впервые стали письменными, обогатился словарный запас национальных языков, их лексика, грамматика. Однако в 1960-е гг. с внедрением концепции сближения, а затем и слияния

---

[1] Осинский И.И. Традиционные ценности в духовной культуре бурятской национальной интеллигенции // Социологические исследования. – 2001. – № 3. – С. 82.

наций, роль и сфера распространения национальных языков стали существенно сужаться.

В целях ослабления данной тенденции были приняты законы о языке. Национальные языки стали изучаться в школе, шире использоваться в СМИ, издательском деле и т.д. Однако в ряде субъектов Российской Федерации был подвергнут дискриминации русский язык, что выразилось в закреплении статуса государственного языка только за языком титульной нации.

Изменения в языковой сфере иллюстрируют данные таблицы 34.

У всех указанных народов за 32 года весьма существенно увеличилась доля лиц, владеющих русским языком (особенно у якутов и тувинцев). Что касается доли лиц, владеющих языком своей национальности, то она по-прежнему у всех представленных народов достаточно внушительная. Уменьшение произошло у якутов (на 6,7 %). У бурят и тувинцев этот показатель почти не изменился[1].

Таблица 34

Изменение доли лиц, владеющих языками своей национальности и русским языком (с 1970 по 2002 г.), %

Республики	Национальности	Доля лиц, владеющих языком своей национальности		Доля лиц, владеющих русским языком	
		1970	2002	1970	2002
Бурятия	буряты	96,5	96,0	69,9	96,1
Тыва	тувинцы	99,3	98,4	38,8	84,4
Якутия	якуты	97,9	91,2	43,7	81,1

За период с 1995 по 2011 г. доля представителей бурятской интеллигенции владеющей национальным языком снизилась незначительно (на 5,8 %) и остается довольно высокой – 74,8 %. Подавляющее большинство опрошенных (80,3 %) считают бурятский язык своим родным языком, хотя в жизни предпочитает использовать русский. На русском языке 67,1 % представителей бурятской интеллигенции общаются в семье, 76,8 % – с друзьями, 88,3 % – с коллегами по работе. Родной язык используется в семейно-бытовой сфере менее чем половиной опрошенных, на работе общаются на бурятском языке лишь 13,2 %. Окружающая социаль-

[1] Осинский И.Н., Добрынина М.И. Интеллигенция и некоторые проблемы национальных отношений // Интеллигенция и проблемы национальных отношений: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. – М.; –Улан-Удэ, 2008. Т. 1. – С. 27-28.

ная среда, специфика сферы общения (производство, учебные заведения, учреждения культуры, бытового обслуживания), производственный процесс в многонациональном трудовом коллективе диктуют потребность языкового выбора человека. Как правило, он оказывается в пользу русского языка.

Как показало исследование, респонденты русской национальности владеют и общаются только на русском языке, исключения встречаются редко. Двуязычие среди русской интеллигенции свойственно лишь 2,3 % опрошенных живущих в бурятских селах и деревнях, а также в межнациональных семьях.

Относительно низкая потребность русских и представителей других национальностей в изучении и знании бурятского языка, по мнению Б.Ж. Цыбденовой, во многом связана с низкой функциональной нагрузкой бурятского языка, невостребованностью в социально-коммуникативной системе общения, слабыми перспективами его использования. По данным ее исследования, процент русских респондентов, пожелавших овладеть бурятским языком «для профессиональной деятельности и карьеры» составил 20 %, среди русской интеллигенции – всего 9 %[1].

Представители интеллигенции, сами получившие профессиональное образование высокого уровня, обладающие квалификацией специалистов и культурным потенциалом, социальные перспективы своих детей связывают с современным образованием и успешной карьерой. По ответам представителей интеллигенции на вопрос *«В какую школу Вы послали бы своих детей?»* можно составить представление о языковых предпочтениях в образовании молодежи. Выбор русских разделился в основном между школой с изучением русского и английского языка (44,2 %) и школой, где преподаются русский, бурятский и английский языки (32,5 %). Только русскоязычное образование выбрали 9,0 %. Еще 7,9 % предпочли совмещение русского и бурятского языков. Менее 1% респондентов высказались за обучение детей в школе с преобладанием бурятского языка.

Выбор русского языка преподавания для своих детей более половины как городских, так и сельских жителей русской национальности обосновывают тем, что это родной язык; каждый чет-

---

[1] Цыбденова Б.Ж. Особенности языковой ситуации национального региона РФ: на примере Республики Бурятия: дис. … канд. социол. наук. – Улан-Удэ, 2003. – С. 107, 109.

вертый, что – это язык межнационального общения; 14,2 % – конкуренцией при поступлении в столичные вузы; 10,4 % связывают с овладением достижениями мировой культуры[1].

В то же время русская интеллигенция осознает необходимость в условиях многонационального общества приобщения русской молодежи не только к мировой и общероссийской культуре, культуре собственного народа, но и к культуре народов, с которыми она находятся в непосредственном контакте. Образование должно носить поликультурный характер, тогда оно будет отвечать задачам формирования межэтнической толерантности у молодого поколения. На уровне образовательного учреждения это может проявляться, в том числе, в свободе выбора языка обучения. В этой связи, вполне обоснованным является стремление значительной части русской интеллигенции (41,2 %) к использованию в образовательном процессе, наряду с русским, бурятского языка.

С точки зрения расширения сферы применения языка, возможности получения конкурентоспособного образования и трудоустройства существенно возрастает потребность в изучении английского языка, поэтому 77,5 % русской и 69,6 % бурятской интеллигенции высказались за его присутствие в преподавании.

Большая часть интеллигенции Бурятии (90 %) высказывается за многоязычное обучение, однако в профессиональных группах предпочтения того или иного языка расходятся.

Так, за преобладание русского языка высказались работники среднего и высшего образования, финансирования, инженерно-технические работники, за сочетание русского и бурятского языка – преподаватели вузов, работники науки, духовенство. Вместе с тем, 16,6 % национальной научной интеллигенции отдают предпочтение бурятскоязычной школе с изучением русского языка, а 46 % ИГР считают, что обучение должно вестись на русском и английском языках. Возрастные характеристики респондентов также имеют значение: русско-бурятского двуязычия в обучении придерживаются преимущественно представители среднего (31–50 лет) и старшего (свыше 60 лет), бурятско-русского – старшего возраста. Молодая интеллигенция (до 25 лет) обоих национальностей считает наиболее подходящим сочетание русского и англий-

---

[1] Там же. – С. 116.

ского языков (37,5 %), а также русского, бурятского и английского (47,5 %).

Если основным фактором языковой ситуации в Бурятии является преобладание русского языка, то в Якутии языки доминирующих этносов, русского и якутского имеют примерно равные позиции. Тем не менее, анализ этноязыковой ситуации Якутии показывает, что в ее районах коммуникативные возможности русского и якутского языков различны: русский язык используется в промышленной зоне и городских поселениях, в моноэтнических сельскохозяйственных улусах во всех сферах жизнедеятельности преобладает якутский язык, языком межнационального общения в местах проживания малочисленных народов Севера являются якутский, эвенкийский, эвенский языки.

Характерным признаком языковой ситуации в Якутии является якутско-русское, а в отдельных районах и русско-якутское двуязычие. В качестве примера могут служить данные анкетного обследования в ряде улусов в центральной и юго-западной Якутии. Так, в Олекминском улусе на свободное владение вторым языком указали 79,4 % якутов, в Хангаласском – 65,9 %[1], причем большинство опрошенных в одинаковой степени владеет как устной, так и письменной речью. Высокий уровень владения языком коренной национальности отметили русские, проживающие в этом улусе: 46,1 % – владеют свободно, 7,3 % – с затруднениями. Причем, если в Олекминском улусе русские и якуты представлены аналогично республиканским показателям, т.е. приблизительно в равных долях, то в Хангаласском -- якуты значительно преобладают над русским населением. Высокие показатели владения русским языком наблюдаются у работников умственного труда: педагогов, врачей, служащих государственных учреждений, а также студентов, учащихся техникумов и школ: у инженерно-технических работников, работников высокой квалификации, которые трудятся в многонациональных трудовых коллективах[2]. Языковую ситуация в Приленском регионе, где под воздействием этнодемографического фактора – многонационального населения

---

[1] Николаев А. А. Современные тенденции развития Республики Саха (Якутии). URL:http://www.debri-dv.com/article/973

[2] Аргунова Т.В., Васильева Р.И. Динамика этноязыковых процессов в современной социальной эволюции // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. – Новосибирск, 2000. – С. 233.

– сложилась уникальная культура, вобравшая в себя духовные ценности различных народов и локальных этнических групп, нельзя назвать типичной для всей республики, но она может служить примером толерантных межэтнических отношений в полиэтнической среде.

В первой половине 1990-х гг., по результатам исследований Института языка, литературы и истории СО РАН, большинство русского населения (60-70 %) считали необходимым и желательным знание якутского языка. Для этого на отдельных предприятиях и в образовательных учреждениях стали открываться обучающие курсы, разрабатываться программы. Однако из-за отсутствия материальной базы (недостаток учебников и методической литературы, печатных изданий), нехватки преподавателей, неподготовленности общественного мнения эта попытка не получила продолжения[1].

На рубеже XX и XXI вв. на государственном и республиканских уровнях были приняты важные документы, в числе которых. Концепция государственной национальной политики, законы о государственных языках, целевые программы развития языков, концепции национальной школы и др., которые предоставили огромные возможности для этнокультурного развития республик, в том числе для их языкового развития. В Якутии это воплотилось в увеличение количества школ с двумя языками обучения, в разработке и внедрении новых государственных образовательных стандартов, во внедрении опыта мультилингвального образования в учебных заведениях г. Якутска. Двуязычность периодической печати, книг, радио- и телевещания, судопроизводства, наглядной информации также являются сегодняшними реалиями.

Однако, как показывают обследования под руководством Л.М. Дробижевой в ряде республик РФ, в том числе в Якутии, существенных изменений в языковой практике в плане усиления позиций национальных языков не произошло. «Символьные изменения есть, но в реальном использовании языков они очень небольшие, и есть сигналы к их торможению. Например, в Саха (Якутии) приостанавливается приток в школы на языке саха, поскольку русские

---

[1] Николаев А.А. Указ. соч.

школы дают лучшую подготовку для поступления в вузы, и не только в республике, но и за ее пределами»[1].

Более сложная ситуация сложилась в языковой сфере Тывы. Это связано обострением межэтнических противоречий в начале 1990-х гг., когда в результате массового оттока русских, республика потеряла значительную часть специалистов высокого уровня: инженеров, учителей, ученых, врачей, работников культуры. Существенно снизилось качество преподавания русского языка, сузилась сфера его применения.

Проблемы русского языка приобрели долговременный характер. Во многих сельских школах республики и сегодня ощущается дефицит учителей-русистов. Сложность ситуации с русским языком наглядно проявилась в последние годы с введением единого государственного экзамена по русскому языку в качестве обязательного. По данным Минобразования Тывы за 2007 г. лишь 48 %[2] школьников смогли успешно справиться с заданиями по русскому языку. «Кадровый провал начал сказываться сегодня на уровне поступлений тувинских выпускников в вузы – для многих из них именно русский стал непреодолимым барьером к продолжению образования»[3]. Такая ситуация вызвала даже своеобразную «языковую» миграцию в Кызыл из сельских районов.

Демократизация национальной политики и ее национально-языковых аспектов усилила интерес к национальным языкам. Тувинский язык является родным для 93,9 % тувинской интеллигенции, именно она играет главную роль в его развитии и распространении. Вместе с тем, и тувинская и русская интеллигенция отмечают «недопустимость перехода от былой недооценки тувинского языка к его абсолютизации»[4].

Влияют ли владение тувинским языком и национальность на получение высокого социального статуса? По мнению русскоязычной интеллигенции, они является существенным фактором в доступности получения высшего образования, влияют на возможность получения хорошо оплачиваемой работы и должности в ор-

---

[1] Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветский период. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – С. 68.

[2] Российская газета. – Федеральный выпуск № 4530. 26 октября 2007 г.

[3] Столярчук Н. Российская газета. 13 июля 2011 г.

[4] Смирнова С.Ю. Межнациональная ситуация в Туве: мнение интеллигенции // Интеллигенция и перестройка. Институт социологии РАН. – М., 1991. - С. 50.

ганах государственной власти. Об этом свидетельствуют результаты экспертного опроса, проведенного в 2009 г. в Туве.

По мнению представителей русской интеллигенции 26-45 лет, при устройстве на работу в первую очередь играют роль «фамилия и родственные связи», хотя многое зависит «от человека, его темперамента и способностей». Незнание тувинского языка считают одним из препятствий в получении хорошей должности, даже при наличии высокой квалификации и профессионализма. «Русских жителей обвиняют в том, что мы не знаем тувинский язык… Я бы с удовольствием изучала язык, чтобы двигаться дальше и чтобы меня противоположный этнос воспринимал достаточно хорошо. Но нет ничего для русских – ни школ, ни учебников…Тувинский должен изучаться также, как и русский». Мнению преподавателей созвучны высказывания русских студентов Тувинского госуниверситета, будущей интеллигенции: «Если человек будет знать тувинский язык, то проблем у него станет намного меньше. В ТГУ мы не изучаем тувинский язык, в школе у некоторых был»[1]. Владение языком, по мнению большинства, влияет на конкурентоспособность, так же как и национальная принадлежность.

Эксперты тувинской национальности (интеллигенция, 26–45 лет) придерживаются иной точки зрения, считая, что в республике национальность и владение языком не влияет на возможность получения высокой должности в органах государственной власти или высокого профессионального статуса, хотя не исключают определенных «перекосов» в кадровой политике.

Подавляющее большинство русской интеллигенции не владеет тувинским языком, 20 % понимает тувинский язык, доля владеющих им в совершенстве много меньше – 4,6 %. Используют тувинский язык для общения всего 0,9 % городской интеллигенции, среди сельской этот показатель немного выше, в основном у живущие среди тувинцев в отдаленных районах.

Тувинская интеллигенция пользуется двумя языками, русский язык особенно популярен у городской ее части, 64,0 % которой общается на русском языке на работе, 43,8 % – в семье. Среди сельских специалистов коренной национальности на русском языке общается на работе лишь каждый пятый, с друзьями и близки-

---

[1] Петрова Е.В. Особенности этносоциальной стратификации в Республиках Сибири // Вестник Бурятского госуниверситета. Серия: Философия, социология, политология, культурология. Вып. 14а. – С. 138-139.

ми – еще меньше, предпочитая родной язык русскому. Такое положение способствует определенной замкнутости национальных групп интеллигенции и не может позитивно влиять на национальную ситуацию.

Наряду с языком, важную роль в жизни этноса, его духовной культуры, играют традиции.

Традиции определяются как элементы социального и культурного наследия, которые передаются от поколения к поколению и закрепляются в жизни этноса в течение длительного времени, являясь необходимым условием его существования. Традиции устанавливают нормы поведения, нравственного отношения к людям, приобщают к духовно-нравственным ценностям народа.

Важнейшими духовно-нравственными ценностями, транслируемыми русскими традициями являются любовь к родной земле, доброжелательное отношение к другим этносам, бескорыстие, уважение к старшему поколению, родителям, трудолюбие, гостеприимство.

В духовной культуре русского народа традиционные ценности всегда занимали важное место. Кардинальные перемены в системе традиционных ценностей были связаны с Октябрьской революцией 1917 г. и изменениями существовавших общественных отношений. Качественные изменения экономики, социальной структуры, идеологии, обусловили утверждение новых взглядов, идеалов, традиций, в то время как многие коренные традиции безосновательно представлялись устаревшими и даже реакционными. Это коснулось не только традиционных ценностей русского народа, но даже в большей степени национальных традиций народов, когда приверженность историческим традициям, обычаям, ритуалам расценивалась как проявления национализма.

Примером может служить запрет одного из крупнейших памятников устного народного творчества монголов «Гэсэр», имеющий 1000-летнюю историю. Он был объявлен антинародным, феодально-ханским произведением. Разрушению подверглись десятки буддийских монастырей с хранилищами ценных книг[1].

Существенной девальвации подверглись такие этнические ценности, как особое почитание родителей, родных и предков, стремление к этническому своеобразию предметной и экологической

---

[1] Осинский И.И. Указ. соч. – С. 81-82.

среды обитания, быта. Однако, несмотря на утрату отдельных традиций, большая часть унаследованного от прошлого проявило жизнестойкость, что означает его глубокую укорененность в духовном сознании народа.

Особую роль в судьбах национальных традиций играет интеллигенция, которая не только является их носителем, но и продуцирует новые духовные ценности и нравственно-эстетические идеалы, которые подчас превращаются в традиции. В какое мере сама интеллигенция следует традициям своего народа дают представление материалы исследования: 13,5 % респондентов русской национальности в Бурятии, 13,9 % в Тыве и 7,6 % в Якутии придерживаются всех национальных традиций, в основном придерживаются – по 45,7 % в Бурятии и Тыве, 63,4 % в Якутии, придерживаются «изредка» – 32,5 % в Бурятии, 26,9 % в Тыве и 13,2 % в Якутии. 7 % русской интеллигенции в Бурятии не придерживается национальных традиций, еще 0,9 % не видят в этом необходимости, в Якутии доля русских респондентов не следующих традициям своего народа составляет 4,9 %, в Тыве – 31,6 %.

Отмечая в целом высокую приверженность русской интеллигенции республик своим национальным традициям, обращает на себя внимание значительная доля русских в Тыве (каждый третий из опрошенных) для которых традиции своего народа не играют существенной роли в их жизнедеятельности и мироощущении. Возможно, это связано с ущемлением национального самосознания русских в трудный период русско-тувинских отношений, что повлияло на устойчивость традиционных ценностей, вызвало доминирование общечеловеческих или рационалистических.

О более глубокой укорененности национальных ценностей в среде бурятской, якутской и тувинской интеллигенции свидетельствуют следующие данные: 98.3 % бурят, 95,1 % якутов, 99,2 % тувинцев придерживаются их в своей жизни, причем значительная часть придерживается всех национальных традиций.

Среди представителей интеллигенции Бурятии, в большей степени придерживаются национальных традиций своего народа культпросветработники, специалисты сельского хозяйства (100 %), руководители, работники аппарата управления (98,2 %), народного образования (94,3 %), медработники (92,9 %) работники литературы и искусства (87%), духовенство (85,6 %). В меньшей степени приобщены к национальным традициям инженеры

(90,6 %; из них 43,3 % придерживаются традиций лишь изредка), специалисты торговли, общественного питания (82,7 %), научные работники (75 %).

Место проживания (город/село) не обнаруживает заметной разницы в приверженности национальным традициям. У горожан и сельчан Бурятии она достаточно высокая, однако среди выходцев из сельской местности более высокая доля тех, кто следует традициям своего народа (80,2 %), чем у коренных горожан (59,1 %). Особенностями сельской среды, по словам Т.Н. Бояк, является способность сохранять духовные ценности, закрепившиеся в архетипе села (консерватизм, патриархальность, традиционность), «соблюдать некоторую обособленность, отграниченность от внешнего мира, и тем самым препятствовать распространению в своей среде инновационных процессов»[1]. С другой стороны, было бы неразумно сохранять все традиции в неизменном виде ограничиваясь функцией простой передачи. Тем более, по мнению Г.К. Касумовой, избежать давления унификации и стандартизации национальных традиций, сохранить закрытость этнических культур в условиях глобализации маловероятно. «Самобытность как универсальное свойство культуры предполагает не консервацию традиций, упрощение и примитивизацию культурных форм, а постоянное усложнение, укрепление ядра культуры»[2].

Именно культура, язык, обычаи и традиции хранят в себе в большей мере, чем другие сферы общественной жизни национально особенное присущее данному народу. В этой связи долг интеллигенции состоит в том, чтобы обеспечить сохранение, воспроизводство и трансляцию этнокультурного опыта собственного народа, который включает в себя формы общения и способы взаимодействия, ценности и нравственно-этические нормы.

Итак, межэтническая толерантность является необходимым условием жизнедеятельности интеллигенции и других социальных групп в полиэтнической среде. Она предполагает деятельность, взаимодействие социальных партнеров на основе равенства, от-

---

[1] Бояк Т.Н. Русская сельская молодежь: трансформация духовно-нравственных ценностей (на материалах Республики Бурятия и Читинской области). – Улан-Удэ, 2007. – С. 153-154.

[2] Касумова Г.К. Традиционная культура и глобализация // Интеллигенция и проблемы национальных отношений: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. – М.; Улан-Удэ, 2008. Т. 2. – С. 199.

крытость социального опыта другого, сохранения индивидуального своеобразия каждого из них и достижения согласия на основе диалога и ненасилия.

На формирование межэтнической толерантности национально-государственных образований Сибири большое влияние оказали их совместная историческая судьба, добрососедство, сотрудничество, взаимопомощь. Трансформация российского общества, ухудшение экономического и социального положения оказали негативное воздействие на межэтнические отношения, особенно в Тыве и Якутии. Благодаря усилиям интеллигенции, других социальных групп сегодня этнические отношения приобрели необходимые черты толерантности. Важнейшими критериями сотрудничества, взаимоуважения являются обоюдный интерес русской интеллигенции и интеллигенции титульных наций к овладению языками, культурой, традициями, инновациями не только своих народов, но и народов совместного проживания.

Обогащение интеллигенции, ее народа ценностями, достоянием других народов будет способствовать дальнейшему развитию толерантных отношений в полиэтнической среде сибирских регионов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях трансформации российского общества осмысление социального статуса русской интеллигенции, ее социальной структуры, тенденций развития, социального настроения, роли в стране и ее национально-государственных образованиях представляется важной задачей.

На основе анализа теоретико-методологического опыта, накопленного отечественной и зарубежной наукой по проблемам интеллигенции, определены основные философские и социологические подходы к исследованию проблем русской интеллигенции, проанализировано содержание понятия «интеллигенция». Признавая приоритет социально-функциональных качеств данной группы, а также значимость культурно-личностных свойств, совокупность которых называют интеллигентностью, под интеллигенцией понимается социальная группа, члены которой функционально заняты сложным умственным трудом и обладают общепризнанными развитыми культурно-нравственными качествами.

Для выяснения положения русской интеллигенции в национально-государственных образованиях России принципиальным представлялось рассмотрение понятия «социальный статус», который в исследовании определяется как интегративный показатель статусных позиций социальной группы и ее представителей в обществе, в системе социальных связей и отношений.

В процессе реформирования российского общества в статусных позициях интеллигенции произошли кардинальные изменения, которые повлияли на ее имидж, социальное настроение, престиж деятельности.

Место и роль русской интеллигенции в социальной структуре современного российского общества определялась через выявление положения в основных сферах общественной жизни: экономической, социальной, политической и духовной. Социальные позиции в каждой из четырех сфер в совокупности дали целостное представление о статусе русской интеллигенции. В качестве основных статусных позиций использовались: а) экономические (отношение собственности, управление собственностью, отраслевая занятость); б) социальные (доходы, профессиональная деятельность, жилищно-бытовые условия, территория проживания); в)

политические (обладание властью, выполнение управленческих функций в политической сфере, работа в органах муниципального управления, участие в политическом процессе); г) социокультурные (уровень образования, профессия, потребности, интересы, престиж, образ и стиль жизни, ценности). Наряду с количественными методами, позволившими получить информацию, отражающую динамику и тенденции численного роста интеллигенции, их особенности, структурные изменения, влияние научно-технического прогресса и социальных трансформаций на качественный состав, характеристику поселенческой, отраслевой, профессиональной структуры интеллигенции национально-государственных образований России, применялись качественные методы. Их использование обусловлено, главным образом, выяснением вопросов, касающихся духовно-нравственных качеств русской интеллигенции, ее социального настроения, перемен в ценностных ориентациях. Не менее важным явилось использование субъективных оценок представителей русской интеллигенции собственного положения, полученных в результате социологических исследований.

Условиями изменения социального статуса русской интеллигенции выступает социальная среда, как совокупность экономических, политических и духовных условий существования, формирования и деятельности социальных групп. В качестве факторов – состояние политики, экономики, морали, а также сознательная деятельность, воля конкретных субъектов.

В ходе исследования было выявлено влияние процесса трансформации общества на интеллигенцию, которое выразилось в двух обобщающих результатах: первый – в снятии политических и идеологических ограничений в различных сферах жизнедеятельности интеллигенции, в развитии демократии, создании условий для интеллектуальной, творческой деятельности, что предполагает повышение социального статуса данной социальной группы. Второй – в разрушении основных сфер, в которых базируется деятельность интеллигенции (наука, образование, культура, сельское хозяйство, промышленность и др.), резком изменении экономического положения преобладающей части работников интеллектуального труда, расслоении ее на богатых и бедных, в существенном уменьшении морально-психологической нагрузки, в сниже-

нии творческого потенциала, что существенно повлияло на ее социальный статус.

Статусные позиции русской интеллигенции в экономической сфере определяются двумя факторами: 1) местом материального производства в жизни республик Сибири, как и общества в целом; 2) положением русской интеллигенции в структуре производственной интеллигенции.

В исследовании показано, что в советский период русские доминировали в составе производственной интеллигенции, внесли наибольший вклад в индустриальное освоение республик Сибири, в создание на их территории индустриально-производственных комплексов. Русские специалисты занимали ведущие позиции в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи.

Изменение статусных позиций русской интеллигенции, обусловленное распадом СССР, дестабилизацией общественно-политической ситуации в стране, внедрением рыночных отношений привело к резкому ухудшению социально-экономического положения преобладающей части производственной интеллигенции, дифференцированной по разным формам собственности; подверглась изменениям поселенческая структура (в связи с закрытием предприятий перестали функционировать многие поселки городского типа); видоизменилась отраслевая структура интеллигенции (отдельные отрасли прекратили свое существование); произошло резкое сокращение численности русскоязычных ИТР и рабочих, вызванное их оттоком, особенно в Якутии и Тыве.

Анализ проблем рынка труда в республиках Сибири свидетельствует о несоответствии содержания и качества подготовки специалистов реальным потребностям сферы труда. Напряженность на рынке труда в немалой степени связана с проблемами трудоустройства выпускников вузов и ССУЗов по многим специальностям гуманитарного, социально-экономического, управленческого профиля. В то же время как экономика сибирского региона испытывает острую потребность в специалистах по целому ряду специальностей, особенно в области компьютерных технологий и программного обеспечения, электроэнергетики, нефтегазовой промышленности, транспорта, лесопромышленного комплекса и др.

Современную русскую интеллигенцию характеризует высокая степень дифференциации по степени занятости, профессиональ-

ной деятельности, уровню квалификации, доходу, жилищно-бытовым условиям и др. Уменьшилась доля занятых в материальной сфере, и, наоборот возросла численность и роль специалистов в сфере торговли, обслуживания, финансово-кредитной, информационно-вычислительной деятельности. Произошло снижение социального статуса отраслевых групп интеллигенции, занятых в науке, образовании, культуре, здравоохранении. Усилилась тенденция уменьшения численности сельской интеллигенции, миграция ее в город.

Наиболее значимый показатель статусной позиции русской интеллигенции – доход, основным источником которого является заработная плата. Анализ изменений в оплате труда по отраслям, профессиональным группам, дополненный результатами субъективной оценки респондентами своего благосостояния, показывают улучшение материального положения специалистов (по сравнению с серединой 1990-х гг.), однако существенные различия в оплате по отраслям и формам собственности предприятий (организаций) сохраняются, что заставляет значительную часть специалистов работать дополнительно.

Политический статус русской интеллигенции определяется степенью ее включенности в систему политических отношений. По сравнению с советским периодом, представительство русских в законодательной, исполнительной и судебной ветвях власти существенно уменьшилась, возросла доля представителей титульных наций. Как показало исследование, преобладающую часть русской интеллигенции характеризует невысокая политическая активность, утрата интереса к политическим партиям и движениям.

Вклад русской интеллигенции в духовную жизнь общества детерминирован деятельностью той ее части, которая занята в сфере духовного производства и непосредственно создает духовные блага и ценности. Вместе с тем, резкое снижение жизненного уровня обусловило социальное противоречие между провозглашенным статусом работников этой сферы (работников образования, науки, искусства, культпросветработников и др.) и доходом, реальным престижем их деятельности.

Социальный статус русской интеллигенции национально-государственных образований во многом детерминирован ее духовно-нравственными качествами (гуманизмом, любовью к родине, доброжелательным отношением к другим этносам, бескоры-

стием и др.), сыгравшими огромную роль в укреплении доверия, сотрудничества, в утверждении государственного единства. Русская интеллигенция, как показано в исследовании, сыграла большую роль в становлении и развитии национальной интеллигенции автономий Сибири. Вместе с тем, интеллигенция народов Сибири оказывает благотворное воздействие на творчество русской интеллигенции.

Социального настроение и самочувствие русской интеллигенции определяется ее национальными чертами, внутригрупповой дифференциацией, во многом обусловлено социально-экономической и политической ситуацией в стране и регионе, возможностью адаптации к рыночным преобразованиям, востребованностью на рынке труда профессионально-квалификационного потенциала интеллигенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Ю.Ф. Об интеллигенции и интеллигентности / Ю.Ф. Абрамов // Философские науки. – 1991. – № 6. – С. 62-63.
2. Абрамов Ю.Ф. Проблемы интеллигенции в России XIX-XX века. Очерки историко-социального и философского исследования / Ю.Ф. Абрамов, Г.В. Акименко, Г.В. Логунова. – Иркутск, 1994. – 124 с.
3. Абзаев П.Б. Интеллигенция как важнейший источник формирования слоя предпринимателей / П.Б. Абзаев // Интеллигенция в современном обществе: национальный и региональный аспекты: материалы междунар. науч. конф. – Ч. II. – Улан-Удэ, 1997. – С. 40-44.
4. Агалов В.К. Экономика Бурятии на современном этапе / В.К. Агалов, Н.И. Атанов // Республика Бурятия – государство в составе Российской Федерации (к 75-летию образования). – Улан-Удэ, 1998. – С. 41-62.
5. Адамчук В.В. Экономика труда / В.В. Адамчук, Ю.П. Кокин, Р.А. Яковлев. – М.: ЗАО «Финстатинформ», 1999. – 431 с.
6. Административные реформы в контексте властных отношений / под ред. А.И. Олейника и О.В. Гаман-Голутвиной. – М., 2008. – С. 333.
7. Амбарцумов Е.А. Интеллигенция / Е.А. Амбарцумов // Философская энциклопедия. – М., 1962. – Т. 2. – С. 285.
8. Амелин П.П. Интеллигенция и социализм / П.П. Амелин. - Л., 1970.
9. Аннинский Л.А. Русские плюс… / Л.А. Аннинский. – М.: Алгоритм, 2001. – 384 с.
10. Астахова В.И. Советская интеллигенция и ее роль в общественном прогрессе / В.И. Астахова. – Харьков, 1976. – 155 с.
11. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. 2-е изд. / А.С. Ахиезер. – Новосибирск, 1997. – 804 с.
12. Бабаков В.Г. Национальное сознание и национальная культура (методологические проблемы) / В.Г. Бабаков, В.М. Семенов. – М., 1996. – 70 с.
13. Бадиев А.А. Исторические корни дружбы / А.А. Бадиев // Дружба навеки: сб. ст. – Улан-Удэ, 1985. – 228 с.
14. Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX в. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 377 с.

15. Балакина Г.Ф. Современная Тува: социокультурные и этнические процессы / Г.Ф. Балакина, З.В. Анайбан. – Новосибирск: Наука, 2005 – 159 с.
16. Барбакова К.Г. Интеллигенция и власть / К.Г. Барбакова, В.А. Мансуров / АН СССР. Институт социологии. М., 1991. – 104 с.
17. Барбакова К.Г. Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия / К.Г. Барбакова, В.А. Мансуров. – Курган, 2007. – 302 с.
18. Баринов Д.Н. Социальные тревоги как феномен общественной жизни (социально-философский анализ): автореф. дис. … д-ра филос. наук / Д.Н. Баринов. – М., 2011.
19. Барская О.Л. Социальное самочувствие в дистабилизированной ситуации / О.Л. Барская // Образ жизни и состояние массового сознания. – М., 1992. – С. 78-89.
20. Барулин В.С. Социальная философия: учебник / В.С. Барулин. – 2-е изд. – М., 2000. – С. 24.
21. Багинин В.А. Интеллигенция как создатель идеологической сюрреальности / В.А. Багинин // Философские науки. – 1991.
22. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Академия, 1999. – 578 с.
23. Белых Е.Л. Социальная структура и социальные процессы в современном обществе: пособие для студентов гуманитарных педагогических институтов / Е.Л. Белых, Г.П. Веркенко. – М., 1993. – 88 с.
24. Беляев В.А. Советская интеллигенция в борьбе идей / В.А. Беляев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1990. – 150 с.
25. Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс России: 10 лет постсоветского развития / Л.А. Беляева. – М., 2001. – 192 с.
26. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Н.А. Бердяев. – СПб., 1910. – 396 с.
27. Бердяев Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // Вопросы философии. – 1990. – № 1.
28. Бехтерев В.М. Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки / В.М. Бехтерев. – СПб., 1911.
29. Бирюков В.Г. Страницы истории. Друзья и встречи / В.Г. Бирюков. – М., 2007. – 392 с.
30. Бляхман Л.С. ИТР, рабочий класс, интеллигенция / Л.С. Бляхман, О.И. Шкаратан. – М., 1973. – 320 с.
31. Боборыкин П.Д. Подгнившие «Вехи» / П.Д. Боборыкин // В защиту интеллигенции: сб. ст. – СПб., 1909.
32. Богомолова Т.Ю. Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации: Презентация классической концепции

/ Т.Ю. Богомолова, С.Г. Саблина // Социологические исследования. – 1997. – № 10–11. – С. 58-65.
33. Бокарев Н.Н. Изменение социальной структуры интеллигенции / Н.Н. Бокарев, Ф.Р. Филиппов, Б.Н. Чаплин // Социология и современность. Т. 1. – М., 1997.
34. Болотин И.С. Российская интеллигенция в XX веке: проблемы социологического изучения / И.С. Болотин // Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: тезисы всерос. теор.-метод. конф. – М., 2000.
35. Бороноев А.О. Россия и русские: Характер народа и судьбы страны / А.О. Бороноев, П.И. Смирнов. – СПб., 1992. – 142 с.
36. Бояк Т.Н. Русская сельская молодежь: трансформация духовно-нравственных ценностей (на материалах Республики Бурятия и Читинской области) / Т.Н. Бояк. – Улан-Удэ, 2007. – 478 с.
37. Брагина Д.Г. Современные этнокультурные процессы у народа саха / Д.Г. Брагина. – Якутск, 1996. – 87 с.
38. Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1998. – 208 с.
39. Буева Л.П. Человеческий фактор: новое мышление и новое действие (философские заметки) / Л.П. Буева. – М., 1988. – 63 с.
40. Буркина А.А. Бурятская национальная интеллигенция: воспроизводство, структура, самочувствие / А.А. Буркина, И.И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 116 с.
41. Буровский А.М. Вся правда о русских / А. Буровский. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 400 с.
42. Бурят-Монгольская АССР за 10 лет. – М. – Иркутск, 1933. – С. 28.
43. Бурятская АССР за 50 лет: статистический сборник. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. – 95 с.
44. Бурятская АССР в цифрах: сборник. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1995. – 178 с.
45. Бурятия в цифрах. Краткий статсборник № 02-3. – Улан-Удэ, 1999. – С. 36.
46. Быкова С.Н. Социальные факторы формирования интеллектуального потенциала общества / С.Н. Быкова // Диалектика социального равенства и неравенства на современном этапе развития советского общества. – М., 1991. – С. 123-135.
47. Бялый Ю. Звезда и смерть российской интеллигенции / Ю. Бялый // Россия XXI. – 1997. – № 5-6. – С. 4-27.
48. Вандалковская М.Г. К вопросу о происхождении понятия «интеллигенция» в литературе начала XX в. / М.Г. Вандалковская // Интеллигенция и революция: XX век. – М., 1985. – С. 57-62.

49. Вдовин А.И. Русский народ в национальной политике, XX век / А.И. Вдовин, В.Ю. Зорин, А.В. Никонов. – М.: Русский мир, 1998. – 443 с.
50. Великий Октябрь и социальная структура советского общества. Интеллигенция. – Минск: Наука и техника, 1988. – 296 с.
51. Веселов В.Р. Реалисты и романтики: не пора ли размежеваться? / В.Р. Веселов // Интеллигенция и власть на пороге XXI века: тезисы докл. регион. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 1996. – С. 59-60.
52. Вехи. Из глубины веков. – М., 1991.
53. Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей: 1909-1910. – М., 1991. – 462 с.
54. Вехи. PRO ET CONTRA. Антология. – СПб., 1998. – 853 с.
55. Винокурова Т.З. Возрастная структура населения Якутии: геодемографическое исследование / Т.З. Винокурова, Е.Н. Федорова. – Новосибирск: Наука, 2001. – 148 с.
56. Возьмитель А.А. Духовная безопасность: социологический анализ / А.А. Возьмитель // Мир России. – 2006. – № 2.
57. Волков В.С. Деятельность коммунистической партии по формированию технической интеллигенции в период строительства социализма (1928-1937 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук / В.С. Волков. – Л., 1976.
58. Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе / С.В. Волков. – М., 1999. – 250 с.
59. Волков Ю.Е. Организация управления обществом / Ю.Е. Волков // Вопросы философии. – 1965. – № 8.
60. Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория / С.Я. Вольфсон. – М. – Л., 1926. – С. 9.
61. Вопросы методологии и истории наций и национальных отношений в регионе Восточной Сибири: тезисы и материалы научного совещания. – Улан-Удэ, 1992. – 42 с.
62. ВСГАКИ: 40 лет готовим специалистов культуры // Бизнес Олзо. 2000 г. 29 сентября (№ 39).
63. Высшая школа Республики Саха (Якутия) на пороге XXI в. К 65-летию высшей школы в Якутии. – Якутск, 1999. – С. 44-45.
64. Габдулгафарова И.М. Интеллигент в провинции / И.М. Габдулгафарова // Credo. – Оренбург, 1997. – № 1. – С. 63-66.
65. Галкин А.Л. Тенденции изменения социальной структуры / А.Л. Галкин // Социологические исследования. – 1998. – № 10. – С. 85-91.
66. Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая / А. Грамши. – М., 1991.
67. Гегель Г. Лекции по истории / Г. Гегель // Соч. Т. IX. – М., 1932-1935.

68. Гаррос В. Интеллигенция // 50/50 опыт словаря нового мышления / В. Гаррос. – М.: Прогресс, 1989. – С. 131-137.
69. Голенкова З.Т.Социальная структура и стратификация / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян // Социология в России. – М., 1998. – С. 105.
70. Гордон М.М. Социальный класс в американской социологии // Социальная стратификация: сб. ст. Вып. 3. / М.М. Гордон. – М., 1992.
71. Горшков М.К. Реформы в зеркале общественного мнения / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 9-10.
72. Горький М. Собр. соч. – М., 1949-1955. Т. IV. – С. 219.
73. Гурков Л. Интеллигенты и интеллигенция / Л. Гурков // Знамя. – 1992. – № 3-4.
74. Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи / Е.В. Давыдова. – М., 1992. – 50 с.
75. Дагбаев Э.Д. Институциональный дизайн политических процессов в российских регионах Внутренней Азии и Монголии / Э.Д. Дагбаев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – 304 с.
76. Данилова З.А. Международная трудовая миграция в приграничном регионе / З.А. Данилова. – Улан-Удэ, 2011. – 198 с.
77. Дегтярев Е.Е. Интеллигенция и власть / Е.Е. Дегтярев, В.К. Егоров. – М., 1992. – 63 с.
78. Добреньков В.И. Социология: в 3 т. Т. 2: Социальная структура и стратификация / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 536 с.
79. Добринская Д.Е. Социальное неравенство и теории классов: концепции Томаса Х. Маршалла, Ральфа Дарендорфа, Эрика О. Райта: автореф. дис. … канд. социол. наук / Д.Е. Добринская. – М., 2010.
80. Долгопятова Т.Г. Российский бизнес 20 лет спустя / Т.Г. Долгопятова, И. Ивасаки, А.А. Яковлев // Мир России. – 2009. – № 4. – С. 99.
81. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветский период / Л.М. Дробижева. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.
82. Дэвис К. Некоторые принципы стратификации / К. Дэвис, У.Е. Мур // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М.: ССА, 1968. – С. 20.
83. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1990.
84. Евразийство. Опыт систематического изложения / Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. – М., 1992.

85. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение / А.А. Елаев. – М., 2000. – 352 с.
86. Елаева Е.В. Бурятская интеллигенция: доминанты этнического самоопределения / Е.В. Елаева // Этнографическое обозрение. - 1998. – № 2. – С. 126-139.
87. Басаев Г.Д. М.Н. Ербанов. 3-е изд. / Г.Д. Басаев, С.А. Ербанов. - Улан-Удэ, 1989. – С.210.
88. Жамбаев Б.Ц. Проблема национальных меньшинств: теория и практика / Б.Ц. Жамбаев, В.И. Затеев. – Улан-Удэ, 2000. – 116 с.
89. Жамцарано Ц.О. О бурятской национальной интеллигенции: исторический очерк / Ц.О. Жамцарано // Байкал. – 1990. – № 1. – С. 80-82.
90. Железнова Г.А. регулирование процессов миграции как фактор стабилизации экономики / Г.А. Железнова // Проблемы стабилизации экономики северного региона при переходе к рыночным отношениям. – Якутск, 1993. – С. 119.
91. Занятость населения в Бурятской ССР. Улан-Удэ, 1993. – 23 с.
92. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. - М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2007.
93. Заславская Т.И. О социальных функциях миграции сельского населения в городе / Т.И. Заславская // Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. – М., 1970. - С. 103.
94. Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры российского общества / Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Вып. 3. / Т.И. Заславская. – М., 1997. – С.69.
95. Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры российского общества / Т.И. Заславская, Р.Г. Громова // Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / под ред. Д.С. Львова. М.: Экономика, 1999.
96. Затеев В.В. Студенты 90-х: социальные и нравственные основы жизнедеятельности / В.В. Затеев, И.И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997. – 119 с.
97. Затеев В.И. Динамика изменений и взаимодействия этносоциальной и демографической структур региона / В.И. Затеев, Б.В. Хараев. – Улан-Удэ, 1999. – 94 с.
98. Зборовский Г.Б. Профессиональное образование и рынок труда / Г.Б. Зборовский, Е.А. Шуклина // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 99-106.

99. Зимирев Г.И. Изменение социального положения учительства Забайкалья: проблемы, пути решения (опыт конкретного социологического анализа) / Г.И. Зимирев. – Чита, 1998. – 104 с.
100. Зиновьев Александр. Глобальное сверхобщество и Россия / А. Зиновьев. – М., 2000. – 128 с.
101. Знанецкий Ф. Исходные данные социологии / Ф. Знанецкий // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С. 74.
102. Золхоева М.В. Теория социальной стратификации Питирима Сорокина: сущность, современные интерпретации / М.В. Золхоева, В.И. Затеев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 122 с.
103. Иванов М. Телевидение осталось в главной роли / М. Иванов // Коммерсант. 5 апр. 2011 г.
104. Иванова Л.И. Инженерно-техническая интеллигенция в условиях перехода к рынку / Л.И. Иванова, И.И. Осипский. – Улан-Удэ, 2003. – С. 58.
105. Иванов-Разумник Р.В. Что такое интеллигенция? / Р.В. Иванов-Разумник // Интеллигенция. Власть. Народ. – М., 1993. – С. 73-80.
106. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли / Р.В. Иванов-Разумник. – П., 1918.
107. Изгоев А.С. Интеллигенция как социальная группа / А.С. Изгоев // Образование. – 1904. – № 1.
108. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность / В.И. Ильин // Мир России. – 2005. – № 2.
109. Ильин В.И. Основные контуры системы социальной стратификации общества государственно-монополистического социализма / В.И. Ильин // Рубеж. – 1991. – № 1.
110. Ильин В.И. Социальная стратификация / В.И. Ильин. – Сыктывкар, 1991.
111. Интеллигенция в диалоге культур: сб. ст. / под общей ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: РГГУ, 2007. – 510 с.
112. Интеллигенция и взаимодействие культур: материалы VI Междунар. науч. конф.: в 2 т. – М., Улан-Удэ, 2007.
113. Интеллигенция и нравственность: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. – Улан-Удэ, 2005. – 668 с.
114. Интеллигенция и проблемы национальных отношений: материалы VII Междунар. науч. конф. (Байкальская встреча): в 2 т. М.; Улан-Удэ, 2008. – 610 с.
115. Интеллигенция и революция, XX век. – М.: Наука, 1985. – 335 с.
116. Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: материалы всерос. науч. чтений 26-28 октября 1999 г. – Кемерово, 1999. – 228 с.

117. Интеллигенция в изменяющемся обществе: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития: материалы VIII Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ, 2010. – 437 с.
118. Интеллигенция в условиях общественной нестабильности: сб. ст. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 303 с.
119. Интеллигенция в социально-экономической ситуации в стране: данные эмпирических исследований 1989-1990 гг. – М.: Институт социологии АН СССР, 1990. – 200 с.
120. Интеллигенция в политической истории XX века: межвуз. сб. науч. тр. – Иваново, 1993. – 119 с.
121. Интеллигенция перед лицом новых проблем. – М., 1988.
122. Интеллигенция: проблемы гуманизма народа, власти: материалы междунар. науч. конф: в 3-х ч. – М., Улан-Удэ, 1994. – 370 с.
123. Интеллигенция России: Уроки истории и современность: тезисы докладов межгос. науч.-теорет. конф. – Иваново, 1994. – 334 с.
124. Интеллигенция и нравственность: социологические очерки. – М.: НИИВО, 1993. – 249 с.
125. Интеллигенция и перестройка / АН СССР. Институт социологии. – М., 1991. – 182 с.
126. Интеллектуализация общества и творчество. – Новосибирск, 1991. – 232 с.
127. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура / Л.Г. Ионин // Социологические исследования. – 1996. – № 3. – С.35.
128. Кайгородова С.И. Актуальные проблемы трудоустройства сельской молодежи в РС (Я) (по материалам экспертного опроса) / С.И. Кайгородова // Институт социальных проблем труда: сб. науч. работ. Вып. 10. Якутск, 2004. – С. 124.
129. Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации / А.А. Кара-Мурза. – М.: Институт философии РАН, 1995. – 211 с.
130. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция продолжается. Стратегия разрухи / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2011. – 352 с.
131. Карапетян Р.О. Становление и развитие интеллигенции как особого социального слоя / Р.О. Карапетян. – М., 1974. – 147 с.
132. Карлов Н.В. Интеллигентна ли интеллигенция / Н.В. Карлов // Вопросы философии. – 1998. – № 3.
133. Карлов Н.В. Честь имени, или о русском национальном самосознании / Н.В. Карлов // Вопросы философии. – 1997. – № 4.
134. Карнышев А.Д. Психология и обратная связь в деятельности регионального парламента / А.Д. Карнышев. - Иркутск: БГУЭП, 2009. – 276 с.

135. Карпачев М.Д. Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени / URL:http:www.sgu.ru /files/nodes/9873/05.pdf
136. Касьянова К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М.: Академический Проспект, 2003. – 560 с.
137. Кива А. Выяснение истины или метания радикальной интеллигенции? / А. Кива // Культура. – 14 декабря 1991 г.
138. Кислицына О.А. Неравенство доходов в переходной экономике России / О.А. Кислицына. – М., 2003.
139. Кобылянский В.А. Русская идея и возрождение России / В.А. Кобылянский. – Иркутск: Изд-во Иркут. университета, 1997. – 164 с.
140. Ковалев А.М. Способ духовного производства в структуре общества: идеи, размышления, гипотезы / А.М. Ковалев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 387 с.
141. Козырева П.М. Некоторые тенденции адаптационных процессов в сфере труда / П.М. Козырева // Социологические исследования. – 2005. – № 9.
142. Козьмин Н.Н. Туземная интеллигенция Сибири / Н.Н. Козьмин // Сибирская живая старина: этнограф. сб. – Иркутск, 1923. – С. 72-90.
143. Комаров М.С. Социальная стратификация и социальная структура / М.С. Комаров // Социологические исследования. – 1992. – № 7. – С. 62-67.
144. Комиссаров С.Н. Художественная интеллигенция: противоречия в сознании и деятельности / С.Н. Комиссаров. – М., 1991. – 303 с.
145. Кондратьев В. «Вехи» и мы / В. Кондратьев // Литературная газета. – 1993, 10 марта.
146. Кормер В.Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура / В.Ф. Кормер. – М.: Традиция, 1997. – 288 с.
147. Корниенко Н.Ф. Сфера труда: современные особенности и тенденции / Н.Ф. Корниенко // Экономические науки. – 2009. – № 12 (61).
148. Костиков В.О. О «феномене Лоханкина» и русской интеллигенции / В.О. Костиков // Огонек. – 1998, нояб.
149. Кочетов А.Н. Интеллектуальный потенциал общества / А.Н. Кочетов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991. – 128 с.
150. Красильников С.А. Формирование советской интеллигенции Сибири в переходный от капитализма к социализму период: учеб. пособие / С.А. Красильников. – Новосибирск, 1987. – 91 с.
151. Крылов А.Н. Креативный класс: новая роль интеллигенции в экономике / А.Н. Крылов // Бизнес-Ключ. Ч. 1. – 2008. – № 2.

152. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. Курс лекций / В.Г. Крысько. – М., 2002. – 448 с.
153. Крыштановская О.В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия / О.В. Крыштановская // Мир России. – 2002. № 4.
154. Кугель С.А. Молодые инженеры: социологические проблемы инженерной деятельности / С.А. Кугель, О.М. Никандров. – М., 1972. – 207 с.
155. Кужугет А.К. Тувинцы и русские в контексте изучения чувства национального достоинства (постановка проблемы) / А.К. Кужугет // Новые исследования Тувы. Электронный информационный журнал. 2011. – № 2-3.
156. Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: материалы регион. науч. конф. – Новосибирск, 2000. – 235 с.
157. Культурная революция в Якутии (1917–1937 гг.). – Якутск. 1968. – С. 412.
158. Культурное строительство в Бурятской АССР (1917 1981): Документы и материалы. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. - 537 с.
159. Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции (Очерки) / В.А. Куманев. – М., 1991. – С. 13.
160. Лавров П.Л. Исторические письма / П.Л. Лавров // Философия и социология: Избранные произв.: в 2 т. – М., 1965. – Т.2.
161. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 1996. – № 5.
162. Лебедев В. Судьба русской интеллигенции / В. Лебедев // Литературное обозрение. – 1990. – № 9.
163. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. / В.Р. Лейкина-Свирская. – М., 1971.
164. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В.И. Поли. собр. соч. – Т. 1. – С. 125-346.
165. Ленин В.И. Речь на 1 Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 г. // Ленин В.И. Поли. собр. соч. – Т. 1. – С. 420-421.
166. Ленин В.И. Успехи и трудности советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 39-73.
167. Лепешкин Н.Я. Социальное самочувствие населения на современном этапе трансформации российского общества (региональный аспект): автореф. дис. … канд. социол. наук / Н.Я. Лепешкин. – Хабаровск, 2004.
168. Лихачев Д.С. О русской интеллигенции / Д.С. Лихачев // Новый мир. – 1993. – № 2.
169. Лосев А.Ф. Об интеллигентности / А.Ф. Лосев // Дерзание духа. – М., 1988.

170. Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.
171. Лумбуцыренова Т.Ц. О проблеме кадрового дефицита и путях ее решения (на примере IT-специалистов / Т.Ц. Лумбуцыренова, Г.-Х. Ц. Гунжитова // Проблемы профессиональной подготовки управленческих кадров в современных условиях. – Улан-Удэ, 2008. – С. 147.
172. Луначарский А.В. Об интеллигенции: сб. ст. / А.В. Луначарский. – М.: Красная новь, 1923. – 53 с.
173. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – 544 с.
174. Маркс К. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 419-459.
175. Мамедов Р.Д. Интеллигенция в социалистическом обществе / Р.Д. Мамедов. – Баку: Азернешр, 1989. – 216 с.
176. Мансуров В.А. Молодой интеллигент развитого социалистического общества / В.А. Мансуров, К.Г. Барбакова. – М.: Наука, 1981. – 188 с.
177. Мансуров В.А. Интеллигенция конверсируемых предприятий / В.А. Мансуров, Л.А. Семенова // Социологические исследования. – 1988. – № 10. – С. 96-105.
178. Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М: Юрист, 1994. – 700 с.
179. Манхейм К. Проблема интеллигенции. Исследование ее роли в прошлом и настоящем / К. Манхейм. – М., 1993. – Ч. 2. – 104 с.
180. Маяковский В.В. Умер Александр Блок // Маяковский В.В. Собрание соч. в 8 т. – М., 1968. – Т. 2. – С.459.
181. Менделеев Д.И. Об образовании, преимущественно высшем. Глава 6. / Д.И. Менделеев // Заветные мысли. – М.: Мысль, 1995. – С. 250-251.
182. Межуев В.М. Между прошлым и будущим. Избранная социально-философская публицистика / В.М. Межуев. – М., 1996. – 151 с.
183. Мид Дж. От жеста к символу / Дж. Мид // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С. 217-218.
184. Милованова Н.О. Политическая активность интеллигенции (социолого-историографический аспект) / Н.О. Милованова // Социология власти. – 2006. – № 5. – С. 89-90.
185. Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция / П.Н. Милюков // Вопросы философии. – 1991. – № 1. – С. 106.
186. Митупов К.Б.-М. Становление социалистической социальной структуры Бурятии / К.Б.-М. Митупов. – 1938-1960 гг. Новосибирск, 1986.

187. Михайловский Н.К. Записки современника / Н.К. Михайловский // Отечественные записки. – 1881. – № 12.
188. Мнацаканян М.О. Интегрализм и национальная общность. Новая этносоциологическая теория / М.О. Мнацаканян. – М.: Анкил, 2001. – С. 180-182.
189. Моисеев Н.Н. Государство, народ, интеллигенция / Н.Н. Моисеев // Судьба российской интеллигенции: сб. ст. – СПб., 1999. – С. 44.
190. Молодая интеллигенция и устойчивое развитие: материалы XIX Междунар. науч.-теор. конф. – Иваново, 2008 г.
191. Московский А.С. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.) / А.С. Московский, В.А. Исупов. – Новосибирск, 1984. – С. 144.
192. Найдаков В.Ц. О сущности и истории интеллигенции / В.Ц. Найдаков // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1994. – С. 3-11.
193. Народное хозяйство Бурятской АССР: стат. сб. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 240 с.
194. Народное хозяйство СССР. 1922-1972. Юбилейный стат. ежегодник. – М., 1972. – 848 с.
195. Народы Сибири на современном этапе: Национальные и региональные особенности развития. – Новосибирск: Наука СО РАН, 1989. – 190 с.
196. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в современном мире / Н.А. Нарочницкая. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. – 416 с.
197. Наумова Т.В. Научная интеллигенция России в условиях политической модернизации / Т.В. Наумова // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. – 1998. – № 5. – С. 3-17.
198. Научные кадры СССР: динамика и структура. – М.: Мысль, 1991. – 84 с.
199. Национальная политика в современных условиях. -- Улан-Удэ, 1990. – 51 с.
200. Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность: тезисы и материалы докладов республ. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 1994. – 120 с.
201. Некоторые проблемы философии и социологии. - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та. – 1998. – 114 с.
202. Никитина Т.В. Гуманитарная интеллигенция в современных условиях: автореф. дис. … канд. социол. наук / Т.В. Никитина. – М., 1993. – 23 с.
203. Николаев А.А. Современные тенденции развития Республики Саха (Якутии). URL:http://www.debri-dv.com/article/973.

204. Николаев А.А. Интеллигенция и народ. – М., 1905.
205. Николаева И. Интеллигенция: превратности свободы / И. Николаева // Октябрь. – М., 1997. – № 12. – С. 114-124.
206. Ним А.Ю. Характер социально-трудовой мобильности в Республике Саха (Якутия) / А.Ю. Ним // Современные проблемы социально-трудовых отношений: сб. ст. - Якутск, 2005. – С. 130.
207. Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / под ред. В.Ю. Большакова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – С.318.
208. Овчинников Г.К. «Вехи» – «Анти-Вехи» и современность / Г.К. Овчинников // Alma mater. 2009. № 4. – С.45.
209. Олейник О.Ю. Советская интеллигенция в 30-е годы (теоретико-методологический и историографический аспекты / О.Ю. Олейник. – Иваново, 1997. – 168 с.
210. Орлова Л.А. О социальном самочувствии учителей Московской области / Л.А. Орлова // Социологические исследования – 1998. – № 8. – С. 88-89.
211. Осинский И.И. Alma Mater / И.И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. – 642 с.
212. Осинский И.И. Возрастание роли интеллигенции в совершенствовании социализма / И.И. Осинский. - М.: МГПУ, 1986. – 228 с.
213. Осинский И.И. Развитие интеллигенции национальных районов Сибири / И.И. Осинский. – М.: МГПУ, 1985. – 193 с.
214. Осинский И.И. Традиционные ценности в духовной культуре бурятской национальной интеллигенции // Социологические исследования. – 2001. – № 3. – С. 80-83.
215. Осинский И.И. К истории разработки понятия «интеллигенция» / И.И. Осинский // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. 5. Вып. 1. – Улан-Удэ, 1997. – С. 124-127.
216. Осинский И.И. Политология: учеб. пособие / И.И. Осинский, М.И. Добрынина. – Улан-Удэ, 2011. – 648 с.
217. Осинский И.И. Толерантность и этнические отношения / И.И. Осинский, М.И. Добрынина // Толерантность как социогуманитарная проблема современности: III Междунар. науч.-теор. конф. – Житомир, 2011. – 324 с.
218. Осинский И.И. Интеллигенция Монголии: проблемы формирования / И.И. Осинский, Д. Ульзийсайхан. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1995. – 151 с.
219. Осинский И.И. Современная сельская интеллигенция: облик, ценности (на материалах Республики Бурятия) / И.И. Осинский, О.А. Чепак // Интеллигенция и идеалы российского общества. Вып. XI. – М., 2010. – С. 161-165.

220. Охлопков В.Е. Конституциональные основы трансформации социальной структуры населения региона / В.Е. Охлопков. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 240 с.
221. Очирова В.М. Этнический состав политических элит полиэтнических регионов России / В.М. Очирова // Вестник Бурятского госуниверситета. Философия. Социология. Политология. Культурология. 2011. – № 14.
222. Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века / А.С. Панарин. – М., 1998. – 350 с.
223. Панченко А.М. Не хочу быть интеллигентом / А.М. Панченко // Московские новости. 15 декаб. 1991 г.
224. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.
225. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2002. – 880 с.
226. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б.Д. Парыгин. – СПб.: ИГУП, 1999. – 592 с.
227. Петрова Е.В. Особенности этносоциальной стратификации в Республиках Сибири / Е.В. Петрова // Вестник Бурятского госуниверситета. Вып. 14а. Философия, социология, политология, культурология. – С. 134-140.
228. Петрова Е.В. Русское население республик Восточной Сибири в условиях трансформации российского общества / Е.В. Петрова. – Улан-Удэ, 2006. – 336 с.
229. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи / Л.Е. Петрова // Социологические исследования – 2000. – № 12. – С.51
230. Петровский А.В. Психология / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М., 1990. – С. 302.
231. Писарев Д.И. Мыслящий пролетариат / Д.И. Писарев // Избранные философские и общественно-политические статьи. – М., 1949.
232. Писарев Д.И. Полное собрание сочинений. Т. IV. – СПб., 1903-1907. – С. 554.
233. Платонов Г.В. Духовность и наша жизнь (научно-популярный очерк) / Г.В. Платонов, А.Д. Косичев. – М.: Московский обществ. науч. фонд, 1999. – 160 с.
234. Подойницына И.И. Общество открытых классов: очерки о моделях социальной структуры / И.И. Подойницына. – Новосибирск: Наука СО РАН, 1999. – 176 с.
235. Подопригора В.Н. Русский вопрос в современной России / В.Н. Подопригора, Т.Н. Краснопевцева // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 65-74.

236. Поляков Ю.А. Зачинщица или жертва? Интеллигенция в эпохи смуты / Ю.А. Поляков // Свободная мысль. – 1996. – № 2. – С. 15-24.
237. Попова И.П. Профессиональный статус специалистов в меняющемся российском обществе / И.П. Попова. – М: Наука, 2004. – 216 с.
238. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнев. – М., 1979. – 232 с.
239. Постников А.И. Социально-философские проблемы социальной политики / А.И. Постников. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. – 216 с.
240. Пригарин А. Будущее за интеллигенцией (политические заметки) / А. Пригарин // Альтернативы. – 1999. – № 3. – С. 2-23.
241. Проблемы теории и истории изучения интеллигенции: поиск новых подходов: межвуз. сб. науч. тр. – Иваново, 1994. – 128 с.
242. Профессиональные отряды интеллигенции / АН СССР. Институт социологических исследований. – М., 1985. – 185 с.
243. Профессиональный состав населения коренных и наиболее многочисленных национальностей Российской Федерации (по данным переписи населения 1989 г.). – М., 1992. – 250 с.
244. Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 328 с.
245. 15 лет Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ, 1938. – С. 65.
246. Радаев В.В. Социальная стратификация / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан. – М., 1996. – С.223-270.
247. Рандалов Ю.Б. Изменение социальной структуры села национальных районов Сибири в условиях развитого социализма / Ю.Б. Рандалов. – Новосибирск: Наука СО РАН, 1980. – 285 с.
248. Рандалов Ю.Б. О некоторых аспектах социальной структуры современной национальной интеллигенции в Бурятии / Ю.Б. Рандалов // Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность. – Улан-Удэ, 1994. – С. 8-14.
249. Региональные проблемы социальной мобильности. – М.: Наука, 1991. – 143 с.
250. Республика Бурятия. 75 лет: стат. сб., юбилейный вып. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1998. – 320 с.
251. Республика как субъект Федерации: итоги и перспективы федеративных отношений. – Якутск, 2001. – 356 с.
252. Римский В.Л. Бюрократия, клиентизм и коррупция в России / В.Л. Римский // Полития. – 2007. – № 1. – С. 73.
253. Римашевская Н.М. Социальные последствия экономических трансформаций в России / Н.М. Римашевская // Социологические исследования. – 1997. – № 6. – С.59-60.

254. Романов А.К. Научные кадры Сибирского отделения АН СССР / А.К. Романов, Л.А. Андросова, А.Ф. Фелингер. - Новосибирск, 1979.
255. Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: тезисы докладов межгос. науч.-теор. конф. В 2-х т. – Иваново, 1995. – Т. 1. – 284 с.; Т. 2. – 361 с.
256. Российский статистический ежегодник. М., 2000.
257. Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 640 с.
258. Рубина Л.Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей / Л.Я. Рубина // Социологические исследования. – 1996. – № 6. – С. 63-75.
259. Русские. Этносоциологические очерки. – М.: Наука, 1992.
260. Русские в Бурятии: история и современность / отв. ред. В.И. Затеев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. – С. 578 с.
261. Руткевич М.Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе / М.Н. Руткевич. – М., 1977. – 96 с.
262. Руткевич М.Н. Интеллигенция как социальная группа и ее сближение с рабочим классом / М.Н. Руткевич // Классы, социальные слои и группы в СССР. – М., 1968. – С. 136-137.
263. Руткевич М.Н. Макросоциология: методологические очерки / М.Н. Руткевич. – М., 1995. – 187 с.
264. Руткевич М.Н. О социальной структуре советского общества / М.Н. Руткевич // Социологические исследования. 1999. - № 4. – С. 19-28.
265. Руткевич М.Н. Общественные потребности, система образования, молодежь / М.Н. Руткевич, Л.Я. Рубина. – М., 1988.
266. Рывкина Р.В. Интеллигенция в постсоветской России – исчерпание социальной роли / Р.В. Рывкина // Социологические исследования. – 2006. № 6.– С. 138-146.
267. Саблина С.Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России / С.Г. Саблина // Социологический журнал. – 2000. № 1-2.
268. Сбережение народа / под ред. Н.А. Римашевской: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. М.: Наука, 2007. – 326 с.
269. Сверчкова Л.П. Субъект духовного производства: методологический анализ / Л.П. Сверчкова. – Л., 1988.
270. Севастьянов А.Н. Национал-капитализм / А.Н. Севастьянов. – М., 1995. – 208 с.
271. Семенов В.С. Диалектика развития социальной структуры советского общества / В.С. Семенов. – М., 1977. – С. 44

272. Семенов В.С. Капитализм и классы. Исследование социальной структуры капиталистического общества / В.С. Семенов. – М.: Наука, 1969. – 399 с.
273. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских: социологический очерк / З.В. Сикевич. – М., 1996. – 204 с.
274. Симонян Р.Х. Средний класс: социальный мираж или реальность? / Р.Х. Симонян // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 55-61.
275. Смирнова С.Ю. Межнациональная ситуация в Туве: мнение интеллигенции / С.Ю. Смирнова // Интеллигенция и перестройка. – М., 1991. – С. 45-55.
276. Смоляков Л.Я. Социалистическая интеллигенция / Л.Я. Смоляков. – Киев, 1986. – 224 с.
277. Согрин В. Интеллигенция и реформы / В. Согрин // Общественные науки и современность. – 1993. – № 1. – С. 42-50.
278. Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции / А.В. Соколов. – СПб., 2009. – 672 с.
279. Соктоев И.А. Формирование социалистической интеллигенции в Бурятии / И.А. Соктоев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. – 68 с.
280. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность / П.А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 297-424.
281. Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / под ред. В.А. Мансурова. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2007. – 290 с.
282. Социальная идентификация личности. – М., 1993. – 168 с.
283. Социальная структура и образ жизни населения Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1990. – 126 с.
284. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / под ред. Л.М. Дробижевой. – М.: Academia, 2002. – 480 с.
285. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Бурятия: стат. сб. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1998. – 172 с.
286. Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003.
287. Стадухин С.П. Некоторые закономерности развития социалистической интеллигенции в период строительства социализма: автореф. дис. … канд. филос. наук / С.П. Стадухин. – М., 1966.
288. Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сб. – Якутск, 2003.
289. Степанов И.С. Место и роль интеллигенции в социально-классовой структуре общества: автореф. дис. … канд. филос. наук / И.С. Степанов. – М., 1989.

290. Степанян Ц.А. Закономерности формирования советской интеллигенции и основные этапы ее развития на пути к коммунизму / Ц.А. Степанян // Некоторые теоретические проблемы формирования и развития советской интеллигенции на пути к коммунизму: материалы к всесоюз. науч.-теор. конф. – М.
291. Степин В.С. Цивилизация и культура / В.С. Степин. – СПб.. 2011. – 408 с.
292. Судьба российской интеллигенции: материалы научной дискуссии / сост. и ред. В.Е. Триодин. – СПб., 1996. – С.21.
293. Судьбы русской интеллигенции. – Новосибирск, 1991. – 221 с.
294. Тенденции изменения социально-классовой структуры советских наций и народностей. Институт социол. исследований. – М: АН СССР, 1978. – 199 с.
295. Тернер Б. Статус (Из книги: Bryan S.Turner. Status. Open University, Milton Keynes, 1988) / пер. с англ. и ред. В.И. Ильина /URL:http:// www. socnet. narod. ru / library / authors / Ilyin / Irest / terner.htm
296. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа / Н.Е. Тихонова. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 320 с.
297. Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике / Н.Е. Тихонова. - М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. – 320 с.
298. Ткачев В.С. Идеалы русской интеллигенции. Сравнительный анализ общественной мысли России XVII – нач. XX веков / В.С. Ткачев. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. – 231 с.
299. Ткачев В.С. О некоторых особенностях самосознания русской интеллигенции в эпохи общественных кризисов / В.С. Ткачев // Ист.-экон. науч. журнал. – Иркутск-Чита, 1998. – № 5. – С. 22-25.
300. Тойнби А. Дж. Постижение истории / А.Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – С. 106-113.
301. Толстых В.И. Об интеллигенции и интеллигентности / В.И. Толстых // Вопросы Философии. – 1982. – № 10.
302. Тощенко Ж.Т. Гуманитарная интеллигенция: начало конца? / Ж.Т. Тощенко // Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: тез. всерос. теор.-метод. конф. – М., 2000. – С. 8.
303. Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция: этносоциологические очерки / Ж.Т. Тощенко. - М.: Российский гос. ун-т, 1997. – 214 с.
304. Тощенко Ж.Т. Социология труда: учебник для студентов вузов / Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 423 с.

305. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение / Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко. – М.: Academia, 1996. – 195 с.
306. 350 лет с Россией: историко-стат. сб. – Улан-Удэ, 2011. – 450 с.
307. Троицкий Е.С. Русская нация: социалистические преобразования и обновление: социально-философские очерки / Е.С. Троицкий. – М.: Советская Россия, 1989. – 272 с.
308. Труд в СССР. – М., 1988. – С. 122-123.
309. Тульчинский Л.И. Социально-экономический анализ материалов переписи населения Тувы 1959 года / Л.И. Тульчинский // 20 лет Советской Тувы. Ученые записки. Вып. XI. – Кызыл, 1964. – 250 с.
310. Удалова И.В. Изменение численности и состава интеллигенции народностей Севера / И.В. Удалова // Народы Сибири на современном этапе. – Новосибирск, 1989. – С. 100-104.
311. Уледов А.К. Духовная жизнь общества / А.К. Уледов. – М., 1980. – С. 386.
312. Федоровский Н. Российское общество в поисках самосознания / Н. Федоровский. – М., 1996. – № 2.
313. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции / Г.П. Федотов // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. – СПб., 1992.
314. Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты / С.А. Федюкин. – М., 1965.
315. Филиппов Ф.Р. От поколения к поколению: социальная подвижность / Ф.Р. Филиппов. – М.: Мысль, 1989. – 237 с.
316. Формирование пополнений советской интеллигенции / АН СССР, Институт социологических исследований. – М., 1985. – 167 с.
317. Франк С.Л. Этика нигилизма: к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции / С.Л. Франк. – М., 1990.
318. Халбаев М.Н. Индустриальное развитие национальных районов Сибири 1959-1970 гг. / М.Н. Халбаев. – Новосибирск, 1978.
319. Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России / К.Г. Холодковский // Полис. – 2009. – № 2. – С. 11.
320. Хоманс Дж. Статус конторских служащих / Дж. Хоманс // Социологические исследования. – 1993. – № 6. – С.130-135.
321. Хорин Н.С. Русский народ: историческая роль и современная трагедия / Н.С. Хорин // Современная Россия в зеркале философии и политологии. – М., 1998. – С. 3-11.
322. Хорос В.Г. Интеллигенты всех слоев / В.Г. Хорос // Литературная газета. – 1988, 23 ноября.
323. Хорос В.Г. Народническая идеология и марксизм / В.Г. Хорос. – М., 1972.
324. Хоскинг Д. История Советского Союза 1917-1991 гг. / Д. Хоскинг – М.: Вагриус, 1994. – 510 с.

325. Хохряков Г.Ф. Русские. Кто мы? / Г.Ф. Хохряков. – М., 1993. – 156 с.
326. Чангли И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования / И.И. Чангли. – М., 1973.
327. Чимитова И.З. Особенности межэтнической толерантности в условиях современного полиэтнического города (на примере г. Улан-Удэ): дис. … канд. социол. наук / И.З. Чимитова. – Улан-Удэ, 2010.
328. Чукреев Е.П. Устойчивое развитие и рынок труда: оптимизация взаимообусловленных процессов / Е.П. Чукреев, П.А. Чукреев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 173 с.
329. Чукреев П.А. Социальные технологии регулирования занятости молодежи / П.А. Чукреев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 319 с.
330. Шелохаев В.В. Либерализм и самосознание российской интеллигенции / В.В. Шелохаев / Обновление России: трудный поиск решений. – М., 1996. – Вып. 4. – С. 122-146.
331. Шемякина Н.В. Российские и американские студенты: социокультурные ценности / Н.В. Шемякина, И.И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – 222 с.
332. Шкаратан О.И. Социальная политика. Ориентир – новый средний класс / О.И. Шкаратан // Общественные науки и современность. 2006. – № 4. – С. 47.
333. Шкаратан О.И. Социальная структура: иллюзии и реальность / О.И. Шкаратан // Социальная перестройка. – М.: Наука, 1990. – С. 52-73.
334. Шкаратан О.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ / О.И. Шкаратан, В.И. Ильин. – М., 2006. – С. 97.
335. Шкаратан О.И. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. / О.И. Шкаратан, Г.А. Ястребов // Мир России. – 2007. Т. XVI, № 3. – С.3-49.
336. Шмидт С.О. К истории слова «интеллигенция» / С.О. Шмидт // Россия, Запад, Восток. – СПб., 1996. – С. 409-417.
337. Шубин А.В. Социальная структура СССР в канун перестройки / А.В. Шубин // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 131-146.
338. Шубкин В.Н. Социологические опыты (методологические вопросы социальных исследований) / В.Н. Шубкин. – М., 1970.
339. Шукшунов В.Е. Через развитие образования к новой России / В.Е. Шукшунов, В.Ф. Взятышев, Л.И. Романова. – М.: НИИВО, 1993. – 44 с.

340. Щедровицкий Г.П. Интеллигенция и народ / Г.П. Щедровицкий // Философские науки. – 1990. – № 7.
341. Щепаньский Ян Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский. – М.: Прогресс, 1969. – С.129.
342. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической / Р.Г. Эймонтова. – М., 1985. – С.240.
343. Элбакян Е.С. Интеллигенция и российская цивилизация / Е.С. Элбакян // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты – М., 1998. – С. 179-199.
344. Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. – Новосибирск, 2000.
345. Этносоциология: учеб. пособ. для вузов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 271 с.
346. Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: материалы всерос. теоретико-методол. конф. – М., 2000. – 160 с.
347. Цыбденова Б.Ж. Особенности языковой ситуации национального региона РФ: на примере Республики Бурятия: дис. … канд. социол. наук / Б.Ж. Цыбденова. – Улан-Удэ, 2003.
348. Ямщиков С.А. Бремя русских / С. Ямщиков. – М.: Алгоритм, 2008. – 368 с.
349. Яременко С.Н. Интеллигенция в поиске новой культурной парадигмы / С.Н. Ямщиков // Социально-философские проблемы современности. – Ростов на/Д, 1995. – С. 12-30.
350. Darendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. L., 1959.
351. Die intelligenz in sozialistischen Gesellschaft. – Berlin, 1980. – S. 33.
352. http://philosophy.wideworld.ru/dictionary/17/71.
353. Linton R. Study of Man, 1936.
354. Max Weber und die rationalisiering oles sozialen Handelus. -- Stuttgart, 1981.
355. Pipea Richard. The Russian Revolution/ Alfred A. Knopf, Pubfisher, N.Y., 1991 / пер. М.Д. Тимченко // США. Экономика, политика, идеология. 1993. – № 6.
356. Szepanski J. Die Intelligenz in der gegenwertigen Gtsellschaft. Frankfurt / M., 1996. – 236 s.
357. Szepanski J. Pracownicy umystour proletariat, iteligencia czy klasa sredma // Przeglad kulturalny. 1958. № 51-52.
358. Treiman D. J. Occupational Prestige in Comparative Perspective. N.Y.: Academic Press, 1977.
359. Weber M. Economy and Society. N.Y.: Bedminster Press, 1968.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АНКЕТА

Цель анкетного опроса: изучение положения, интересов, потребностей, социального самочувствия интеллигенции.

Просим Вас обвести кружками те пункты, которые выражают Ваше мнение. Если ни один из предложенных вариантов ответа Вас не устраивает, можете написать свой. Фамилию указывать не обязательно.

Благодарим Вас за участие в нашем исследовании!

1.Считаете ли Вы своим родным языком язык Вашей национальности?

001. да. 002. нет.

2. На каком языке Вы обычно говорите?

В семье: 003. бурятском, 004. русском, 005. другом;
На работе: 006. бурятском, 007. русском, 008. другом;
В общении с друзьями: 009. бурятском, 010. русском, 011. другом.

3. В какой степени Вы владеете бурятским языком?

012. владею в совершенстве;
013. хорошо понимаю, но не говорю;
014. с трудом понимаю;
015. практически не владею;
016. не владею.

4. В какую школу Вы послали бы своих детей? (возможен только один вариант ответа)

017. в русскоязычную школу с изучением бурятского языка;
018. в бурятскую школу с изучением русского языка;
019. в школу только с русским языком обучения;
020. в школу только с бурятским языком обучения;
021. в школу с изучением русского и английского языков;
022. в школу с изучением бурятского и английского языков;
023. в школу с изучением русского, бурятского и английского языков;
024. затрудняюсь ответить.

5. Придерживаетесь ли Вы национальных традиций своего народа?

025. придерживаюсь всех национальных традиций;
026. в основном придерживаюсь;
027. придерживаюсь изредка;
028. не придерживаюсь;
029. не вижу в этом необходимости.

6. Существует ли, на Ваш взгляд, проблема межнациональных отношений в Бурятии?

030. да, существует и стоит очень остро;
031. да, существует, но не относится к числу острых;
032. нет, не существует;
033. затрудняюсь ответить.

7. Приходилось ли Вам сталкиваться с недружественным отношением из-за национальной принадлежности к людям Вашей национальности?

034. да, приходилось;
035. нет, не приходилось;
036. лично мне не приходилось, но я об этом слышал(а) от других.

8. Если приходилось, то в каких ситуациях это происходило?

037. в детстве среди сверстников;
038. в школе со стороны учителей;
039. в вузе со стороны преподавателей;
040. в вузе со стороны студентов;
041. в госучреждениях, общественных организациях;
042. в общественных местах (транспорте, магазине, на рынке и т.д.);
043. в коллективе, где я работаю;
044. где еще, напишите _____

9. Ощущается ли сейчас в том городе, районе, где Вы живете, национальная напряженность?

045. определенно, да.
046. скорее, да;
047. скорее, нет;
048. определенно, нет;
049. затрудняюсь ответить.

10. Считаете ли Вы, что допустимо существование определенных квот по национальному признаку?
При приеме в вузы: 050. да, 051. нет, 052. не знаю;
При поступлении на работу: 053. да, 054. нет, 055. не знаю;
При выдвижении на руководящую работу: 056. да, 057. нет, 058. не знаю;
При выдвижении в Народный Хурал: 059. да, 060. нет, 061. не знаю.

11. Какой национальности, на ваш взгляд, должен быть Президент Бурятии?
062. бурят;
063. русский;
064. национальность не имеет значения, главное – деловые и нравственные качества.

12. Как бы Вы оценили вклад в развитие Бурятии?
а) бурятской интеллигенции:
065. очень высоко; 066. высоко;
067. средне; 068. низко;
069. очень низко; 070. затрудняюсь ответить.
б) русской интеллигенции:
071. очень высоко; 072. высоко;
073. средне; 074. низко;
075. очень низко; 076. затрудняюсь ответить.

13. Какие исторические события сыграли, на Ваш взгляд, решающую положительную роль в развитии Вашего народа? (можно отметить любое количество вариантов ответа)
077. вхождение Бурятии в состав России;
078. октябрьская революция 1917 г.;
079. образование Бурятской АССР в 1923 г.;
080. индустриализация республики;
081. коллективизация сельского хозяйства;
082. победа в Великой Отечественной войне;
083. распад СССР и образование Российского государства;
084. роспуск КПСС;
085. перестройка1985 г. под руководством М.С. Горбачева;
086. приход к власти демократов во главе с Б.Н. Ельциным;
087. принятие Декларации о государственном суверенитете Бурятии;
088. выборы Президента Бурятии;

089. избрание Президентом Бурятии Л.В. Потапова, его деятельность;
090. избрание Президентом Бурятии В.В. Наговицына, его деятельность;
091. приватизация государственной собственности;
092. ликвидация колхозного строя;
093. избрание Президентом России В.В. Путина, его деятельность;
094. избрание Президентом России Д.А. Медведева, его деятельность;
095. что еще, напишите _____

14. Какие исторические события сыграли, на Ваш взгляд, решающую отрицательную роль в развитии Вашего народа? (можно отметить любое количество вариантов ответа)
096. вхождение Бурятии в состав России;
097. октябрьская революция 1917 г.;
098. образование Бурятской АССР в 1923 г.;
099. индустриализация республики;
100. коллективизация сельского хозяйства;
101. победа в Великой Отечественной войне;
102. распад СССР и образование Российского государства;
103. роспуск КПСС;
104. перестройка1985 г. под руководством М.С. Горбачева;
105. приход к власти демократов во главе с Б.Н. Ельциным;
106. принятие Декларации о государственном суверенитете Бурятии;
107. выборы Президента Бурятии;
108. избрание Президентом Бурятии Л.В. Потапова, его деятельность;
109. избрание Президентом Бурятии В.В. Наговицына, его деятельность;
110. приватизация государственной собственности;
111. ликвидация колхозного строя;
112. избрание Президентом России В.В. Путина, его деятельность;
113. избрание Президентом России Д.А. Медведева, его деятельность;
114. что еще, напишите _____

15. Считаете ли Вы, что за годы советской власти Ваш народ добился прогресса в своем развитии?
115. да, достиг большого прогресса;
116. сделал значительный шаг в своем развитии;
117. достиг некоторых положительных результатов;
118. все осталось на прежнем уровне;
119. скорее больше потерял, чем достиг;
120. народ оказался в значительной мере отброшенным назад;
121. народ оказался отброшенным далеко назад.
16. Считаете ли Вы, что Ваш народ в настоящее время имеет больше возможностей для своего развития, чем в годы советской власти?
122. безусловно, больше;
123. наверное, больше;
124. какими были, такими и остались возможности;
125. наверное, меньше;
126. безусловно, меньше;
127. затрудняюсь ответить.
17. Когда Вам в большей мере удавалось реализовать свои профессиональные знания, творческие возможности? (отвечают те, кто работал в советское время)
128. в годы советской власти;
129. в настоящее время;
130. наверное, одинаково;
131. затрудняюсь ответить.
18. Не чувствуете ли вы себя ныне как специалист и профессионал в положении представителя «лишних людей»?
132. безусловно, чувствую;
133. иногда чувствую;
134. нет, не чувствую;
135. затрудняюсь ответить.
19. Удовлетворяет ли Вас выполняемая работа?
136. работой очень доволен (довольна);
137. вполне доволен (довольна);
138. скорее доволен (довольна), чем не доволен (довольна);
139. скорее недоволен (недовольна), чем доволен (довольна);
140. в общем недоволен (недовольна);
141. работа для меня безразлична;
142. затрудняюсь ответить.

20. Чем Вам нравится Ваша работа?

143. хорошим заработком;

144. возможностью проявить себя как организатор, руководитель;

145. своей полезностью, нужностью обществу;

146. возможностью творчества, поиска нестандартных решений;

147. тем, что на меня «не давят»;

148. тем, что она не трудная, привычная для меня;

149. тем, что рядом трудятся хорошие, интересные люди;

150. реальной возможностью продвижения по службе;

151. большим отпуском;

152. возможностью быть на виду, чувствовать, что ты чего-то достиг;

153. тем, что требует напряжения мысли, интеллектуальной нацеленности;

154. возможностью заниматься любимым делом.

21. Соответствует ли выполняемая Вами работа специальности, указанной в Вашем дипломе?

155. полностью соответствует;

156. частично соответствует;

157. не соответствует;

158. затрудняюсь ответить.

22. Для тех, у кого работа не соответствует полученной в вузе (техникуме) специальности. Что заставило Вас работать не по специальности?

159. неудовлетворенность зарплатой;

160. отсутствие работы по специальности;

161. возможность на новой работе получить квартиру;

162. семейные обстоятельства;

163. выдвижение на руководящую работу;

164. состояние здоровья;

165. приглашение на более престижную работу;

166. полученная в вузе специальность - не мое призвание;

167. другая причина (указать, какая) _____

23. Испытываете ли Вы материальные затруднения?

168. денег до зарплаты не хватает;

169. на повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения;

170. денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуюсь кредитом или беру в долг;

171. в настоящее время могу ни чем себе не отказывать.

24. Приходится ли Вам помимо основной работы трудиться на «стороне», по совместительству?

172. да; 173. нет.

25. Для тех, кто работает на «стороне». Не могли бы Вы назвать причину работы «на стороне»?

174. не хватает зарплаты на жизнь;

175. сама работа интересна;

176. много свободного времени;

177. надо помогать родным, близким;

178. необходимость позаботиться о своем «пенсионном» будущем;

179. хочу скопить средства на покупку дорогих вещей (квартиры, дачи, машины);

180. хочу заняться предпринимательской деятельностью, открыть свое дело;

181. что еще, напишите _____

26. Не тревожит ли Вас перспектива остаться без работы?

182. да, тревожит;

183. иногда тревожит;

184. нет, не тревожит;

185. затрудняюсь ответить.

27. Что Вам нравится в современном, постсоветском обществе?

186. свободно высказывать свои мысли;

187. отсутствие политического, идеологического диктата;

188. возможность быть хозяином своей судьбы;

189. свобода творчества;

190. возможность стать состоятельным, богатым;

191. возможность сделать политическую карьеру;

192. возможность бывать за границей;

193. что еще, напишите _____

28. Что больше всего тревожит в современном обществе?

194. неуважение к истории страны, народа;

195. коррупция государственных чиновников;

196. бедность и нищета;

197. рост преступности;

198. ослабление обороноспособности страны;
199. развал народного хозяйства страны;
200. потеря нравственных ориентиров в обществе;
201. угрозы утраты самобытности национальной культуры;
202. утрата статуса великой, могучей мировой державы;
203. перспектива стать сырьевым придатком ведущих держав мира;
204. стремление государства отнять у народа льготы;
205. что еще, напишите _____

29. Считаете ли Вы, что ответственность за положение в стране несет интеллигенция?

206. да, она несет главную ответственность;
207. она во многом повинна;
208. частично несет;
209. интеллигенция здесь ни при чем;
210. что еще, напишите _____

30. Что Вы думаете о современной интеллигенции?

211. современная интеллигенция – мозг нашего общества, нации;
212. она эталон нравственности, гуманности, гражданственности;
213. инициатор, главный двигатель демократических преобразований;
214. объединитель общества, борец за общественные интересы;
215. главный создатель и хранитель духовных ценностей;
216. сила, способная вывести общество из кризиса;
217. современная интеллигенция не способна к разумным, компетентным решениям и действиям;
218. позицию и деятельность интеллигенции нельзя назвать нравственными, морально оправданными;
219. интеллигенция вносит сумятицу, раздор, сеет вражду и недоверие в обществе;
220. интеллигенция завела общество в тупик;
221. интеллигенция занята борьбой за свои личные интересы, за удовлетворение своих притязаний, амбиций;
222. интеллигенция не способна вывести общество из кризиса;
223. интеллигенция разжигает национальные конфликты;
224. у нас нет такой интеллигенции, какой я себе ее представляю.

31. Считаете ли Вы себя интеллигентом?

225. да; 226. нет; 227. затрудняюсь ответить.

32. Что, на Ваш взгляд, является главным в деятельности интеллигенции?

228. труд на благо народного образования, умственного развития народа;

229. утверждение нравственности и морали в общественной жизни;

230. содействие укреплению региональной политики;

231. укрепление правопорядка и дисциплины в обществе;

232. обеспечение населения достоверной информацией;

233. борьба за реальную политическую власть;

234. борьба за социальную справедливость;

235. утверждение личной независимости;

236. забота о благополучии своего народа;

237. физическое выживание;

238. профессиональное самосовершенствование;

239. сохранение национальной культуры, традиций;

240. что еще, напишите _____

33. Как Вы оцениваете свое участие в политической жизни страны?

241. у меня нет возможности влиять на политические события;

242. политика меня не интересует;

243. я всегда принимаю участие в общественно-политической жизни;

244. я чувствую, что сейчас открылась возможность участия в политической жизни и начал(а) в ней участвовать;

245. в последнее время разочаровался в политике и перестал участвовать в политической жизни.

34. Какая из современных политических партий вызывает у Вас больше доверия, симпатии?

246. СПС; 247. Справедливая Россия; 248. КПРФ;

249. Единая Россия; 250. ЛДПР; 251. Яблоко; 252. никакая.

35. Повышали ли Вы свою квалификацию в течение последних 5 лет?

253. проходил(а) учебу в институте, на факультете повышения квалификации;

254. на курсах повышения квалификации;

255. был(а) на стажировке;

256. выезжал(а) на учебу за границу;
257. не приходилось повышать квалификацию.

36. Достаточно ли Вам знаний для выполнения вашей работы, должностных обязанностей?

258. да, достаточно;
259. нет, не достаточно;
260. не всегда.

37. Есть ли у Вас потребность в повышении квалификации?

261. да, есть;
262. нет.

38. Для ответивших положительно на вопрос № 37. Какие знания Вам необходимы?

263. для работы на персональном компьютере;
264. в области экономики, маркетинга;
265. по работе с людьми, руководству коллективом;
266. по моей специальности;
267. другое, напишите _____

39. Как Вы предпочитаете проводить свободное время?

268. в кругу семьи;
269. в кругу друзей;
270. ходить на охоту, рыбалку;
271. ходить за грибами, ягодами;
272. выезжать на природу на отдых;
273. заниматься художественной самодеятельностью;
274. заниматься спортом;
275. читать художественную литературу;
276. смотреть телевизор;
277. работать на компьютере;
278. посещать театр, выставки;
279. на даче;
280. другое, напишите _____

40. Удается ли Вам читать художественную литературу?

281. читаю регулярно;
282. не регулярно, но читаю;
283. не удается читать.

41. Какую литературу Вы предпочитаете читать?

284. русскую классику;
285. советскую литературу;
286. бурятскую литературу;

287. зарубежную литературу;
288. современную литературу.

42. Какие литературные жанры Вас больше интересуют?

289. публицистика;
290. приключенческая;
291. художественная;
292. фантастика;
293. поэзия;
294. о природе;
295. детективы;
296. классика;
297. историческая;
298. читаю все подряд;
299. другое;
300. не приходится читать.

43. Удается ли Вам посещать театры?

301. посещаю регулярно;
302. не регулярно, но часто;
303. посещаю изредка;
304. не приходится бывать в театрах.

44. Сколько времени в среднем Вы уделяете просмотру телепередач?

305. около получаса;
306. от получаса до 1 часа;
307. от 1 часа до 1,5 часа;
308. от 1,5 до 2 часов;
309. от 2 до 2,5 часов;
310. от 2,5 до 3 часов;
311. более 3 часов.

45. Какие телевизионные программы Вы предпочитаете смотреть?

312. зарубежные художественные фильмы;
313. музыкально-развлекательные программы;
314. отечественные художественные фильмы;
315. американские молодежные сериалы;
316. латино-американские сериалы;
317. информационные программы;
318. спортивные программы;
319. программы о путешествиях;
320. игровые программы;
321. мультфильмы;
322. аналитические программы;
323. эротические программы;
324. исторические программы;
325. научно-популярные программы;

326. программы о культуре и искусстве;
327. реалити-шоу.

46. Какие современные проблемы Вас более всего интересуют в телевизионных передачах?

328. экономика;
329. политика;
330. безопасность личности;
331. карьера и бизнес;
332. образование;
333. спорт;
334. отдых;
335. музыка;
336. мода;
337. юмор;
338. любовь;
339. секс;
340. театр;
341. проблемы трудоустройства;
342. как заработать на жизнь;
343. социальные проблемы;
344. история.

47. Пользуетесь ли Вы персональным компьютером?

345. пользуюсь регулярно;
346. не регулярно, но часто;
347. пользуюсь изредка;
348. не пользуюсь.

48. Сколько времени ежедневно Вы уделяете «общению» с персональным компьютером?

349. около получаса;
350. от получаса до 1 часа;
351. от 1 часа до 1,5 часа;
352. от 1,5 до 2 часов;
353. от 2 до 2,5 часов;
354. от 2,5 до 3 часов;
355. более 3 часов.

49. Что составляет для Вас смысл жизни?

356. создание и сохранение хорошей семьи;
357. творчество, создание нового;
358. бескорыстное служение людям;
359. любить и быть любимым (любимой);
360. устроенный быт, комфорт;
361. финансовая независимость;
362. получение от жизни как можно больше удовольствий;
363. служение идеалам добра, борьба за справедливость;
364. добросовестное выполнение своих профессиональных обязанностей;

365. власть, сила;
366. религия;
367. другое, напишите _____

50. С чем из нижеперечисленного совпадают Ваши представления о благополучной, счастливой жизни?

368. получение образования, знаний вообще;
369. хорошее здоровье;
370. крепкая, дружная семья;
371. интересная работа;
372. материальное благополучие;
373. уважение людей;
374. нахождение смысла жизни;
375. надежные друзья;
376. религиозная вера;
377. процветание России;
378. романтические, любовные приключения;
379. затрудняюсь ответить.

51. Что является регулитором Вашего поведения в повседневной жизни?

380. привычка;
381. совесть;
382. разум;
383. закон;
384. традиция;
385. расчет;
386. советы авторитетов;
387. страх наказания;
388. притворство, желание казаться лучше;
389. другое.

52. Как Вы относитесь к религии?

390. считаю себя глубоко верующим человеком;
391. отношу себя к верующим;
392. не могу назвать себя верующим, но хочу приобщиться к вере;
393. не могу дать определенный ответ, так как вопрос о вере для меня не решен;
394. считаю себя неверующим человеком;
395. считаю себя атеистом, убежденным противником религиозной веры.

Сообщите, пожалуйста, некоторые сведения о себе

53. Пол.
396. муж.
397. жен.

54. Возраст.
398. до 25 лет;
399. от 25 до 30 лет;
400. от 31 до 40 лет;
401. от 41 до 50 лет;
402. от 51 до 60 лет;
403. выше 60 лет.

55. Национальность.
404. бурят (бурятка);
405. русский(ая);
406. другая.

56. Ваше социальное происхождение.
407. из интеллигенции;
408. из служащих;
409. из рабочих;
410. из крестьян;
411. из военнослужащих.

57. Наличие высшего или среднего образования у Ваших родителей.
412. нет ни у кого из них;
413. у одного из родителей;
414. у обоих.

58. Ваше образование.
415. среднее специальное;
416. незаконченное высшее;
417. высшее.

59. Ученая степень.
418. не имею;

419. кандидат наук;
420. доктор наук.

60. Семейное положение.
421. женат (замужем);
422. холост (не замужем);
423. разведен(а);
424. вдовец (вдова).

61. Место рождения.
425. город;
426. село;
426. поселок городского типа.

62. Место жительства.
427. г. Улан-Удэ;
428. другой город;
429. поселок городского типа;
430. село.

63. Род Ваших занятий.
431. ИТР;
432. специалист сельского хозяйства;
433. медработник;
434. научный работник;
435. преподаватель вуза;
436. работник народного образования
437. культпросветработник;
438. работник литературы и искусства;
439. руководитель, работник административно-управленческого и юридического аппарата;
440. работник планирования и финансирования;
441. работник торговли, общественного питания, заготовок, сбыта;
442. представитель духовенства.

64. Ваша профессия (только для работников литературы и искусства)
443. писатель;

444. журналист;
445. редактор;
446. артист;
447. художник;
448. архитектор;
449. композитор, музыкант;
450. другое, напишите _____

СПАСИБО!

Научное издание

Марина Ивановна Добрынина

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РЕСПУБЛИКАХ СИБИРИ: СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС

В авторской редакции

Компьютерная верстка
Т.А. Олоевой

Свидетельство РПУ-У № 1020300970106 от 08.10.02

Подписано в печать 28.12.11. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ. 18,84. Уч.- изд. л. 15, 67. Тираж 500 экз. Заказ 1391.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
riobsu@gmail.com

170 =

Добрынина Марина Ивановна

Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета. Читает курсы лекций по дисциплинам: «Социология», «Политология», «Политический менеджмент».

Автор и соавтор 70 научных работ по проблемам социальной философии, социологии, политологии, учебных пособий. Среди них: «Русская интеллигенция в Бурятии» (2004), «Политическая система общества» (2002), «История политической мысли» (2010), «Политология» (2011).

ISBN 978-5-9793-0428-1